

ЛАМБЕРТ ХЕРСФЕЛЬДСКИЙ • АННАЛЫ

ЛАМБЕРТ
ХЕРСФЕЛЬДСКИЙ

АННАЛЫ

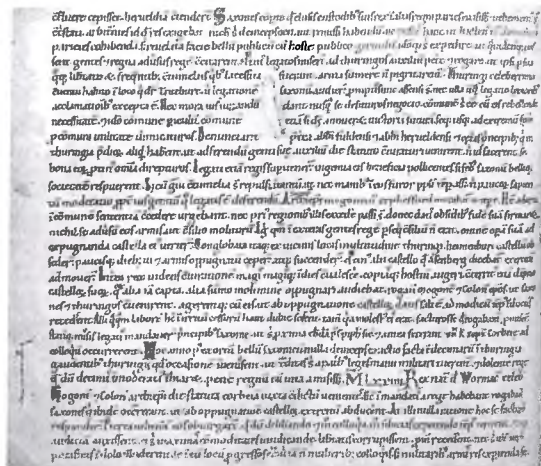

MEDIAEVALIA

LAMPERTI HERSFELDENSIS

ANNALES

Серия «MEDIEVALIA:
средневековые литературные памятники и источники»
основана в 2005 г.

ЛАМБЕРТ ХЕРСФЕЛЬДСКИЙ

АННАЛЫ

Издание подготовил
И. В. ДЯКОНОВ

Москва
«РУССКАЯ ПАНОРАМА»
2013

ИЗДАНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ И
МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ
«КУЛЬТУРА РОССИИ»

Перевод с латинского
И. В. Дьяконова

Источник: Lamperti monachi Hersfeldensis. Annales // Ausgewählte Quellen
zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. XIII. – Berlin, 1957

Ламберт Херсфельдский.

Л21 АННАЛЫ / Перевод с лат. и комм. И. В. Дьяконова. – М.: «СПСЛ»–
«Русская панорама», 2013. – 240 с., ил. – (MEDLEVALIA: средневековые
литературные памятники и источники).

ISBN 978-5-93165-301-3

Публикуемая хроника – главный труд Ламберта, монаха из бенедиктинского аббатства Херсфельд, в котором он изложил историю от Сотворения Мира до 1039 г., в виде сухих выдержек из прежних летописей; а начиная с этого года излагается с возрастающими подробностями современная автору история, особенно история Германии до 1077 г. По чистоте языка и мастерству изложения Ламберт принадлежит к лучшим писателям средних веков. В хронике Ламберта имеется ряд интересных сведений о Киевской Руси: сохранено ценное свидетельство более ранних анналов о посольстве княгини Ольги к Оттону I, есть уникальные данные о внешнеполитической стороне борьбы Изяслава и Святослава Ярославичей и о поездке первого в Германию.

Это первый полный перевод хроники на русский язык. Для широкого круга любителей истории.

ББК 63.3(4Герм)4; 84(4Герм)4

На фронтисписе: фрагмент манускрипта (публ.
по: MGH. SS. – Hannover, 1843. P. 491. Taf.)

ISBN 978-5-93165-301-3

© И. В. Дьяконов, перевод с латинского,
комментарии, указатели, 2005–2013
© Оформление. «СПСЛ», 2013
© НП ИД «Русская панорама», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
АННАЛЫ	15
ПРИЛОЖЕНИЯ	193
Комментарии и примечания	194
Короли Восточно-Франкского королевства (Германии)	214
Короли Германии и императоры Священной Римской империи (<i>табл.</i>) ..	216
Священная Римская империя около 1000 г. (<i>карта</i>)	218
Указатель имен	219
Указатель географических названий	232

Введение

1. Жизнь и творчество Ламберта Херсфельдского

Как и о многих других средневековых историках, о личности Ламберта Херсфельдского нам известно немного. Вплоть до этого года не было точно определено, носил ли он вообще имя Ламберт, и было совершенно неясно, что с ним стало после написания анналов. Год его рождения неизвестен – судя по всему, он родился в 20-е гг. XI в. – и нет также сведений и о его родине. Он происходил из обеспеченной семьи и получил духовное воспитание, предположительно в Бамберге, у будущего архиепископа Кельнского Анно. Так, он выражает великое почтение как к Анно, так и к епископу Гунтеру Бамбергскому, и вообще проявляет большой интерес ко всему, что имеет отношение к Бамбергу. Из анналов мы знаем также, что 15 марта 1058 г. он стал монахом в Херсфельде; как сказал он сам о себе: «Я, Ламберт, ревнуя к известному на весь мир и угодному Богу образу жизни аббата Мегинхера, отринул заботы об имуществе, чтобы не быть отягощенным на пути Божьем, и принял 15 марта из святейших его рук святое одеяние, – увы! – совершенно недостойный такого снаряжения». Далее он сообщает, что 15 сентября этого же года он был посвящен в Ашаффенбурге в священный сан архиепископом Лиутпольдом Майнцским и сразу после этого отправился в паломничество в Иерусалим. О самом паломничестве мы знаем только то, что Рождество Господне он праздновал на границе Венгрии и Болгарии и 17 сентября 1059 г. вернулся в Херсфельд. Далее Ламберт сообщает о себе, что в 1071 г. он по указанию аббата Рутхарда, преемника Мегинхера, четырнадцать недель провел в монастырях Заальфельде и Зигбурге, чтобы ознакомиться с новым монашеским уставом, который Анно, архиепископ Кельнский, ввел в своих монастырях с помощью итальянских монахов.

О его жизни и его деятельности в Херсфельде мы ничего не знаем, кроме того, что он рассорился с местной братией наверное из-за его политической позиции, ибо Херсфельд полностью стоял на стороне короля. Мы знаем только его

сочинения, которые доходят до 1077 г., то есть до избрания в Форххайме Рудольфа фон Рейнфельдена. Однако, где он выполнил свой труд и что с ним стало впоследствии, до сих пор неизвестно. Хольдер-Эггер считал еще, что Ламберт составил свои анналы в Херсфельде, и его в этом поддерживал Хольцман, в то время как Халлер полагал, что он самое большее их там начал, но «можно считать более чем вероятным то, что он добровольно или вынужденно покинул Херсфельд самое позднее в 1077 г.». Ныне Штенгель смог установить, во-первых, что Ламберт действительно носил это имя и, во-вторых, что с ним стало в дальнейшем, а именно: он стал аббатом монастыря Хасунген возле Касселя. В 1074 г. архиепископ Зигфрид Майнцский основал там приорство, в котором он поначалу поселил каноников. Но в 1081 г. он преобразовал его в монастырь по строному уставу реформированного монашества. Это преобразование произошло *под руководством аббата Ламберта*. Ламберт, однако, не долго стоял во главе этого монастыря и в 1085 г., когда хиршауские монахи были изгнаны из Хасунгена, он, судя по всему, был уже мертв.

Часто указывают, что Ламберт был в первую очередь монахом, а именно херсфельдским монахом. Как таковой он придерживался бенедиктинского устава. Во время своего пребывания в Заальфельде и Зигбурге он познакомился с монахами нового устава, которые из-за их аскетической жизни были признаны им «не людьми, но ангелами, не плотью, но чистым духом». В это время он еще не был сторонником реформированного монашества Ключи и Хиршау. «Я заметил, — пишет он, — что наши обычаи гораздо лучше, чем их, согласуются с уставом святого Бенедикта». Что повлияло на изменение его образа мыслей, мы не знаем. Архиепископ Майнцский, на которого он так часто нападает, начиная с 1076 г. и, особенно, со времени Трибургского рейхстага, перешел на сторону врагов короля. К нему, покровителю монастырской реформы, который и сам хотел вступить в Ключинский монастырь, и бежал Ламберт. Из конъюнктурных ли соображений или в результате искреннего изменения образа мыслей он защищает теперь учение Ключи и Хиршау, мы не можем однозначно решить. Несомненно, однако, что он уже раньше неоднократно выступал за чистоту монашества и резко осуждал все злоупотребления, и прежде всего симонию и браки священников.

Монастырь Херсфельд, расположенный в Гессене, на р. Фульде, был одним из старейших монастырей правобережья Рейна; его основал в VIII в. Лулл, архиепископ Майнцский. Монастырь был наделен множеством поместий, особенно в Тюрингии, и во времена Ламберта превосходил свою старую соперницу — Фульду. Этим расцветом он был обязан прежде всего аббату Мегинхеру (1035–1059 гг.), которого Ламберт часто хвалил. Здесь была замечательная библиотека, а местная школа снискала себе великую славу. Возможно, что сам Ламберт возглавлял ее некоторое время; во всяком случае, в Херсфельде он нашел возможность предаваться своим писательским наклонностям. Жизнеописание святого Лулла было его первым сочинением. Он написал его ок. 1070 г. во славу этого

основателя Херсфельда. Его второе сочинение, стихотворение в форме гекзаметра, ныне утрачено. Оно было написано около 1073 г. и содержало, в частности, самую свежую историю Херсфельдского монастыря, а среди прочего, наверно, также описание тюрингенского спора за десятину. Как пишет он сам, монастырская братия резко упрекала его из-за этого сочинения, наверно, ввиду его неверного изложения событий. История Херсфельдского монастыря, его третья работа, сохранилась только частично. Более ранние времена в ней Ламберт описывает лишь поверхностно и не использует имеющиеся грамоты. Свое собственное время, а именно, до 1076 г., он излагает более подробно. В этом сочинении мы обнаруживаем уже его явно враждебную королю позицию. Он, правда, посвящает его аббату Гартвигу, верному стороннику короля, называет саксонское восстание 1073 г. «заговором, который враждебен государству и церковному миру», и предостерегает от того, чтобы присоединиться к нему, но, с другой стороны, он упрекает короля в том, что тот якобы виновен в мнимом упадке монастыря: «Больше всего, однако, мы терпим насилие от тех, которые должны быть защитниками нашей церкви...».

Его четвертым и последним сочинением являются анналы, «которые заложили основу его славы и сохраняют ее, несмотря на все возникающие сомнения». Они, как уже сказано, были составлены после 1077 г., так как оканчиваются приготовлениями к избранию Рудольфа фон Рейнфельдена в антикороли. – Начало своего сочинения он взял из старых Херсфельдских анналов, которые начинаются от Сотворения Мира и опираются: в первой части – на Исидора и Беду, с 708 г. – на Фульденские анналы, а затем – на собственные сообщения. С 1040 г. Ламберт становится всё более подробным, чтобы с 1073 г. перейти к полному и всеохватывающему способу изложения. События в Саксонии и Тюрингии при этом стоят на первом плане, тогда как его сведения о событиях в Италии и Лотарингии сплошь и рядом полны ошибок.

Уже гуманисты с похвалой отзывались о писательском таланте Ламберта, и за ними в этом плане примерно так же следует все историки. По знаниям и стилистическим особенностям он стоит среди средневековых историков на первом месте. Хольдер-Эггер, проведя кропотливую работу, указал, каких авторов знал и использовал Ламберт. Это, прежде всего, Вульгата, Север и Иероним, наряду с ними – Гораций, Теренций, Овидий и пр., и, кроме того, Иордан, Эйнхард и Регино Прюмский. Но, если он опирался на кого-то из них, то почти никогда не цитировал дословно. Рифмованная проза и игра слов, которые были очень распространены в его время и уродовали язык, у Ламберта полностью отсутствуют. Наряду с блестящим стилем ему присуща также увлекательная манера изложения, которая производит сильное впечатление на читателя; и к тому же спокойный тон и кажущаяся объективность сведений.

С тех пор, как он вновь был найден, и до XIX в. Ламберт служил основой историографии и считался лучшим источником по времени Генриха IV. Позже,

правда, были сделаны некоторые оговорки, но обстоятельный пересмотр надежности его сведений был осуществлен Ранке в академическом докладе только в 1854 г. На основании ряда отдельных исследований он установил полную ненадежность сведений Ламберта и его явно предвзятое отношение к Генриху IV. «Я не думаю, – писал Ранке, – что кто-то может читать эту книгу, не чувствуя его партийной позиции; при всем восхищении писательским талантом Ламберта я всё же никогда не выпускал ее из рук без чувства подавленности».

За немногими исключениями (в том числе со стороны Гизебрехта) эта критика была всеми признана. Впоследствии в многочисленных сочинениях Ламберта критикуют даже более сурово, чем его критиковал Ранке. Так, очень резкие упреки выдвинул Хольдер-Эггер, но и Мейер фон Кнонау указал в своих дневниках на многочисленные неправильности. Они в особенности заметны там, где Ламберт изображает беседы или переговоры. Свое незнание подробностей при этом он обычно скрывает утверждениями, комбинациями и пустой болтовней, как, например, сообщая о событиях в Трибуре и Каноссе. Можно также сказать, что он действительно был далек от светских дел и вопросов политики и что мы не найдем у него никаких данных по государственным вопросам. О чем, собственно, шла речь во время тюрингского спора о десятине, каковы были причины саксонского восстания, почему поднялись горожане Вормса и Кёльна и т. д. – этого Ламберт не может нам сообщить. – В тексте отмечены сообщения, которые не соответствуют истине; поэтому нам не нужно здесь указывать детали. Следует привести лишь один пример, чтобы показать личную ненависть Ламберта к Генриху IV (причины которой нам не известны) и его предрасположение к противникам короля. Так, в то время как он в черных красках описывает предпринятую королем попытку развода, он ни единым словом не упоминает о том, что в этом же году Рудольф фон Рейнфельден прогнал свою супругу и хотел с ней развестись, так что Генрих, вероятно, пришел к своему решению именно благодаря этому примеру.

Одновременно критиками был поднят вопрос, сознательно ли Ламберт лгал (так, Хольдер-Эггер говорил: «У него не было совести историка, и он понятия не имел о том, что такое верность исторической истине»), или неверные сообщения объясняются монастырскими сплетнями, лживыми слухами и его страстью к сочинительству. Упреки Хольдер-Эггера основываются в том числе на исследовании жизнеописания Лулла. Поскольку Ламберт называет здесь свои источники, был возможен детальный контроль, и он оказался уничтожающим. Конечно, в агиографической литературе с давних пор не слишком придерживались истины, и этот вид источников следует оценивать по иным критериям, нежели другие. Но манера и способ, с какими Ламберт обходится со своими оригиналами, как он переделывает, добавляет, пропускает те или иные данные или переносит на Лулла сведения о других святых, позволяет сделать выводы и о прочих его трудах, в чем мы должны признать правоту Хольдер-Эггера. С другой стороны, следует от-

вергнуть его мнение, будто Ламберт написал анналы для того, чтобы повлиять на херсфельдских монахов и привлечь их к своей враждебной королю точке зрения. Другое утверждение Хольдер-Эггера, будто Ламберт «при описании фигуры короля Генриха наносил всё более и более черные краски», хотя и под покровом кажущейся объективности, также нельзя признать правильным. Это показал уже Мейер фон Кнонау, который прежде всего обратил внимание на монашескую точку зрения и духовный круг, а также на его страсть рассказывать – причем блестяще рассказывать – приукрашивать небольшие истории и передавать слухи, а также на влияние классических образцов. Еще также некоторые упреки в отношении Ламберта были выдвинуты напрасно. Возможно, некоторые из слишком резких оценок по поводу него были вызваны возмущением от того, что ему так долго удавалось вводить в заблуждение читателей. Ведь то, что в других источниках, как например в жизнеописании Генриха IV или в «Саксонской войне» Бруно, не всегда точно придерживались истине, было давно известно; эти сочинения открыто афишировали позицию своей партии. Вопрос о том, в какой мере средневековые авторы, несмотря на все заверения, действительно хотели рассказывать правду, был заново поднят М.Линтцелем. – Однако мы также не хотим его оправдывать, но желаем указать на то, что он во многих местах сознательно лгал. Таким образом, справедлив приговор Хампе: «Все-таки остается необычайно малая мера в ощущении исторической правды и моральной достоверности, так что богатство материала и искусство изображения позволяет использовать этот блестящий труд в качестве источника только с большой долей осторожности».

В период до их обнаружения гуманистами Анналы Ламберта мало использовались. «Весьма подробное, красноречивое и выразительное историческое сочинение о Генрихе IV оставалось совершенно неизвестным». В качестве причины этого Халлер указывает на то, что Анналы появились в неблагоприятный период времени. Они были созданы между 1077 и 1080 гг., то есть между избранием и смертью Рудольфа фон Рейнфельдена. После 1080 г., однако, дело оставших было на долгое время проиграно и тем самым пропал также интерес к сочинению Ламберта. К тому же Анналы не представляют собой сочинение собственно григорианской партии. В борьбе между обеими властями церковные круги прибегали к другим сочинениям, а не к этому спокойному и кажущемуся беспристрастным и непредвзятым изложению; само собой разумеется, что сторонники короля также не способствовали его распространению.

Первое издание было выполнено в 1525 г. в Тюбингене Каспаром Куррером в типографии Морхардта, а через восемь лет появилось второе улучшенное издание Людвига Шрадина, тогдашнего университетского нотариуса. Инициатором первого издания был не кто иной, как Филипп Меланхтон, передавший из Юртемберга Курреру это поручение в своем письме от 30 мая 1525 г. Он, вероятно, познакомился с сочинением Ламберта у августинцев в Тюбингене во время своего пребывания там для обучения в 1513–1518 гг.

2. Главные рукописи и их происхождение

Уже говорилось о том, что *Анналы Ламберта* в средние века не слишком привлекали к себе внимание. В Верхней Германии и Лотарингии они вообще не были известны; ими не пользовались ни Фрутольф-Эккехард, ни Отто Фрайзингенский и Герман Альтайхский.

Сохранилось всего три средневековых копии: два извлечения и один фрагмент. *Готский текст* содержит некоторые места этих *Анналов*, включенные в рукопись «Всемирной хроники» Эккехарда из Ауры. Он охватывает выписки за 705–1056 гг. *Отрывки из Поммерсфельдена* гораздо более подробны и охватывают 1039–1075 гг. Оба извлечения возникли в начале или середине XII в. и выписаны, наверное, из эрфуртского кодекса. *Вормский фрагмент*, который содержит часть 1076 г., возник ок. 1120–1130 гг. Он, однако, происходит от одного из кодексов, производных от оригинала.

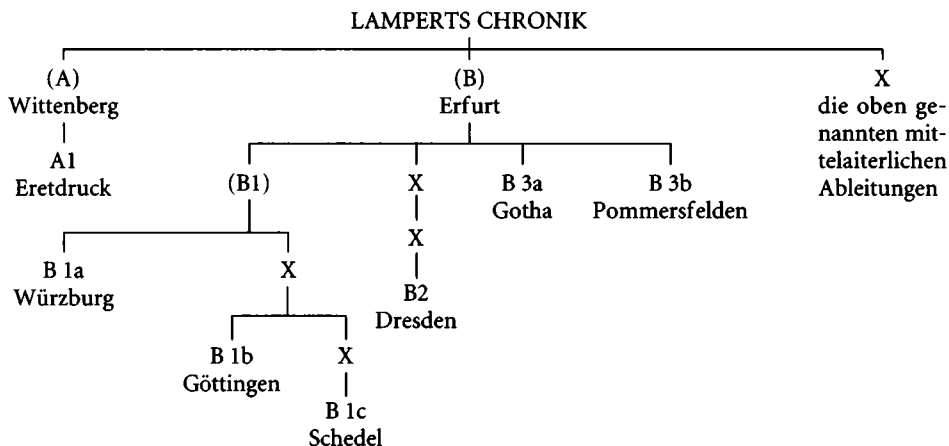
Анналы были однозначно использованы авторами «Книги о необходимости сохранения единства церкви» и «Жития Анно» (оба – источники первой половины XII в.); затем тремя эрфуртскими источниками: «Древними анналами» и «Дополнением Эккехарда» (оба – источники XII в.) и «Малой хроникой» (XIII в.). Точно также Ламберт был использован «Гозекской хроникой», Ниенбургскими и Падерборнскими анналами и, наверно, через вторые руки *Анналистом Саксоном* (все – XII в.) и Лоршскими анналами; в XIV в. – вестфальским доминиканцем Генрихом фон Херфордом.

Эрфуртская рукопись вновь была обнаружена либо Гартманом Шеделем, ученым врачом и собирателем, либо Вигандом Герштенбергом из Франкенберга. Хотя Герштенберг написал свою местную гессенскую хронику, в которой он опирался на Ламберта, только в 1493 г., он всё же мог ознакомиться с *Анналами* уже в 1473–1476 гг., когда находился для обучения в Эрфурте. С другой стороны, первые отрывки Шеделя восходят к 1484–1487 гг., а детальная копия были изготовлена в 1507 г. До этого времени эрфуртская рукопись, по-видимому, находилась в монастыре святого Петра. От Шеделя мы знаем также, как она выглядела. Так, он сообщает, что выписал свой отрывок «из хронике Горы святого Петра в Эрфурте в твердом старинном переплете», а именно, кодекс был написан «старинным почерком». В это самое время *Анналы* были использованы и другими историками, – возможно, именно Шедель обратил на эти *Анналы* их внимание, – как то Николаем фон Зигеном в его «Церковной хронике» (ок. 1490 г.), Иоанном Тритемием в его «Хиршауской хронике» (заверш. в 1504 г.), Вергенхансом-Науklerом в его оканчивающейся 1504 г. хронике и другими.

Кроме того, существует еще три копии, а именно: *вюрцбургская*, *геттингенская* и *дрезденская*. Все три были написаны в последние годы XV в. или в начале XVI в., как то можно понять из самого текста. Предположительно эти копии также были созданы по инициативе или по указанию Гартмана Шеделя.

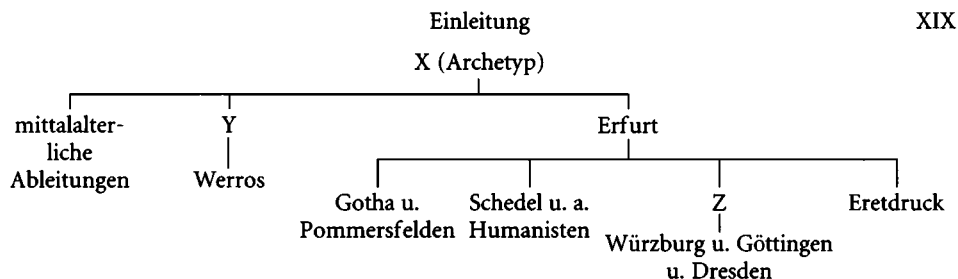
Ради лучшего взаимопонимания мы исходим из родословного древа, которое набросал Хольдер-Эггер, уже хотя бы потому, что в литературе часто используют именно его условные знаки. Согласно Хольдер-Эггеру, было два кодекса, оба происходящие от исходного текста. Это: *кодекс А*, на основании которого было осуществлено первое издание, – местом его возникновения Хольдер-Эггер считал Виттенберг; Меланхтон нашел его там и через Куррера отправил в Тюбинген; и *кодекс В*, эрфуртская рукопись. На основании кодекса В были изготовлены копии вюрцбургская, геттингенская, шедельская и дрезденская, но в разных вариантах; он полагал, что сможет доказать это на основании различий в тексте.

Критика Халлера направлена прежде всего против различия в копиях, производных от *кодекса В*. Он считал расхождения в текстах незначительными, вычеркивал неизвестное промежуточное звено и полагал, что все эти копии – шедельская, вюрцбургская, геттингенская, дрезденская, а также готская и поммерсфельденская (вормский фрагмент был тогда еще неизвестен) – происходят непосредственно от *В*. Что касается *кодекса А*, то он полагал, что он происходит не из Виттенберга, а прямо из Тюбингена.

Штенгель привел против тезисов Халлера весомые возражения. Важнейшим из утверждений было то, что утерянная эрфуртская рукопись – идентична точно так же не дошедшей до нас тюбингенской рукописи, так что вместо *кодексов А и В* Хольдер-Эггера существовала только одна рукопись, и, вероятно, «через посредничество историка гуманиста Тритемия она попала в Хиршау, а оттуда – в Тюбинген». Кроме того, Штенгель возражает против того, что вюрцбургская, геттингенская и дрезденская рукописи происходят непосредственно от эрфуртской, признавая тем самым существование *промежуточного звена Z*.

Итак, от *оригинала X* происходят средневековые копии, затем – *рукопись Y*, на основании которой возник вормский фрагмент, и, в-третьих, *эрфуртская рукопись*. – Эрфуртскую рукопись использовали авторы готской и поммерсфельденской копий и Генрих фон Херфорд, а впоследствии – гуманисты и Куррер для первого издания. Вюрцбургская, геттингенская и дрезденская копии восходят к утерянному кодексу Z, который, в свою очередь, основывается на эрфуртском манускрипте.

Халлер и Штенгель по праву возражают против мнения Хольдер-Эггера, который признавал дальнейшее распространение рукописей Ламберта. Именно этим, наряду с уже указанными внутренними причинами, объясняется, почему *Анналы Ламберта* в средние века были так мало известны.

3. Важнейшая литература о Ламберте Херсфельдском

Более детальные библиографические данные можно найти в первом и втором из указанных источников; поэтому мы в известной мере ограничились указанием лишь самой основной литературы.

Gebhardt, Bruno. Handbuch der Deutschen Geschichte, 8. Aufl., hrg. H. Grundmann, 1. Bd. – Stuttgart, 1954 – darin K. Jordan über das Zeitalter des Investiturstreites.

Wattenbach, Wilhelm. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter / hrg. R. Holtzmann, Bd. 1, Heft 3, Berlin 1940.

Lamperti monachi Hersfeldensis opera / hrg. Oswald Holder-Egger // MG. SS. in us. schol., 1894.

Die Briefe Heinrichs IV / hrg. Carl Erdmann // MG. Deutsches Mittelalter, Leipzig, 1937.

Das Register Gregors VII. / hrg. Erich Caspar // MG., Epp. sel., 2 Teile. – Berlin, 1920–1923.

Gregorii VII // epistolae collectae in Bibliotheca Rerum Germanicarum / hrg. Philipp Jaffe, 2. Bd. – Berlin, 1865.

Urkundenbuch der Reichsabtei Hersfeld, hrg. Hans Weirich, 1. Bd. – Marburg, 1936.

- Die Jahrbücher des Lambert von Hersfeld, übers. v. L. F. Hesse, 2. Aufl., hrg. Wilhelm Wattenbach. – Leipzig, 1893 (Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit Bd. 43).
- Erdmann, Carl.* Studien zur Briefliteratur Deutschlands im 11. Jahrhundert. – Leipzig, 1938.
- Gensicke, Hellmuth.* Das Wormser Fragment der Annalen Lamperts von Hersfeld, Akad. d. Wissensch. u. d. Literatur in Mainz, Jahrbuch, 1952.
- Haller, Johannes.* Canossa, Neue Jahrbücher f. d. klass. Altertum, 9. Jahrg. – Leipzig, 1906.
- Haller, Johannes.* Die Überlieferung der Annalen Lamperts von Hersfeld, Wirtschaft und Kultur, Festschrift für Alfons Dopsch, Baden b. – Wien und Leipzig, 1938.
- Hampe, Karl.* Deutsche Kaisergeschichte in der Zeit der Salier und Staufer, bearb. von F. Baethgen, 10. Aufl., Heidelberg, 1949.
- Höß, Irmgard.* Die deutschen Stämme in der Zeit des Investiturstreites. – Göttingen, 1951.
- Holder-Egger, Oswald.* Studien zu Lambert von Hersfeld, Neues Archiv d. Ges. f. ältere deutsche Geschichtskunde 19, 1894.
- Meyer von Knonau, Gerold.* Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Heinrich IV und Heinrich V. – Leipzig, 1890 ff. – Vgl. besonders Bd. 2, S. 785 ff. sowie die Exkurse 1 und 3–7.
- Ranke, Leopold von.* Zur Kritik frankisch-deutscher Reichsannalisten, Sämtl. Werke Bd. 51 und 52. – Leipzig, 1888.
- Stengel, Edmund E.* Besprechung von Hallers Aufsatz in der Festschrift Dopsch (s. o.), Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters 3, 1939.
- ders.:* Lampert von Hersfeld der erste Abt von Hasungen. Aus Verfassungs- und Landesgeschichte, Festschrift für Theodor Mayer, 2. Bd. – Lindau, 1955.
- Studi Gregoriani* / hrg. G.B.Borino, 4 Bde. – Rom, 1947–1952.

* * *

Данный перевод «Хроники» Ламберта на русский язык является первым ее полным переводом. Отдельные части «Хроники», правда, переводились как до революции (см.: *Стасюлевич М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 2. – Пг., 1915), так и после революции (*Кузнецова Т.И.* в сб.: Средневековая латинская литература IV–IX вв. – М., 1970). Однако перевод Стасюлевича содержит большое количество неточностей и в наше время явно устарел, а перевод Кузнецовой, несмотря на прекрасный стиль и точность, является переводом лишь очень небольшой части «Хроники» Ламберта.

Настоящий перевод сделан по изданию: *Lamperti monachi Hersfeldensis. Annales* // *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*. Bd. XIII. Berlin, 1957, и сверен с немецким переводом «Анналов» Вольфганга Дитриха Фритца (2000). Комментарии рассчитаны на широкий круг читателей и носят не текстологический, а скорее общеисторический характер.

АННАЛЫ

Первый¹ век от Адама до Ноя содержит 10 поколений, или 1656 лет. Он совершенно исчез в результате Потопа, как и младенчество обычно погружается в забвение.

Второй – от Ноя до Авраама – также охватывает 10 поколений, или 292 года. В ту пору произошло разделение языков. Ведь именно с детства человек начинает говорить, после младенчества, которое и было так названо оттого, что он еще не мог «fagi», то есть говорить.

Третий – от Авраама до Давида – содержит 14 поколений, или 942 года. И поскольку с юности человек обретает способность производить на свет, то и Матфей начинает счет поколений от Авраама.

Четвертый продолжался от Давида до переселения в Вавилон, [охватывая], согласно Матфею, также 14 поколений, или 473 года. С него начались времена царей, ибо доблесть юношей соответствует царской власти.

Затем пятый длился вплоть до прихода Спасителя во плоти, также включая 14 поколений, или 588 лет. В ту пору еврейский народ, как изнуренный тяжелой старостью, испытал множество несчастий.

Шестой [век] длится ныне; число поколений и лет его неизвестно, но как век последний он должен окончиться гибелью всего мира.

Века состоят из поколений и потому называют их «века», что они следуют друг за другом². Ведь, когда уходит один [век], за ним следуют другие, порядок которых будет описан по поколениям и царствам.

Первый век включает в себя Сотворение Мира. Ведь в первый день Бог под именем света создал ангелов. Во второй под названием «твердь» он сотворил небо. На третий – под именем «отделение» – образ воды и суши. На четвертый – светила небесные. На пятый – морских животных. На шестой – земных животных и первого человека – Адама.

Адам на 130-м году жизни родил Сифа, от которого [произошли] сыны Божии. Сиф на 105-м году родил Еноса, который начал призывать имя Господа. Енос на 90-м году родил Каинана. Каинан на 70-м году родил Малелеила, [чье имя] переводится, как «сад Господень». Малелеил на 72-м году родил Иаред. Иаред на 162-м году родил Еноха. Он, как мы знаем из свидетельства апостола Иуды, написал нечто о божественном³. Енох на 65-м году родил Мафусала. После его рождения он был взят Богом. Мафусал на 187-м году родил Ламеха. Рождены были гиганты. И возжелали сыны Божьи, то есть Сифа, дочерей человеческих, то есть Каина. Ламех на 182-м году родил Ноя, который построил ковчег. На 600-м году жизни Ноя произошел Потоп. И было от Адама до катаклизма, то есть до потопа, 1656 лет.

Второй век содержит 292 года. Сим через 2 года после Потопа родил Арфаксада, от которого [произошли] халдеи. Арфаксад на 35-м году родил Салу, от которого [произошли] самаритяне и инды. Сала на 30-м году родил Евера, от которого [произошли] евреи. Евер на 14-м году родил Фалеха. Строилась башня. Фалех на 30-м году родил Рагава. Впервые стали почитать богов. Рагав на 32-м году родил Серуха. Начинается царство скифов. Серух на 30-м году родил Нахора. Зарождается царство египтян. Нахор на 39-м году родил Фарру. Возникает царство ассирийцев и сикионцев. Фарра на 70-м году родил Авраама. Семирамида основала Вавилон, а Зороастр открыл магию. И было от Адама до Авраама 1947 лет.

Третий век содержит 942 года. Авраам на 86-м году [жизни] пришел согласно повелению Божьему в землю Ханаанскую. На 86-м году Авраам родил Измаила, от которого [произошли] измаильтяне. На 100-м году Авраам родил Исаака. Исаак на 60-м году родил Иакова. Иаков на 90-м году родил Иосифа. В Египте основан Мемфис. Иосиф жил 110 лет. В Греции начали сеять хлеб. Рабство евреев в Египте в течение 147 лет, и Кекропс основал Афины. Моисей 40 лет правил Израилем; при нем евреи начали пользоваться письменностью. Иисус правил Израилем 26 лет. Эрихтоний первым в Греции запряг квадригу. Судьи от Моисея до Самуила правили 305 лет. Гофониил правил 40 лет. Фиванский царь Кадм изобрел греческий алфавит. Аод правил 80 лет. Известностью пользовался музыкант Амфион. Девора, 40 лет. Первый латинами правил Пик. И Аполлон открыл искусство врачевания. Гедеон, 40 лет. Известностью пользовались музыканты Орфей и Лин. Авимелех, 3 года. Он умертвил 70 своих братьев. Фола, 30 лет. Приам царствовал в Трое. Иаир, 22 года. Кармента изобрела латинский алфавит. Иеффай, 6 лет. Геркулес бросился в пламя. Авесса, 7 лет. Поднялась 10-летняя Троянская война. Айалон, 10 лет. Он не учитывается 70 толковниками. Лавдон, 8 лет. Когда была взята Троя, Эней пришел в Италию. [Он был убит молнией; со стороны греков пало 877 человек, со стороны троянцев – 686.]⁴ Самсон, 20 лет. Асканий основал Альбу. Священник Илий, 40 лет. Захвачен Ковчег Завета, и окончилось царство сикионцев. Самуил и Саул, 32 года. Возникает царство лакедемонян, и, как доказано, жил Гомер.

Четвертый век содержит 473 года. Давид царствовал 40 лет. Карфаген основан Дидоной. Пророчествовали Гад, Натан и Асад. Соломон, 40 лет. В Иерусалиме построен храм, после того как исполнилось 480 лет после исхода евреев из Египта. Из этого явствует, что Самуил и Саул царствовали 32, а не 40 лет. Ровоам царствовал 17 лет. Царство Израиль и Иудея разделились. Авия, 3 года. Известностью пользовался первосвященник Авимелех. Аса, 41 год. Пророчествовали Аггей, Амос, Иоиль и Ииуй, а также Азарий. Иосафат, 25 лет. Пророчествовали Илия, Елисей, Авдий и Михей. Иорам, 8 лет. Эдом отделился от Иудеи и поставил себе царя. Охозия, 1 год. Был взят Илия. Гофолия, 7 лет. Известностью пользовался священник Ионадав, сын Рехава. Иоас, 40 лет. Захария, сын Иодая, побит камнями. Амасия, 28 лет. Пророк Амос пользовался известностью в Израиле.

Осия, 52 года. Греками учреждена Первая Олимпиада. Иоафам, 16 лет. Пророчествовали Исайя, Осия и Иоиль. Родился Ромул. Ахаз, 16 лет. Основан Рим, и Израиль переведен к мидийцам. Езекия, 29 лет. Ромул назначил 100 сенаторов. [Он был убит молнией.]⁴ Манассия, 55 лет. Нума добавил два месяца, и известностью пользовалась Сивилла Самосская. Аммон, 2 года. Туллий учредил в государстве ценз. Иосия, 31 год. Известностью пользовался физик Фалес. Иоахим, 11 лет. В третий его год Навуходоносор захватил Иудею. Седекия, 11 лет. Сгорел храм в Иерусалиме. И было от начала мира до конца Иудейского царства 3363 года.

Пятый век содержит 588 лет. Пленение евреев, 70 лет. Написана история Юдифи. Дарий, 36 лет. Во второй его год был отстроен храм в Иерусалиме, по окончании 70 лет пленения евреев. Ксеркс, 21 год. Признанием пользуется историк Геродот. Артаксеркс, 40 лет. Ездра возродил сожженный закон, а Неемия восстановил Иерусалим. Дарий, он же Ноф, 19 лет. В этом веке жил Платон. Артаксеркс, он же Ох, 26 лет. С похвалой упоминаются Демосфен и Аристотель. Ксеркс, сын Оха, 4 года. Известностью пользовался Ксенократ. Дарий, 6 лет. Александр Македонский, который взял Иерусалим, 12 лет.

До сих пор было царство персов, после этого – греков.

В свой пятый год Александр овладел Азией. Птолемей, сын Лага, 40 лет. Берет начало первая книга Маккавеев. Филадельф, 38 лет. Известностью пользовались 70 толковников. Эвергет, 26 лет. Иисус составил «Книгу мудрости». Филопатор, 17 лет. Берет начало вторая книга Маккавеев. Епифан, 24 года. Римляне завоевали греков. Филометор, 35 лет. Антиох, одолев его, покорил иудеев. Сципион победил Африку. Эвергет, 29 лет. Брут подчинил Испанию. Сотер, 17 лет. Фракийцы подчинены римлянами. Родились Варрон и Цицерон. Александр, 10 лет. Сирия подчинена римлянам Габинием. Птолемей, сын Клеопатры, 8 лет. Родился историк Саллюстий. Дионисий, 30 лет. Помпей захватил Иудею. Клеопатра, 2 года. Египет подчинен римлянами.

До сих пор было царство греков, теперь – римлян.

Юлий Цезарь, 5 лет. Он первым установил единовластие, и от него цезари получили свое имя.

Октавиан, 56 лет. На 42-м году его родился Господь наш Иисус Христос, через 5199 лет после Адама, согласно Иерониму.

Тиберий же, 23 года. В 18-й его год Господь наш Иисус Христос был распят. Гай, 4 года. Матфей написал Евангелие.

Клавдий, 14 лет. Петр отправился в Рим, а Марк – в Александрию.

Нерон, 14 лет. Петр и Павел преданы кресту и мечу. [Известностью пользовались Лукан и Иосиф; Гальба и Пизон⁵, 7 месяцев; их убил Отон, 3 месяца; он убил сам себя; Вителлий, 8 месяцев; его убил Веспасиан.]⁴

Веспасиан, 10 лет. Во второй его год Тит разрушил Иерусалим и сравнял с землей Храм, через 1089 лет после его первого строительства, в 71-м году от воплощения Господня.

Тит, 2 года. Он был красноречив и благочестив.

Домициан, 16 лет. Апостол Иоанн выслан на Патмос.

Нерва, 1 год. Иоанн вернулся в Эфес и написал Евангелие.

Траян, 19 лет. Симеон, епископ Иерусалима, был распят, и упокоился апостол Иоанн.

Адриан, 21 год. Родился толковник Аквила.

Антонин Пий, 24 года. Признанием пользуются еретики Валентиниан⁶ и Маркион.

Антонин Младший, 19 лет. Родился Монтан, основатель [секты] катафригиев.

Коммод, 13 лет. Родился толковник Феодотион.

Элий Пертинакс, 1 год. Ничего достойного упоминания.

Север Пертинакс, 18 лет. Признанием пользуется толковник Симмах.

Антонин Каракалла, 7 лет. В Иерусалиме найдено пятое издание⁷.

Макрин, 1 год или Марк Аврелий Антонин, 4 года. В Никополе найдено шестое издание, и родился безбожный Савелий.

Александр, 13 лет. Ориген пользовался известностью в Александрии.

Максимиан, или Максим, 3 года. Он преследовал христиан.

Гордиан, 7 лет. Известностью пользовался Фабиан, епископ Рима.

Филипп, 7 лет. Он был первым христианским императором.

Деций, 1 год. Родился монах Антоний.

Галлиен и его сын Волузиан, 2 года. Возникает новатианская ересь.

Валерий⁸ с Галлиеном, 5 лет. Киприан и Корнелий увенчаны мученичеством.

Клавдий, 2 года. Он изгнал готов из Иллирика.

Аврелиан, 5 лет. Он также преследовал христиан.

Тацит, 1 год.

Проб, 6 лет. Возникает манихейская ересь.

Кар, 2 года. Он одержал победу над персами.

Диоклетиан и Максимиан, 20 лет. Предав огню священные книги, они велели разрушать церкви, преследовать и убивать христиан.

Максимин⁹, сын Максимиана, Север и Галерий, 1 год.

Константин, 31 год. В 16-й его год был созван Никейский собор, в 318 году от воплощения Господнего¹⁰.

Константин и Констант, 27 лет. В Константинополь перенесены мощи святого Андрея и святого евангелиста Луки, и возникла ересь антропоморфитов. Знаменитыми благодаря учености и вере считались в это время Афанасий и Максимин, архиепископ Трирский, а также Иларий.

Юлиан, 2 года. Став из монаха язычником, он преследовал христиан.

Иовиан, 1 год. Он стал христианином вместе со всем войском.

Валентиниан, 11 лет, который за веру Христову был уволен Юлианом из армии. Готы стали еретиками.

Грациан вместе с братом Валентинианом, 6 лет. Известностью пользовались епископы Амвросий и Мартин.

Валентиниан с Феодосием, 9 лет. Иероним в Вифлееме был знаменит на весь мир.

Феодосий, 11 лет. Известностью пользовался святой отшельник Иоанн.

Аркадий с братом Гонорием, 13 лет. [Он перенес из Иудеи во Фракию святые кости пророка Самуила.]⁴ Известностью пользовались епископы Иоанн Златоуст и Августин.

Гонорий с Феодосием Младшим, 15 лет. Известностью пользовался Кирилл, епископ Александрии.

Феодосий Младший, сын Аркадия, 26 лет. Эфесский собор осуждает при папе Целестине Нестория вместе с его сторонниками пелагианами.

Маркиан, 7 лет. Халкедонский собор 630 отцов заседает при папе Льве.

Лев Старший со Львом Младшим, 17 лет. Египет освобождается от ереси Диоскора.

Зенон, 17 лет. Обнаружено тело апостола Варнавы, и возникает ересь акефалов.

Анастасий, 26 лет. Известностью пользовался епископ Фульгенций.

Юстин Старший, 9 лет. Осуждена ересь акефалов.

Юстиниан, 39 лет. В шестой его год начался первый цикл Дионисия, в 532-м году от воплощения Господнего¹¹.

Юстин Младший, 11 лет. Армяне приняли веру Христову.

Тиберий, 6 лет. Эрминигильд, король готов, увенчан мученичеством.

Маврикий, 21 год. Папа Григорий отправил в Британию архиепископа Августина с монахами, чтобы они проповедовали народу англов слово Божье, в 596 году от воплощения Господнего.

Фока, 8 лет. Англосаксы приняли веру Христову.

Ираклий, 36 лет. Иудеи в Испании сделались христианами.

Гераклеон с матерью своей Мартиной, 2 года. Пирр, епископ царственного града, предан анафеме папой Теодором.

Константин, сын Ираклия, 6 месяцев. Павел, преемник Пирра, был предан анафеме из-за того же безумного учения.

Константин¹², сын Константина, 17 лет. Он созвал Шестой собор. По его просьбе папа Агафон отправил в царственный град своих послов, среди которых был Иоанн, тогда дьякон, а несколько позже епископ Римской церкви, ради восстановления единства святой церкви. Этот Шестой собор состоялся в Константинополе. Там присутствовало 150 епископов под председательством Георгия, патриарха царственного града, и Макария, патриарха города Антиохии; и опровергнуты были те, которые отстаивали во Христе одну волю и одно действие, искажая очень многие слова католических отцов.

[Дагоберт, король франков, построил в Вейсенбурге монастырь в 623 году Господнем, в 23-й год своего правления¹³]⁴.

702 г. от воплощения Господнего. До сих пор Беда¹⁴.

705 г. [Умер Альфред, король Нортумбрии, сын Освина, брата святого короля Освальда]¹⁵.

706 г. [Начало монастыря святого Петра в Эрфурте¹⁶, который Дагоберт, король франков, построил на горе, что звалась прежде Мервигисбург, но самим Дагобертом была названа Горой святого Петра]⁴.

708 г.¹⁷ Король Кеонред¹⁸ из Британии отправился в Рим и там, приняв постриг и став монахом, провел жизнь в постах и молитвах вплоть до последнего дня.

710 г. Пипин, мажордом Франкского королевства, отправился в Алеманию.

712 г. Умер Хериберт, король лангобардов.

714 г. Умер мажордом Пипин; ему наследовал его сын Карл [Мартелл]⁴.

715 г. Умер король Дагоберт; и была битва между франками.

716 г. Карл сражался против короля Ратбода.

717 г. Карл сражался против франков в воскресенье перед Пасхой.

718 г. Карл сильно опустошил Саксонию. [Святой Бонифаций рукоположен в епископы 30 ноября¹⁹.]

719 г. Избиение франков у города Суассона.

720 г. Карл сражался против саксов.

722 г. Царило великое изобилие.

723 г. Карл заболел.

725 г. Карл отправился в Анжер.

727 г.²⁰ Святой Экберт отошел ко Христу.

729 г. Появились звезды-кометы.

731 г. Карл опустошил [земли] по ту сторону Луары.

732 г. Карл сражался против сарацин.

733 г. Произошло солнечное затмение.

734 г. Карл отправился во Фризию.

735 г. Карл опустошил Гасконь.

736 г.²¹ Умер Беда, знатный и славный наставник. Начало Херсфельдского монастыря²².

738 г. Карл сражался против сарацин в Готии²³.

739 г. Карл вторично вторгся в Саксонию и сделал саксов своими данниками.

740 г. Карл вторгся в Прованс до самой Массилии²⁴.

741 г. Умер Карл, мажордом Франкского королевства; ему наследовали Карломан и Пипин, его сыновья. Начало Альтайхского монастыря.

742 г. Родился Карл Великий. [Святой Бонифаций провел с Карломаном великий собор]²⁵.

744 г. Начало Фульденского монастыря.

746 г. Святой Бурхард поставлен первым епископом в Вюрцбурге.

747 г.²⁶ Святой Вигберт ушел из этого мира. Карломан стал в Риме монахом.

750 г.²⁷ Пипин по решению папы Захария был провозглашен королем после его помазания святым архиепископом Бонифацием, тогда как прежде он носил титул мажордома; а король Хильдерик был пострижен и отправлен в монастырь.

751 г.²⁸ Умер папа Захарий. Стефан был избран и убит; [после этого] был избран и посвящен второй Стефан.

753 г. Папа Стефан, придя к Пипину, просил его о защите против короля Ай-стульфа.

754 г. Папа Стефан помазал в короли двух сыновей Пипина – Карла и Карломана.

755 г.²⁹ Святой Бонифаций увенчан мученичеством [в 40-й год своего странничества]³⁰.

756 г. Пипину впервые из Греции был прислан орган.

758 г. Пипин, одолев саксов, наложил на них дань в виде ежегодной уплаты 300 коней.

764 г. Пипин провел в Кьерси большое собрание; и была очень суровая зима.

765 г. Епископ Руотганг привез из Рима тела святых Горгония, Набора и Назария.

766 г. Славяне побеждены франками в Вейдахабурге³¹.

768 г. Король Пипин овладел всей Аквитанией и, вернувшись оттуда в Сен-Дени, умер 24 сентября, оставив королевство Карлу Великому и Карломану.

770 г. Королева Берта пришла из Италии и привела во Францию дочь короля Дезидерия.

771 г. Умер Карломан, оставив королевство брату Карлу.

772 г. Карл захватил в Саксонии Эресбург³² и разрушил святилище саксов, что звалось Ирминсул.

773 г. Карл, будучи приглашен папой Адрианом³³, осадил в Павии короля Дезидерия.

774 г. Карл взял Павию и привел короля Дезидерия во Францию. В том же году саксы, наполнив церковь во Фрицларе дровами и огнем, хотели ее сжечь, но не смогли.

776 г. Саксы сделались христианами.

777 г. [Освящение церкви в Ордруфе блаженным Луллом в честь святого Петра]³⁴.

778 г. Карл сражался против сарацин, а саксы опустошили Лангау.

779 г. Умер Штурм³⁵, аббат Фульденского монастыря.

781 г. Карл отправился в Рим, и там был крещен его сын Карломан, которого папа Адриан, изменив имя, назвал Пипином. Там же его дочь Ротруда была обручена с императором Константином. Карл разделил землю в Саксонии между епископами³⁶.

782 г. Графы Карла были убиты саксами в месте, что зовется Зюнтель.

783 г. Умерла королева Хильдегарда; ее преемницей стала Фастрада.

786 г. Умер архиепископ³⁷ святой Лулл; [ему наследовал Рихольф³⁸]. Карл пришел в Италию. Были видны также многие знамения. Ибо знак креста появился на одеждах людей, и кровь текла с неба и из земли.

787 г. Карл, придя в Рим, отправился в Беневент и прибыл в монастырь святого Бенедикта. И случилось солнечное затмение.

789 г. Карл подчинил народ вильцев.

790 г. Карл отправился в Паннонию³⁹.

791 г. Карл подчинил народ аваров. И основана была церковь святого Бонифация в Фульде.

792 г. Заговор Пипина⁴⁰ против его отца, который был раскрыт Фардольфом. За это Пипин был пострижен и отправлен в монастырь, а все остальные казнены, одни обезглавлены, другие повешены, и умерли достойным сожаления образом. А Фардольфу был пожалован монастырь Сен-Дени.

794 г. Ересь фелициан была осуждена на соборе во Франкфурте; и умерла королева Фастрада⁴¹.

795 г. Папа Адриан умер на Рождество Господне.

796 г. [Монастырь святого Альбана в Майнце основан архиепископом Рихольфом.]⁴²

798 г. Умер Бальтарт⁴³, аббат Херсфельдский.

799 г. Папа Лев⁴⁴, которого, отрезав язык и ослепив, свергли с папского престола, видя и разговаривая, пришел во Францию к Карлу в место, что зовется Геристаль⁴⁵.

800 г. Карл провозглашен римлянами августом.

801 г. Амармурмул⁴⁶, персидский царь, отправил Карлу наряду с прочими подарками одного слона.

803 г. Папа Лев вторично прибыл во Францию, и саксы трансальбианы были переселены во Францию.

804 г. [Умер Баугульф⁴⁷, аббат Фульденский; ему наследовал Ратгар]⁴⁸.

805 г. Карл, сын Карла, опустошил Чехию.

807 г. Великая смертность случилась в Фульде.

810 г. На реке Эльбе императором Карлом была заложена против датчан крепость Хоэнбург.

811 г. Погребение епископа Лиутгера⁴⁹.

813 г. Умер Рихольф, архиепископ Майнцский; ему наследовал Хайстульф⁵⁰. И мост в Майнце погиб в результате пожара.

814 г. Умер император Карл Великий; ему наследовал Людовик⁵¹, который учредил епископство в Хильдесхайме⁵².

815 г.⁵² Умер Баугульф, аббат Фульденский. И было предписано, чтобы все монахи пели по уставу святого Бенедикта.

817 г.⁵³ Император Людовик провел в Ахене собор и упорядочил там жизнь монахов.

818 г. Император Людовик победил в Бретани короля Мормана.

819 г. Людовик взял в жены Юдифь⁵⁴, дочь Вельфа. И в Фульде была освящена церковь.

820 г. [Умер Ратгар, аббат Фульденский. Ему наследовал Эгил⁵⁵, 5 лет.]⁵⁶

822 г.⁵⁷ Начало монастыря Новой Корвеи.

824 г. Людовик сражался против короля Вивомарка и опустошил Бретань.

825 г. Вивомарк убит в собственном доме. Умер Хайстульф, архиепископ Майнцский; ему наследовал Отгар⁵⁸. [Рабан становится аббатом.]⁵⁶

826 г. Хильдуин⁵⁹ перенес в Галлию кости святого Себастьяна.

829 г.⁶⁰ Император Людовик низложен своими сыновьями – Лотарем, Людовиком и Карлом.

831 г. Аббаты Бун и Рабан⁶¹ вырыли фундамент церкви святого Вигберта⁶², 10 июля, в понедельник.

832 г. [Тело святого Аврелия доставлено в Германию, и основан Хиршау.⁶³] Заговор Людовика против своего отца.

833 г. Королевство франков перешло к Лотарю.

834 г. Пипин и Людовик восстановили на престоле своего отца. [Архиепископ Отгар перенес в Эрфурт святого Севера.]⁶⁴

838 г. Второй заговор Людовика во Франкфурте, и королевство перешло к его отцу.

840 г. Людовик, преследуя сына, пришел в Херсфельдский монастырь 8 апреля. Умер император Людовик; ему наследовал его сын Людовик⁶⁵.

841 г. Лотарь воевал против своих братьев – Людовика и Карла; в этой битве франки были истреблены почти до полного уничтожения, а Лотарь побежден; там же⁶⁶ был убит граф Адальберт.

842 г. Лотарь был изгнан из королевства, а аббат Рабан – из монастыря.

843 г. Лотарь, Людовик и Карл заключили мир⁶⁷.

844 г. Король Лотарь убил славянского короля Гестимула.

845 г. Людовик пришел в Херсфельд 31 октября и, пожаловав монахам привилегию, укрепил ее своей печатью. Монахи этого Херсфельдского монастыря

были также помирены верными послами господина августа Людовика, а именно епископами и аббатами, с архиепископом Отгаром по поводу десятины с плодов и свиней из земли тюрингов.

846 г. Людовик⁶⁸, сын Людовика, подчинил Паннонию и, возвращаясь домой, опустошил Чехию. Умер Бун⁶⁹, аббат Херсфельдский; ему наследовал Брунварт.

847 г. Умер Отгар, архиепископ Майнцский; ему наследовал Фульденский аббат Рабан. Аббатство получил Вальдо⁷⁰.

848 г. На состоявшемся в Майнце соборном совещании был осужден еретик Готшалк.

850 г. 28 октября Майнцским архиепископом Рабаном была освящена церковь святого Вигберта.

852 г. Перенесение святого Лулла в день вечера Господней⁷¹.

855 г. Король Людовик с большим войском отправился против Ростислава⁷², короля Моравии. А король Лотарь⁷³ принял постриг и монашеское одеяние, намереваясь умереть в Прюме.

856 г. Умер Рабан, архиепископ Майнцский; ему наследовал Карл⁷⁴.

857 г. Архиепископ Карл провел в Майнце великий собор.

858 г. Король Людовик отправил своего сына Людовика с большим войском к ободритам. [Архиепископ Карл перенес в Эрфурт какую-то часть из мощей святого Иннокентия]⁷⁵.

859 г.⁷⁶ Людовик, Карл и Лотарь⁷⁷, сын их брата Лотаря, заключили клятвенный мир.

861 г. Графы Удо, Эрнст, Беренгар и аббат Фульденский Вальдо были низложены; аббатом [в Фульде] стал Тиодо⁷⁸.

863 г. Умер епископ Карл; ему наследовал Лиутберт⁸⁰.

864 г. Король Людовик подчинил себе Ростислава, короля Моравии.

869 г. Король Лотарь, возвратившись из Беневента, пришел в Рим и был там

проклят Адрианом⁸¹. Возвращаясь домой, он погиб почти со всеми своими людьми.

В том же году был низложен аббат Фульденский Тиодо, и избран Сигехард⁸², благочестивый муж.

875 г. Умер король Людовик⁸³; ему наследовал его сын Людовик⁸⁴. Умер Брунварт, аббат Херсфельдский; ему наследовал Дрого⁸⁵.

876 г. У Андернаха произошла битва между Карлом и Людовиком, сыном короля Людовика.

879 г. Умер король Людовик, сын короля Людовика⁸⁶; ему наследовал его дядя Карл.

887 г. Карл был свергнут с трона, и избран Арнульф⁸⁷.

888 г. Карл умер.

890 г.⁸⁸ Умер архиепископ Лиутберт; ему наследовал Сундерольт⁸⁹.

891 г. Сундерольт, архиепископ Майнцский, был убит; ему наследовал Хатто⁹⁰.

892 г. Был убит епископ Арн⁹¹. Умер Дрого, аббат Херсфельдский; ему наследовал Хардерат⁹².

893 г. Произошла великая битва между баварами и венграми.

896 г. Арнульф стал в Риме императором.

898 г. Умер император Арнульф; ему наследовал его сын Людовик⁹³.

901 г. Умер Хардерат, аббат Херсфельдский; ему наследовал Дитхард⁹⁴.

902 г. Славяне опустошили Саксонию.

903 г. Убиты Адальхард, Эберхард и Генрих⁹⁵.

905 г.⁹⁶ Граф Конрад был убит Адальбертом.

906 г. Венгры опустошили Саксонию.

907 г.⁹⁷ Граф Адальберт был убит по приказу короля Людовика.

908 г. Герцог Лиутпольд⁹⁸ был убит венграми.

909 г. Бурхард⁹⁹, герцог Тюрингии, был убит венграми.

910 г. Король Людовик сразился с венграми и был побежден.

911 г. Венгры опустошили Франконию.

912 г. Умер король Людовик¹⁰⁰; ему наследовал Конрад¹⁰¹. Умер Хатто¹⁰², архиепископ Майнцский; ему наследовал Херигер¹⁰³.

914 г. Умер Отто¹⁰⁴, граф Саксонский.

915 г. Венгры пришли, опустошая, до самой Фульды.

918 г. Король Конрад был в Херсфельде.

919 г. Умер король Конрад; ему наследовал Генрих Саксонский¹⁰⁵.

924 г.¹⁰⁶ Умер Херигер, архиепископ Майнцский; ему наследовал Хильдеберт¹⁰⁷, [аббат Фульденский; аббатство получил Хадамар]¹⁰⁸.

927 г. Дитхард Младший¹⁰⁹ стал аббатом Херсфельдским с согласия Дитхарда Старшего.

928 г. Дитхард Младший рукоположен в епископы, а аббатом избран Бурхард¹¹⁰.

930 г. Умер Дитхард Старший.

931 г. Король Генрих подчинил ободритов.

932 г. Умер епископ Тиодо¹¹¹; ему наследовал Бурхард, аббат Херсфельдский.

933 г. Аббатом Херсфельдским избран Мегингоц¹¹².

934 г. Король Генрих был с войском в Укермарке.

935 г. Великий собор состоялся в Эрфурте¹¹³. В этом же году умер король Генрих; ему наследовал его сын Оттон.

936 г. Король Оттон был в Херсфельде. В этом же году сгорела церковь святого Бонифация¹¹⁵.

937 г.¹¹⁶ Граф Эберхард¹¹⁷ взял в плен Генриха¹¹⁸, сына короля Генриха, и бросил его в оковы.

938 г.¹¹⁹ Эберхард и Гизельберт¹²⁰ были убиты. Умер Хильдеберт, архиепископ Майнцкий¹²¹; ему наследовал Фридрих¹²².

942 г. Была освящена церковь святого Максимиана в Трире.

943 г.¹²³ В Бонне был созван собор.

945 г. Греческие послы пришли к королю Оттону с великими дарами в канун дня всех святых.

947 г.¹²⁴ Умерла королева Эдита; ее преемницей стала Адельгейда¹²⁵.

948 г. В Ингельхайме был созван собор, которым руководил апостольский легат Марин.

949 г. Греческие послы вновь пришли к королю Оттону с драгоценнейшими дарами в день памяти всех святых. И король Оттон выдал свою дочь замуж за герцога Конрада¹²⁶.

950 г. Произошла крупная битва между баварами и венграми¹²⁷.

951 г. Король Оттон отправился в Италию, добыл королеву Адельгейду и подчинил себе короля Беренгара¹²⁸.

953 г. Возникла чрезвычайно ожесточенная распря между Лиудольфом¹²⁹, сыном короля, и его дядей Генрихом. В этом же году были осаждены Майнц и крепость Россталь¹³⁰, и великая битва произошла в этом месте.

954 г. Умер Фридрих, архиепископ Майнцкий; ему наследовал Вильгельм¹³¹, сын короля.

955 г. Король Оттон с большим риском для самого себя и огромными потерями среди своих людей разгромил венгров в Лехфельде на рождество святого Лаврентия¹³²; в этой же битве наряду со многими другими был убит герцог Конрад. Умер также Генрих, герцог Баварии.

956 г. Умер Руотберт, архиепископ Трирский; ему наследовал Генрих¹³³. Умер также Хадамар, аббат Фульденский; ему наследовал Хатто¹³⁴.

В этом же году Лиудольф отправился в Италию и подчинил ее себе.

Умер Мегингоц, аббат Херсфельдский; ему наследовал Хагано¹³⁵.

957 г. Лиудольф умер в Италии, был доставлен оттуда в Майнц и похоронен у святого Альбана.

958 г. Знак креста появился на одеждах.

959 г. Хагано, аббат Херсфельдский, оставил свою должность из-за немощи своего тела; при его жизни на его место был избран Гунтер¹³⁶.

960 г.¹³⁷ К королю Оттону пришли послы от русского народа, умоляя, чтобы он отправил [к ним] кого-нибудь из его епископов, который открыл бы им путь истины. Он согласился с их просьбой, отправив благоверного епископа Адальберта¹³⁸, который, правда, едва вырвался из их рук¹³⁹.

961 г. К королю Оттону пришли послы от господина папы, призывая его в Рим на помощь папе Иоанну¹⁴⁰. Его сын Оттон II¹⁴¹ был помазан в Ахене в короли.

962 г. Король Оттон отправился в Рим, и папа Иоанн с удовольствием его принял, почтительно посадил на императорский трон и своим благословением и посвящением сделал императором.

Умер Гунтер, аббат Херсфельдский¹⁴²; ему наследовал Эгилольф.

963 г. В Риме состоялся великий собор, на котором председательствовал император Оттон вместе с большим количеством епископов, аббатов, священников, клириков и монахов; там с апостольского престола был свергнут Бенедикт¹⁴³.

964 г. Король Беренгар был осажден на горе св. Льва¹⁴⁴ и, плененный там, вместе с женой Виллой доставлен в Бамберг.

965 г. Император Оттон пришел из Италии. Умер архиепископ Бруно¹⁴⁵; ему наследовал Фолькмар¹⁴⁶.

966 г. Император Оттон в третий раз пришел в Рим.

967 г. Император Оттон отправил своих послов к архиепископу Вильгельму и другим князьям, чтобы они со всем королевским достоинством отправили в

Италию его сына Оттона. Он лично его встретил и привел в Рим, дабы папа Иоанн Младший¹⁴⁷ сделал его императором; что тот с удовольствием и сделал.

968 г. Умер архиепископ Вильгельм; ему наследовал Фульденский аббат Хатто. Аббатство же получил Вернер.

969 г.¹⁴⁸ Умер Хатто, архиепископ Майнцский; ему наследовал Рупрехт¹⁴⁹.

970 г. Умер Эгилольф, аббат Херсфельдский; ему наследовал Гоцберт¹⁵⁰.

971 г. Сгорел знаменитый храм в Дорнбурге.

972 г. Императору Оттону Младшему была прислана греческим императором [его дочь] Феофано¹⁵¹. В этом же году император Оттон Старший вместе с Оттоном Младшим отправился во Францию.

973 г. Император Оттон Старший вместе с Младшим пришел в Кведлинбург и отпраздновал там 23 марта святую Пасху. Туда с богатыми дарами прибыли послы многих народов, а именно: римлян, греков, беневентцев, итальянцев, венгров, датчан, славян, болгар и русских.

В этом же году император Оттон Старший умер в Мемлебене 7 мая; ему наследовал его сын Оттон II. [Умер святой епископ Ульрих.]¹⁵²

974 г. Генрих¹⁵³, герцог Баварии, и епископ Абрахам вместе с Болеславом и Мешко¹⁵⁴ составили нечестивый заговор против императора. Император же, узнав о столь гнусном замысле, собрал всех своих князей и просил у них совета, что ему делать. А те дали ему совет отправить к герцогу Генриху епископа Поппо¹⁵⁵ и графа Гебхарда и посредством указа пригласить их на княжеский сейм. И тот без промедления с Божьей помощью отдался во власть императора.

В этом же году император отправился в Шлезвиг против Харальда¹⁵⁶.

975 г. Император Оттон провел крупное собрание в Веймаре.

В этом же году император опустошил и предал огню Чехию.

976 г. Император Оттон отправился в Баварию, изгнал герцога Генриха и передал Баварию герцогу Отто¹⁵⁷.

977 г. Император с большим войском отправился в Чехию и предал огню большую часть этой страны. Генрих же вместе с другим Генрихом¹⁵⁸ захватили Пассау. Услышав об этом, император поспешно двинул туда войско, осадил город и, вернув герцогу Генриху свою милость, отправился во Франконию¹⁵⁹.

978 г. На Пасху¹⁶⁰ к императору Оттону пришел Болеслав¹⁶¹; с почетом принятый и одаренный императором богатыми дарами он вернулся домой. Был там и Генрих с другим Генрихом; они были схвачены и отправлены в ссылку.

В этом же году король Лотарь¹⁶² с отборным числом рыцарей внезапно захватил Ахенский дворец и оставался там в течение трех дней. Император Оттон тут же погнался с войском за Лотарем и преследовал его до самой реки Сены и монастыря Сен-Дени, но так и не схватил, ибо тот спасся бегством.

979 г. Граф Геро¹⁶³, обвиненный неким Вальдо, в то время как убил того в поединке, всё же и сам был обезглавлен императором.

980 г. Император Оттон отправился в Италию. И аббат Гоцберт¹⁶⁴ построил церковь в Ордруфе.

981 г. Умер Адальберт, архиепископ Магдебургский; ему наследовал Гизилер¹⁶⁵. Рождество Господне¹⁶⁶ император праздновал в Риме.

982 г. Было упразднено епископство в Мерзебурге¹⁶⁷, и удивительной величины строение отошло к Магдебургу.

В этом же году император Оттон имел очень опасную битву с сарацинами в Калабрии. В этой битве был убит Генрих¹⁶⁸, епископ Аугсбургской церкви, вместе со многими другими епископами. В этом же сражении, 15 июля¹⁶⁹, были убиты храбрейшие воины, а именно: Удо¹⁷⁰, Гебхард, Гунтер¹⁷¹, Бертольд наряду со многими другими, а также герцог Отто и аббат Фульденский Вернер¹⁷². Сам император бежал, едва оставшись в живых.

983 г. Император Оттон II, вернувшись после неудачно совершенных деяний в Рим, умер¹⁷³ и был там погребен. Генрих, герцог Баварии, захватил престол, но был отвергнут князьями.

984 г. Сын императора Оттон III наследовал на престоле отцу и был помазан в Ахене в короли Иоанном, епископом Равенны¹⁷⁴.

985 г. Гоцберт оставил аббатство; ему наследовал Бернхар¹⁷⁵.

986 г. Оттон, король-ребенок, опустошил Чехию¹⁷⁶, но принял Мешко, который вышел ему навстречу с дарами.

987 г. Король вновь опустошил Чехию и заставил ее подчиниться¹⁷⁷.

988 г. Чрезмерная летняя жара.

Умер Руперт, архиепископ Майнцский¹⁷⁸; ему наследовал Виллигиз¹⁷⁹.

989 г. Императрица Теофано отправилась в Рим и подчинила королю весь этот край.

991 г. Умерла императрица Теофано¹⁸⁰. Из Рейна поднялся огонь и уничтожил ближайшие селения.

Годехард стал монахом¹⁸¹.

992 г. Король Оттон осадил Бранденбург. Умер Гердаг¹⁸², епископ Хильдесхайма; ему наследовал господин Бернвард¹⁸³, королевский канцлер, искуснейший в духовных и светских делах, и 15 января¹⁸⁴ был рукоположен.

994 г. Умер Вольфганг, епископ Регенсбурга; ему наследовал Гебхард¹⁸⁵.

Сыновья графа Генриха¹⁸⁶ – Генрих, Удо и Зигфрид – сражаются против пиратов; один из них был убит, а двое – взяты в плен.

995 г. Умер аббат Майол¹⁸⁷.

996 г. Король Оттон пришел в Рим против Кресценция¹⁸⁸ и поставил там на апостольском престоле Бруно¹⁸⁹, и сам был возведен им в императоры.

Годехард стал аббатом в Альтайхе¹⁹⁰.

997 г. Иоанн, епископ Пьяченцы¹⁹¹, захватил апостольский престол по совету Кресценция.

Епископ Адальберт¹⁹² принимает мученическую кончину.

998 г. Кресценций обезглавлен императором вместе с 12 своими людьми и повешен перед самым Городом. Антипапа Иоанн ослеплен.

999 г. Папа Бруно, он же Григорий, умер; ему наследовал Герберт, он же Сильвестр¹⁹³. Умерла императрица Адельгейда.

1000 г. Император нашел в Ахене кости Карла Великого, чье [местоположение] до сих пор было неизвестно большинству людей. Гауденций, брат мученика Адальберта, был поставлен архиепископом в Праге¹⁹⁴.

1001 г. Рождество Господне император праздновал в Риме¹⁹⁵.

1002 г. Умер император Оттон III¹⁹⁶; ему наследовал Генрих Баварский¹⁹⁷. Маркграф Эккехард¹⁹⁸, захвативший престол, был убит в Пёльде.

1003 г. Многие князья отложились от короля, но спустя малое время исправились и вновь были приняты в милость.

1004 г. Достойный сожаления пожар Павии. Бруно¹⁹⁹, брат короля, который какое-то время противился его избранию, вернул себе его милость.

1005 г. Умер Бернхар, аббат Херсфельдский; ему наследовал Годехард.

1006 г. Гунтер, благородный муж из Тюрингии, стал монахом в Херсфельде; но впоследствии он перешел в Альтайх по совету аббата Годехарда. Сильный голод.

1008 г. Умер Ноткер²⁰⁰, епископ Льежский; ему наследовал Балдрик²⁰¹. Монах Гунтер стал отшельником.

1009 г. Кафедральная церковь в Майнце, которую построил Виллигиз, сгорела в самый день ее освящения.

1010 г. Умер Ансфрид²⁰², епископ Утрехтский; ему наследовал Адальбольд²⁰³.

1011 г. Умер Виллигиз, архиепископ Майнцский; ему наследовал Эркенбальд²⁰⁴. Аббатство получил Брантог²⁰⁵.

1012 г. Кафедральная церковь в Бамберге освящена Эберхардом²⁰⁶, первым епископом этого престола.

Годехард оставил Херсфельдское аббатство; ему наследовал Арнольд²⁰⁷.

1014 г. Король Генрих вместе с королевой Кунигундой приняли императорский титул.

1015 г. Император отправился с войском к полякам.

1016 г. Выпал сильный град, и многие были сожжены молнией.

1017 г. Умер Мегингоц²⁰⁸, епископ Трирский; ему наследовал Поппо²⁰⁹. Император опять водил войско против поляков.

1019 г. Император принял в Бамберге папу²¹⁰ в качестве гостя.

1020 г. Умер Хериберт, архиепископ Кельнский; ему наследовал Пильгрим²¹¹. Умер Эркенбальд, архиепископ Майнцский; ему наследовал Арибо²¹².

1021 г. Сильное землетрясение произошло в Баварии.

1022 г.²¹³ Господин Бернвард, епископ Хильдесхаймский, умер [20 ноября]²¹⁴; Годехард^{214а}, аббат Альтайхский, наследовал ему [и был посвящен 2 декабря]²¹⁵.

1023 г. Умер Геро²¹⁶, [архи]епископ Магдебургский; ему наследовал Хунфрид²¹⁷. Брантог²¹⁸, аббат Фульденский, стал епископом Хальберштадта; Рихард²¹⁹ стал аббатом Фульды.

1024 г. Король Генрих II, как император – I-й, умер²²⁰; ему наследовал Конрад²²¹.

1027 г. Король Конрад стал на Пасху²²² императором. Гебхард²²³, брат императора, был вынужден из мирянина стать клириком.

1028 г. Генрих²²⁴, сын императора, был помазан в короли в Ахене Пильгримом, архиепископом Кельнским.

1029 г. Умер Бруно, епископ Аугсбурга; ему наследовал Эппо²²⁵. Умер Вернер²²⁶, епископ Страсбурга; ему наследовал Вильгельм²²⁷.

1030 г. Император Конрад вступил с войском в Венгрию.

1031 г. Арнольд лишился Херсфельдского аббатства; ему наследовал Бардо²²⁸. Но уже через полгода он наследовал Арибо, архиепископу Майнцскому, когда тот умер; аббатство же Херсфельдское получил Рудольф²²⁹.

1032 г. Арнольд, потеряв Херсфельдское аббатство, умер в Гёллингене²³⁰.

1033 г. Умерла императрица Кунигунда²³¹. Император двинул войско в Бургундию против Одо²³².

1034 г.¹ Альбуин, настоятель Херсфельдский, стал аббатом в Ниенбурге²³³.

1035 г. Рудольф, аббат Херсфельдский, поставлен епископом Падерборна²³⁴; ему наследовал Мегинхер²³⁵, почтенный муж.

1036 г. Умер Пильгрим, архиепископ Кельнский; ему наследовал Герман²³⁶. [В Эрфурте господином Вальтером фон Глейбергом был построен шотландский монастырь; там же он и погребен.]²³⁷

1037 г. Сгорел Херсфельдский монастырь²³⁸.

Герцог Гоцело²³⁹ убил графа Одо и вместе с ним до 6000 человек.

1038 г. Умер Годехард, епископ Хильдесхаймский; ему наследовал Титмар²⁴⁰.

1039 г. Император Конрад умер в Утрехте, в понедельник на Троицу²⁴¹; ему наследовал его сын Генрих.

Умер Рихард, аббат Фульденский; ему наследовал Сигеварт²⁴².

Умер Регенбольт²⁴³, епископ Шпейерский; ему наследовал Сибиho²⁴⁴.

1040 г. Король Генрих двинул войско в Чехию, и там были убиты граф Вернер²⁴⁵ и Регинхард, фульденский знаменосец, наряду со многими другими.

Петр²⁴⁶, король Венгрии, был изгнан своими и бежал к королю Генриху, прося о помощи.

Умер Эберхард, епископ Бамбергский²⁴⁷; ему наследовал Свитгер²⁴⁸.

В Херсфельде освящена крипта, и в нее перенесены мощи святых исповедников Вигберта и Лулла.

1041 г. Король Генрих, во второй раз вступив в Чехию, принял сдачу ее князя Бржетислава²⁴⁹ и заставил его страну платить дань. Вернувшись оттуда через Баварию, он день памяти святого Михаила²⁵⁰ отпраздновал в Регенсбурге.

Аба²⁵¹, который захватил венгерский престол, сделал вторжение в пределы Баварии и Каринтии и унес большую добычу. Однако бавары, объединив силы, погнались за ним, отобрали добычу и, убив многих, остальных обратили в бегство.

1042 г. Король, предприняв первый поход в Венгрию, обратил названного Абу в бегство, дошел до реки Рааб, взял три больших города²⁵² и, когда от местных жителей была принята клятва верности, в мире вернулся домой.

Умер Герман²⁵³, епископ Мюнстерский; ему наследовал Руперт²⁵⁴.

Умер Хериберт²⁵⁵, епископ Эйхштетский; ему наследовал его брат Гецман²⁵⁶. Когда же и он умер через несколько недель, ему наследовал Гебхард²⁵⁷.

1043 г. Воплощение Господне король праздновал в Госларе. Князь Чехии²⁵⁸, придя туда, был любезно принят королем, содержался какое-то время в почете и был наконец с миром отпущен домой. Там, среди послов различных стран, русские послы вернулись домой в печали, ибо увозили четкий отказ относительно дочери их короля²⁵⁹, которую они надеялись выдать замуж за короля Генриха. Там также смиренно просили о мире послы венгерского короля²⁶⁰, но ничего не добились, так как король Петр, которого Аба силой изгнал из королевства, присутствовал тут же и смиренно умолял короля Генриха о помощи против его насилия.

Умер Сигеварт, аббат Фульденский; ему наследовал Рохинг²⁶¹.

Умерла императрица Гизела²⁶² и погребена в Шпейере.

Король, предприняв второй поход против венгров, принудил названного Абу к удобному ему договору и, приняв от него клятвенные уверения в мире и заложников, вернулся домой, отпраздновав в Ингельхайме свадьбу с Агнесой²⁶³, дочью Вильгельма, графа Пуату.

1044 г. Рождество Господне король праздновал в Трире, и там снял обвинения со всех, которые погрешили против королевского величества, и обнародовал по всему королевству закон, согласно которому все должны простить друг другу обиды.

Умер Гоцело²⁶⁴, герцог Лотарингии; его сын Готфрид, весьма одаренный и довольно опытный в военном деле юноша, поскольку не смог получить герцогство отца, поднял оружие против государства, победил в битве и убил герцога Адальберта, которого король поставил вместо его отца, совершал многочисленные убийства людей и разорения полей, и все места до самого Рейна, кроме тех, которые или избежали вражеского нападения благодаря защите стен, или откупилась, дав деньги, обратил в пепел.

Предприняв третий поход в Венгрию, король победил и изгнал названного Абу, а Петра восстановил на престоле.

Умер Хацеко²⁶⁵, епископ Вормса; ему наследовал Адальгер²⁶⁶, преемником же последнего, который также вскоре после этого оставил всё земное, стал Арнольд²⁶⁷.

Умер Титмар, епископ Хильдесхаймский; ему наследовал Ацелин²⁶⁸.

1045 г. Герцог Готфрид сдался королю и был отправлен под стражу в Гибихенштейн²⁶⁹; таким образом, королевство на короткое время оставалось в мире и спокойствии.

Петр, король Венгрии, схватил и обезглавил соперника и захватчика своего престола Абу^{269а}.

Умер Бруно²⁷⁰, епископ Вюрцбурга; ему наследовал Адальберон²⁷¹.

Умер Катело²⁷², епископ Цейца; ему наследовал Эппо²⁷³.

Умер Алебранд²⁷⁴, архиепископ Бремена; ему наследовал Адальберт²⁷⁵.

1046 г. Рождество Господне король праздновал в Госларе; там была и его теща²⁷⁶ из Пуату с вельможами своего народа.

Петр, король Венгрии, был коварно обманут и ослеплен своим родственником Андреем²⁷⁷.

Умер, застигнутый внезапной смертью, маркграф Эккехард²⁷⁸.

Умер Друтмар²⁷⁹, аббат Корвеи; ему наследовал Рутард²⁸⁰.

Герцог Готфрид, освободившись из-под стражи, в то время как видел, что ни

заступничество князей, ни добровольная сдача не принесли ему никакой пользы, движимый негодованием и отвращением из-за скудости средств, опять начал войну²⁸¹. Среди прочих бед, которые он причинил государству, он сжег в Нимвегене удивительной и несравненной работы королевский дом, взял город Верден и испепелил в нем кафедральную церковь. Однако спустя малое время он настолько раскаялся в содеянном, что публично велел себя бичевать, за немалые деньги выкупил свои волосы от пострижения, дал средства на восстановление церкви и лично принимал участие в работе каменотесов, по большей части исполняя обязанности простого рабочего.

1047 г. Рождество Господне король праздновал в Риме, где он, низложив троих, которые вопреки церковным правилам захватили апостольский престол²⁸², поставил наместником апостолов Свитгера²⁸³, епископа Бамбергского. В день праздника он вместе с королевой Агнесой принял от него титул и достоинство императора. Пройдя затем через Беневент и соседние области, он отпраздновал на обратном пути святую Пасху в Мантуе, а Вознесение в Аугсбурге. Там вместо умершего епископа Эппо он поставил Генриха²⁸⁴. Затем, двинув войско на судах по Рейну во Фризию против Готфрида и его сообщника Дитриха²⁸⁵, он взял там два сильно укрепленных города – Рийнсбург²⁸⁶ и Влаардинген²⁸⁷.

Папа Свитгер, он же Климент, умер и погребен в Бамберге.

Умер Рохинг, аббат Фульденский²⁸⁸, который в этом же году был посвящен папой Свитгером на Рождество Господне.

Умер отшельник Гунтер²⁸⁹ [из Тюрингии]²⁹⁰.

1048 г. Рождество Господне император праздновал в Пёльде. Там были и римские послы, сообщившие о смерти папы Свитгера и просившие о его преемнике. Император рекомендовал им Поппо, епископа Бриксенского²⁹¹, а Бамбергское епископство передал канцлеру Гартвигу²⁹².

Праздник святого Михаила²⁹³ император опять-таки праздновал в Пёльде. Там на следующий день граф Титмар²⁹⁴, брат герцога Бернгарда, был обвинен своим вассалом Арнольдом в составленном против императора заговоре; вступив с ним в поединок, чтобы собственной рукой очиститься от предъявленного ему обвинения, он был побежден и убит.

Экберт²⁹⁵ стал аббатом Фульденским сразу после Рождества Господнего.

1049 г. Рождество Господне император праздновал во Фрайзинге. Там римские послы, сообщив о смерти папы Поппо, вновь просили о правителе для римской церкви²⁹⁶. Император дал им Бруно²⁹⁷, епископа Тульского.

1050 г. Папа Лев, покинув Рим ради приведения в порядок положения церковей и водворения мира в Галлии, провел в Майнце собор под председательством

императора с 42-мя епископами²⁹⁸. Сибихо, епископ Шпейерский, очистил там себя святым причастием от преступлений, в которых его обвиняли. И герцог Готфрид благодаря заступничеству папы и князей обрел милость императора²⁹⁹. Когда собор был распущен, император предпринял поход против Балдуина³⁰⁰. Папа же ожидал в Ахене его возвращения³⁰¹.

1051 г. Рождество Господне император праздновал в Вормсе³⁰². Там папа Лев с ним попрощался и, после того как были в известной мере приведены в порядок церковные и государственные дела, вернулся в Рим³⁰³, уведа с собой герцога Готфрида³⁰⁴ и его брата Фридриха³⁰⁵, который впоследствии стал преемником Гебхарда на апостольском престоле, а также очень многих других людей как клириков, так и мирян, весьма сведущих в военном деле, собираясь при помощи их доблести выступить против норманнов, захвативших Апулию.

Церковь в Госларе была освящена Германом, архиепископом Кельнским³⁰⁶.

Троицу³⁰⁷ император отпраздновал в Падерборне. Там архиепископ Бардо, совершая проповедь во время мессы, предсказал свою скорую смерть и вверил себя молитвам верующих; в том же месяце он скончался³⁰⁸, и ему наследовал Лиутпольд³⁰⁹.

Умер Дитрих³¹⁰, епископ Констанца; ему наследовал Румольд³¹¹.

Умер Хунфрид³¹², епископ Магдебурга; ему наследовал Энгельхард³¹³.

11 ноября у императора родился сын Генрих, как король – Генрих IV³¹⁴.

1052 г. Рождество Господне император праздновал в Пёльде³¹⁵. Там он велел князьям королевства клятвенно обещать свою верность его сыну Генриху, всё еще некрещенному. Пасху³¹⁶ он праздновал в Кельне, где названный мальчик и был окрещен Германом, архиепископом этого города.

Умер Рудольф, епископ Падерборнский; ему наследовал Иммед³¹⁷.

1053 г. Рождество Господне император праздновал в Госларе³¹⁸, где и Иммед был посвящен архиепископом Лиутпольдом. Там также герцогом Готфридом были схвачены и повешены еретики.

Папа Лев, отправившись против норманнов, вступил с ними в битву возле Беневента³¹⁹, но, поскольку лангобарды сразу обратились в бегство при первом же столкновении, немцы были перебиты почти все до единого. Сам же [папа] был осажден в Беневенте и, едва наконец освободившись от осады после многих мучений³²⁰, все дни, что прожил еще после такого несчастья, провел в горе и печали.

В это время Фридрих, брат Готфрида, архидьякон римской церкви, исполняя посольство апостольского престола, отбыл в Константинополь³²¹. Там он, объявив о соборе, пригласил на него Константинопольского императора и патриарха³²²; когда же те, ссылаясь на величие своего первенства, сочли недостойным

подчиниться сказанному, он, покинув город, прилюдно потряхнул на них по апостольскому обычаю прах от ног своих³²³. Сделав это, он внушил всем жителям Константинополя такой страх, что император и патриарх вместе с духовенством и народом, облачившись во власяницу и рванье, вышли к нему на следующий день и, поклонившись до земли, почтили в его лице апостольскую власть³²⁴.

Умер Бонифаций³²⁵, маркграф Италии; герцог Готфрид, взяв в жены его вдову Беатрис³²⁶, под предлогом женитьбы присвоил себе его марку и прочие владения. Узнав об этом, император Генрих всерьез забеспокоился, полагая, что души итальянцев, всегда жадные до перемен, вполне могут быть им подвигнуты к отпадению от Германского королевства.

1054 г. Папа Лев IX почил 19 апреля блаженной кончиной в Господе и был погребен в Риме. Император, от которого римляне требовали, чтобы он позаботился об епископе для апостольского престола, отправил Гебхарда³²⁷, епископа Эйхштетского; втайне передав письма ко всем, кто отличался в Италии богатством или воинской доблестью, он умолял их следить за герцогом Готфридом, чтобы тот не затеял чего-либо дурного против государства; и обещал, что в следующем году, если будет жив, лично придет и посмотрит, что следует делать.

[Иподьякон подложил ему³²⁸ в чашу яд. А когда тот после освящения хотел ее поднять и не смог, то, дабы узнать у Господа причину этого, вместе с народом распростерся в молитве, и отравитель тут же был охвачен злым духом. Итак, когда причина стала таким образом ясна, господин папа велел вложить чашу с кровью Господней в алтарь и вечно хранить ее в качестве реликвии. А затем он вместе с народом вновь распростерся в молитве и молился до тех пор, пока иподьякон не освободился от демона.]

Когда архидьякон Фридрих, вернувшись из Константинополя, узнал, что папа Лев ушел из этого мира и бразды церковного управления принял уже другой, то передал римской церкви те весьма ценные дары, которые привез от Константинопольского императора, и, тут же покинув Город, отправился в монастырь Монтекасино³²⁹, чтобы в последующем сражаться там за Христа под славным именем святого исповедания. Этот поступок весьма дурно был истолкован очень многими. Но никто из тех, кто рассуждал здраво, не поверил, будто он сделал это иначе, чем из рвения к вере и от пресыщения земными делами, особенно учитывая тот факт, что он в это время, измотанный тяготами долгого пути и тяжело страдавший телесно, не надеялся, что сможет прожить долго.

Умер Ацелин, епископ Хильдесхайма; ему наследовал Хецель³³⁰.

Умер Сибихо, епископ Шпейера; ему наследовал Арнольд³³¹.

Умер Гартвиг³³², епископ Бамберга; ему наследовал Адальберон³³³.

Сын императора Генрих был посвящен в Ахене в короли Германом, архиепископом Кельнским, после того как едва и с большим трудом добились на то согласия архиепископа Лиутпольда, в обязанности которого по причине первен-

ства Майнцского престола входило посвящение короля и прочее распределение государственных дел. Однако император считал это привилегией скорее архиепископа Германа, как по причине знатности его рода, так и потому, что это посвящение должно было произойти в его диоцезе.

1055 г. Рождество Господне император Генрих праздновал в Госларе и сразу по прошествии праздничных дней отправился в Италию, вызванный туда посольством римлян, которые сообщили, что в Италии вопреки [интересам] государства чрезмерно выросли власть и влияние герцога Готфрида, и если своевременно не будут приняты меры в ходе этой смуты, то им в скором времени будет без всякого стыда захвачено и само королевство. Но, когда он вступил в Италию, герцог Готфрид, отправив ему навстречу послов³³⁴, поручил передать, что менее всего думает о мятеже, скорее даже готов ради статуса государства и блага императора претерпеть любую крайность; он рад, что изгнанный из родных пределов и лишенный отцовских владений он может жить на чужбине по крайней мере за счет средств своей жены; и в жены он взял ее не хитростью и не кражей, а по ее желанию и посредством торжественно отпразднованной свадьбы.

Беатрис также, несмотря на страх, вышла навстречу императору и, едва получив возможность говорить, сказала, что не совершила ничего сверх того, что дозволено совершать согласно народному праву. Потеряв первого мужа, она взяла в опустевший дом защитника и, будучи благородной госпожой, без какого-то коварного умысла вышла замуж за благородного же господина. Ведь он позабыл бы и право, и справедливость, если бы ей ради мира с ним было отказано в том, что всегда было дозволено в Римской империи благородным дамам. Итак, император, следуя полученному от князей совету, снял с Готфрида [все] обвинения, не столько из-за того, что признал его оправдания, сколько из страха, как бы герцог, доведенный до отчаяния последними придирками, не примкнул к угрожавшим Италии войной норманнам, и его дела, и без того худые, не стали бы от этого еще хуже³³⁵. Однако Беатрис, словно сдавшуюся в плен, он увел с собой, вменив ей в вину, что она, вступив в брак без его ведома, отдала Италию врагу государства. Пребывая затем весь год в Италии³³⁶, он наилучшим образом, согласно месту и времени, уладил всё так, как того, казалось, требовала польза дела.

1056 г. Гунтер³³⁷, бывший тогда канцлером, увидел достойное памяти видение: Бог сидит на троне своего величия и, подняв вверх руку, с великой силой потрясает обнаженным мечом, говоря окружающим: *«Отмишу врагам Моим и воздам ненавидящим Меня»*³³⁸. Сразу за этим видением последовал мор среди князей королевства. После того как это исполнилось, он опять увидел, что Господь сидит в том же положении и, вложив уже меч в ножны и положив себе на колени, говорит окружающим: *«Огонь возгорелся во гневе Моем и жжет до ада преисподнего»*³³⁹.

Умер Герман, архиепископ Кельнский; ему наследовал Анно³⁴⁰, госларский настоятель.

Император, вернувшись из Италии, святую Пасху³⁴¹ праздновал в Падерборне и, после краткого пребывания в Госларе, отправился в селение Чивуа³⁴², расположенное на границе Франкского и Германского королевств, чтобы провести там переговоры с королем Франции³⁴³. Тот самым обидным и враждебным образом стал упрекать его в том, что он часто и много ему лгал и так долго отказывался возвратить значительную часть Франкского королевства, коварно захваченную его предками; но, когда император заявил, что готов, вступив с ним в поединок, опровергнуть эти обвинения, тот следующей же ночью спасся бегством, вернувшись в свои земли.

Рождество Пресвятой Марии³⁴⁴ император праздновал в Госларе и принял там в гости папу Виктора, или иначе Гебхарда, с блистательной роскошью, а именно, собрав для прославления празднества такого дня почти все богатства королевства и всех его князей. Оттуда он отправился в Бодфельд³⁴⁵ и, когда находился там какое-то время, предаваясь охоте, узнал, что маркграф Вильгельм³⁴⁶ и граф Дитрих³⁴⁷ с несметным множеством саксонского войска, которых он отправил против лютичей, пали в неудачном сражении³⁴⁸. Малое время спустя он был охвачен телесным недугом и, когда пролежал в постели семь или более дней, окончил свои дни³⁴⁹. Там были, словно нарочно призванные для организации столь пышных похорон, римский понтифик, патриарх Аквилеи³⁵⁰, епископ Регенсбурга, дядя императора³⁵¹, а также огромное множество других должностных лиц, как светского, так и духовного звания. Было замечено, что никогда прежде на памяти предков не собиралось вместе без государственного объявления столько сиятельных особ. Тело его было перенесено в Шпейер и, после состоявшихся по королевскому обычаю похорон, в день рождения апостолов Симона и Иуды³⁵², а именно в день, когда он и сам родился, было предано земле. Вместо отца королевство получил его сын Генрих, пятилетний мальчик³⁵³, на третий год после того, как был помазан в короли. Верховная же власть и все рычаги управления остались у императрицы³⁵⁴, которая защищала положение оказавшегося в опасности государства с таким искусством, что необычность такого положения не породила в нем ни смуты, ни вражды.

Умер Арнольд³⁵⁵, епископ Шпейерский; ему наследовал Конрад³⁵⁶.

Умер Конрад³⁵⁷, сын императора, герцог Баварии. Его герцогство император передал императрице во владение на основе частного права до тех пор, пока она сама будет хотеть.

Пфальцграф Деди³⁵⁸ был убит неким бременским клириком, которого он принял от своего брата, архиепископа, чтобы отправить в ссылку за преступления, в которых его обвиняли; по приказу императора его похоронили в Госларе.

Маркграфу Вильгельму наследовал граф Удо³⁵⁹, весьма деятельный муж и близкий родственник короля.

1057 г. Рождество Господне король праздновал в Регенсбурге, всё еще в присутствии папы Виктора. Затем, после того как государственные дела были более-менее улажены, насколько это было тогда возможно, он вернулся в Италию и 28 июля отошел к Господу. Эйхштеттское епископство, от которого он не отказался, став папой, получил Гунцо³⁶⁰. Тогда же все, кто [там] был из князей, из римского народа, единодушно, в едином желании согласились при избрании на [кандидатуру] Фридриха, брата герцога Готфрида, и, вытащив его из монастыря Монтекассино³⁶¹, где свеча Божья, горя и сияя, скрывалась под кроватью монастырского покоя, поставили на подсвечник³⁶² апостольского престола. И действительно, вот уже много лет никто не приступал к управлению римской церковью при более радостной поддержке и при большем ожидании со стороны всех людей. Но – увы! – столь великая надежда была сведена на нет [его] преждевременной смертью.

Умер маркграф Удо; ему наследовал его сын, Удо Младший³⁶³.

Князья Саксонии вели на частых собраниях речи об обидах, которые были им причинены при императоре, и рассудили, что им за них будет дано прекрасное удовлетворение, если они отнимут власть у его сына, пока возраст последнего еще благоприятствует этому беззаконию; не далеко отстоит от истины, что сын, как говорят, и нравами, и жизнью пойдет по стопам отца. Неожиданно большую помощь в мятежных планах оказал Отто³⁶⁴, брат маркграфа Вильгельма³⁶⁵, муж большого таланта и крепкой руки, но рожденный от неравного брака, а именно от матери славянки. Уже с детства он жил в изгнании, среди чешского народа. Но, узнав о смерти брата, он с большими надеждами на получение наследства вернулся в Саксонию, был радушно встречен там всеми князьями и настоятельными увещаниями их всех призван добиваться не только марки, которая принадлежала ему по праву наследования, но и самой королевской власти. Когда они заметили, что он убежден и готов к делу, то все заявили о своей верности; каждый обещал свою руку и свое содействие, и они постановили убить короля, как только судьба представит к тому удобный случай.

Всех, кому небезразлична была судьба государства, поразил страх; всеми силами стремясь к подавлению смуты, которая возникла, ими было решено, чтобы король как можно скорее прибыл в Саксонию и всеми возможными способами позаботился об оказавшемся в опасности государстве. Итак, рождество святых апостолов Петра и Павла³⁶⁶ он решил праздновать в Мерзебурге; туда он велел пригласить на совещание всех бывших в Саксонии князей; в то время как они направлялись туда, каждый по мере возможностей окруженный большим отрядом рыцарей, случилось, что Бруно и Экберт, двоюродные братья короля³⁶⁷, случайно наткнулись на войско названного Отто, направлявшегося сомкнутым строем ко двору короля³⁶⁸. Помимо политических причин, они были ожесточенными врагами также ввиду личной неприязни. Немедленно, дав рыцарям сигнал к битве, они прищипоривают коней, и обе стороны с равной отвагой и равной не-

ненавистью бросаются в схватку друг с другом. Там в первом ряду Бруно и Отто, оба полные гнева, оба забыв о защите в желании поразить врага, столь стремительно ринулись один на другого, что в первой же схватке вышибли друг друга из седла, нанеся один другому по смертельной ране³⁶⁹. Лишившись вождей, оба войска продолжали какое-то время сражаться с переменным успехом. Но Экберт, хоть и был тяжело ранен, в ярости от скорби по убитому брату, стремглав, в бешеном натиске бросился на густые ряды врагов и убил сына графа Бернгарда, славного юношу, едва достигшего пригодного для воинской службы возраста; прочих, сражавшихся без особого рвения, ибо они потеряли вождя, он обратил в бегство. Так государство освободилось от великого страха, и саксы, после того как погиб знаменосец мятежа, не затевали более против короля ничего враждебного.

Куно³⁷⁰, родственник короля, стал герцогом Каринтии. Его брат, Генрих³⁷¹, пфальцграф Лотарингии, по наущению дьявола дал обет монашеской жизни в Горзе. Но, когда спустя несколько дней дьявол, которым тот был одурочен, дал о себе знать, он, отступник Божий и перебежчик, отверг одеяние святого образа жизни, посредством которого ангел *Сатаны преобразился в ангела Света*³⁷², и опять вернул себе и жену³⁷³, и владения.

1058 г. Рождество Господне король праздновал в Мерзебурге³⁷⁴; там среди прочих князей королевства был также Гильдебранд³⁷⁵, аббат из Святого Павла, доставивший поручения от апостольского престола, муж весьма замечательный как красноречием, так и знанием Священного Писания.

Я, Ламберт³⁷⁶, ревнуя к известному на весь мир и угодному Богу образу жизни аббата Мегинхера, отринул заботы об имуществе, чтобы не быть отягощенным на пути Божьем, и принял 15 марта из святейших его рук святое одеяние, — увы! — совершенно недостойный такого облачения.

Благочестивой памяти папа Стефан, он же Фридрих, когда находился в городе Флоренции, то уплатил 29 марта долг смертному естеству и воистину, как мы надеемся, перешел из этой обители слез³⁷⁷ к ангельской радости. Свидетельство тому — знаки и чудеса, которыми по воле Божьей и поныне славится его могила в этом городе. Апостольский престол тут же, без ведома короля и князей, захватил некий Бенедикт³⁷⁸ Латеранский, поддержанный народной партией, которую он подкупил деньгами.

Умер Отто фон Швейнфурт³⁷⁹, герцог Швабии. Его герцогство получил Рудольф³⁸⁰, и, чтобы в сомнительных тогда делах крепче привязать его к королю [узами] родства и сделать более верным государству, с ним обручили также сестру короля³⁸¹, бывшую тогда еще в нежном возрасте, и передали ее на воспитание епископу Констанцскому³⁸², пока она не созреет для брачного ложа.

Куно, герцог Каринтии, собрав огромные силы для занятия своего герцогства, которое он столько времени не посещал из-за боязни мятежа, приготовился к первому походу. Но, застигнутый смертью³⁸³, он не довел до конца начатый путь.

Я, Ламберт, был рукоположен в священники архиепископом Лиутпольдом³⁸⁴ в Ашаффенбурге, в осенний пост³⁸⁵, и сразу же отправился в паломничество в Иерусалим, по ревности к Богу, но не по рассуждению³⁸⁶.

Экберт, он же Эппо, аббат Фульденский, умер 17 ноября; ему наследовал Зигфрид³⁸⁷, монах тамошнего монастыря.

1059 г. Рождество Господне я праздновал в городе Мароува³⁸⁸, расположенном на границе Венгрии и Болгарии.

Римские князья посылают к королю извинения, а именно: до тех пор, пока могут, они намерены соблюдать в отношении сына верность, которую обещали отцу; ввиду этого намерения они до сих пор еще не избрали на вакантный [престол] римской церкви понтифика, но скорее ждут по этому поводу его решения; они страстно умоляют его отправить к ним кого он хочет; ничто не мешает его рукоположению, разве что он *войдет во двор овечий не через дверь* законнейшего избрания, но *как-нибудь иначе*³⁸⁹. Король, проведя с вельможами обсуждение, назначает понтификом Герхарда³⁹⁰, епископа Флоренции, который соответствовал стремлениям и римлян, и немцев, и отправляет его в Рим при посредстве маркграфа Готфрида³⁹¹. Так, когда был отвергнут Бенедикт, захвативший священство вопреки воле короля и князей, Герхард, он же Николай, получил папский престол. В этом же году, поскольку аббат Мегинхер приставал к нему с просьбами о саксонских десятинах, он направил Бурхарду, епископу Хальберштадтскому, письмо и поручение – не преступать установленных отцами границ и не беспокоить Херсфельдский монастырь излишними спорами. Если же не перестанет ему досаждать, он по необходимости употребит против его непослушания розгу апостольской власти, тем более что монастырь этот находится под юрисдикцией римского понтифика, как свидетельствуют столь многочисленные привилегии его предшественников. Аббату он также написал письмо со словами утешения, которое и поныне хранится в архиве Херсфельдского монастыря³⁹².

Совершив паломничество в Иерусалим, я вернулся в монастырь 17 октября и, – что я особенно сильно просил у Бога во время всего моего путешествия, – застал аббата Мегинхера еще живым. А именно, я боялся, что если он умрет обиженный и не примирившийся, – ведь я отправился в путь без его благословения, – то я окажусь виновным перед Богом в тяжком преступлении. Но милость Божья не оставила по возвращении того, кто на протяжении столь длительного пути часто оказывался в смертельной опасности и кого она с величайшим милосердием оберегала. Я застал его невредимым; он простил [мой] грех и, словно я едва живой вырвался из преисподней, так радостно он встретил меня с распростертыми, как говорят, объятиями. Но удивительным образом, можно подумать, что жизнь его нарочно была сохранена для дарования мне отпущения: в тот же день, когда он отпустил мне мою провинность, его охватила лихорадка; страдая так от тяжелой болезни в течение восьми дней, он 26 сентября блаженно, *свершив*

*течение*³⁹³, почил в Господе, муж великих во Христе достоинств и – говорю это не в обиду всем нынешним аббатам – единственный в то время пример праведной и монашеской жизни в германских землях.

Он, как было сказано выше, вел долговременную тяжбу с Бурхардом, епископом Хальберштадтским, из-за саксонских десятин, которые тот присвоил себе, пользуясь правами епископа, отобрав у Херсфельдского монастыря. Когда и общественные, и церковные законы оказались бессильны против его наглости, и аббат, часто подавая жалобы в суд, сказывал сказку глухим судьям, он наконец незадолго до своей смерти передал ему через пфальцграфа Фридриха³⁹⁴ следующее: хотя он, как неравный силами, проиграл дело, но у Бога не будет недостатка в силах для защиты справедливости; поэтому пусть они оба будут готовы через несколько дней вести дело перед трибуналом справедливейшего судьи Божьего; там победит не тот, кто сильнее, но тот, чье дело правое. Результат не обманул. Ибо после смерти аббата прошло несколько дней, и вот, епископ, назначивший ради названного дела собор, когда был уже подан конь и он хотел спешно туда выехать, внезапно упал, пораженный Божьей карой; доставленный в спальню он тут же призвал к себе своих священников и Богом их заклинал, чтобы они вернули Херсфельдскому монастырю его десятины, навсегда прекратили всякие тяжбы по поводу этого дела и знали, что со всеми, кто попытается это сделать, приключится та же беда, что приключилась с ним, который испытал, сколь сурово карает Бог за незаконные поборы. Когда епископы Магдебургский³⁹⁵ и Хильдесхаймский³⁹⁶ пришли его навестить, он с громкими воплями признался, что уже взят на суд Божий, согласно предсказанию славного аббата, и должен дать отчет за кражу чужого добра, и настойчиво просил, чтобы они, отправив в Херсфельд послов, смиренно вымолили ему прощение за совершенное. Немного позднее, когда его внутренности были разорваны жестоким недугом, он испустил дух. Уто, его архипресвитер, по наущению которого [Бурхард] главным образом и воспылал той яростью, исполнитель и весьма рьяный пособник его козней, также умер в этом году внезапной смертью, без исповеди и без святого причастия, задушенный, как говорит народная молва, дьяволом³⁹⁷.

На место аббата Мегинхера был поставлен 8 ноября Рутард³⁹⁸, монах Корвейского устава, который был некогда поставлен в Корвейском монастыре аббатом, но впоследствии лживо, как полагают, обвиненный в неких преступлениях, потерял аббатство и несколько лет жил по разным монастырям уже как частное лицо. Епископу Бурхарду наследовал Букко³⁹⁹, госларский настоятель. Напуганный еще недавней кончиной своего предшественника он отказался от враждебности по отношению к Херсфельдскому монастырю. Хоть и грозился он не раз принять решительные меры, но дальше слов дело не шло.

7 декабря умер Лиутпольд, архиепископ Майнцский, оставив в память о себе монастырь святого Иакова, который он выстроил за свой счет за стенами Майнца на горе, что зовется «Прекрасная»⁴⁰⁰. Ему наследовал Зигфрид⁴⁰¹, аббат Фуль-

денский. Аббатство же получил Видерад⁴⁰², монах этого монастыря, происходивший также из тамошней челяди.

1060 г. Рождество Господне король праздновал в Вормсе⁴⁰³. Там же был назначен собор; но так как епископы отговорились болезнью и чумой, которая в то время сильно свирепствовала в Галлии, до его созыва дело не дошло.

Умер Сиццо, епископ Верденский; ему наследовал Рихберт⁴⁰⁴.

Умер Гебхард, епископ Регенсбургский; ему наследовал Отто⁴⁰⁵.

Скончался Конрад, епископ Шпейерский; на его место был поставлен Эйнхард⁴⁰⁶.

1061 г. Андрей, король Венгрии, видя, что Бела⁴⁰⁷, один из его родственников, притязает на трон и венгры постепенно отпадают от него к [Беле], отправил свою жену⁴⁰⁸ и сына Соломона⁴⁰⁹, с которым император⁴¹⁰ обручил свою дочь⁴¹¹ — малолетнюю с малолетним, вместе со многими богатствами к королю Генриху, умоляя, чтобы тот помог ему, послав войско, и приютил его близких, пока в делах не вернется спокойствие. Король отправил туда Вильгельма, маркграфа Тюрингии⁴¹², и Эппо, епископа Цейца, вместе с герцогом Чехии⁴¹³ и баварским войском⁴¹⁴. Но маркграф и епископ первыми вошли в Венгрию и, не дожидаясь чешского герцога, вступили с Белой в битву, перебив несметное множество венгров. Затем, когда венгры во множестве собралось отовсюду для оказания помощи своим, посланцы короля, увидев, что ни численностью, ни силами не равны такой огромной толпе, пожелали покинуть земли врагов. Но те перекрыли все места, по которым можно было уйти, и позаботились, чтобы те не нашли в пути ни еды, ни питья. Они, сверх того, тревожили отступающих частыми нападениями и, хотя те, постоянно доблестно отражая опасность, наносили врагам большой ущерб, силы их были в конце концов исчерпаны длительной резней; Андрей, случайно упав с коня, был растоптан ногами сражавшихся, епископ схвачен, а маркграф, побежденный скорее голодом, чем мечом, сдался в плен. Его доблесть вызвала у варваров такое удивление, что Иоас⁴¹⁵, сын Белы, в сравнении с тогдашними нравами этого народа не самых плохих дарований юноша, даже упросил отца не только оставить его невредимым по праву войны, но и привязать к себе узами родства, обручив с ним его дочь⁴¹⁶, сестру Иоаса.

Императрица передала Отто⁴¹⁷ герцогство Баварское, которым лично управляла после смерти своего сына Конрада вплоть до этого времени, видя, что он деятельный муж и вполне пригоден для требующих содействия государственных дел.

Генрих, пфальцграф Лотарингии, собственной рукой убил свою жену⁴¹⁸; так наконец стала для всех очевидной его одержимость дьяволом, которую он долго скрывал; он был отправлен в Эхтернахский монастырь и умер там после долгих мучений.

1062 г. Маркграф Вильгельм вернулся в Тюрингию; в то время как он собирался возвратиться в Венгрию и при великой демонстрации своих богатств привезти свою невесту, он посреди пути, во время второй остановки, был поражен болезнью и умер. Его невеста досталась Ульриху⁴¹⁹, маркграфу Каринтии, его родственнику; марку⁴²⁰ получил Отто⁴²¹, его брат. Но бенефиции Майнцкого епископства он смог получить не иначе, как обещав давать десятину со своих владений в Тюрингии и заставить делать то же самое прочих тюрингов. Это обстоятельство стало причиной многих бед, ибо все тюринги решительно осудили его действия и заявили, что предпочитают умереть, нежели лишиться обычаев своих отцов.

Императрица, всё еще воспитывая сына, собственноручно вела государственные дела и пользовалась главным образом советами Генриха, епископа Аугсбурга. Из-за этого она не смогла избежать подозрений в бесстыдной любви, ибо молва всюду говорила, что не без постыдной связи слились они в такой дружбе. Данное обстоятельство жестоко оскорбило князей, видевших, что ее авторитет, который должен был быть особенно силен в государстве, из-за личной любви ее к одному, почти совершенно исчез. Итак, не снес столь оскорбительного положения дел, они стали устраивать частые собрания, небрежно исполнять общественные обязанности, возбуждать народное настроение против императрицы, короче говоря, всеми силами пытаться отнять мальчика у матери и взять управление королевством в свои руки. Наконец Кельнский епископ⁴²², войдя в соглашение с графом Экбертом⁴²³ и герцогом Баварским Отто, прибыл на корабле по Рейну в место, что зовется островом святого Свитберта⁴²⁴. Там тогда находился король. В то время как он однажды, после праздничного пира, стал весел больше обычного, епископ начал уговаривать его прийти посмотреть его корабль, который он с удивительным мастерством построил специально для этой цели.

Он легко уговорил доверчивого и не подозревавшего ни о каком коварстве мальчика. И когда он вступил на корабль, его окружили те, кого епископ готовил в качестве соучастников и исполнителей своего замысла, внезапно вскочили гребцы, схватились за весла и быстрее слов отвели корабль на середину реки. Король, смущенный и растерянный из-за необычного поворота дела, думая, что ему уготовано не что иное, как насилие и смерть, стремглав бросился в реку; и сразу бы захлебнулся в стремительных водах, если бы граф Экберт не прыгнул вслед за ним, попавшим в беду; но и сам подвергаясь не меньшей опасности, он едва и с большим трудом спас его от смерти и вернул на корабль. Затем, успокоив его какими могли ласками, они привезли его в Кельн. Остальная толпа следовала по суше, хотя очень многие сетовали, что королевское величество подверглось насилию и лишено возможности выразить свою волю. Тогда епископ, чтобы успокоить раздражение по поводу случившегося и чтобы не казалось, будто он совершил это скорее ради личной славы, чем ради блага государства,

постановил, что каждый епископ, в чьем диоцезе король находится в данное время, должен заботиться о том, чтобы государство не потерпело ущерба и преимущественно решать дела, поступающие на рассмотрение королю.

Императрица решила не следовать за сыном и не требовать по обычному праву удовлетворения за причиненную ей обиду, но предпочла удалиться в свои земли и в последующем вести жизнь как частное лицо. Малое время спустя она, испытывая отвращение к горестям мира, наученная также личными невзгодами, как скоро и быстро *сохнет трава мирской славы от одного дуновения Божьего*⁴²⁵, задумала отречься от мира; и сразу бы бросилась исполнять задуманное, если бы друзья зрелыми советами не сдержали в ней порыв души.

1063 г. Рождество Господне король праздновал в Госларе⁴²⁶. Там в этот день, в то время как кресла епископов были расставлены к вечерней мессе, между камерариями епископа Хильдесхаймского Хецеля и камерариями аббата Фульденского Видерада вспыхнула жестокая ссора; сперва была перебранка, затем дело дошло до кулаков, и они быстро схватились бы за мечи, если бы не вмешался своей властью Отто, герцог Баварии, который защитил дело аббата. А дело было в следующем. В государстве был соблюдаемый в течение многих поколений обычай, согласно которому аббат Фульденский в собрании епископов всегда сидел рядом с архиепископом Майнцским. Но епископ заявил, что никто после архиепископа не должен иметь преимуществ внутри его диоцеза, побуждаемый к этому и славой богатств, которой он далеко превосходил своих предшественников, и удобством времени, ибо пока король всё еще был в детском возрасте, каждый безнаказанно мог делать всё, что ему придет в голову.

Папа Герхард, он же Николай, умер. На его место по выбору короля и некоторых князей был поставлен Пармский епископ и отправлен в Рим с епископом Хальберштадтским Букко⁴²⁷. При возвращении домой ему в качестве награды за хорошо исполненное поручение был пожалован паллий и другие символы архиепископского достоинства⁴²⁸. Архиепископ Майнцкий⁴²⁹, решив, что это сделано для умаления его преимущественного положения, воспринял его с крайним неудовольствием. Но, когда благодаря вмешательству архиепископа Кельнского им было получено возмещение, *его гнев утих*⁴³⁰.

Троицу⁴³¹ король праздновал в Госларе. Там, в то время как король и епископы собрались на вечернюю службу⁴³², опять возникло возмущение из-за размещения епископских кресел, но не из-за случайного столкновения, как прежде⁴³³, а по заранее задуманному плану. Ибо епископ Хильдесхайма, помня о полученном ранее оскорблении, спрятал позади алтаря⁴³⁴ графа Экберта с готовыми к бою воинами. Услышав крики ссорившихся камерариев, они тут же выскочили, избили фульденцев – кого кулаками, кого дубинками, повергли наземь и легко прогнали их, ошеломленных внезапной опасностью, из церковного святилища. Те немедленно призвали к оружию, и фульденцы, у которых оружие было под

рукой, сбившись в толпу, врываются в церковь, вступают в бой посреди хора и среди поющих псалмы братьев и орудуют уже не палками, а мечами. Происходит страшная битва, и по всей церкви вместо гимнов и духовных песнопений слышатся поощрительные крики и вопли умирающих. На алтарях Божьих приносят печальные жертвы и повсюду в церкви текут реки крови, пролитые не в соответствии с предписаниями религии, как некогда, а из-за свирепости врагов.

Епископ Хильдесхаймский, заняв более высокое место, словно воинской трубой призывал своих храбро сражаться и, чтобы не отвратились они от оружия ввиду святости места, прикрывал их щитом своей власти и разрешения. Многие с той и с другой стороны были ранены, а многие убиты; среди последних наиболее известны были Регинбод, фульденский знаменосец, и Беро, вернейший вассал графа Экберта. Король, громко крича между ними и заклиная народ именем королевского величества, казалось, сказывал сказку глухим. Наконец, увещаемый своими людьми покинуть битву и позаботиться о собственной жизни, он, с трудом пробившись сквозь плотную толпу, вернулся во дворец. Хильдесхаймцы, которые прибыли подготовленными и заранее настроенными на битву, одерживают верх. Фульденцы же, как те, кого буря внезапно вспыхнувшего мятежа собрала безоружными и застигнутыми врасплох, были рассеяны, обращены в бегство и изгнаны из церкви. Ворота тут же были закрыты. А те фульденцы, которые при первом возмущении разбежались в поисках оружия несколько дальше, являются в большом количестве и с оружием в руках, занимают передний двор церкви и выстраиваются в боевом порядке, чтобы тут же напасть на выходящих из церкви [врагов]. Но ночь прекращает битву.

На следующий день было проведено строжайшее расследование, и граф Экберт легко опроверг обвинение не столько благодаря защите права и законов, сколько благодаря расположению и милости короля, двоюродным братом которого он был⁴³⁵. Вся тяжесть вины пала на аббата⁴³⁶. Именно он, говорили, был главой и зачинщиком всего, что случилось; он якобы явился с преднамеренной яростью, чтобы нарушить покой королевского двора; доказательством этому служит то, что он пришел туда с такой массой людей, с таким блеском воинского снаряжения, хотя не был вынужден к тому никаким страхом перед опасностью. Тогда же в атаку перешел и тот апостольской святости и Моисеевой кротости епископ, который столь обильным кровопролитием посвятил Богу свои руки и карал за обиды подвергшейся насилию церкви более сурово и немилосердно, чем сам король карал за свои собственные обиды. Прежде он свирепствовал мечом против их тел, а теперь сверкал мечом духовным, чтобы погубить также их души, отлучив от церковного тела как умерших, так и тех, кто пережил бойню.

Помимо горечи от того, что случилось, аббата удручала также ненависть к самому монашескому имени, которое светские люди из-за застарелой злобы всегда пытались унижить и утеснить. Так, подвергаясь обвинениям, нападкам и давлению со всех сторон, он после стольких тяжких оскорблений ушел бы лишен-

ный самой должности, если бы его, которого не смогли защитить ни закон, ни невиновность, не спасли деньги. Ибо он, распродав и раздав имущество Фульденского монастыря, за очень высокую цену выкупил себя и своих людей. О том, сколько было дано им королю, сколько тайным советникам, а сколько епископу⁴³⁷, нам в точности неизвестно. Ведь он принял меры, чтобы это не разглашалось повсюду. Но точно известно, что средства этого монастыря, которые вплоть до этого времени были наиболее богатыми и превышали средства всех галльских церквей, так истощились и исчерпались в этот период, что теперь ты едва ли найдешь там следы прежнего богатства⁴³⁸.

Аббат после этого, получив разрешение, вернулся в Фульду в тягостном и крайне подавленном настроении из-за столь тяжких бедствий. И вот, там его встретили чуть ли не с более резкой суровостью и, согласно словам пророка, *«убежав от оружия железного, пронзил его лук медный»*⁴³⁹. Фульденским братьям изначально не нравился его суровый и более, чем подобало, угрюмый нрав. Он сам усилил недовольство и добавил не меньше огня этой зависти тем, что бесстыдно раздал вассалам церковные земли и уменьшил продовольствие братьев, установленное щедростью прежних аббатов. Они ежедневно роптали по этому поводу, и сотрясаясь монастырь от внутренней вражды. Однако они терпели, скорее из страха, чем из любви, а именно, чтобы жалобы не стали преждевременно известны и чтобы не защитила его милость короля и князей.

И когда весть о понесенном в Госларе несчастье пришла в Фульду, тогда все они, возбужденные как болью от недавней раны, так и памятью о предыдущих, стали громко роптать и призывать друг друга не упустить столь благоприятный случай, предоставленный им самим небом; для совершения дела нет недостатка ни в чем, кроме их усердия и рвения, ибо человека гонят к гибели собственные беззакония; пусть каждый из них действует по мере своих сил и освободит себя и свой монастырь от злейшего, не отца, но врага, который имя фульденское, прежде равное небу, выставил ныне всем на позор и осмеяние. А тут еще новая несправедливость подлила масла в огонь вспыхнувшего мятежа. Регинбод, который пал в той госларской схватке, передал фульденским братьям на помин своей души одного очень дорогого коня, которого аббат тут же без их ведома отдал какому-то мирянину. Братья, в гневе, со страшными криками требуют его назад: они долго с рабским терпением сносили его скорее тиранию, нежели правление, но не намерены терпеть его и далее; пусть он поскорее вернет силой отобранный у них дар чужой щедрости. Если же он промедлит, они не ограничатся уже тайными роптаниями, но открыто обратятся в суд и будут молить о божественной и человеческой помощи против его насилия.

Бремя несчастий сперва лишило аббата возможности дать ответ; затем, весь обратившись к мольбам и слезам, он стал молить и Богом их заклинять, чтобы они *не тушили*, согласно древней поговорке, *пламя железом*⁴⁴⁰ и не бередили новыми горестями до сих пор свежую и еще не затянувшуюся рану Госларского

бесчестья; чтобы помнили, что *трости надломленной не переломить*, и льна *курящегося* не обратить в золу и пепел⁴⁴¹, и пощадили его, если не ради его собственного доброго имени, то всё же ввиду его поражения и несчастья, которые столь велики, что даже у врагов его могут вызвать слезы; он же, если *ангел Господень, преследующий его*⁴⁴², немного отпустит, и если, выжив, он оправится когда-нибудь от столь тяжких бед, то не только вернет отнятое, но вдвойне одарит их подарками.

Эти слова сразу же удовлетворили тех, которые были более зрелы возрастом и разумом. Но молодежь по своему обыкновению не допускала никакой жалости, никакого снисхождения; он долго уже глумился над их наивностью посредством кротких слов; его уверения, цену которым они узнали за столь долгое время и при стольких обстоятельствах, не могут более обмануть; таковы нравы, таково нечестие этого человека, что всё, что он не сделал в данный момент под давлением несчастий, никогда не будет сделано, разве только вновь применять силу; поэтому они не намерены отступать от своего права до тех пор, пока не испытают для преодоления черствости его души все божественные и человеческие средства. Аббат долго колебался, когда видел, что ничего не добился смирением и что нет у него возможности вернуть требуемое, тем более что почти все богатства монастыря исчерпаны и их не достаточно даже для насыщения ненасытной алчности тех, которые пострадали во время госларской смуты; наконец, вызванный по приказу короля, он отправился к королевскому двору, дав своим друзьям поручение, чтобы они угрозами и ласками, любым путем, каким смогут, укротили души свирепой молодежи. Но всё это оказалось напрасным.

После его ухода вожаки молодежи, по чьей инициативе главным образом и возгорелось такое великое зло, обращаются ко всей общине и заявляют, что решили, вырвавшись из монастыря, разыскать короля, где бы тот ни находился, и просить о покровительстве его власти против свирепости аббата; они умоляют, чтобы те, которым не мешает состояние здоровья, отправились вместе с ними, а те, которые не могут это сделать по возрасту или из-за тяжелой болезни, поддерживали их предприятие своим письменным согласием. Старшим это дело показалось отвратительным и таким жутким, что и сказать страшно; повалившись на землю, они Богом заклинали, чтобы те не губили ни себя, ни ту малую надежду для Фульды, что еще оставалась; фульденское благосостояние жестоко потревожено госларским несчастьем, если же они покинут порог монастыря с этим намерением, то оно будет не только потревожено, но совершенно погибнет.

Ничуть не тронутые этими речами, ибо упрямство уже обратило их к безумию и свирепости, они тут же разбегаются по монастырю, призывают друг друга отважиться на это деяние и таким образом, наконец, когда заговор созрел, они в числе шестнадцати человек, неся перед собой крест, исполняя антифон, вырываются из стен монастыря. Вдали за ними следовали старшие по возрасту, мыслившие вполне здраво, с таким плачем и рыданием, как если бы траурная про-

цессия влекла их к погребению и они готовились услышать *последнее прости*⁴⁴³. Итак, чтобы внезапно сообщенная новость о столь дерзком предприятии не ввела короля в изумление, они отправляют вперед одного из их числа, галопом, как можно быстрее, чтобы он предъявил королю письменные доказательства столь великого урона и поведеал, вследствие какого насилия, какой необходимости они были вынуждены решиться на эту крайнюю меру. Сами же, пешком и сохраняя строй, медленно следует за ним.

После того как вестник прибыл туда и были зачитаны письма, ужас по поводу столь дерзкого деяния поразил всех, бывших во дворце; удивлялись, как среди выдающихся и апостольского образа жизни мужей могло найтись столько гнусности, что они за личные обиды хотят столь жестоко отомстить государству, что сыновья не жалеют отца, тем более в том несчастье, в каком он мог бы вызвать сочувствие и слезы даже у своих врагов. Итак, всеми было решено покарать это поразительное деяние каким-либо примерным наказанием. Тогда король, пользуясь советом архиепископа Кельнского и Отто, герцога Баварского, по произволу которых в то время управлялось государство, распорядился, чтобы сам податель писем вместе с тремя другими, которые были зачинщиками мятежа, были отправлены для содержания под стражей по различным монастырям. Для обуздания же остальной толпы, поскольку ни дух кротости, ни розга монашеской дисциплины не смогли их образумить, аббат должен был воспользоваться воинским отрядом.

Тогда аббат, отправив им навстречу рыцарей, приказал без насилия и суматохи доставить их в Фульд, где они за пределами монастыря и под стражей должны дожидаться его возвращения. Сам же, попрощавшись с королем, последовал вслед за ними. Там, собрав братьев и наиболее видных фульденских васалов, он долго держал совет, каким судом – мирским или монашеским – следует их покарать. Победило то мнение, которое определило, что тех, которые, сбросив иго устава и презрев аббата, покинули из-за упрямства монастырь и еще не были приняты назад, следует судить скорее по мирским законам. Таким образом, аббат в соответствии с мирским приговором двух из них, одного в должности священника, а другого в должности дьякона, приказал прилюдно высечь розгами, остричь и изгнать. Остальных, измученных многочисленными побоями, он разослал по соседним монастырям – одного туда, другого сюда. Однако наказание в отношении отдельных лиц было вынесено не по мере их вины, но мягче или строже, в зависимости от знатности или низости их предков. Неясно, видел ли сам аббат, пораженный сильной болью, что он, карая за свои обиды строже, чем следовало, преступил меру. Но известно, что в это время на Фульденский монастырь легло такое пятно, что в течение долгого ряда следующих друг за другом лет его нельзя было ни смыть, ни стереть.

Бела⁴⁴⁴, который захватил венгерский престол, умер. Иоас, его сын, полагая, что лучше в мире наслаждаться умеренной властью, чем, стремясь к неумерен-

ной, готовить несчастье и разорение своему народу, поручил передать королю Генриху, что если у Соломона, сына короля Андрея, ему будет оказан достойный его предков и заслуг почет, то он подчинится и будет ему верен, предпочитая соревноваться с ним скорее в благодеяниях, чем в оружии, скорее в верности, чем в борьбе⁴⁴⁵. То же самое обещали в постоянных посольствах и все венгры. Так король Генрих, вступив с войском в Венгрию, восстановил Соломона на отцовском престоле и отдал ему в жены свою сестру⁴⁴⁶; и, устранив всех, которые могли довести королю беспокойство или поколебать положение государства, он в мире вернулся в Галлию.

Воспитание короля и решение всех государственных дел было в руках епископов; наибольшим авторитетом среди них пользовались Майнцский и Кельнский архиепископы. Когда ими был допущен в совет Адальберт, архиепископ Бременский⁴⁴⁷, то он, как по причине знатности рода, так и ввиду преимуществ возраста и архиепископства, частыми речами, а также угождением и заискиванием в скором времени так привязал к себе короля, что тот, ни во что ни ставя прочих епископов, полностью склонился к нему, и он, казалось, захватил чуть ли не полную власть во всем государстве⁴⁴⁸. Вторую роль после него играл граф Вернер⁴⁴⁹, юноша неукротимого и нрава, и возраста. Они вдвоем правили вместо короля; ими же епископства и аббатства, ими же всё, что было из церковных и светских должностей⁴⁵⁰, продавалось. Ни у одного, хотя бы и деятельного и выдающегося мужа, не было иной надежды на получение какой-либо должности, как только прежде выкупить ее у них посредством огромного расточения своих денег. Правда, от епископов и герцогов они удерживались, но скорее из страха, чем из благочестия. Против аббатов же, поскольку те не могли сопротивляться этим обидам, они свирепствовали с полной безнаказанностью, открыто заявляя, что король имеет над ними не меньше права и власти, чем над своими фогтами или над какими-либо другими распорядителями королевского фиска.

Сперва они распределили монастырские земли среди своих сторонников, как им было угодно, а то, что осталось, частым взысканием королевских повинностей истощили до самой последней крайности. Затем, когда дерзость [их] возросла, они совершили нападение на сами монастыри и поделили их между собой, словно провинции, тогда как король с детской беспечностью соглашался на все их распоряжения. Итак, Бременский архиепископ занимает два аббатства – Лоршское и Корвейское⁴⁵¹, утверждая, что это – награда за его верность и преданность по отношению к королю. Чтобы это не вызвало злобы у прочих князей королевства, он, уговорив короля, дает Кельнскому архиепископу два [аббатства] – Мальмеди и Корнелимюнстер⁴⁵², Майнцскому архиепископу одно [аббатство] – в Зелигенштадте⁴⁵³, Отто, герцогу Баварскому, также одно – в Альтайхе, и Рудольфу, герцогу Швабии, одно [аббатство] в Кемптене⁴⁵⁴.

Итак, чтобы получить в свою власть всё Корвейское аббатство, архиепископ Бременский сочиняет следующую выдумку. Распространив при королевском

дворе слух, он заявляет, будто епископ⁴⁵⁵ одного заальпийского города под названием Пола ушел из этого мира. Уговорив короля, он назначает ему в преемники аббата Корвейского⁴⁵⁶ и приказывает, чтобы тот как можно скорее отправился навестить оставшуюся без правителя церковь. Однако пока он мешкал, делая необходимые дорожные приготовления, из Италии пришли люди, сообщившие, что епископ, о котором говорили, будто он умер, жив и здоров, после чего все стали смеяться и проклинать коварство архиепископа. Тогда Отто, герцог Баварский, вдохновленный духом Божиим на то, чтобы помешать такому беззаконию⁴⁵⁷, приложив повсюду множество усилий, едва и с большим трудом добился, чтобы и аббату, и Корвейскому монастырю в целости сохранили их честь, их достоинство.

Затем, когда вассалы архиепископа пришли в Лоршский монастырь, сообщив, что согласно королевскому пожалованию это место перешло во власть и собственность архиепископа, и приказали, чтобы аббат⁴⁵⁸ не замедлил явиться в указанное ему место, то всех охватила такая боль и негодование, что они не преминули бы поднять руку на этих послов, если бы обычное право не значило для них больше, чем гнев. С оскорблениями их выслушали и с еще большими оскорблениями отпустили. После того как об этом сообщили королю, он, отправив других послов, приказал аббату под угрозой для его жизни отречься от аббатства и спешно покинуть монастырь. Тот, узнав о королевском приговоре еще до прибытия послов, велел любезно их принять, но отложил на следующий день слушание того, что им было поручено. А ночью, уйдя оттуда вместе с немногими, он укрылся в надежнейших местах, о которых никто, кроме очень немногих людей, ничего не знал; ранее он тайно доставил туда все церковные богатства и разместил их в укромном месте. Таким образом, послы на следующий день, не имея кому изложить королевский приказ и сильно удивляясь мудрости этого мужа, вернулись домой, не исполнив поручения. Тогда вассалы [аббата], каких он в то время имел наиболее известных славой богатств и знанием военного дела, собираются с силами и занимают расположенную близ монастыря гору⁴⁵⁹; они выстраивают крепость, ставят там гарнизон, готовые с риском для жизни оказывать архиепископу противодействие в его намерении овладеть монастырем.

1064 г. Римские вельможи⁴⁶⁰ ссылались на то, что король поставил понтифика римской церкви, не посоветовавшись с ними, и из-за этой обиды, казалось, задумали отпадение. Поэтому [король] решил отправить Кельнского архиепископа⁴⁶¹ в Рим. Последний, придя туда, поскольку не мог найти какого-либо выхода из этого запутанного положения, объявил рукоположение, которое было совершенно без ведома римского сената, не имеющим силы, и, устранив таким образом Пармского епископа, постановил по их выбору рукоположить вместо него Ансельма, епископа Лукки⁴⁶². Однако, когда он, выполнив поручение, вернулся в Галлию, Пармский епископ с немалым вооруженным отрядом попытался силой

сбросить епископа Лукки с апостольского престола. Когда сторонники последнего, в свою очередь, стремительно бросились к оружию, произошла битва, и многие, получив ранения, пали и с той и с другой стороны⁴⁶³. Когда строгость нравов церковной непреклонности была развращена таким образом, люди не привлекались, как некогда, посредством возложения рук к управлению церквями Божиими, но с оружием в руках сражались, чтобы управлять ими, и проливали кровь друг друга не ради овец Христовых, но чтобы повелевать овцами Христовыми. Наконец, Ансельм, он же Александр, получил престол благодаря доблести рыцарей и расположению знати. Другой же, хотя и был изгнан оскорбительным образом, всё же пока был жив⁴⁶⁴, не отступал от своего права, постоянно оскорбляя [Ансельма], называя его прелюбодеем церкви Божьей и лжеапостолом; служа также отдельно мессы, он не переставал совершать рукоположения и по обычаю апостольского престола направлять по церквям свои декреты и письма. Однако никто не обращал на это внимания, ибо все упрекали его в том, что он в отищение за частное оскорбление осквернил кровопролитием также апостольский престол.

Умер Генрих, епископ Аугсбурга, ненавистный королю, ненавистный всем епископам за высокомерное управление королевством во времена императрицы⁴⁶⁵. Ему наследовал Эмбрико⁴⁶⁶, настоятель из Майнца, муж пастырской благопристойности и достоинства.

Граф Вернер без ведома аббата⁴⁶⁷ просил у короля селение нашего монастыря под названием Кирхберг⁴⁶⁸ и получил его. За его возвращение мы вели длительную борьбу, сражаясь против дикости такого сильного врага не плотским оружием, но постами и частыми молитвами. Поэтому он обычно скорее язвительно, нежели остроумно шутил, что, мол, достоин у короля еще большей награды, ибо, применив новые методы, он пробудил его монахов, прежде медлительных в трудах Божьих и охладевших, и против воли принудил их к постам и хождению босиком.

Епископы Зигфрид Майнцский, Гунтер Бамбергский, Отто Регенсбургский и Вильгельм Утрехтский⁴⁶⁹, а также очень многие другие, столпы и главы Галлии, осенней порой отправляются в Иерусалим.

1065 г. Рождество Господне король праздновал в Госларе, а Пасху – в Вормсе. Там, посреди торжественного богослужения архиепископ Бременский, в то время как совершал достойную столь великого праздника проповедь, избавил от мучений демона одного человека, после того как за него были произнесены молитвы как его собственные, так и всего народа, который там был. Это событие стало для всех великим чудом, а именно, все были поражены тому, что муж столь дурной в народе репутации, который не вел добродетельной жизни, дал доказательство добродетелей. Однако его соперники недоброжелательно объяснили это тем, что успех столь важного дела следует приписать не его заслугам, но молитвам присутствовавшего там народа.

Там с разрешения этого архиепископа король впервые опоясал себя боевым оружием⁴⁷⁰, и тут же произвел бы первое испытание полученного вооружения на архиепископе Кельнском, и сломя голову ушел бы для его преследования огнем и мечом, если бы императрица весьма своевременным советом не уладила эти запутанные обстоятельства. Среди прочего ему особенно ненавистно было то, что несколько лет назад⁴⁷¹ [Анно], в то время как хотел лишить императрицу прав на королевскую власть и управление делами, чуть не подверг смертельной опасности самого короля.

Преемником Хецелю⁴⁷², незадолго перед тем умершему епископу Страсбурга, был поставлен Вернер⁴⁷³, родственник графа Вернера.

Между тем названные епископы, отправившиеся в Иерусалим, в то время как необдуманно показывали народам, через земли которых держали путь, огромное количество своих богатств, оказались бы в крайней опасности, если бы божественное милосердие не поправило погибшее было из-за человеческого безрассудства дело. Ибо у варваров, которые толпами стекались из городов и с полей для лицезрения столь сиятельных мужей, чужеземные наряды и великолепные облачения сперва вызвали огромное удивление, а затем, как это обычно бывает, возбудили в них немалую надежду на добычу и желание. Итак, когда они, миновав Ликию, вступили в земли сарацин и уже отошли на один или чуть более переходов от города под названием Рамла⁴⁷⁴, то в пятницу⁴⁷⁵ перед Пасхой около третьего часа дня подверглись нападению арабов, которые, узнав о прибытии столь блистательных мужей, собрались отовсюду в большом количестве и при оружии для захвата добычи. Большинство христиан, полагая кощунственным оказывать себе помощь собственной рукой и защищать свою жизнь, которую они, отправившись в чужие края, посвятили Богу, земным оружием, были повержены в первой же схватке, подавлены множеством ран и лишились всего, что имели, вплоть до нитки и ремня от обуви⁴⁷⁶. Среди них голый и полуживой остался также Вильгельм, епископ Утрехтский, чья рука была почти парализована от ударов. Остальные христиане, бросая камни, тот род метательных снарядов, какие случайно и в изобилии предоставляла сама местность, не столько отражали опасность, сколько пытались отвлечь смерть, которая непосредственно угрожала. Постепенно отступая, они отклонились к селению, которое отстояло от дороги на небольшом расстоянии. Из-за сходства названия они решили, что это Капернаум⁴⁷⁷.

Как только они вошли в него, все епископы занимают некий двор, огражденный низким и столь ветхим забором, что он, даже если бы и не применялась никакая сила, легко рухнул бы от одной старости. Посреди него находился дом, имевший достаточно высоко расположенный верхний этаж, будто нарочно приспособленный для обороны. Его верхнюю часть занимают епископы Майнцский и Бамбергский со своими клириками, а нижнюю часть – остальные епископы⁴⁷⁸. Все миряне деятельно бегают в разные стороны для отражения нападения врага

и обороны ограждения, и, бросая камни, как было сказано выше, сдерживают первый натиск битвы. Затем, когда варвары выпустили по лагерю огромную тучу стрел и [наши] сами большей частью, совершив на них нападение, силой вырвали у них из рук щиты и мечи, они уже не только довольствуются защитой ограждения, но и отваживаются порой совершать вылазки за ворота и вступать с ними в рукопашный бой. В то время как арабы уже нигде и никакими силами не могут сдержать их натиск, они наконец принимают решение перейти от беспорядочных схваток к осаде и пытаются голодом и усталостью подавить тех, кого не смогли одолеть мечом.

Итак, войско, которое было чересчур многочисленным, а именно собралось около 12 000 воинов, разделяется, чтобы одни, сменяя других в ведении осады, не давали им⁴⁷⁹ никакой или почти никакой возможности передохнуть, предполагая, что из-за недостатка всех средств, какими обычно поддерживают человеческую жизнь, они не смогут долго выдерживать тяжесть борьбы. Таким образом, христиане подвергались непрерывным атакам весь Святой Пяток, всю Святую Субботу почти до самого третьего часа дня Пасхи; упорство врагов не давало им ни малейшего времени на то, чтобы тела могли отдохнуть хотя бы посредством сна. Ибо, имея смерть перед глазами, они не желали ни еды, ни питья, но даже пожелай они их из всех сил, у них не было ничего, что можно было бы принять внутрь, ибо они испытывали недостаток во всем.

Когда на третий день⁴⁸⁰ они, истощенные трудом и голодом, дошли уже до крайности, и, поскольку доблесть была сломлена постом, храбрые усилия по большей части ни к чему не приводили, некто из числа священников воскликнул, будто они неправильно делали, что возлагали надежды и силы скорее на свое оружие, нежели на Бога, и собственными силами пытались отвлечь беду, в которую попали по Его попущению; поэтому ему кажется правильным, чтобы они сдались, особенно, когда трехдневное воздержание сделало их уже совершенно непригодными для воинских подвигов. Богу не трудно оказать им, сдавшимся и пропущенным врагом под ярмо, милосердие, ибо Он столько раз чудесным образом спасал своих, даже оказавшихся в крайней нужде людей. Он указал также на то, что варвары свирепствуют с таким напряжением сил отнюдь не для того, чтобы их убить, но чтобы отнять их богатства; если они завладеют ими, то затем без насилия, без тягот разрешат им уйти свободными и невредимыми. Это предложение всем пришлось по душе; они тут же обратились от оружия к просьбам и через переводчика стали умолять, чтобы приняли их сдачу.

Узнав об этом, арабский вождь галопом спешит к первым рядам и остальных при этом удаляет подальше, боясь, как бы добыча не была беспорядочно растащена безрассудно допущенной толпой. Взяв с собой семнадцать наиболее знатных из своего народа, он вошел в открытый лагерь, оставив у ворот ради охраны своего сына, чтобы кто-либо жадный до добычи случайно не ворвался вслед за ним без приглашения. Когда он, приставив лестницу, вместе с немногими

поднялся на верхний этаж, где скрывались Майнцский и Бамбергский епископы, то Бамбергский епископ, которому, хоть он и был младшим по возрасту, все, однако, оказывали особые почести за преимущество добродетелей и достойную восхищения благородную наружность всего тела, начал просить его взять себе всё, что они имели, до последнего квадранта⁴⁸¹, и разрешить им уйти лишенными всего. Однако тот, гордый победой и, помимо врожденной дикости нравов, сильно озлобленный также понесенными в стольких схватках потерями, заявил, что он уже три дня вел против них войну не без тяжких потерь среди своего войска с тем намерением, чтобы поступить с побежденными на своих условиях, а не на тех, какие они сами выдвинул; итак, пусть не ободряются пустой надеждой: забрав всё, что у них есть, он намерен съесть их плоть и выпить их кровь.

Не медля, он развязал платок, которым закрывал голову по обычаю [своего] народа, и, сделав петлю, набросил на шею епископа. Епископ, поскольку был мужем благородной скромности и вполне зрелого величия, не снес оскорбления, с такой силой дал ему кулаком в лицо, что одним ударом сбил его с ног и повалил на пол, воскликнув при этом, что сначала он сам накажет его за нечестие, за то, что он, безбожник и язычник, дерзнул поднять нечестивые руки на священника Христова. Прочие клирики и миряне тут же бросаются [вперед] и как ему, так и остальным, которые поднялись на верхний этаж, связывают руки за спиной настолько тугими узлами, что у большинства лопнула кожа и сквозь ногти потекла кровь. Как только тем, которые располагались в нижней части дома, стало известно о смелом поступке, они точно так же поступают с теми арабскими князьями, которые находились у них. Затем все миряне, подняв крик до самого неба и призвав к себе на помощь творца всего сущего, Бога, вновь хватаются за оружие, занимают ограждение и, вступив в бой со стражей, что была у ворот, разбивают ее и обращают в бегство, и завершают везде дело такие бодрые, так возобновив силы благодаря нечаянному успеху, что можно было подумать, будто ни усталость, ни тяготы не коснулись их от трехдневного голода и трудов.

Арабы, чрезвычайно удивленные такой бодростью, внезапно возникшей из тревоги и крайнего отчаяния, полагая, что причиной этого поворота является не что иное, как то, что была совершена казнь над их князьями, с величайшей яростью бросаются в битву и, сбившись в кучу, готовятся при помощи оружия, при помощи мужей ворваться в лагерь. И это было бы сделано, если бы не возник своевременный план и христиане не поставили связанных князей в том месте, на которое обрушился самый ожесточенный натиск врагов и самый густой дождь стрел, расположив над их головами палача, который, держа в руках обнаженный меч, кричал через переводчика, что если те не прекратят штурм, то наши будут сражаться с ними не оружием, а головами их князей. Тогда сами князья, которых помимо тяжести оков сильно тревожил также угрожавший [их] шеям меч, с громким рыданием заклинали своих людей вести себя более умеренно, чтобы они, упорно навязывая врагам битву, не подстрекнули их к казни и их убийству,

когда у них будет отнята надежда на прощение. Потрясенный грозившей отцу опасностью сын арабского вождя, который, как я упомянул выше, был оставлен у дворовых ворот отцом ради охраны, быстрым шагом устремился в самую гущу своих людей, громким криком и руками сдержал натиск разъяренного войска и запретил пускать во врагов стрелы, которые поразят не врагов, как те полагали, а их вождей в их собственные груди.

После того как благодаря этому случаю ненадолго установилось спокойствие от борьбы и нападений, в лагерь к христианам прибыл гонец, присланный теми, кто в Святой Пяток, лишившись всего, нищие и раненые добрались до Рамлы. Он доставил изнуренным горечью и страхом душам великое облегчение, сообщив, что правитель названного города, хоть и язычник, но вдохновленный, как полагали, духом Божиим, идет с большими силами для их освобождения. Слух о прибытии врагов не мог укрыться и от арабов. Все они, обратив мысли от осады других к спасению самих себя, тут же обратились в бегство и разбежались кого куда призывала надежда на спасение. В этой суматохе, в то время как одни бегали туда-сюда, заботясь о другом, один из связанных сбежал, воспользовавшись содействием некоего сарацина, который был у христиан проводником в пути, к такому всеобщему горю, такой печали, что они едва удержали [свои] руки от того, по чьей милости он был отпущен.

Вскоре после этого тот правитель, о котором было сказано, прибыл вместе с войском и был мирно принят христианами во дворе, хотя все колебались между надеждой и страхом, что беда, возможно, еще не ушла, но поменялся лишь враг, и ввиду необычайности дела с трудом верили, что Сатана захочет изгнать Сатану⁴⁸², то есть язычник захочет удержать язычника от нападения на христиан. Сначала [правитель] велел представить ему всех связанных. Когда он оглядел их и по порядку услышал о том, что произошло, то воздал христианам великую благодарность за блестяще совершенные подвиги и за взятых в плен злейших врагов государства, которые уже многие годы постоянными опустошениями тревожили Вавилонское царство⁴⁸³ и по большей части сокрушали в бою крупные отряды, снаряженные против них. Передав их стражникам, он велел сохранить их живыми для вавилонского царя. А сам, получив от христиан сколько полагалось денег, вместе с собой привел их в Рамлу. Оттуда, придав им отряд легковооруженных юношей, чтобы они вновь не подверглись нападению разбойников, он приказал довести их до Иерусалима. Не испытав в дальнейшем трудностей ни по пути туда, ни по пути обратно, они добрались до Ликии, благодаря Бога за то, что Он, проведя их через столько тягостных обстоятельств, живыми и невредимыми доставил в безопасное место. Когда они возвращались оттуда через земли христиан, всё делалось в соответствии с их пожеланиями.

Однако, после того как они прибыли в Венгрию, Гунтер, епископ Бамбергский, – увы! – застигнутый преждевременной смертью, сделал конец благополучного и радостного возвращения скорбным для них всех. Скончался же он

23 июля в цветущем и особенно подходящем для наслаждения этим миром возрасте, муж, помимо нравственных достоинств и душевных богатств, особенно украшенный также телесными преимуществами. Происходя от придворных вельмож⁴⁸⁴, он, кроме епископства, был чрезвычайно богат частными владениями, скор в речи и совете, сведущ как в духовных, так и в светских науках, а ростом, изяществом фигуры и безукоризненностью всего тела настолько превосходил прочих смертных, что во время похода в Иерусалим люди стекались из городов и с полей из желания посмотреть на него, и каждый, кому довелось его видеть, считал, что ему повезло. Поэтому, когда они бывали на постоялом дворе и невоздержанная толпа в большинстве случаев докучала им из-за него, прочие епископы не раз побуждали его выходить к людям и своим видом отвлекать осаждавшую ворота толпу от причинения беспокойства остальным. Такой блеск преходящего счастья делали в нем еще ярче и полнее невинность жизни и умеренность нравов. Ибо столь великую славу двойной человеческой сущности, которой все восхищались, только он один настолько не ценил в себе ради Бога, что проявлял себя общительным и доступным даже с людьми низшего сословия и в большинстве случаев принимал тяжкие словесные оскорбления от своих рабов, оставляя их безнаказанными. Итак, в торжественной погребальной процессии доставленный на родину и принятый при горьком рыдании всех, кто его знал, он был погребен в Бамбергской церкви, где воспитывался с малых лет. В епископстве ему наследовал Герман⁴⁸⁵, викарий Майнцкий, который был поставлен в том же Иерусалимском паломничестве; в то время как он видел, что тот из-за усиливающейся болезни скоро умрет, то загодя отправил посольство к своим близким, которым, покидая отечество, поручил управление своим имуществом, с просьбой, чтобы они каким угодно способом открыли ему доступ к епископству. Что те старательно и сделали, истратив на его покупку неисчислимые груды золота и серебра.

Умер Эйльберт, епископ Пассау; ему наследовал Альтман⁴⁸⁶, капеллан императора, который вместе с прочими князьями ушел в это время в Иерусалим и был назначен епископом в свое отсутствие при посредничестве императрицы.

Арнульф, епископ Вормса, муж пастырской скромности и святости, отошел к Господу; ему наследовал Адальберон⁴⁸⁷, монах из Санкт-Галленского монастыря, брат герцога Рудольфа, совершенно хромой на одну ногу, но во всех отношениях достойный внимания муж. Ибо он был человеком огромной силы, чрезмерной прожорливости и такой толстый, что внушал видевшим его людям скорее страх, нежели удивление; так что ни сторукий гигант, ни какое-либо иное чудовище древности, если бы оно вдруг вышло из преисподней⁴⁸⁸, не обратило бы на себя большего внимания удивленного народа, чем он.

1066 г. Рождество Господне король праздновал в Госларе⁴⁸⁹. Там он уже с самого начала осени и до этой части зимы неотлучно находился⁴⁹⁰ словно в посто-

янном лагере, имея содержание, явно не соответствующее королевскому величию. Ибо, кроме того немногого, что поступало из доходов королевской казны, или того, что вынужденно поставляли аббаты, всё остальное для его ежедневных потребностей ежедневно покупалось за наличный расчет. Это именно случилось из ненависти к архиепископу Бременскому, которого все обвиняли в том, что он под предлогом дружбы с королем захватил открыто тираническую власть. Поэтому они и отказывали королю в обычных повинностях, и епископ не хотел уводить короля в другие части королевства, а именно, чтобы, деля с другими князьями первенство в совете и [королевской] близости, он не лишился чего-либо от полноты присвоенной им единоличной власти. Но князья королевства, по-видимому, не намерены были и дальше терпеть несправедливость. Архиепископы Майнцский и Кельнский вместе с прочими, имевшими попечение о государстве, проводили частые собрания и все просили сообща обсудить, что следует делать. Затем, когда заговор уже окреп, они назначили всем князьям королевства день генерального собрания, чтобы все они, собравшись в Трибуре⁴⁹¹, общими стараниями выступили против Бременского архиепископа, общего врага их всех, и объявили королю, что ему следует либо отречься от трона, либо лишить Бременского архиепископа доверия и дружбы.

Когда об этом ужасном деле стало известно в Госларе⁴⁹², король немедленно поспешил на указанное собрание. Вместе с ним в поместье Ингельхайм, часть которого также принадлежит нашему монастырю, прибыл и граф Вернер и расположился на ночлег. Там, в то время как его рыцари брали добычу у местных жителей и те, призвав [друг друга] к оружию, попытались силой себя защитить, возникла жестокая битва. В то время как граф Вернер деятельно вмешался в нее для оказания помощи своим людям, он был поражен палкой в голову каким-то ничтожным рабом нашего монастыря или, как говорят другие, какой-то танцовщицей, упал и полуживой был доставлен к королю. Увещаваемый епископами, которые там были, чтобы, оказавшись уже при последнем издыхании, он дал Богу удовлетворение за свои грехи и, признав, что погиб в результате молитв херсфельдских монахов, вернул им поместье Кирхберг, которое незаконно захватил, он никоим образом не соглашался, пока епископы, придя к согласию, не пригрозили, что не дадут умирающему святого причастия, если он прежде не снимет с себя бремя столь тяжкого греха. Таким образом, побежденный наконец, скорее стыдом, нежели верой, он вернул [поместье] и тут же скончался.

В назначенный день⁴⁹³ лица всех [князей] были суровы по отношению к королю, суров был и приговор – он должен или отказаться от трона, или удалить архиепископа Бременского от своего совета и от соучастия во власти. В то время как тот увертывался и колебался, что лучше избрать, архиепископ дал ему совет – тайно бежать ближайшей ночью, унеся с собой королевские инсигнии, и укрыться в Госларе или в другом месте, где он будет в безопасности от насилия, пока не уляжется эта буря. С наступлением вечера он уже начал выносить коро-

левские богатства при посредстве вассалов и соучастников его хитрости, когда слугам короля, – уж не знаю от кого, – внезапно стало известно об этом плане; схватив оружие, они тут же окружили королевский двор, а затем, проведя без сна всю эту ночь, стерегли, чтобы не случилось чего-нибудь неожиданного. Когда же настало утро, против архиепископа поднялось такое возмущение, что люди не удержались бы от насилия, если бы королевскому величеству едва и с большим трудом не удалось сдержать их гнев. Итак, он был с позором изгнан из королевского двора со всеми приспешниками своей тирании, и король послал вместе с ним немалый отряд своих друзей, а именно, чтобы он по пути не попал в засаду, устроенную его соперниками. Так управление общественными делами вновь вернулось к епископам⁴⁹⁴, чтобы все они в определенной последовательности предвидели, что требуется королю, что государству.

Пасху⁴⁹⁵ король праздновал в Утрехте. Эберхард, архиепископ Трирский, в то время как он в Святую Субботу торжественно представлял народу таинство столь великого дня, вернулся в ризницу, склонил голову на грудь архидьякона и в окружении братьев испустил дух⁴⁹⁶. Его епископство при посредничестве архиепископа Кельнского получил Куно⁴⁹⁷, настоятель из Кельна. Но и духовенство, и народ Трира с большим негодованием и раздражением восприняли тот факт, что их не допустили к его избранию и не спросили их мнения, и стали побуждать друг друга смыть это памятное оскорбление каким-либо памятным поступком. В то время фогтом Трирской церкви был граф Дитрих, юноша дерзкий как по природе, так и по возрасту. В тот день, когда епископ надеялся вступить в город, он вышел ему навстречу с большим отрядом и в предрассветных сумерках, прежде чем тот покинул постоянный двор⁴⁹⁸, напал на него, убил немногих, пытавшихся оказать сопротивление, а остальных, пораженных нечаянным страхом, легко рассеял и обратил в бегство. Огромные богатства, которые тот привез с собой, он разграбил, а самого епископа, схватив и передав в руки палачей, велел сбросить вниз с высокой скалы и таким образом убить⁴⁹⁹. Останки его были собраны благочестивыми мужами и погребены в Толейском монастыре; там вплоть до настоящего времени он, как говорят, часто прославляется свыше великими чудесами. В епископстве ему наследовал Удо⁵⁰⁰, после того как с его избранием согласились и духовенство, и народ.

Во время Пасхи на протяжении почти 14 ночей являлась комета. В это время в северных землях произошла чрезвычайно ужасная и горестная битва; в ней англосаксонский король полностью уничтожил трех королев вместе с их несметным войском⁵⁰¹.

Король, придя во Фрицлар, очень тяжело заболел⁵⁰², так что врачи отчаялись его спасти, и князья начали совещаться о замещении трона. Едва полностью восстановив силы от этой болезни, король праздновал Троицу⁵⁰³ в Херсфельде. Малое время спустя он в Трибуре с королевской пышностью отпраздновал свадьбу с королевой Бертой⁵⁰⁴, дочерью итальянского маркграфа Отто.

Умер Регинхер, епископ Мейсена; ему наследовал Крафт, настоятель из Гослара. Но, когда он по принятии епископства прибыл в Гослар, то после того как подкрепился, будто бы желая немного отдохнуть, заперся в комнате, где тайно зарыл свои сокровища, которые очень любил. Когда день уже клонился к вечеру, а он сверх меры и вопреки своему обыкновению, казалось, предавался сну, кубикюлярии, удивляясь этой странности, стали стучаться в дверь. Но ни на стук, ни на крики не было никакого ответа. Наконец, взломав двери, они ворвались в комнату и обнаружили его бездыханным и уже почерневшим, жалким образом лежащим со сломанной шеей на своих богатствах. Епископство вместо него принял Бенно⁵⁰⁵, каноник названной Госларской церкви.

1067 г. Умер Отто, маркграф Тюрингии; его смерти сильно обрадовались все тюринги, потому что он первым из тюрингских князей согласился, как было сказано, давать десятину со своих владений в Тюрингии и тем самым, казалось, причинил своему народу большое несчастье. Его марку получил Экберт, двоюродный брат короля.

Умер Эйхард, епископ Шпейера; ему наследовал Генрих⁵⁰⁶, каноник Госларской церкви, едва достигший подходящего для занятия столь важного сана возраста и получивший его не столько благодаря выбору князей, сколько благодаря милости короля, с которым был очень дружен в детстве.

Умер Бенно⁵⁰⁷, епископ Оснабрюкка; ему наследовал другой Бенно⁵⁰⁸.

Король, придя на рождество святого Мартина⁵⁰⁹ в Гослар, тяжело заболел и, страдая от этой болезни в течение многих дней, лежал в постели.

1068 г. Рождество Господне король, еще не полностью восстановив здоровье, праздновал в Госларе; маркграф Экберт, уйдя от него по прошествии праздничных дней, вернулся в свои земли, но, пораженный умеренной лихорадкой, окончил свою жизнь. Однако марку⁵¹⁰ он еще при жизни добыл для своего сына⁵¹¹, ребенка чересчур нежного возраста, которого ему родила вдова⁵¹² герцога Отто фон Швейнфурта. Правда, за несколько дней до того как уйти из жизни, он собирался дать ей развод и вопреки законам и каноническим установлениям сочетаться браком со вдовой⁵¹³ маркграфа Отто, которая, казалось, была более красива и больше подходила ему своим диким характером. Но смерть, вовремя придя, помешала его нечестивым намерениям.

Умер Равенгер⁵¹⁴, патриарх Аквилеи; ему наследовал канцлер Сигехард⁵¹⁵; канцлером вместо него был назначен Бибо.

[Церковь на горе святого Петра⁵¹⁶ сгорела 14 ноября.]⁵¹⁷

1069 г. Рождество Господне король праздновал в Госларе, Пасху – в Кведлинбурге, а Троицу – в Кельне⁵¹⁸; после Троицы он провел с князьями королевства совещание в Вормсе⁵¹⁹. Там он сперва ведет тайные переговоры с епископом

Майнцским и настойчиво умоляет его о помощи для завершения того, что он задумал в душе; если он добьется своего, то впредь будет покорен и послушен его слову; к тому же он при помощи вооруженной силы, если не сможет иначе, заставит тюрингов платить ему десятину без всякого возражения. После того как епископ согласился и с обеих сторон было заключено соглашение, король официально заявляет, что не ладит со своей супругой; он долго обманывал глаза людей, но не желает более лгать; он не может предъявить ей какого-либо обвинения, за которое она по праву заслужила бы развод, но, не ясно, по какой роковой случайности, по какому Божьему приговору, не имеет возможности исполнять с ней супружеский долг. Поэтому он Богом заклинает их освободить его от злополучных уз, позволить им мирно расстаться, чтобы она ему, а он ей, если так хочет Бог, открыли дорогу к более счастливому браку. И, чтобы никто не ссылался на то, что, мол, раз нарушенное целомудрие может стать помехой вторичному браку, он под присягой заявляет, что как принял ее, так и сохранил нетронутой, и она осталась девицей. Это дело показалось всем присутствующим отвратительным и совершенно не совместимым с королевским величием. Однако каждый счел рискованным отвергнуть дело, на которое король обратил столь страстное внимание. Епископ, купленный столь дорогим обещанием, также насколько мог, не роняя престижа, без всякого неудовольствия защищал дело короля. Итак, когда все решили, что так тому и быть, он для завершения этого дела назначил в Майнце собор на ближайшей после праздника святого Михаила неделе. Пока в его ожидании дело оставалось нерешенным, королева была отправлена в Лорш, чтобы ждать там указанного времени. А король отбыл в другое место, куда его призывали государственные дела.

Между тем Деди⁵²⁰, саксонский маркграф, женившись на вдове⁵²¹ умершего три года назад маркграфа Отто, всеми силами пытался приобрести также земли, которые тот держал в качестве лена от различных господ⁵²². Когда никто ничего не дал по его требованию, он, не снеся унижения, стал готовить войну против короля, от которого главным образом зависело, что ему ничего дали, и в частых переговорах побуждал к участию в войне тюрингов. Он надеялся, что это легко будет сделать, потому что король, помогая архиепископу во взимании десятины, сильно отвратил от себя их души. Но главным подстрекателем этой ярости была его чересчур жестокая жена. Именно она вдохнула в этого спокойного по природе и склонного по возрасту к мягкости мужа юношескую энергию, часто твердя, что если он мужчина, то не должен оставлять безнаказанным это оскорбление и проявлять меньшую отвагу, чем ее прежний муж, которого он превосходит и силой, и богатством.

Король, сильно раздраженный полученной вестью, очень быстро собрал огромные силы, какие были бы достаточны даже для ведения серьезной войны. Тогда же епископ Майнцкий, полагая, что настало время, когда он при случае общеимперской войны может излить на тюрингов личную ненависть, показал

себя наиболее враждебным и побуждал короля вести дело как можно более жестоко; он также со всеми силами своих друзей, со всеми силами Майнцского епископства взялся за это предприятие.

Тюринги не обманывались насчет враждебности к ним епископа; питая к нему не меньшую ненависть, они послали к королю послов, говоря, что не затевают против него ничего дурного, ничего, что было бы не так, и вовсе не поднимают оружия против государства по его⁵²³ совету и в его поддержку; они скорее сами готовы сражаться против врага государства даже с риском для жизни; но с еще большей готовностью и преданностью они это сделают, если обнаружится, что законы о десятине, дарованные им милостью прежних королей и епископов, останутся неизменными и нерушимыми. Если же епископ придет к ним довершить Божье дело не духовным, но земным оружием и захочет по праву войны исторгнуть у них десятину, какой не смог добиться ни по церковному праву, ни по судебному закону, то они уже давно связали себя клятвой и обязались не позволить разбойникам и грабителям остаться безнаказанными; им лучше умереть в бою, чем жить, потеряв установления отцов и преступив клятву.

Король любезно ответил им на это и велел твердо полагаться на его помощь, если они останутся ему верны. А затем, когда обстоятельства этому, казалось, благоприятствовали, он с враждебным войском вступил в Тюрингию. Там он захватил две крепости, в которых маркграф разместил гарнизоны, а именно Байхлинген⁵²⁴ и Скидинген⁵²⁵, одну взяв посредством сдачи, вторую – в результате штурма. Предполагалось тут же подвести войско и к другим [крепостям]. Но маркграф, поняв, что ни в одном месте или укреплении он не сможет выдержать натиск короля, потерял надежду на сопротивление и сдался вместе со всеми своими землями. А тюринги, хоть и были, как обещали, верны королю и государству, однако по отношению к епископу Майнцскому [не прекращали] совершать множество враждебных действий: в лицо бросать оскорбления и ругательства, часто сбившись в толпу, нападать на его рыцарей, в то время как те брали добычу, отбирать захваченное, рассеивать их, обращать в бегство; наконец, некоторых его слуг, людей немалого достатка и не самого последнего рода, в то время как те в поисках добычи отходили от королевского войска чуть дальше, они хватали и вешали. Они, правда, получили от короля приказ платить десятину, но [он сделал это] легковесно и равнодушно, не потому что был намерен применять силу против отказывающихся, но чтобы не обидеть архиепископа неисполнением обещанного.

Маркграфа Деди какое-то время держали под стражей, но в конце концов, забрав немалую часть владений и доходов, отпустили. Его сын, Деди Младший⁵²⁶, преследовал в это время отца с большей враждебностью и суровостью, чем кто-либо иной. По этой причине он по окончании войны начал быть у короля в большой чести, юноша выдающегося дарования, если бы дух честолюбия и опрометчивая жажда власти не увлекли его в пропасть. Малое время спустя,

когда однажды ночью он отошел по естественной нужде, то был поражен в пах неким укрывшимся снаружи злодеем и умер. Кто был зачинщиком его убийства, в точности не известно, хотя в народе везде говорят, что он был убит в результате коварства мачехи⁵²⁷. Несомненно лишь то, что монастыри и церкви после его смерти избавились от великого страха, ибо в умах всех людей засело твердое убеждение, что он, который не пожалел собственного отца, не пощадит в стремлении к умножению богатств ни Бога, ни людей.

Когда уже близился день, который был назначен для расторжения королевского брака, король спешно отправился в Майнц. И вот, посреди пути он узнал, что в Майнце его прибытия ожидает легат апостольского престола, который обязан не дать состояться разводу и пригрозить епископу Майнцскому решением об апостольском наказании за то, что тот обещал совершить столь нечестивый развод. Удрученный тем, что это долгожданное дело выскользнуло у него из рук, он пожелал вернуться в Саксонию тем же путем, каким и пришел. Наконец, едва и с трудом сдавшись на уговоры друзей, он, чтобы не разочаровать князей королевства, которым приказал в огромном количестве выйти ему навстречу в Майнце, отбыл во Франкфурт и велел быть там в установленный день⁵²⁸ тем, которые собрались в Майнце. Когда они прибыли туда в большом числе, Петр Дамиан⁵²⁹ – он был легатом апостольского престола, мужем весьма уважаемым за возраст и невинность жизни – изложил поручение римского понтифика: дело, которое он затевает, отвратительно и совершенно несовместимо с именем христианина, тем более с именем короля. Если его не пугают человеческие законы и канонические установления, то он должен пощадить по крайней мере собственную славу и репутацию, а именно, чтобы яд столь отвратительного примера, беря начало от короля, не запятнал весь христианский народ и чтобы тот, кто должен быть карателем преступлений, сам не сделался зачинщиком и знаменосцем порока. Одним словом, если тот не поддастся на уговоры, то он по необходимости применит церковную власть и покарает преступление по каноническому закону. К тому же он своими руками никогда не посвятит в императоры того, кто столь гнусным примером, насколько то лежит в нем, губит христианскую веру.

Тогда же все князья, которые там были, поднявшись против него, говорили, что римский понтифик – прав и во имя Бога просили его не оставлять нареkania на свою славу⁵³⁰ и не марать грязью столь гнусного деяния величие королевского имени; кроме того, он не должен давать родителям⁵³¹ королевы причины для отпадения и справедливого повода поднять в государстве смуту, ибо если они мужчины, то оружием и какими могут средствами вне всякого сомнения отомстят за такое оскорбление своей дочери каким-либо славным деянием. И [король], скорее сломленный, нежели убежденный этой просьбой, сказал: «Если это решено вами твердо и бесповоротно, то я найду в себе силы и, как смогу, буду нести бремя, которое не могу сбросить». Так, хотя из-за стремления к со-

гласию ненависть стала еще сильнее, он по крайней мере согласился, чтобы королева вновь была призвана к соучастию во власти; а сам, чтобы избежать встречи и не видиться с ней, взяв с собой всего 40 рыцарей, спешно вернулся в Саксонию. Королева вместе с остальным войском и королевскими инсигниями не спеша последовала за ним. Когда она прибыла к нему в Гослар, приближенные едва заставили [короля] выйти ей навстречу, и он в сравнении с обычным своим поведением довольно любезно ее встретил. Однако вскоре его любовь опять охладела, и он вновь вернулся к своим наклонностям и прежней холодности. И, поскольку неоднократно уже предпринимавшиеся планы расторжения брака ни к чему не приводили, он решил впредь делить с ней только королевский титул и обращаться с ней так, словно ее и вовсе не было.

В этом году было сильное бесплодие среди винограда и всех лесных деревьев.

Мегинвард⁵³², аббат Хильдесхайма, получил аббатство Рейхенау, путь к которому открыл для себя невероятной щедростью.

Умер Румольд, епископ Констанца, муж весьма солидного достоинства; ему наследовал Карл⁵³³, каноник из Магдебурга. Поначалу он был радушно принят констанцскими клириками, но затем, по прошествии времени, когда он стал вести дела скорее по собственной прихоти, нежели руководствуясь разумом, клирики, негодуя, стали воздерживаться от общения с ним из-за ереси симонии, посредством которой он, как говорили, захватил епископство. Его обвиняли также в том, что он тайно вынес сокровища из очень многих церквей. Когда это обвинение дошло до Рима, римский понтифик направил архиепископу Майнцскому поручение ни в коем случае не посвящать его в сан, пока данное дело не будет тщательно расследовано в его присутствии.

Умер епископ Туля⁵³⁴; ему наследовал канцлер Бибо⁵³⁵; вместо него канцлером был поставлен Адальберон, каноник из Меца.

1070 г. Рождество Господне король праздновал во Фрайзинге.

Епископы Майнца, Кельна и Бамберга, будучи вызваны господином папой, прибыли в Рим. Там епископ Бамбергский⁵³⁶, обвиненный в том, что захватил епископство посредством ереси симонии, за деньги, дал папе множество ценных подарков и тем самым склонил его настроенный против него дух к такой кротости, что он, который, как полагали, вряд ли спасется без риска для своей чести и своего сана, не только добился безнаказанности за то преступление, в котором его обвиняли, но и получил от апостольского престола в качестве благословения также паллий и прочие знаки архиепископской власти. Архиепископ Майнцкий очень хотел добровольно сложить с себя сан епископа и уйти на покой частной жизни, но неохотно и вопреки своему желанию отказался от этого намерения как по воле римского понтифика, так и следуя более зрелым советам присутствующих. Все вместе они были сурово отчитаны за то, что посредством ереси симонии продавали священные чины, за то, что без разбора вступали в общение с

теми, кто их покупает, и рукополагали их в сан. Наконец, после того как с них была взята клятва в том, что они больше так делать не будут, их с миром отпустили домой.

Готфрид, герцог Лотарингии, знаменитый и известный величием своих подвигов чуть ли не во всех странах, умер⁵³⁷ и был погребен в Вердене; ему наследовал его сын Гоцело⁵³⁸, юноша необыкновенной души, но горбатый.

Умер Ульрих, маркграф Каринтии⁵³⁹.

Пасху⁵⁴⁰ король праздновал в Хильдесхайме. Там между вассалами короля и вассалами епископа⁵⁴¹ возникла ссора. Но воины короля одержали верх в стычке, очень многих из воинов епископа убили, а зачинщиков ссоры схватили и по приказу короля бросили в оковы. Вознесение Господне⁵⁴² король праздновал в Кведлинбурге, а Троицу⁵⁴³ – в Мерзебурге.

Кафедральный собор в Кведлинбурге сгорел и обратился в пепел вместе со всеми прилегающими к нему строениями, уж неясно, то ли понеся Божью кару, то ли в результате несчастной случайности.

В то время немалым влиянием при дворе и большим авторитетом в государстве пользовался Отто, герцог Баварии. Но, поскольку за славой, как всегда, следует зависть⁵⁴⁴, множество беспутных и завидовавших ему людей, которые жаловались на то, что его сила и безмерная слава стоят на пути их злобы, стали настойчиво искать возможность его погубить. И вот, они выдвинули ему на погибель и для его убийства некоего Эгино, человека благородного, но запятнанного всякого рода постыдными деяниями. А Эгино выдвинул против Отто обвинение, заявив, что тот якобы неоднократно просьбами и многочисленными обещаниями подговаривал его убить короля, и в доказательство своих слов показывал меч, который тот будто бы дал ему для совершения столь преступного и нечестивого дела. Если Отто будет отпираться, то он готов доказать правдивость своих слов любым угодным способом. Когда это обвинение стало широко известно, все те, кому Отто некогда нанес ущерб в интересах общего блага, пришли в гнев и раздражении и попытались всеми силами и всеми способами возбудить против него гнев короля. Итак, король вызвал его вместе с прочими князьями в Майнц на совещание⁵⁴⁵, изложил, что ему сообщили, и, поскольку тот всё отрицал, дал ему отсрочку в шесть недель, чтобы 1 августа он пришел в Гослар и, вступив в поединок со своим обвинителем, собственной рукой опроверг возведенное на него обвинение.

Когда дошло до этих слов, князья начали жаловаться на несправедливость решения, говоря, что и нечестно, и несправедливо, чтобы благороднейшему человеку, пользующемуся у всех незапятнанной репутацией и ни разу не обесчестившему себя пятном дурной славы, было приказано скрестить мечи с человеком преступнейшим, который если и унаследовал от родителей хоть что-то от благородства, то давно уже забыл о нем из-за воровства, из-за разбоя, короче говоря, из-за всех прочих порочных занятий. Но [Отто], раздраженный низос-

тью этого дела и полагаясь на Бога как свидетеля и очевидца его невинности, предпочел сразиться с любым, даже недостойным, даже [ничем другим не достойным], кроме как своими родителями, человеком, чем оставаться под подозрением в столь тяжком преступлении.

Итак, в установленный день он с многочисленным вооруженным отрядом пришел в окрестности Гослара и, отправив к королю гонцов, просил передать, что если король разрешит ему прийти и вести [свое] дело, дав гарантии безопасности, он готов предстать перед ним и опровергнуть обвинение, которое ему предъявили, [любым] способом, какой князья королевства сочтут справедливым. Но король гневно и сурово ответил на это, что не обещает ему мира и безопасности ни в отношении его прихода, ни в отношении ведения [его] дела. Он ожидает от него только одного: чтобы Отто немедленно явился в Гослар согласно уговору и, если уверен в своей невинности, вступил в поединок со своим противником, вверив свое дело справедливейшему судье Богу. Если же [Отто] этого не сделает, то он, невзирая на противоречия не совпадающих друг с другом законов и не вступая в словесную перепалку, будет считать его уличенным и сознавшимся в совершении столь тяжкого преступления. Когда герцогу сообщили этот ответ, те его советники, которые хотели дать ему добрый совет, сочли небезопасным и не вполне достойным его подвергать себя нападкам и издевательствам вспыхнувшего против него королевского гнева, если еще до того, как дело его не рассмотрено и вина не доказана, ему уже не дают гарантий безопасности, тогда как и по божественному, и по светскому праву их всегда предоставляют всем обвиняемым. Так, потеряв надежду на прощение, Отто, не окончив дела, вернулся в свои земли, полагая более полезным для себя с оружием, сколько сможет, защищать свою жизнь, чем быть постыдно зарезанным, как скотина, для удовлетворения ненависти своих врагов.

На следующий день⁵⁴⁶ король просил князей Саксонии, – ибо [Отто] был родом оттуда и эти князья были особенно враждебны ему из-за личной ненависти, – вынести над ним приговор. И те объявили его, как уличенного в явном преступлении, виновным в оскорблении величества и приговорили его к смерти; приговор следует привести в исполнение, как только тот будет схвачен. Друзья короля тут же взялись преследовать его огнем и мечом, каждый по мере своих сил. Однако большинство поднимают против него оружие не из верности к королю, не из рвения к государству и не из мести за ту или иную личную обиду, но исключительно из-за страсти к грабежу. Так, во всех отношениях отпустив, вернее разорвав поводья гнева, все они набрасываются на него, расхищают, разоряют, предают огню его поместья и прочие владения, а слуг его и земледельцев, если кого судьба пошлет им навстречу, рубят, терзают и перерезают им горло. Наконец, превзойдя [всякую] меру и благоразумие, их гнев свирепствовал с такой силой, что ни церкви, ни храмы, которые Отто построил Богу за свой счет, не избежали их вражеской ярости.

Затем, собрав войско, в поход отправился король, чтобы лично положить конец делу. У князей, которые, как он знал, были подвластны Отто то ли по причине родства, то ли в силу иной зависимости, он либо взял заложников, либо связал их клятвой не отпадать к Отто. Его замок Ханштейн⁵⁴⁷, из которого при первом страхе перед войной тут же был выведен гарнизон, он приказал разрушить до основания. К другому замку под названием Дезенбург⁵⁴⁸ он уже привел войско. Однако те, которые были внутри, хотя местоположение замка было неприступно и они были в изобилии снабжены всем, что необходимо для ведения войны, предпочли добровольно сдаться, нежели испытывать превратности военного счастья. Оставив там гарнизон, король двинул войско в более отдаленные места, чтобы разорить также владения жены⁵⁴⁹ Отто. Он предал огню множество изобилующих богатствами и строениями селений, разграбил имущество, а против женщин и детей, — ибо мужчины скрылись в горах и непроходимых лесах, — совершил много отвратительного и враждебного. Во время этого похода невинные и во всяком случае не замешанные ни в каких преступлениях люди претерпели от собственного короля столько зла и жестокостей, что даже от варваров не могли бы претерпеть большего зла и жестокостей.

Наконец, герцог Отто преисполнился скорби, и твердость его терпения не устояла перед бременем несчастий. Итак, взяв с собой 3000 отборных и искушенных во всевозможных видах воинского искусства мужей, он совершил набег на Тюрингию, предал огню изобилующие всеми богатствами поместья королевского фиска, взял большую добычу и этой наградой впервые насытил своих воинов, которых в большинстве своем привлекала к войне только надежда на грабежи, и обеспечил себе их верность и преданность. Так, разоряя [всё на своем пути], он дошел до Эшвеге. Там он разделил какую-то часть добычи среди собравшихся вокруг него крестьян, которым воины короля не оставили ничего, кроме несчастной жизни, и, увещевая их храбро переносить удары Божьего гнева, убеждал смиренно молиться за него, раз они не могут носить оружие.

Между тем тюринги, которые несколько лет назад дали клятву не оставлять действия разбойников и похитителей безнаказанными, раздраженные разграблением своего добра, взялись за оружие и, спешно собрав большие силы, по пятам преследовали врагов; наткнувшись на них неподалеку от Эшвеге⁵⁵⁰, они 2 сентября вступили в битву. Исход сражения не долго оставался неясен. Ибо когда люди, бывшие с герцогом Отто, храбро выступили против них, они, едва выдержав их первый натиск, обращаются в бегство: одни с величайшим напряжением сил пытались укрыться в расположенных поблизости горах и лесах, а другие, горяча коней, с величайшей поспешностью старались повернуть назад по той же дороге, по которой пришли, проклиная предпринятую попытку испытать судьбу. А тот, кто поначалу являлся наиболее активным зачинщиком, призывавшим решить дело битвой, то есть граф Руотгер⁵⁵¹, оказался теперь первым виновником и знаменосцем бегства и, как гласит пословица, быстрее ветра, слов-

но новый Идифун⁵⁵², перебрался через горы и доли. Из тюрингов в этой битве пало примерно 300 человек, [тогда как] со стороны противника один был убит, а двое ранены.

Герцог Отто, дав сигнал к отступлению, едва и лишь с большим трудом отозвал своих воинов от избияния врагов, после чего какое-то время оставался в прежнем лагере. Когда день склонился уже к вечеру, он с миром отпустил по домам большинство командиров своего войска. Сам же, взяв с собой казавшееся необходимым количество воинов, отправился в отдаленные районы Саксонии и провел там всю зиму до самого Рождества Господнего, живя отчасти за счет грабежей и опустошений, отчасти за счет владений графа Магнуса⁵⁵³, который был его товарищем по борьбе и всякого рода опасностям и самым преданным заступником его невиновности. Это был сын Отто, герцога Саксонии, славный юноша, не по летам активно соблюдавший добро и справедливость в мирное время и никому не уступавший в отваге и воинской доблести во время войны. Когда король получил весть о случившемся в Эшвеге разгроме, он, бросив другие дела, спешно вернулся в Гослар и никуда не уходил оттуда до Рождества Господнего, а именно, боясь, как бы это столь дорогое и любимое им поместье, которое тевтонские короли имели обыкновение почитать как свою родину и домашний очаг, враги в его отсутствие не обратили в золу и пепел, что, как говорили, они грозились сделать и обсуждали в частых разговорах.

Адальберон, епископ Вормса, умер, удушенный, как говорят, собственным жиром. Ему наследовал Адальберт⁵⁵⁴.

Дьякон Арибо, брат маркграфов Вильгельма и Отто⁵⁵⁵, муж весьма сведущий в божественных и светских науках, но из-за разнузданности и распущенности нравов по праву нелюбимый и ненавидимый всеми добрыми людьми, был убит собственными слугами.

Бесплодие лесных деревьев оставалось таким же, как и в прошлом году. Зато винограда уродилось столько, что из-за величины урожая его в большинстве мест едва удалось собрать.

1071 г. Рождество Господне король праздновал в Госларе. Там благодаря посредничеству Рудольфа, герцога Швабии, Баварское герцогство получил Вельф⁵⁵⁶, сын Аццо, итальянского маркграфа. Он был женат на дочери⁵⁵⁷ Отто, герцога Баварского, и уже во второй раз дал ей клятву в супружеской верности. Пока царило спокойствие и он надеялся на то, что эта безрассудно начатая война может быть завершена без серьезных политических перемен, он оказывал жене супружеское расположение и почет и, насколько мог, оружием и помыслами защищал дело своего тестя. Но, когда он узнал о вынесенном против Отто приговоре, а также о том, что война и гнев короля против него всё более усиливаются изо дня в день, то разорвал все законы и узы, которыми они скрепили взаимную близость, предпочитая скорее подвергнуться обвинению в вероломстве и стыду

из-за нарушения слова, чем смешать свои весьма процветающие дела с отчаянными и безнадежными делами Отто. Сначала он отказал ему в помощи, о которой тот просил его в столь бедственном положении, затем удалил от своих объятий и от совместного ложа его дочь, выслав ее к отцу, и, наконец, приложил все силы для того, чтобы овладеть его герцогством, не считаясь с тем, сколько золота, сколько серебра, сколько своих доходов и владений ему пришлось издержать, прежде чем он добился того, чего хотел. И боролся он в руке своей, и смог, и превозмог⁵⁵⁸, хотя все отвернулись от него из-за того, что он самую блестящую и видную в государстве должность запятнал столь отвратительным честолюбием.

Король знал, что баварским князьям придется явно не по нраву то, что всё это было сделано как вопреки праву и обычаю, так и без их ведома, и поэтому решил как можно быстрее идти в Баварию, чтобы лично подавить смуту, если таковая возникнет⁵⁵⁹. Однако, с другой стороны, он не был в неведении относительно того, что в случае, если он далеко уйдет, враги тут же сделают нападение на Гослар и обратят в пепел эту знаменитую резиденцию королевства. И вот, по совету своих друзей он оставил там для защиты некоторых саксонских князей, а сам, как и намеревался, собрался идти в Баварию. Между тем герцог Отто, видя, что у него не осталось уже никаких надежд, ибо всё его добро сожжено врагами, а герцогство в величайшее поношение ему захватил другой, решил пойти на крайние меры и при первой возможности вступить в битву с королем. Итак, он занял гору под названием Хасунген⁵⁶⁰, чтобы она послужила укрытием для его воинов, каким бы ни был исход битвы. Несмотря на то что она и так была достаточно укреплена самой природой и расположением, он искусственным путем укрепил ее еще больше и, свезя туда добычу с окрестных полей, стал ожидать короля.

А король, получив весть, не стал медлить и спешно собрал войска из Саксонии, Тюрингии и Гессена, сколько мог собрать в этой суматохе. Прочим князьям, которые жили дальше, он велел передать, чтобы они в случае, если ему не удастся окончить дело быстро и без промедления, как можно быстрее явились к нему с вооруженными отрядами. В это время король пользовался преимущественно советами графа Эберхарда⁵⁶¹, довольно мудрого мужа. А тот, видя, что враги так хорошо подготовлены к битве, так озлоблены уже от самого отчаяния, которое даже робких обычно делает смелыми⁵⁶², и не могут быть побеждены, или сами одержать победу без большого ущерба для государства, отправился к герцогу Отто и начал Богом заклинать его не подвергать себя и своих людей такому большому риску; ибо еще не все надежды на прощение потеряны для него и не все возможности для того, чтобы опомниться, исчерпаны. Если Отто уведет войско с горы, которую он занял, и сдастся королю на справедливых условиях, то он клятвенно обещает ему, что выпросит у короля и прощение за преступление, в котором его обвиняли, и восстановления всего, что он потерял по праву войны. Когда Отто согласился, Эберхард сообщил об этом деле королю и без труда до-

бился его согласия, ибо тому уже было тошно от войны, которая, как он видел, намеренно затягивалась князьями из-за личного расположения к этому человеку и велась очень медленно. Когда обеими сторонами был клятвенно подтвержден мир, герцогу Отто было дано перемирие до Пасхи, чтобы он, придя в Кельн, изъяснил покорность на условиях, которые князья сочтут справедливыми. Во время этого перемирия, когда герцог Отто распустил войско по домам, граф Ретери⁵⁶³, не самый последний из числа его сторонников, был убит его врагами в результате частной ссоры.

Умер Сарихо⁵⁶⁴, аббат Корвеи; ему наследовал Вернер⁵⁶⁵, монах того же монастыря.

Король, как и собирався, отбыл в Баварию и, более-менее сносно, насколько тогда было можно, уладив там государственные дела, вернулся к Рейну. Он с величайшим усердием восстановил замок Хаммерштейн⁵⁶⁶, который некогда уже был разрушен предыдущими королями. Пасху⁵⁶⁷ он праздновал в Кельне и вновь предоставил там герцогу Отто перемирие вплоть до Троицы⁵⁶⁸. По окончании праздника Пасхи от отправился в Льеж. Там к нему пришла вдова⁵⁶⁹ графа Балдуина⁵⁷⁰, умоляя о покровительстве королевского величества против насилия и наглости со стороны Роберта⁵⁷¹, брата Балдуина, который, победив брата в битве, лишил его жизни⁵⁷² и, прогнав жену и детей, с жестокостью тирана захватил его графство.

Я думаю, что, вероятно, читателю не будет неприятно, если я, как можно короче, изложу предысторию этих событий. В графстве Балдуина и его роде уже многие столетия соблюдался такой [обычай], освященный словно бы вечным законом, согласно которому [только] один из сыновей, наиболее любимый отцу, получал отцовское имя и приобретал по наследству власть над всей Фландрией. Прочие же братья должны были либо стать его подданными и, послушные его слову, вести бесславную жизнь, либо отправляться на чужбину и скорее попытаться добиться успеха собственными подвигами, нежели предаваться безделью и праздности, утешаясь в своей нужде никчемной славой предков. Это делалось для того, чтобы из-за разделения провинции на множество [частей] слава этого рода не померкла ввиду недостатка средств.

Итак, когда у Балдуина Старшего⁵⁷³ родилось два сына – Балдуин и Роберт, он сделал Балдуина наследником всего, что имел, а Роберту, как только [его] возраст показался пригодным для военной службы, в изобилии предоставил корабли, золото, серебро и прочие средства для долгого пути и приказал ему отправляться к чужеземным народам и, если он мужчина, собственной доблестью добыть себе и королевство, и богатства. Тот, соглашаясь с отцом, взял с собой большое количество людей, которые, казалось, были бременем для этого края, и, сев на корабль, решил идти в Галисию⁵⁷⁴ и, если Богу будет угодно даровать успех его начинанию, подчинить ее себе. Когда через несколько дней он пристал к незнакомому берегу и, сойдя на землю, начал совершать грабежи среди мест-

ных жителей, те немедленно вооружились и собрались со всех сторон для отражения насилия. В завязавшейся битве они обращают его в бегство, хотя он какое-то время храбро сражался, и преследуют беглеца до самих кораблей, а товарищей его почти полностью перебивают. Сам Роберт вместе с немногими людьми едва спасся бегством и вернулся к отцу, став вестником столь тяжкого несчастья. С позором отвергнутый отцом из-за неудачных действий он собрался попытать счастья другим путем, раз в этом ему не повезло, готовый испытать на себе всё, даже самое худшее, и надеясь смыть позор прежней неудачи последующими подвигами.

Починив корабли и пополнив количество воинов, он вновь доверился морским волнам, решив отправиться в еще более дальние страны, где Бог дарует пристанище страннику. И вот, попав через несколько дней в страшную бурю, он в результате кораблекрушения потерял множество своих людей, а сам, голый и лишенный всего, едва и с трудом выбрался на берег. Затем, надев одежду простолюдина, он среди тех, которые отправились ради молитвы в Иерусалим, решил идти в Константинополь, куда его призывали частые посольства норманнов, которые служили у константинопольского императора и обещали ему, если он туда придет, власть над всей Грецией⁵⁷⁵. Но константинопольский император, узнав об этом плане, расставив стражу, велел охранять все реки, по которым можно было перейти в Грецию, чтобы схватить Роберта и тут же убить. Так эта его попытка и начинание окончились ничем.

Наконец, видя, что какой бы путь для увеличения своей славы он ни избрал, его всюду преследуют неудачи, он навсегда отказался от намерения завоевать чужеземные народы и совершил вторжение во Фризию, расположенную по соседству с Фландрией, где некогда правил граф Дитрих⁵⁷⁶, а после него – его брат Флоренций⁵⁷⁷. Он дважды терпел поражение в битве и обращался в бегство. Наконец местные жители, устав от многочисленных схваток и видя, что Роберт намерен упорно сражаться до смерти или до победы, добровольно ему подчинились⁵⁷⁸. Когда об этом узнал его брат Балдуин, – ибо его отец, страдавший от болезней и старости, уже отдал долг природе, – то приложил все силы и все средства, чтобы с помощью вооруженной силы изгнать Роберта из этих мест.

Когда Балдуин прибыл туда со своим войском, Роберт выслал к нему послов, Богом заклиная его вспомнить о том, что он – его брат и не пятнать братские узы, которые даже у варваров всегда считались священными и нерушимыми. Пусть лучше он посочувствует его странствиям, трудам и несчастьям, в которых он провел всю свою жизнь, и радуется собственному счастливому жребию, тому, что он один, без сонаследника, получил всё наследство [их] общего отца, которое должен был бы разделить с ним по обычаю, принятому у всех народов. Он же, напротив, был изгнан из отцовских земель, лишен отцовского наследства и низведен с вершин славы своих предков до крайней нужды; он тревожил войной чужеземные народы, будоражил моря и сушу и не упустил ничего, лишь бы не

досаждать брату по поводу той части отцовского имущества, которая ему причиталась. Теперь же, устав от трудов, утомленный превратностями, он с большим трудом укрепился в небольшом уголке земли, ни одна из частей которого, как известно, не принадлежит его власти. Наконец он твердо решил, и ни сила, ни какая-либо необходимость не заставят его отказаться от намерения провести здесь старость, которая уже не за горами, или, по крайней мере, обрести место последнего упокоения после достойной смерти. Но Балдуин отнюдь не был тронут этими словами и энергично ввел войско во Фризия.

Тогда Роберт, вынужденный необходимостью, вооружил отборнейшую молодежь, которую имел при себе, и выступил ему навстречу. В завязавшейся битве многие со стороны Балдуина были убиты, еще большее количество ранено и все обращены в бегство. Когда он, прилагая величайшие усилия, пытался остановить бегущих и возобновить битву, то безрассудно бросился в густые ряды врагов и погиб⁵⁷⁹. Узнав о его смерти, Роберт тут же вторгся во Фландрию и полностью овладел ею, как принадлежавшей ему по праву наследования. У Балдуина был сын⁵⁸⁰, еще ребенок, не достигший положенного для военной службы возраста. Внезапно пораженный ужасной вестью о гибели отца и вражеском вторжении он бежал к королю Франции Филиппу⁵⁸¹, умоляя его о помощи и отмщении за убийство отца, ибо его отец часто оказывался весьма полезен в трудных делах и самому Филиппу, и его предкам⁵⁸² и получил от него в дар некоторые города из тех, которыми завладел Роберт. Страшно разгневанный низостью этого дела Филипп тут же двинул во Фландрию безрассудно и лишь на скорую руку собранное войско, сильно полагаясь на многочисленность своих сил и слабость врага. Но Роберт, чем больше уступал ему в силах, тем сильнее стремился решить дело хитростью, и, изображая в течение какого-то времени страх и намерение бежать, внезапно и из засады вывел против королевского войска свои силы, внушив врагам такой страх, что они, побросав оружие, из всех сил пытались найти спасение в бегстве⁵⁸³.

Сын⁵⁸⁴ Балдуина, возлагая после этого мало надежд на французское оружие, взяв с собой свою мать, прибыл к немецкому королю Генриху в Льеж, где, как уже было сказано выше, тот в это время находился, и смиренно умолял его о помощи против нарушения прав со стороны своего дяди; а чтобы скорее расположить его к себе, он передал святому Ламберту⁵⁸⁵ графство бывшего графа Регинхера вместе с сильно укрепленным замком Монсом⁵⁸⁶, а именно имение, которое его мать получила в дар от своего первого супруга⁵⁸⁷. Епископ Льежский⁵⁸⁸, в свою очередь, передал его герцогу Готфриду, а тот вновь вернул его сыну Балдуина уже в качестве лена. Король, [поддержка] которого была куплена такой ценой⁵⁸⁹, велел епископу Льежскому, герцогу Готфриду и прочим лотарингским князьям оказать сыну Балдуина поддержку в его тяжелом положении и силой изгнать Роберта, если он откажется добровольно уйти из незаконно захваченных земель. Тут же собрав войско, они отправились во Фландрию. Но, узнав, что Ро-

берт уже примирился с королем Франции и, искупив старое прегрешение, обеспечил себе его верность и поддержку, они, не окончив дела, вернулись назад, считая безрассудством с частными силами вступать в бой с могущественным королем. Так Роберт впредь в спокойствии владел Фландрским княжеством.

[Когда император Генрих пришел в Льеж]⁵⁹⁰, братья из монастыря Ставло⁵⁹¹ ежедневно беспокоили слух короля просьбами вернуть им монастырь Мальмеди⁵⁹², который король отобрал у аббата и, как было сказано, по совету Бременского епископа подарил архиепископу Кельнскому. Когда же его не тронули ни просьбы, ни слезы, ни настойчивое упорство, они, составив план, побужденные, как говорят, к совершению этого божественным откровением, выкопали кости блаженного Ремакла, принесли в Льеж и, когда король в каком-то многолюдном месте проводил пир⁵⁹³, положили их ему на стол, Богом заклиная его сжалиться если не над сыновьями, то по крайней мере над этим знаменитым отцом⁵⁹⁴, который уже царствует вместе с Христом и ежедневно возглашает у престола вечного судьи о своих обидах; если же он не вернет [святому] его добро, то они не станут более служить ему ввиду нехватки необходимых средств. Но король, напротив, был до крайности раздражен тем видом просьбы, каким они надеялись обрести его благоволение, и, оставив пирующих, поспешно отправился во дворец, где в гневе стал думать, какой карой он должен наказать аббата⁵⁹⁵, зачинщика столь дерзкого деяния. Но вот стол, на который были возложены святые мощи, по Божьей воле сломался и, рухнув, сломал ноги одному королевскому слуге, человеку довольно знатного имени. Малое время спустя он, умолив через заступничество блаженного Ремакла Божью милость, был восстановлен в прежнем здравии, так что не осталось даже шрама в доказательство затянувшейся раны. Затем в течение всей ночи и последующего дня вокруг тела святого возблистало такое множество чудес, что казалось, будто блаженный Ремакл телесным воззванием добивается восстановления своих прав. Все были изумлены необычностью такого дела, и король, пораженный сильнейшим страхом, как бы вдруг в случае промедления его в тот же миг не поразила небесная кара, не только вернул отобранное, но и существенно умножил его новыми дарами, сделанными с королевской щедростью.

Уйдя оттуда, Троицу⁵⁹⁶ он праздновал в Хальберштадте. Там он принял покорность герцога Отто и прочих благородных мужей, которых обвиняли в том, что они вместе с ним подняли оружие против государства, и поручил князьям королевства взять их под стражу, а в установленный день вновь привести к нему.

Мегинвард, аббат Рейхенау, добровольно отказался от должности, задетый как наглостью некоторых своих рыцарей, которые подвергли его тяжким унижениям, так и враждебностью короля, который в частых указах требовал от него предоставить его рыцарям в лен поместья монастыря, которые были растрочены благодаря щедрости его и предыдущих аббатов, так что их едва хватало для поддержания самой братии. Его место не через дверь избрания, но через подземный

ход симонийской ереси тут же занял Роберт, аббат Бамбергский⁵⁹⁷, по прозвищу Меняла, заплативший за это в королевскую казну тысячу фунтов чистейшего серебра⁵⁹⁸. Посредством отвратительнейшего стяжательства и ростовщических сделок, которые он совершал еще будучи в монастыре простым монахом, он скопил огромное состояние, а потому уже давно с мучительным нетерпением ожидал смертей епископов и аббатов. Поскольку он с трудом и чрезвычайно нетерпеливо переносил то обстоятельство, что они своей долгой жизнью задерживают исполнение его заветных желаний и неумного честолюбия, которое его стремительно увлекало, он дошел до такого безрассудства, что помимо тайных подарков, посредством которых было куплено расположение королевских советников, он обещал сто фунтов золота самому королю, чтобы тот, прогнав аббата Видерада, мужа исключительной святости, передал ему Фульденское аббатство. И он, вероятно, постыднейшим образом добился бы того, что столь нечестиво желал, если бы немногие люди, которым церковные законы были дороже денег, не противостали королю лично⁵⁹⁹, чтобы он этого не делал.

Этот лжемонах, или, – вынужденный сильной болью я скажу точнее, – прислужник Сатаны, принявший вид ангела света⁶⁰⁰, так обесславил, исказил и опорочил святое и ангельское звание монахов, что монахов нашего времени оценивают в этих краях не по невинности и чистоте жизни, но по количеству денег, а при избрании аббата ищут не того, кто более достоин, но того, кто может купить аббатство за большую цену. Так, благодаря его личному изобретению, его новой и нечестивой ловле [приходов] в церковь был введен обычай, согласно которому аббатства открыто выставлялись во дворце на продажу, и не было такой цены, чтобы тут же не нашелся и покупатель, так что монахи соревновались между собой не в добром рвении к соблюдению устава, но в горьком рвении к стяжательству и ростовщичеству⁶⁰¹. Но, чтобы всё это можно было по достоинству оплакать, требуются ввиду обширности материала отдельные тома и более пространные трагедии. Мы же лучше вернемся к начатому.

Когда форт⁶⁰² монастыря в Рейхенау узнал о прибытии этого аббата-менялы и услышал, посредством каких затрат этот хищный волк открыл себе вход в овчарню Христову⁶⁰³, он, выслав ему навстречу посольство, велел передать, чтобы он под угрозой собственной жизни не дерзал вступать во владения монастыря Рейхенау; в противном случае он выступит против него и с помощью вооруженной силы вернет свободу тем, кого он за столь высокую цену купил себе в рабство. Услышав это, тот чрезвычайно огорчился как из-за тяжести понесенных расходов, так и ввиду того, что должность, к которой он так долго стремился, вырвали у него прямо из рук. Поначалу он собирался было решить дело с помощью оружия и, как обычно говорят, потушить пламя железом⁶⁰⁴, то есть усугубить симонийскую ересь смертоубийством. Но те, кто с ним был, заявили, что это дело выше их сил, и он в смущении и смятении, как того и заслуживал, ушел во владения своего брата, чтобы ожидать там, какие результаты принесет ему

судьба при столь прискорбном начале. Ибо Бамбергское аббатство тем временем принял Экберт, монах устава Горзе⁶⁰⁵. При его вступлении в должность все братья, которых прежний аббат наставлял в своих правилах, то есть правилах торговли и ростовщичества, и словно отец сыновей обучал, как говорится, идти в жизни и нравах по своим стопам⁶⁰⁶, тут же разбежались, словно листья, сорванные ветром⁶⁰⁷.

Карл, которому король пожаловал Констанцское епископство, обращался к апостольскому престолу с постоянными просьбами по поводу своего посвящения. А констанцские братья, в свою очередь, упорно боролись против того, чтобы им вопреки каноническим установлениям был дан в епископы человек, который помимо симонийской ереси обвинялся также и в воровстве. Папа, поскольку они сильно докучали ему, поручил рассмотрение этого дела архиепископу Майнцскому и велел ему, вызвав обе стороны на собор, самым тщательным образом разобрать это дело, и если Карл не сможет оправдаться в тех преступлениях, в которых его обвиняли, ни в коем случае не посвящать его в сан. По этой причине архиепископ объявил о созыве в Майнце собора в августе месяце. Король отнесся к этому спору с сильным раздражением из-за своей дружбы с Карлом и многочисленных услуг, которые тот часто оказывал ему в личных делах, будучи человеком весьма полезным; поэтому король страстно желал, чтобы Карл был утвержден в своей должности. В итоге он воспылал тяжким гневом против архиепископа Майнцкого за то, что тот не захотел презреть упорные жалобы братьев и сразу же посвятить Карла в сан. Но архиепископ был неумолим в своем мнении, ибо помнил прежде всего о том, как сурово папа отчитал его в прошлом году по той же самой причине, с каким трудом он спасся тогда без ущерба для своего сана и о том, что в недавних письмах апостольского престола его увещевали самым тщательным образом расследовать это дело и только после этого рукоположить Карла.

Итак, перед самым началом августа король поспешил в Майнц, желая лично присутствовать в качестве ходатая при обсуждении столь важного дела наряду с архиепископом. По пути, он заехал в Херсфельд. Уйдя оттуда на следующий день, он завернул в селение под названием Уденхаузен⁶⁰⁸, чтобы пообедать там. И вот, когда все они, подкрепив силы, в страстном желании спешно продолжать путь, наперебой бросились к лошадям, случилось, что некий Лиупольд из Меерсбурга⁶⁰⁹, любимец короля, услугами и советами которого тот обычно пользовался в самых доверительных делах, нечаянно упал с лошади и, напоровшись на собственный меч, тут же испустил дух. Это несчастье наполнило короля невыносимой болью и печалью; он тут же велел отвезти его тело в Херсфельд и с величайшими почестями похоронить там посреди церкви; он также передал монастырю на помин его души 30 мансов в месте под названием Мартинфельд⁶¹⁰.

Следует заметить, что это был тот самый меч, которым знаменитый некогда король гуннов Аттила свирепо орудовал на погибель христиан и при уничтоже-

нии Галлий. Королева Венгрии⁶¹¹, мать короля Соломона, подарила его баварскому герцогу Отто, после того как король при его совете и поддержке восстановил на отцовском троне ее сына. Когда же герцог Отто передал его в доказательство и обеспечение неразрывной дружбы сыну маркграфа Деди, то есть Деди Младшему, а тот, как сказано, был убит, меч перешел к королю, а от короля благодаря этому случаю – к Лиупольду. Поэтому большинство сторонников герцога Отто рассматривали смерть Лиупольда от меча, принадлежавшего этому герцогу, как Божий суд, потому что Лиупольд, как говорили, наиболее активно побуждал короля преследовать Отто и изгнать его из дворца. В «Деяниях гетов»⁶¹², которых называют также готами, об этом мече пишется, что он некогда принадлежал Марсу, которого язычники считали покровителем войны и изобретателем вооружений; многие годы спустя некий пастух обнаружил его в земле, которой он был слегка припорошен, благодаря крови быка, ногу которого он поранил, когда тот пасся. Пастух передал его королю Аттиле, и тому было дано пророчество всех гаруспиков того времени, что этот меч предназначен судьбой на погибель круга земного и уничтожение всех народов. О том, насколько правдив был этот оракул, до сих пор свидетельствуют развалины многих известнейших городов в Галлии, так что варвары называют этот меч также карателем Божьего гнева или бичом Божьим. Пусть всё это будет сказано здесь в качестве небольшого отступления, раз уж мы упомянули об этом мече.

Устроив торжественные похороны, король, как и намеревался, поспешил в Майнц. Когда в назначенный день⁶¹³ он вместе с епископами открыл заседания собора, явился Карл, а затем и констанцские братья, которые обвинили его во множестве преступлений. Король, насколько то позволяли приличия, всячески им противодействовал и старался то опровергнуть обвинения, то хитрыми речами ослабить тяжесть преступлений, опровергнуть которые не удалось; он неоднократно с суровыми речами обрушивался на дерзость упорно напивавших обвинителей и, противопоставляя им авторитет своего величества, пытался обуздать их бесстыдство. И первый, и второй день он провел в этом занятии. Но когда он все-таки не смог обмануть твердость обвинителей ни правдивостью ответов, ни искусностью речей, то наконец забрал у Карла епископский посох, поскольку обвинения были доказаны. Однако он в самых изысканных выражениях утешил его горе, обещая ему при первой же возможности самым любезным образом возместить эту неудачу.

В эти же дни королева, которая была в Майнце вместе с королем, родила ему сына⁶¹⁴. Однако тот умер сразу же после крещения; его тело отнесли в Гарцбург и там похоронили.

Констанцское епископство король передал Отто⁶¹⁵, канонику из Гослара, и, уstraшенный примером недавних козней, велел тут же посвятить его в сан, дабы из-за отсрочки в посвящении против него опять не возникло какого-нибудь беспокойства.

Между князем Польши⁶¹⁶ и князем Чехии⁶¹⁷ возник чрезвычайно серьезный раздор. По этой причине король призвал их осенней порой⁶¹⁸ в город Мейсен и, сурово там отчитав, именем королевской величества приказал им довольствоваться каждому своими границами и не тревожить друг друга безрассудными набегам; в противном случае, тот, кто первым поднимет оружие против другого, будет иметь в его лице врага и мстителя.

Анно, архиепископ Кельнский, изгнав из Заальфельда каноников, ввел там монашеский образ жизни, после того как туда были приведены монахи из Зигбурга и св. Панталеона⁶¹⁹. В это время туда пришел также и я, чтобы побеседовать с ними о порядке и правилах монастырской жизни, ибо о них в народе шла добрая молва и они были широко известны. Затем, как всё обычно обесценивается из-за частого повторения и души людей, жадные до нового, постоянно поражаются неизвестному, так и нас⁶²⁰, кого они знали уже давно, они не ставили ни во что, а тех, которые, казалось, предлагают что-то новое и необычное, они считали не людьми, а ангелами, не плотью, а духом. Причем в умах князей это мнение засело гораздо глубже и прочнее, чем в умах простых людей. От них эта молва перешла в народ и возбудила в большинстве монастырей этого края такой сильный страх, что при их прибытии где тридцать, где сорок, а где и пятьдесят монахов, напуганные слухами о более строгой жизни, уходили из монастырей и предпочитали лучше подвергать опасности спасение своей души в миру, чем усилием войти в царство небесное⁶²¹, что было выше их сил.

И в самом деле, казалось, что Господь не без причины покрыл стыдом⁶²² наших монахов. Ибо частный позор некоторых лжемонахов, которые, оставив стремление к божественному, занимались исключительно деньгами и стяжательством, обесславил само монашеское имя. Они нагло докучали князьям по поводу аббатств и епархий и устремлялись к церковным почестям не путем добродетелей, как было в обычае у наших предков, а крутой дорогой честолюбия и щедрой раздачей нечестно заработанных денег. За покупку самой ничтожной должности они обещали золотые горы⁶²³ и своей чрезмерной щедростью исключали светских покупателей, так что продавец порой не осмеливался просить столько, сколько готов был платить покупатель. Мир изумлялся, откуда вытекает такая река денег, каким образом богатства Креза и Тантала скопились в руках обычных лиц, особенно в руках тех людей, которые проповедуют «соблазн креста»⁶²⁴ и титул бедности и клянутся не иметь ничего более, кроме скудного пропитания и одежды. Эти плевелы на поле⁶²⁵ Господнем, эти сухие лозы в винограднике Божьем и солома, обреченная гореть в вечном огне, словно ржа разъедают всё тело священного стада, и, согласно апостолу, малая закваска квасит всё тесто⁶²⁶, так что все мы считаемся ныне подобными им и нет среди нас делающего добро, нет ни единого⁶²⁷.

По этой причине князья королевства призывали заальпийских монахов для учреждения в Галлиях школы богослужения; наших же монахов, которые не

хотели по доброй воле принимать их устав, они с позором изгоняли из монастырей. Я же, как сказано, придя к ним и проведя у них четырнадцать недель отчасти в Заальфельде, а отчасти в Зигбурге, заметил, что наши обычаи гораздо лучше, чем их согласуются с уставом св. Бенедикта, если, конечно, мы хотим быть тверды в своем намерении и оставаться последовательными ревнителями наших отцовских традиций.

Архиепископ Майнцский⁶²⁸ от рождества св. Михаила до Троицы⁶²⁹ был тяжело болен, так что врачи отчаялись его спасти, и очень многие старательно думали о его преемнике.

Карл, о низложении которого с поста епископа Констанца мы рассказали выше, вернулся в Магдебургский диоцез и 27 декабря умер.

1072 г. Рождество Господне король праздновал в Вормсе. Пройдя оттуда через изрядную часть⁶³⁰ королевства, он вернулся в Гослар и провел там весь 40-дневный пост⁶³¹.

Бурхард⁶³², камерарий архиепископа Майнцского, был рукоположен в епископы Базеля.

Самым влиятельным при дворе был тогда Адальберт, архиепископ Бременский. Одержав победу над своими соперниками, которые несколько лет тому назад изгнали его из дворца⁶³³, он ныне один пользовался расположением короля, причем не только пользовался его милостью и дружбой, но стал чуть ли не соправителем королевства и участником принятия решений по всем государственным и частным делам. Настолько он расположил к себе короля хитрыми интригами⁶³⁴. Но изнуренный возрастом и болезнями он, хоть и долго сопротивлялся смерти благодаря самым изысканным усилиям врачей, словно можно хитростью обмануть природу, уплатил долг судьбе в середине 40-дневного поста, 17 марта, и, умерев, дал наконец некоторое удовлетворение упорной ненависти людей, чего никогда бы не смог добиться, живя. Это был муж удивительного раскаяния, особенно в то время, когда он приносил Богу спасительную жертву и прямо-таки исходил слезами. Он также, как говорят, от самой утробы матери оставался девственником. Но в глазах людей эти добродетели в нем были омрачены высокомерием и хвастовством. Тело его было доставлено из Гослара в столицу его епархии и погребено [там].

Вербное воскресенье⁶³⁵ король праздновал в Кельне, а Пасху⁶³⁶ – в Утрехте. И вот, народ стал сурово упрекать его там за обиды и несправедливости, от которых страдали невинные люди повсюду в его королевстве, за то, что вдовы и сироты подвергались грабежам, церкви и монастыри разорялись, и несправедливость, почуяв волю, безнаказанно буйствовала в любых преступлениях, в каких только хотела. Наконец, тронутый то ли серьезностью дела, то ли отчаянием жалобщиков король, поскольку на этом настаивали все князья королевства, просил архиепископа Кельнского⁶³⁷ принять вместо него управление государственным

ными делами. Тот долго отказывался, отчасти в память о старых обидах, отчасти из-за того, что был человеком, который целиком отдавался служению Богу и предпочитал заниматься скорее духовными делами, нежели светскими. Наконец побежденный единодушием просивших он предпочел личной выгоде общественную. Тогда впервые государство начало возвращать себе прежнее положение и авторитет, и на своеволие, царившее до сих пор, была накинута узда⁶³⁸. И поскольку король имел обыкновение передавать рассмотрение всех дел от себя архиепископу, словно отцу и защитнику своего благополучия, тот ни из расположения к кому-либо, ни из ненависти не позволял отвлечь себя от правды к неправде, но судил все дела как записано, то есть невзирая на лица⁶³⁹, не будучи лицеприятен на суде к нищему и не угождая лицу великого⁶⁴⁰. Богатых, если выяснялось, что они силой угнетали бедных, он наказывал самой суровой карой; их замки, которые были пристанищем для злодеев, он приказывал разрушать до основания и очень многих из них, знаменитых и родом, и богатствами, бросил в оковы. Среди прочих он велел задержать и, заковав в цепи, неоднократно выводить на потеху толпе также Эгино, самого именитого на нашем веку, который был виновником тяжких бедствий баварского герцога Отто, ибо очень многие жаловались на него королю из-за частных обид и разорений. Он делал это для того, чтобы королевская суровость пришлась по нраву простым людям. Короче говоря, он вел дела с такой мудростью, таким усердием и благоразумием, что было трудно решить, какого имени он более достоин – епископского или королевского; и даже в самом короле, который из-за невежества и тупоумия двигался чуть ли не сломя голову, он в скором времени пробудил отцовское достоинство и отцовские нравы.

Король, отправившись в Ахен, принял там и перенес в Гарцбург тело святого исповедника Спее⁶⁴¹, руку Симеона Праведника, о котором упоминается в Евангелии⁶⁴², голову монаха и мученика Анастасия и мощи других святых.

В Трире, в монастыре св. Павлина также было найдено тринадцать тел святых, бывших, как полагают, из Фиванского легиона. Там же были найдены и их имена, записанные на свинцовых табличках: Палмаций, Тирс, Максенций, Констанций, Кресценций, Юстин, Леандр, Александр, Сотер, Гормизда, Папирий, Констант, Иовиан. Когда из крипты, где покоились святые, их выносили на землю, то неосторожно уронили одну кость, и из нее вылилось много крови; и она до сих пор остается кровоточащей. Об их мученичестве до нас дошло следующее сообщение от самих трирцев: «Риктиовар, префект императора Максимиана, всячески преследовал по его приказу Фиванский легион и из-за них вступил в Трир 4 октября. В этот день он убил там командира этого легиона Тирса со всеми его товарищами. На следующий день он казнил Палмация, консула и патриция города Трира, вместе со всей знатью этого города. А на третий день он учинил резню среди простых жителей обоего пола. Многочисленные тела этих мучеников лежат в церкви святого архиепископа Павлина».

Вознесение Господне⁶⁴³ король праздновал в Госларе, а Троицу⁶⁴⁴ – в Магдебурге. Там он поставил Лиेमара⁶⁴⁵, юношу, который подавал большие надежды и особенно славился знанием всех свободных искусств, преемником Адальберта, архиепископа Бременского, умершего, как было сказано, во время поста. Там же и Отто, герцог Баварии, спустя целый год после своей сдачи вернул себе королевскую милость, после того как королем и тем, которые ходатайствовали за него перед королем, была передана немалая часть его поместий.

На рождество св. Иакова⁶⁴⁶ король вышел в Вормсе навстречу своей матери, императрице Агнесе, возвращавшейся из заальпийских пределов; там она проживала уже более 6 лет⁶⁴⁷, ведя такой строгий образ жизни, что ее терпение в постах и бдениях превосходило обычную меру человеческих сил. Причина же ее возвращения в Галлию была следующей. Рудольф, герцог Швабии, был обвинен перед королем теми, кто желал ему зла, в том, что он якобы замышляет против короля и против государства что-то дурное. По этой причине его посредством многочисленных посольств настойчиво призывали ко двору короля для разбирательства. Но он, хоть и знал, что далек от какой бы то ни было вины, тем не менее, устрешенный недавним примером баварского герцога Отто и некоторых других, которых король поспешно осудил и низложил без законного рассмотрения их дела, отказался безрассудно подвергать себя опасности. Поскольку он пользовался у императрицы большим расположением за свои старые заслуги и был связан с ней узами родства по ее дочери⁶⁴⁸, которая, как было сказано, вышла за него замуж, но через несколько дней после свадьбы умерла⁶⁴⁹, отправил к ней послов и настойчиво просил ее прийти в Галлию и укротить поднявшуюся бурю гражданской войны. Ибо для себя он твердо решил, что в случае, если не будет заключен мир, он, насколько сможет, будет скорее защищать свою жизнь с оружием в руках, нежели отдаст себя во власть короля для позора и оскорблений. Императрица, несмотря на то, что под предлогом религии навечно отреклась от всех светских дел, всё же решила, что не слишком уклонится от своего намерения и от церковных обязанностей, если придет на помощь в тяжелых обстоятельствах человеку, прекрасно послужившему ей, и обуздает своего по-юношески разгорячившегося сына.

Итак, она пришла в Вормс в окружении большого количества аббатов и монахов и, когда названный герцог лично явился, положившись на слово архиепископов Кельнского и Майнцкого, сняла с него все подозрения в преступлении; уладив те вопросы, ради которых она пришла, она тут же удалилась от сына, чтобы дать всем ясно понять, что ее побудили взять на себе решение этого светского дела не столько земные пристрастия, сколько соображения общественного блага. Герцог также был отпущен королем с миром и тут же вернулся восвояси, твердо зная, что вражда не полностью ушла из сердца короля, но у него лишь отняли возможность вредить.

Там же Гуго, аббат Ключинский, который пришел туда вместе с императрицей, передал Роберту, аббату Рейхенау, письма и поручения римского pontифи-

ка, а именно, что он должен быть отлучен от церковного тела анафемой апостольского престола; что ему запрещено всякое богослужение, кроме пения псалмов; что ему навечно закрыт доступ к аббатству Рейхенау и вообще к любой церковной должности из-за того, что он, обвиненный в симонийской ереси, был дважды и трижды вызван на собор, чтобы очиститься от выдвинутого против него обвинения, но так и не явился. Так, вынужденный королем он с величайшей горечью возвратил пастырский посох, который присвоил не как пастырь, а как торговец⁶⁵⁰.

В те времена в Галлии славой и известностью пользовались гробницы святого Себольда в Нюрнберге и святого Хеймерада в Хасунгене⁶⁵¹; к ним ежедневно стекались толпы народа ради вспомошествования, которое там часто даровалось свыше больным людям.

Архиепископ Майнцский⁶⁵² ушел на рождество Пресвятой Марии⁶⁵³ из Майнца и, будто бы собираясь отправиться ради молитвы в Галисию, прибыл в Ключийский монастырь. Отпустив тех, кто пришел вместе с ним, он отрекся от всего, что имел, и решил провести там остаток жизни как частное лицо, навсегда отказавшись от всех треволнений мирских забот, под знаком добровольной бедности, но лишь короткое время упорствовал в этом намерении. Ибо как духовенство, так и народ Майнца вновь призвали его, и он, с крайней неохотой покинув монастырь, на рождество святого апостола Андрея⁶⁵⁴ возвратился в Майнц, оставив тяжкий труд с такой же стремительностью, с какой и взялся за него, ибо не мог противиться всеобщему решению.

Рутард, аббат Херсфельда, заболел в месяце январе; обессиленный длившейся целый год болезнью он, уже не надеясь на выздоровление, добровольно отказался 11 декабря от аббатства и пастырской должности, которую не мог исполнять по болезни, после того как исполнилось уже 13 лет с тех пор, как он наследовал аббату Мегинхерду. Ему, согласно его наказу, тут же наследовал Г. [Гартвиг], монах этого монастыря.

Умер Адальберон, епископ Меца; ему наследовал Герман⁶⁵⁵, льежский настоятель.

1073 г. Рождество Господне король праздновал в Бамберге. Там он отобрал у Бертольда, герцога Каринтии, его герцогство, без всякого законного разбирательства и в его отсутствие, и передал его Маркварду⁶⁵⁶, своему родственнику. Боялись также, что Рудольф, герцог Швабии, замышляет возмущение против государства. Однако послы той и другой стороны, часто переходя туда и обратно, спасительными советами удержали его от намерения опрометчиво взяться за оружие, а короля — от того, чтобы раздражать его упорной враждебностью, когда тот еще не принял окончательного решения. Там также архиепископ Кельнский, раздраженный теми непотребствами, которые вопреки добру и справедливости во множестве совершались во дворце, просил короля дать ему отставку от управ-

ления государственными делами, ссылаясь на свой возраст, уже довольно преклонный и с каждым днем всё менее и менее позволявший ему заниматься тяжёлыми государственными делами. Король охотно согласился с его просьбой, ибо уже давно заметил, что его необузданные поступки и юношеские выходки сильно раздражают епископа и он всеми силами, насколько позволяло уважение к королевскому достоинству, противится им. Итак, когда он вернулся домой, король, словно освободившись от чересчур строгого воспитателя, с головой бросился во всякого рода безумства, ибо все поводы умеренности и самообладания были порваны.

Все горы и холмы Саксонии и Тюрингии он застроил сильно укрепленными крепостями и расположил в них гарнизоны⁶⁵⁷. Поскольку они не располагали достаточным количеством продовольствия, он разрешил им по обыкновению врагов брать добычу в соседних селениях и полях, сгонять окрестных жителей для укрепления крепостей, вдоволь свозить необходимые средства, но и самим вкалывать, как рабы. Однако, чтобы не быть уличенным в явной тирании, раз он с такой варварской жестокостью свирепствует против невинных людей и против собственного королевства, он, желая прикрыть свое беззаконие видимостью благочестия, всеми способами побуждал архиепископа Майнцского⁶⁵⁸ потребовать с Тюрингии десятину, как тот решил много лет назад, обещая оказать ему в этом деле всяческую помощь и королевской властью заставить подчиняться нежелающих, но с условием, чтобы епископ выплачивал ему часть этой десятины, которая была бы достойна королевского величия и стольких трудов⁶⁵⁹. Так епископ, воодушевленный пустой надеждой, объявил о созыве 10 марта собора в Эрфурте.

В назначенный день туда явился король, явился архиепископ, оба в окружении огромной толпы философов, вернее софистов, которых они с величайшим старанием призывали из различных мест, чтобы те толковали каноны не по правде, но по желанию епископа и защищали их дело не с помощью правды, что было невозможно, а с помощью мудреных софизмов. Там вместе с королем и архиепископом Майнцским присутствовали: Герман, епископ Бамбергский, Хецель, епископ Хильдесхайма, Эппо, епископ Цейца, Бенно, епископ Оснабрюкка; они были вызваны не для обсуждения дела согласно церковным законам, но для того, чтобы своим искусством говорить и авторитетностью суждений, короче говоря, любым способом и средством, каким они располагали, добиться того, что хотел король, хотя в большинстве своем они резко возражали против того, чего добивался король. Однако страх перед королем и личная дружба с архиепископом не давали им свободно высказать то, что было у них на сердце. Кроме того, король имел при себе немалое количество вооруженных людей, с помощью которых он мог силой образумить тех, кто попытался бы помешать процессу.

Тюринги же возлагали свои надежды главным образом на аббатов Фульденского⁶⁶⁰ и Херсфельдского⁶⁶¹ и рассчитывали на них потому, что те имели в Тюрингии множество десятинных церквей и неисчислимое множество поместий,

так что, если бы тюринги проиграли дело, то и они проиграли бы вместе с ними. Выступая во время общественной дискуссии против уплаты десятины, они именем Бога просили архиепископа, чтобы он оставил нерушимыми издавна пожалованные их монастырям законные привилегии, которые сам апостольский престол неоднократно подтверждал старыми и новыми грамотами, а его предшественники, Майнцские владыки, видные и святейшие мужи, никогда не пытались нарушить вплоть до епископа Лиутпольда⁶⁶². На это архиепископ довольно резко возразил, что, мол, его предшественники управляли в свое время церковью Божьей по своему усмотрению, давая еще не окрепшим в вере людям и почти что неопитам молоко вместо твердой пищи⁶⁶³, и с мудрой осмотрительностью прощали многое, что с течением времени, когда те окрепнут в вере, рассчитывали устранить благодаря деятельности своих преемников. Теперь же, когда церковь уже повзрослела или, лучше сказать, состарилась, он намерен добывать духовное духовным⁶⁶⁴, давать уже не молоко младенцам, но твердую пищу взрослым⁶⁶⁵ и требовать от сынов церкви соблюдения церковных законов. Так что им придется или отпасть от церковного единства, или всем разом подчиниться законам церкви.

Тогда те вновь заклинали его именем Бога, чтобы, если уж им ни во власти римского понтифика, ни в привилегиях Карла и других императоров⁶⁶⁶, ни в милости его предшественников, Майнцских епископов, нет ни защиты, ни надежды, то пусть он по крайней мере согласится на ту часть десятины, которую признают справедливой канонические установления и которая в обычае у прочих церквей по всему кругу земному, а именно, пусть удовольствуется лишь четвертой ее частью в награду за служение мессы им и его людьми, а остальные три четверти пусть оставит в распоряжении церквей, к которым она издавна относилась. Но епископ заявил, что он не для того потратил столько усилий и вот уже почти десять лет катил перед собой этот тяжелейший камень⁶⁶⁷, чтобы наконец, получив желаемое, добровольно отказаться от своих прав и по собственной воле разделить с ними добытую с таким трудом десятину.

Уже и первый, и второй день прошли в этих спорах, но по-прежнему было неясно, какая из сторон уступит другой. Дело дошло уже до того, что тюринги собирались покинуть собор и обратиться с апелляцией к апостольскому престолу. Но король, призвав Бога в свидетели, заявил, что накажет смертью каждого, кто на это осмелится, и дотла разорит всё, чем он владеет, так что память о несчастье этого дня не угаснет и спустя много веков. В итоге аббат Херсфельдский, боясь за своих людей, передал дело на усмотрение короля, чтобы тот решил дело между ним и архиепископом так, как сочтет добрым и справедливым, ибо в сложившейся ситуации у него просто не было другого выхода.

Итак, после долгих переговоров аббат и архиепископ при посредничестве короля пришли к такому соглашению: в десяти принадлежавших ему десятинных церквях аббат получает две трети десятины, а одну треть получает архиепис-

коп; в остальных его церквях половина десятины отходит архиепископу, а половина – аббату. Там же, где десятинная церковь является собственностью самого архиепископа, ему отходит и вся десятина. Кроме того, все домениальные дворы архиепископа, в каком бы приходе они ни были, остаются свободными от уплаты какой бы то ни было десятины. После того как аббата Херсфельдского подвергли такому унижению, тюринги лишились всякой надежды, ибо сильно полагались на его мудрость и красноречие; они не сопротивлялись более, но обязались впредь давать десятину без нареканий.

А Фульденский аббат еще несколько дней упорствовал в своем намерении. Но, когда он не смог ни возратить себе милость короля, ни получить разрешение вернуться домой, если не согласится с общим решением, то наконец сдался из-за безвыходности положения и вынужден был принять указанное соглашение не столько по доброй воле, сколько по приказу и из страха перед королем, а именно: в принадлежавших ему десятинных церквях половину десятины должен был получать он сам, а половину – архиепископ; свои же собственные домениальные дворы архиепископ полностью освобождал от уплаты десятины. Тогда король, зная, что сделанное придется не по нраву римскому понтифику, под угрозой своей опалы приказал обоим аббатам не жаловаться апостольскому престолу на решения собора ни лично, ни через посланника, ни каким-либо иным образом⁶⁶⁸.

После того как всё, чего он добивался, было совершено по его воле, он спешно отправился в Регенсбург, чтобы отпраздновать там святую Пасху. Когда он проводил Вербное воскресенье⁶⁶⁹ в городе Аугсбурге⁶⁷⁰, то вернул свою милость Рудольфу, герцогу Швабии, и некоторым другим⁶⁷¹, которые уже давно обвинялись в подготовке заговора против государства. Затем он, как и собирался, отпраздновал Пасху⁶⁷² в Регенсбурге, а Троицу – в Аугсбурге.

Умер папа Александр, он же Ансельм⁶⁷³. Римляне тут же без ведома короля избрали ему преемника – Гильдебранда⁶⁷⁴, мужа весьма сведущего в священном писании и уже во время предыдущих понтификов весьма известного во всей церкви всякого рода добродетелями. Поскольку он прямо-таки пылал рвением Божьим, галльские епископы сразу же забеспокоились, как бы этот большой энергии и беззаветной верности Богу муж не наказал их как-нибудь чересчур строго за их нерадение. Поэтому, на основании общего решения, все они обратились к королю с просьбой объявить незаконным избрание, которое состоялось без его ведома, заявив, что если он вовремя не обуздает порывистость этого человека, то последствия этого зла поразят короля сильнее, чем кого бы то ни было другого. Король тут же отправил от своего имени графа Эберхарда⁶⁷⁵, поручив ему связаться с римскими вельможами и справиться у них о причине, по которой они вопреки обычаю предков поставили понтифика римской церкви без ведома короля, а самого понтифика, если только он не даст достойного удовлетворения, заставить сложить принятый им сан⁶⁷⁶.

Придя в Рим, Эберхард был радушно принят названным мужем. Когда же он передал ему поручение короля, тот ответил, что никогда, – и Бог тому свидетель, – не стремился к этому высшему званию из честолюбия, но был избран римлянами, и его силой вынудили взять на себя церковное управление. Однако его так и не смогли заставить принять рукоположение, пока он через достоверное посольство не узнает, что и король, и князья Германского королевства дали согласие на его избрание. На этом основании он отложил рукоположение и вне всякого сомнения будет и дальше его откладывать, пока не прибудет гонец и не сообщит ему о воле короля. Когда об этом сообщили королю, он охотно принял это удовлетворение и дал свое милостивейшее согласие на его рукоположение; что и было сделано в следующем году в день очищения Пресвятой Марии⁶⁷⁷.

Между тем гарнизоны вышеупомянутых крепостей стали чрезвычайно обременительны для народа Саксонии и Тюрингии. Ежедневно делая вылазки, они забирали всё, что было в селах и на полях, вжимали непосильные дани и налоги с лесов и полей и неоднократно под предлогом десятины угоняли весь их скот. Самих местных жителей, причем очень многих из них людей высокого рода и весьма зажиточных, они заставляли служить себе на положении жалких рабов. Их дочерей и жен они насиловали, не скрываясь от мужей и чуть ли не на глазах у них. Некоторых женщин они силой увозили в свои крепости и, пока пылали страстью, обращались с ними самым постыдным образом, а затем в конце концов отсылали их мужьям с оскорбительной бранью. Если кто-нибудь из них отваживался роптать посреди такого зла или по крайней мере легкими жалобами облегчить глубокую душевную боль, его тут же бросали в оковы, словно он нанес королю тяжкое оскорбление, и он не мог выйти на свободу иначе, как только выкупив свою жизнь и здоровье ценой раздачи всего своего добра. Когда люди из всех мест ежедневно толпами обращались по этому поводу к королевскому величеству, в котором привыкли видеть единственное спасение во всех бедах, их прогоняли с тяжкими оскорблениями, и король говорил, что они терпят это из-за незаконного удержания десятины; ему же, как мстителю за дело Божье, по необходимости приходится силой принуждать к этому тех, кто не хочет добровольно подчиняться церковным законам.

Так, видя, что все окрестные жители поражены страхом и готовы к принятию любых условий, какие бы он им ни навязал, король замыслил великую дерзость, на какую до сих пор не решался ни один из его предков, а именно, обратить в рабство всех саксов и тюрингов и отобрать в казну все их земли. Однако он остерегался, как бы это намерение не стало известно раньше времени и, будучи сорвано, не дало повод князьям королевства к справедливому негодованию. Итак, он провел тайные переговоры с королем Данией⁶⁷⁸ и договорился с ним за счет значительной части Саксонии, которая принадлежала маркграфу Удо⁶⁷⁹, чтобы тот оказал ему помощь в осуществлении задуманного им плана и, когда он пойдет на саксов войной с одной стороны, тот напал на них

с другой. То же самое он поручил и другим соседним с Саксонией королям и племенам⁶⁸⁰.

Когда король счел количество помощников вполне достаточным, он объявил всем князьям королевства о походе против поляков, приведя в качестве причины тот факт, что поляки вопреки его запрету пошли войной против чехов и огнем и мечом потревожили их пределы. Эту причину, как я сказал, он использовал лишь в качестве предлога. На самом же деле, как впоследствии говорилось в народе, под предлогом войны с поляками он хотел ввести войско в Саксонию и, полностью истребив саксов, поселить на их месте народ швабов. Ибо этот народ был ему крайне дорог, и очень многих из швабов, людей низкого рода и почти не имевших предков⁶⁸¹, он наделил высшими званиями, сделал первыми при дворе и по их воле решал все государственные дела. Это обстоятельство вызвало к нему неприязнь и даже ненависть со стороны князей; большинство из них, не снеся подобного положения дел, покинули двор и не появлялись там, если только их не вызывали по какой-то серьезной причине.

Итак, король распорядился собрать войско в поход к седьмому дню после Вознесения Пресвятой Богородицы Марии⁶⁸². В то время как все пребывали в напряженном ожидании, он вел себя еще более грубо и нагло, чем обычно: пренебрегая князьями, он постоянно держал при себе одних только швабов, из них выбирал себе тайных советников, и их же ставил управителями как частных, так и государственных дел. Тогда же он часто заявлял, что все саксы, мол, прирожденные рабы; некоторых из них он, выслав послов, упрекал, почему они, мол, не служат ему как рабы согласно своему врожденному статусу, – я привожу его собственные слова, – и не платят в казну налоги со своих доходов. Он угрожал также, что если они будут сопротивляться, то он будет преследовать их всеми силами королевства как виновных в оскорблении величества и изгонит из государства.

По этим и прочим такого рода признакам князя Саксонии догадались о той беде, что нависла над их шеями, и, сильно обеспокоенные двойной угрозой, стали часто собираться на тайные собрания и уговаривать друг друга дать полезный совет по поводу того, что следует делать. У всех было одно желание и одно мнение, которое они и подтвердили, дав друг другу клятву: лучше умереть и испытать прежде какие угодно лишения, чем постыдно лишиться полученной от родителей свободы. Инициаторами и знаменосцами этой взаимной присяги были: Букко, епископ Хальберштадтский, Отто, бывший герцог Баварии, и Герман⁶⁸³, брат Отто, герцога Саксонии, который умер в прошлом году. Однако Букко, хоть и терпел от короля частые оскорбления, всё же был мужем исключительной святости и пользовался большим уважением в церкви Божьей, так что невозможно поверить, будто он ввязался в это дерзкое предприятие иначе, как из исключительного рвения к Богу и стремления к общественному благу. А двое других, помимо поддержки общего дела своего народа, уже ранее отпали от короля

из личной ненависти, а именно из-за Магнуса, сына Отто, герцога Саксонии, который сдался королю и уже два года находился под стражей.

Просив за него, они смогли добиться для него прощения только при условии, что он навсегда откажется от герцогства и прочего, что согласно наследственному праву досталось ему от умерших родителей. Но тот заявил, что никогда этого не сделает, даже если ему придется провести в тюрьме и оковах остаток своей жизни и испустить дух от всякого рода пыток и истязаний. Когда они оба ничего не добились ни просьбами, ни предложением денег и большого количества земель, ни напоминанием о своих старых заслугах, оказанных королю и государству, Отто, бывший герцог Баварии, предложил наконец королю арестовать его самого и держать в темнице столько, сколько тот захочет, а все его земли раздать по своему усмотрению, словно и не было между ними прежнего соглашения, но освободить его родственника, который попал в эту беду исключительно из расположения к нему. На это король, как говорят, дал ему следующий весьма суровый ответ: Он и всё, что ему принадлежит, уже давно согласно условиям сдачи перешло во власть короля; кроме того, он так и не очистился в полной мере от прошлого обвинения, чтобы согласно народной передаче свободно распоряжаться собой и своим имуществом. Этот ответ был с негодованием дан и с еще большим негодованием принят, посеяв семена глубокой ненависти и вражды.

Посеянное этими вождями возмущение быстро, словно пожар, охватило весь народ Саксонии, так что все люди любого звания, возраста и состояния, все, кто был пригоден к военной службе, в едином порыве, с равным желанием взялись за оружие и клятвенно обещали либо умереть в борьбе, либо вернуться своему народу свободу. В заговор были вовлечены следующие князья: Вецель⁶⁸⁴, архиепископ Магдебурга, Букко, епископ Хальберштадта, Хецель, епископ Хильдесхайма, Вернер⁶⁸⁵, епископ Мерзебурга, Эйльберт⁶⁸⁶, епископ Миндена, Иммед, епископ Падерборна, Фридрих⁶⁸⁷, епископ Мюнстера, Бенно, епископ Мейсена, Отто, бывший герцог Баварии, маркграфы Удо⁶⁸⁸ и Деди⁶⁸⁹, а также супруга последнего Адела⁶⁹⁰, более храбрая и непримиримая, чем какой бы то ни было маркграф; далее Экберт⁶⁹¹, маркграф Тюрингии, еще не достигший подходящего для войны возраста мальчик, пфальцграф Фридрих⁶⁹², а также графы Дитрих⁶⁹³, Адальберт⁶⁹⁴, Отто, Конрад и Генрих. Кроме того, из простого народа собралось более 60 000 человек, которые с величайшей готовностью обещали свою руку и поддержку в возвращении свободы отечества и защите законов. Воистину выше, говорили они, дана им возможность сбросить со своих шей иго ненавистного господства.

Герцог Саксонии тогда всё еще не был назначен, потому что герцог Отто, как было упомянуто выше, незадолго до того отошел от человеческих дел, а его сын Магнус, к которому по законам наследования должно было отойти герцогство, до сих пор содержался под стражей в крепости Гарцбург. И, поскольку король

зарился на его добро, следовало ожидать, что он, сломленный бременем невзгод и длительным заключением, добровольно откажется от своих прав и позволит передать герцогство тому, кому захочет король. Лиemar, архиепископ Бременский, Эппо, епископ Цейца, и Бенно, епископ Оснабрюкка, поскольку они не захотели примкнуть к общему решению своего народа, были изгнаны из пределов Саксонии и, отправившись к королю, на протяжении всей этой войны оставались его неразлучными спутниками.

Итак, около начала августа⁶⁹⁵, когда заговор уже созрел и в достаточной мере окреп, они отправили послов к королю, который в то время находился в Госларе, требуя, чтобы их освободили от участия в походе, который король снарядил против поляков. Они, мол, в полной боевой готовности день и ночь стоят в поле против злейших своих врагов, лютичей, и если они хоть немного ослабят бдительность, то увидят, как противники тут же вторгнутся в их пределы и разорят всё огнем и мечом. У них едва хватает сил для отражения их насилия, и было бы глупо браться за оружие против чужих и живущих вдалеке народов, в то время как их непрерывными войнами беспокоят близкие и чуть ли не внутренние враги. Кроме того, они требуют, чтобы он велел разрушить крепости, которые он выстроил по отдельным горам и холмам на погибель Саксонии; далее князьям Саксонии, у которых он без законного разбирательства отобрал их земли, он должен дать удовлетворение согласно приговору своих вельмож; он должен хотя бы иногда покидать Саксонию, в которой сидит с самого детства и едва не захирел от безделья и праздности, и посещать другие части своего королевства⁶⁹⁶; ему следует изгнать из дворца дурных людей, советами которых он довел до отчаянного положения и себя, и государство, и передать управление и попечение о делах королевства князьям, как то и надлежит. Он должен прогнать от себя толпы наложниц, с которыми вопреки каноническим установлениям живет, позабыв про стыд, и возвратить супружескую близость и любовь королеве, которую он согласно церковной традиции избрал, чтобы разделить с ней ложе и трон⁶⁹⁷. От прочих пороков, которыми он с детства пятнал королевское достоинство, ему следует отречься по крайней мере теперь, когда он вошел в зрелый возраст и разум. Наконец, они Богом заклинали его по доброй воле согласиться с их справедливыми требованиями и не вынуждать их к какому-либо страшному и необычному преступлению. Если он поступит таким образом, то они, как и прежде, готовы служить ему всей душой, но так, как то подобает благородным и рожденным в свободном государстве людям. Если же нет, то они – христиане – и не желают пятнать себя общением с человеком, который изменил христианской вере столькими смертными пороками. Если он решит заставить их с помощью оружия, то у них также нет недостатка ни в оружии, ни в знании военного дела. Они давали ему клятву верности, но только в том случае, если он желает быть королем для назидания, а не для разрушения церкви Божьей⁶⁹⁸; если намерен править справедливо, законно и по обычаю предков; если каждому в целостности и сохранности

позволит сохранить его звание, достоинство и законы. Если же он первым нарушит условия этой клятвы, то они не будут более считать себя связанными ее, но будут вести против него справедливую войну как с врагом-варваром и угнетателем христианской веры и до последнего, пока в них останется хотя бы искра жизни, сражаться с ним за церковь Божию, за христианскую веру и за свободу.

Это посольство произвело на короля сильнейшее впечатление. Однако, после того как его советники сказали, что при первых же ужасах войны их ожесточение уляжется, он понемногу воспрянул духом и, ответив послам легкомысленно и с презрением, отпустил их без четкого ответа. Когда те сообщили об этом своим землякам, их всех охватил страшный гнев, и они во взаимных речах стали призывать друг друга силой отомстить за это оскорбление⁶⁹⁹. «Закоренелый во зле характер, – говорили они, – нельзя смягчить иначе, как только применив грубую силу, и не удастся привить ему чувство боли, если не вонзить меч в его собственное нутро».

Итак, вооружившись, они в боевом порядке направились к Гослару и расположились лагерем на небольшом расстоянии от этого селения. В ярости они бы сразу же бросились на короля и потребовали соблюдения своих прав уже не риторическими доводами, а ужасами войны, если бы Букко, епископ Хальберштадта, и немногие другие здравомыслящие люди⁷⁰⁰ спасительной умеренностью не сдержали порыв рассвирепевшей толпы. А король, получив весть о близкой и уже неотвратимой опасности, пришел в отчаяние и поспешил в Гарцбург, взяв с собой королевские инсигнии и такую часть своих сокровищ, какую мог увезти в этой сумятице. Вместе с ним в это время были Эппо, епископ Цейца, и Бенно, епископ Оснабрюкка, по совету которых он вершил все дела как прежде, в спокойное время, так и ныне, в период смуты.

Совсем недавно туда как раз прибыл бывший герцог Каринтии Бертольд, чтобы решить при дворе какие-то личные свои дела. И король поклялся ему самой страшной клятвой в том, что он никому не отдавал его герцогство⁷⁰¹; Марквард якобы по собственной инициативе захватил чужие земли, так что Бертольд ни в коей мере не ущемлен в своих правах, если этот никчемнейший человек посягнул на государственную должность без ведома короля и без разрешения князей. А тот, хоть и знал, что это неправда и что король отошел от своей злобы не столько по доброй воле, сколько из-за превратностей судьбы, всё же принял это удовлетворение и обещал, что в его службе на пользу государства никогда не будет недостатка. Итак, король отправил его к саксам в качестве посла, поскольку он был мужем величайшей мудрости и отменного красноречия, вместе с двумя вышеупомянутыми епископами⁷⁰².

Когда они прибыли к саксам, то во имя Бога просили их как можно быстрее сложить оружие, к которому они прибегли хоть и по благородным мотивам, но подавая этим крайне дурной пример, и не братья за неподъемное дело, которое явно превышает их силы; всё это будет сильно не по нраву прочим князьям ко-

ролевства, ибо ни на их памяти, ни на памяти их предков ни один народ не отваживался на подобное. Дело их правое, ибо жестокость короля довела их до этой крайности неоднократными оскорблениями, но им следует думать скорее о своей чести, нежели о гневе, и препоручить себя королевскому величеству, которое даже у варварских народов всегда считалось неприкосновенным. Пусть они прекратят бряцать оружием, уймут враждебность и, обретя дружелюбие, назначат время и место, где королю надлежит созвать князей со всего королевства, чтобы согласно их общему решению очиститься от обвинений и исправить то, что, по видимому, нуждается в исправлении.

Но саксы ответили на это: «У нас больше причин для возмущения, чем у прочих князей королевства. Ибо в то время как прочим народам предоставлено спокойствие и почти все они живут в мире, только нас одних король выбрал особым, по слову пророка, молотит железными молотилами⁷⁰³. С самого начала своего правления он никогда не покидал наши земли; отняв наследственное добро, он лишил нас также свободы и на всех свободнорожденных людей возложил иго жесточайшего рабства. На каждой горе и на каждом холме он построил крепости для нашего угнетения, чтобы мы вынуждены были за деньги пить нашу воду и покупать наши же дрова. Наших дочерей и жен он отдал для любовных утех своим воинам. Нашу землю, – что мы считаем самым тяжким из всего, что нам пришлось претерпеть, – он осквернил неслыханными нововведениями и непрониосимыми для христианских уст преступлениями. Если бы эта несправедливость была у нас общей с прочими князьями королевства, то мы по праву обратились бы к ним за расследованием и общим слушанием дела. Теперь же, когда нам предстоит или пасть из-за личного несчастья, или выступить против несправедливостей благодаря личной доблести, нам нет никакого смысла ожидать чужого решения по поводу наших бедствий. Поэтому, если король наконец хоть немного устыдится своих злодеяний и раскается, то пусть в доказательство искренности своего раскаяния без промедления разрушит крепости, которые он построил нам на погибель, возвратит нам наследственные владения, отнятые силой или хитростью, и, в конце концов, даст нам клятву в том, что он никогда не будет пытаться нарушать законы, установленные в нашем народе с изначальных времен. Если он это сделает, то мы, хоть и часто были обмануты, часто введены в заблуждение мирными, но коварными предложениями⁷⁰⁴, всё же поверим ему, обещающему добро. Если же нет, то мы, отбросив всякое промедление и не ожидая решения со стороны чужих народов или чужих князей, попытаемся сбросить то иго, которое он возложил на наши шеи, и обеспечим свободу нашим детям либо нашей смертью, либо победой». С этими словами они отпустили послов. Вновь отправленные и вновь отпущенные они нашли саксов, упорно стоящими на той же самой позиции.

Итак, расставив посты, саксы решили сторожить все пути, по которым был возможен отход из крепости, изо всех сил стараясь лишить короля возможнос-

ти бежать и перенести войну в другие части королевства. И действительно, если бы они проявили надлежащую заботу, то могли без особых потерь и всего за несколько дней окончить дело, которое впоследствии затянулось на столь долгое время и все провинции королевства довело чуть ли не до последней крайности. Но всё это не укрылось от короля. Поэтому он все свои усилия направил на то, чтобы обмануть вражеские посты и перенести войну из теснин Саксонии в более широкие области королевства, прежде всего в область рейнских епископов, которые, как он надеялся, останутся верными и преданными ему в час нужды ввиду многочисленных благодеяний с его стороны.

Крепость⁷⁰⁵ была расположена на чрезвычайно высоком холме, и к ней можно было пройти лишь по одной очень крутой дороге. Остальные склоны горы были покрыты дремучим лесом, который непроходимыми чащами на много тысяч футов протянулся до самой границы с Тюрингией, так что никакая бдительность со стороны осаждавших не могла преградить осажденным входы и выходы. Король, посоветовавшись со своими людьми, стал отправлять к саксам частые посольства, требуя мира и обещая удовлетворение за все причиненные им убытки. И вот, в то время как саксы посвящали этому всё свое внимание и ввиду удачно складывающихся дел раньше времени ослабили бдительность, однажды ночью⁷⁰⁶, когда они не подозревали ничего подобного, король взял с собой герцога Бертольда, двух вышеупомянутых епископов и многих других своих доверенных лиц и, отправив впереди себя в ящиках королевские инсигнии и часть сокровищ, какую позволяли время и обстоятельства, тайно покинул крепость; перед этим он дал задание оставшимся в гарнизоне людям, чтобы они, насколько смогут, изображали на следующий день его присутствие и отвлекали души врагов от подозрений на счет его бегства.

Три дня они шли без пищи по дремучему лесу, по очень узкой и до сих пор известной лишь немногим тропинке, которую открыл некий охотник, бывший у них проводником, когда он из любви к охоте тщательно исследовал лесные чащи; при этом им всюду мерещились мечи, и они при каждом порыве ветра в страхе ожидали вражеского нападения и неминуемой смерти. На четвертый день, дойдя до крайнего утомления от голода, недосыпаний и тягот длительного пути, они наконец добрались до Эшвеге⁷⁰⁷. Там, немного подкрепив силы пищей и сном, они на следующий день, то есть 13 августа, когда к королю уже начали стекаться многочисленные ополченцы, отправились в Херсфельд. Король находился там четыре дня, ожидая войска, которое он созвал со всего королевства для похода против поляков.

Ибо уже наступил день, который он назначил для сбора ополчения⁷⁰⁸. Адальберон, епископ Вюрцбургский, Герман, епископ Бамбергский, и многие другие князья, которые, направляясь к ополчению, добрались уже до соседних мест, услышав о том, что случилось, поспешили к королю, всё еще находившемуся в Херсфельде. Рудольф, герцог Швабии, вместе с епископами рейнскими, швабс-

кими и баварскими, разбив лагерь в районе Майнца, ожидал там королевского гонца, чтобы получить от него более точные указания относительно места, где он должен будет встретиться с королем. Ибо он слышал, что король отказался от намеченного похода ради других государственных дел, но не знал точно, что именно побудило его внезапно изменить свои намерения. Многие, правда, утверждали, что он знал об этом заговоре и даже был в нем замешан; поэтому он и продвигался к войску столь медленно, чтобы ему не пришлось из стыда и вопреки своему намерению оказывать королю помощь в столь тяжелой нужде или, если бы он отказал в ней, раньше времени выдать свое отпадение и свои планы.

Итак, выслав гонцов, король велел ему и прочим бывшим вместе с ним князьям как можно скорее выйти ему навстречу в селение под названием Капелла⁷⁰⁹, неподалеку от Херсфельда. Когда они пришли туда, он, пав им в ноги, умолял их из уважения к Богу, которого они призывали в свидетели, когда приносили ему клятву верности, посочувствовать его несчастной судьбе и в то же время преисполниться негодованием; их общие милости отняты у него злобой немногих людей, которые, позабыв о клятве, позабыв о благодеяниях, которыми он часто привязывал их к себе и частным образом, и публично, лишили бы его и королевства, и самой жизни, если бы он не избежал этой опасности посредством бегства; оскорбление королевского величества касается не только его одного, но является открытым оскорблением для них всех, которые сделали его королем и с чьей помощью он только и может быть огражден от дурных людей. Все они должны по мере сил стараться, чтобы королевское достоинство, которое они получили от предков весьма достойным и славным, не потеряло из-за их бездельности свой блеск, если столь дурной пример своего времени они передадут своим потомкам неотомщенным. Упомянув об этом, он как постыдным состоянием своих дел, так и изливанием горьких жалоб исторг слезы у всех присутствовавших.

Некоторые решили, что, раз уж они в полном вооружении собрались для похода против поляков, следует тут же двинуть войско в Саксонию и исцелить рану недавнего оскорбления лекарством скорой мести. Но другие говорили, что не следует браться за такое дело столь опрометчиво; ибо племя саксов чрезвычайно сильно и благодаря врожденной дикости весьма опытно в военном деле; кроме того, раздраженные частыми несправедливостями, они уже порвали все пути права и законов и твердо решили либо умереть, либо победить. Поэтому князьям следует дать срок, в течение которого они могли вернуться домой, снарядить войска и увеличить расходы, чтобы с большими средствами продолжать войну, сколько бы она ни продлилась. Поскольку это решение было всеми одобрено, король постановил, что войско должно собраться в поход на седьмой день после праздника св. Михаила⁷¹⁰ в Брайтунгене⁷¹¹, деревне Херсфельдского монастыря. Затем, взяв с собой прибывших князей, он отправился, чтобы посетить Трибур и прочие места в районе Рейна. Разослав повсюду гонцов, он упорно

просил не только князей, но и простолюдинов не покидать его, делая при этом щедрые подарки и еще большие обещая, а некоторым даже возвращая то, что посредством козней отнял у них в прежние годы, когда из-за постоянных успехов действовал весьма неразумно.

Саксы, узнав, что король, обманув их посты, бежал в другую часть королевства, были этим крайне огорчены, полагая, как то и было на самом деле, что им отныне не будет ни покоя, ни отдыха; что эту заразу им теперь не удержать, как прежде, внутри родных стен, но предстоит, сбросив маски, вести открытую войну с открытым врагом. Поэтому для них полезно поднять против короля какие только удастся народы и царства. И вот, они тут же отправили к тюрингам послов просить их о помощи и умолять не полениться взяться за оружие, в том числе и за их собственную свободу и за те неоднократные оскорбления, которыми их донимали. Тюринги, проведя торжественное собрание в месте, что зовется Третенбург⁷¹², где они и выслушали посольство саксов, весьма охотно с этим согласились, и ни одно посольство не принималось с более радостными возгласами. Они, не медля, дали клятву никогда не отступать от этого дела; у них с саксами общая необходимость для восстания, а потому и опасность они разделяют вместе с ними и, если будет угодно Богу, одержат общую победу и будут сражаться за общее благо до последнего вздоха.

Кроме того, они сообщили аббатам Фульденскому и Херсфельдскому, а также прочим князьям, которые имели в Тюрингии те или иные владения, чтобы они примкнули к их клятве и в установленный день прибыли для оказания помощи их народу; если же они этого не сделают, то все их владения тут же будут разграблены. Прибыли также послы короля и обещали им многочисленные милости, если они разорвут союз с саксами и откажутся от участия в войне. Однако их изгнали с тяжкими оскорблениями, причем такими, что не избежать бы им ярости народа, если бы умеренность немногих благоразумных людей не оградила их ввиду народного права, под защитой которого находились послы. Архиепископ Майнцский в это время находился в Эрфурте. Внезапно придя к нему, они заставляли его примкнуть к общему решению, говоря, что не потерпят, чтобы он ушел из этих земель прежде, чем предоставит заложников и даст слово ничего не предпринимать против них, ни словом, ни делом. Хотя некоторые считали, что как он, так и архиепископ Кельнский и очень многие другие рейнские князья уже с самого начала знали об этом заговоре и были замешаны в нем. Но, пока исход дела всё еще оставался неясным, они всеми силами это скрывали.

Итак, поскольку решение преследовать короля в чужих землях принято не было, они все свои усилия направили на взятие его крепостей. Вот те крепости, которые он построил после смерти своего отца и которые приходят на память в настоящее время: Гарцбург, Вигантештейн⁷¹³, Мосбург⁷¹⁴, Заксенштейн⁷¹⁵, Шпатенберг⁷¹⁶, Хаймбург⁷¹⁷, Хазенбург⁷¹⁸ и Вокенроде⁷¹⁹, который принадлежал пфальцграфу Фридриху⁷²⁰; король противозаконно отобрал у него эту крепость и раз-

местил в ней свой гарнизон. Он занял также Люнебург, крупный замок Отто, герцога Саксонского, расположенный на границе саксов и лютичей⁷²¹, и разместил там отборнейших воинов во главе с Эберхардом, сыном Эберхарда, графа фон Нелленбург, только на том основании, что, согласно его утверждению, всё, чем владел названный герцог, через его сына Магнуса перешло по праву сдачи во власть короля. Он собирался построить также множество других крепостей, но внезапно вспыхнувшая военная буря отвлекла его от этого намерения.

Герман, брат герцога Саксонии, еще прежде, до того как король бежал из Саксонии, осадил Люнебург и через несколько дней принудил воинов короля к сдаче, поскольку они были застигнуты врасплох и не располагали продовольствием. Однако он не хотел ни отпустить побежденных, ни наказывать их, но держал в самой крепости под строгой охраной, чтобы они не сбежали, на хлебе в горести и воде в нужде⁷²², согласно словам пророка; отправив послов к королю, он передал ему, что если тот хочет вернуть своих людей живыми и невредимыми, пусть освободит из плена и возвратит ему Магнуса, сына его брата; если же король этого не сделает, то он вынесет над ними, как над врагами, которые противозаконно вторглись в чужие пределы, смертный приговор, согласно законам своего народа. Долго король колебался, не зная, что ему делать. С одной стороны, он знал, что было бы бесчеловечно не оказать помощь своим, оказавшимся в тяжелой нужде людям. А с другой стороны, размышлял, насколько повредит его планам, если он отпустит Магнуса, гибель которого обещала ему господство над всей Саксонией, и даст ему прийти в себя, и в особенности боялся, как бы тот из-за недавних обид, которые он причинил ему в течение трехлетнего заключения, не потревожил государство еще сильнее, чем все остальные. Эти размышления удерживали его в неопределенности и сомнении довольно долгое время. Судя по всему, победила бы жадность, и он предпочел бы спасению воинов собственные выгоды, если бы князья королевства, которых те, что содержались под стражей, донимали частыми посольствами, не пришли к нему все разом и не отговорили от этого решения не столько просьбами, сколько угрозами и запугиванием. Итак, на Вознесение Пресвятой Марии⁷²³ король, который всё еще был в Херсфельде, послал людей, которые должны были возвратить освобожденного из-под стражи Магнуса его людям и в то же время освободить от плена и опасности тех, которые содержались в названной крепости в ожидании наказания.

Тюринги также, собравшись в большом количестве из соседних мест, осадили крепость Хаймбург и, осаждая ее силой оружия в течение нескольких дней, захватили ее и сожгли⁷²⁴. Тех, которые были внутри, они отпустили безнаказанными, чтобы доказать тем самым, что они подняли оружие против короля не из вражеской ненависти, а лишь для устранения беззаконий, которыми на основании лживых уверений обременяли их край. Они тут же двинули войско к другой крепости, что зовется Хазенбург, и поскольку отчаялись взять ее штурмом из-за трудного местоположения, то разбили вокруг нее лагерь и постарались

лишить защитников возможностей входа и выхода, чтобы тех, кого не смогла одолеть человеческая сила, заставила сдаться нехватка продовольствия; они не сомневались в том, что припасов, даже собранных в избытке, не может на долгое время хватить такому многочисленному гарнизону.

Между тем король, видя, что заговор ширится с каждым днем, а силы врагов возрастают, уstraшенный также потерей своих крепостей, из которых одни, как он слышал, уже были взяты, а другие подвергались ожесточенной осаде, просил архиепископов Майнцкого и Кельнского встретиться с саксами и попытаться найти какой-нибудь выход из этого непростого положения⁷²⁵. Те, согласившись с его просьбой, предложили князьям Саксонии встретиться с ними 24 августа в Корвейском монастыре и переговорить об общем благе. Епископ Кельнский, уж не знаю, то ли случайно, то ли умышленно, задержался и не прибыл в назначенный день, но отправил послов, которые должны были вести переговоры вместо него, и обещал весьма охотно согласиться со всеми разумными решениями, которые они примут в интересах государства и своих собственных, и по мере сил бороться за общее благо.

Архиепископ Майнцкий, ведя переговоры с саксами, которые явились на встречу, усердно старался умиротворить их и примирить с королем. А те, в свою очередь, помимо всем известных беззаконий, которым они подверглись с его стороны к великому для себя ущербу, приводили и другие серьезные доводы в доказательство того, что он не может далее править без тяжкого ущерба для христианской веры; а именно, против ближайших друзей, против жены, против собственной сестры⁷²⁶, которая была аббатисой Кведлинбурга, и против других близко связанных с ним узами родства лиц он совершил такие преступления, что, если судить их по церковным законам, он заслуживает расторжения брака, лишения рыцарского пояса и вообще всякого светского звания, а тем более королевской власти.

Наконец после долгих дебатов переговоры завершились принятием следующего решения: предоставить в заложники 12 человек от их народа и 12 человек со стороны короля, которые гарантировали бы их безопасность и дали им возможность прийти на переговоры с прочими князьями королевства, чтобы обсудить доводы, которые они выдвинули против короля, и принять относительно них решение согласно их приговору в присутствии самого короля, если это покажется целесообразным, который лично, если сможет, опровергнет обвинения, которые ему предъявили. Для обмена заложниками были назначены день – 13 сентября – и место – Хомбург⁷²⁷ в Тюрингии. А для самих переговоров с князьями было назначено 20 октября и селение на границе Тюрингии и Гессена под названием Герштунген⁷²⁸. На этих условиях они расстались.

Однако саксы не оставили ничего из воинского снаряжения и не прекратили осаду королевских крепостей. Когда королю сообщили о случившемся, его сторонники решили, что с королевским величеством совершенно не вяжется, что-

бы он давал саксам за себя заложников, и что королевское достоинство сильно пострадает от этого незаконного и весьма постыдного условия. Поэтому епископы Майнцский и Кельнский, отправившись в установленный день в Хомбург, добились, чтобы обе стороны отказались от заложников и дали только свое слово стремиться к миру, чтобы это ручательство избавило князей, спешивших на переговоры, от всякого страха перед какой-либо угрозой.

Между тем король отправил послов к лютичам, племени чрезвычайно враждебному саксам, и обещал им огромные деньги, если они начнут войну против саксов, заявляя, что те нынче заняты внутренними смутами и легко могут быть полностью уничтожены в результате внешней войны. Когда об этом стало известно саксам, они также отправили к лютичам послов и обещали им еще большие деньги, если они воздержатся от своей враждебности в такое тяжелое для них время; если же они этого не сделают, то пусть не обманываются пустой надеждой: в случае необходимости у саксов благодаря многочисленности и доблести их воинов хватит сил против обоих врагов. Одни из варваров кричали, что надо, мол, заключить союз с королем и принять от него деньги, а другие призывали к тому же в отношении саксов. В результате из-за несдержанности невежественной толпы возникла сумятица, и они разрывали друг друга на куски в таком остревенении, что в этой схватке, как говорят, погибло много тысяч людей. Затем они еще много дней вражеским мечом свирепствовали друг против друга, поражая самих себя, и по необходимости вынуждены были отказаться от внешних войн.

Также король Дании, помня о ранее заключенном с королем договоре, вместе с флотом высадился в Саксонии и, перетаскив корабли через довольно значительный участок суши в реку, которая казалась подходящей для проведения операции, собрался уже разорить этот край огнем и мечом. Но его воины резко осуждали этот поход на том основании, что саксы, мол, всегда были им опорой, когда бы ни беспокоили их вторжения иноземных врагов, и они никогда не потревожат их беззакониями, даже если выпадет такая возможность. Наконец, если они когда-нибудь избавятся от того бедствия, от которого в настоящее время страдают, то жестоко отомстят датскому народу за это незаконное вторжение. Когда они говорили это частным образом и открыто, король, боясь, как бы он не был брошен войском в этом опасном положении и не сделался игрушкой врагов, приказал оттащить корабли назад и, не причинив этому краю ни малейшего вреда, ушел из Саксонии. Так жаркий пыл этих военных приготовлений угас без всяких последствий.

20 октября князя Саксонии прибыли, согласно уговору, в Герштунген с 14 000 вооруженных людей, в то время как остальное войско было оставлено для защиты страны и для осады крепостей. Со стороны короля присутствовали архиепископы Майнцский и Кельнский, епископы Меца⁷²⁹ и Бамберга⁷³⁰, а также Гоцело, герцог Лотарингии, Рудольф, герцог Швабии, и Бертольд, герцог Каринтии, присланные королем, чтобы опровергнуть обвинение, которое саксы выдвину-

ли против него. Сам он прийти не захотел, но ожидал в городе Вюрцбурге исхода дела, опасаясь, как бы ярость возбужденного народа, еще более раздраженная его присутствием, возможно не совершила против него чего-либо дурного.

Итак, князя Саксонии, спешившись, просили князей, прибывших от короля, именем Бога, чтобы они при рассмотрении их дела взяли на себя роль внимательных следователей и справедливых судей и принимали во внимание не то, что они взялись за столь необычное в государстве предприятие, а то, какие бедствия побудили их к этой крайности. Затем, получив возможность говорить, они перечислили все свои обиды и нечестивые злодеяния, которые король совершил как против отдельных лиц, так и против их народа, и, кроме того, рассказали, какими неслыханными преступлениями он запятнал само величие королевского имени. Князья, которые прибыли от короля, были прямо-таки поражены, и у всех, согласно пророку, звенело в ушах⁷³¹ от чудовищности преступлений. В итоге они сочли саксов виновными не в том, что те подняли оружие за свою свободу, за жен и детей, а в том, что они с бабским терпением так долго переносили эти невыносимые оскорбления.

После того как они держали совет целых три дня и в совместных трудах решали, что следует делать, все наконец пришли к общему решению: устранить этого короля и избрать другого, который более годился бы для управления королевством⁷³². Однако они решили не делать это решение достоянием гласности до тех пор, пока король не удалится под предлогом заключения мира в отдаленные земли королевства и они не поделятся этим планом с остальными князьями королевства. Поэтому они распорядились объявить в народе, что князья обеих партий сошлись на следующих условиях: саксы предлагают королю соответствующее удовлетворение за учиненное против него и против государства безрассудство, а король, в свою очередь, клятвенно обещает им безнаказанность за совершенное и впредь гарантирует им безопасность от тех беззаконий, которыми он, по их словам, вынудил их к отпадению. Завершение этих дел было перенесено на Рождество Господне, которое король собирался отпраздновать в Кельне. Они, вероятно, без промедления поставили бы там королем герцога Рудольфа, если бы тот, упорно сопротивляясь, не поклялся в том, что никогда не согласится на это, если на собрании всех князей не будет решено, что он может сделать это не заслужив обвинения в нарушении присяги и не запятнав своего доброго имени.

Саксы с миром вернулись по домам. А остальные князья отправились в Вюрцбург, чтобы сообщить королю о том, что было сделано. Тот без колебаний присоединился, как обычно говорят, к их предложению и обещал весьма охотно принять любые условия, какие бы те ни предложили, лишь бы был заключен мир. Отпраздновав там праздник всех святых, он решил идти в Регенсбург, заметив, что рейнские князья в какой-то мере уже заражены пагубой саксонской яростью и с каждым днем всё менее и менее преданы ему и готовы оказывать повиновение. Во время пути, когда он на несколько дней остановился в Нюрн-

берге, некий Регингер, который уже долгое время состоял с ним в самых доверительных отношениях, вдруг вспылал к нему ненавистью, – неясно, то ли по наущению других людей, то ли по личным мотивам, – и, внезапно обратившись к общественности, предъявил герцогам Рудольфу и Бертольду тяжкое обвинение против короля. «Совсем недавно, – сказал он, – король многочисленными просьбами и большими обещаниями склонял меня и многих других, в ком он надеялся найти подходящие орудия для своих дурных замыслов, к тому, чтобы, в то время как вы и прочие князья королевства соберетесь в Вюрцбурге и несколько удалитесь от основного войска для секретных переговоров, мы в полной вооружении напали на вас и, перебив зачинщиков мятежа, избавили его самого от опасности, а государство от смуты. Остальные довольно ревностно взялись за это дело. И только я, отчасти из любви к справедливости, отчасти из страха перед будущим судом, отказался от участия в нечестивом деле и, насколько хватило решимости противиться этому упорному решению, пытался отговорить короля от его намерения. Из-за этого он вспылал против меня таким страшным гневом, что тут же прогнал меня из своего шатра, хотя до сих пор, как вы знаете, я пользовался у него большим доверием, чем остальные, и отдал бы меня на расправу своим помощникам, если бы я не избежал грозившей мне опасности, поспешно покинув его покои». Сказав это, он в доказательство своих слов указал место, назвал соучастников и заявил, что в случае, если король сочтет себя оклеветанным, он готов вступить в поединок с ним, если это позволят законы, или с любым другим лицом и поручить дело Божьему суду.

Эти слова произвели сильное впечатление на названных герцогов, поскольку человек, давший эти показания, занимал не последнее место при дворе и пользовался незапятнанной репутацией среди своих. Кроме того, его словам придавало еще большую веру то обстоятельство, что короля уже давно подозревали в том, что он готовил точно такую же гибель некоторым другим своим вельможам и уже убил очень многих из своих приближенных⁷³³. Итак, герцоги отправили к нему послов и заявили, что более не связаны с ним клятвой, которую давали ему, обещая верность и подчинение, ибо он первым нарушил верность и готовил им коварную гибель, в то время как они вели переговоры о его благе. Так что если он не опровергнет это обвинение, пусть не рассчитывает впредь на их верность в мирное время и на поддержку в период смуты.

Король, восприняв это крайне болезненно, тут же обратился к народу, заявив о наглости герцога Рудольфа, который, чтобы найти повод для захвата королевской власти, тревожит его лживыми подозрениями и искусно выдуманными слухами, ибо не может обвинить его в истинном преступлении, и пытается таким образом запятнать его невиновность. «Но прочь словесные баталии, – воскликнул он, – прочь хитро сформулированные выдумки доказательств! Я не словами, а собственной рукой опровергну эту ложь и, невзирая на величие королевского имени, вступлю в поединок с самим герцогом Рудольфом и раскрою

подоплеку этого лживого обвинения, которым он пытается прикрыть свое злодейство, чтобы в случае, если я лишусь королевства, все знали, что я лишился его не по своей вине, а из-за его узурпаторства и вероломства!»

Тогда Удальрик фон Годесхайм, один из тех, кого обвинили в том, что они якобы были соучастниками планов короля и его помощниками в преступлении, ласковыми словами постарался унять возмущение короля и просил, чтобы он под давлением горя не признавал своим делом того, что ниже королевского достоинства. Будет лучшим и более правильным, если он сам вступит в поединок с Регингером или любым другим лицом и докажет его и свою собственную невиновность. Он тут же отправился к герцогу Рудольфу и заявил, что готов любым способом, какой тот сочтет справедливым, опровергнуть ложь Регингера. Однако тот не принял его удовлетворения, хотя и не отказал в нем открыто, но сказал, что будет ждать решения по этому поводу остальных князей. А король, как и собирался, отправился в Регенсбург, вызывая у всех ненависть и подозрения, да и сам уже никому не доверяя вполне, поскольку даже те, кого он привязал к себе самой преданной дружбой, предали его при первых же признаках надвигающейся грозы.

Между тем саксы частыми посольствами беспокоили рейнских князей, чтобы те или дали им право выбора короля, или сами, поскольку превосходят их значением и численностью, при поддержке саксов избрали и поставили того, кого захотят, и не позволили довести государство до окончательного разорения из-за бездеятельности одного человека. Побуждаемый этими словами архиепископ Майнцский, которому ввиду преимуществ Майнцского престола в первую очередь принадлежало право избрания и посвящения короля, призвал князей со всего королевства в Майнц, чтобы по общему решению поставить королем герцога Рудольфа. Когда об этом стало известно королю, он, взяв с собой всех, кого смог привлечь на свою сторону подарками и обещаниями, спешно выступил из Баварии, считая необходимым прежде всего позаботиться о том, чтобы помешать этому делу. Когда он прибыл в место под названием Ладенбург⁷³⁴ неподалеку от Вормса, то тяжело заболел и много дней пролежал в постели, дав своим врагам немалую надежду на то, что эту ожесточенную смуту можно будет окончить без пролития крови. Но король, едва полностью выздоровев, поспешил в Вормс.

Там он был с большой помпой принят в городе его жителями, которые незадолго до этого, желая еще больше подчеркнуть свое к нему расположение, прогнали из города рыцарей епископа⁷³⁵, пытавшихся помешать въезду короля, а самого епископа непременно схватили бы и в оковах передали королю, если бы тот не покинул город, своевременно сбежав. Итак, жители вышли навстречу королю в полном вооружении, но не для совершения насилия, а чтобы тот, увидев их многочисленность, блеск оружия и большое количество готовых к бою юношей, понял в своей нужде, сколько надежд он должен на них возлагать. Они

охотно обещали ему свою поддержку, принесли клятву, выделили, каждый по мере своих сил, средства для ведения войны и подтвердили, что, пока живы, будут преданно сражаться за его честь. Так король овладел сильно укрепленным городом, который в последующем стал его резиденцией, опорой трона и, когда его дело было окончательно проиграно, надежнейшим убежищем, потому что являлся городом многолюдным, неприступным благодаря крепости своих стен, чрезвычайно богатым вследствие плодородия окрестных земель и в изобилии снабженным всеми средствами, какие обычно используют на войне.

Далее те, которые были призваны архиепископом Майнцским на переговоры в Майнц, услышав, что король уже здесь, были поражены страхом и в большинстве своем отказались туда идти. Немногие прибывшие не рискнули принимать решение по поводу столь важных дел без совещания с другими князьями и ушли, так ничего и не решив. Король, отправив к ним послов, многочисленными просьбами едва вырвал у них согласие встретиться с ним в Оппенгейме⁷³⁶ для дружеской беседы. Когда они прибыли, – после того как обе стороны из-за взаимных подозрений обменялись заложниками, – король, пав им в ноги, смиренно умолял, чтоб они, помня о справедливом судье Боге, помня о клятве, которой они связали себя с ним перед лицом Бога, сохранили ему верность в несчастях. Если он прежде в чем-то и погрешил, пусть они извинят это молодостью и склонным к ошибкам возрастом; в дальнейшем он, исправленный несчастьем и укрепленный зрелостью лет и чувств, отринет всё младенческое⁷³⁷ и все свои мысли и чувства направит на то, что приличествует доблести, чести и королевскому достоинству, короче говоря, на то, что подобает мужчине. Однако те ответили на это, что он напрасно требует от них верности, которую сам не соблюдает ни в отношении Бога, ни в отношении людей; они сомневаются в отношении него только в одном, на войне или в мире, друзьям или врагам он более враждебен и внушает больше подозрений. Ведь всего несколько дней назад, когда они находились в Вюрцбурге и вели переговоры о его благе, он тайно готовил палачей и их убийство. Если же он возражает против этого и считает, что его лживо обвиняют в этом преступлении по наущению некоторых людей, пусть позволит Удальрику фон Годесхайму, как тот заявил о себе, вступить в поединок с Регингером, чтобы в случае, если тот победит, вновь без всяких препятствий обрести в их лице верных и преданных слуг. Король охотно принял это условие и постановил, чтобы в определенный день, после восьмого дня Богоявления, они вступили в поединок неподалеку от Майнца, на рейнском острове под названием Марова⁷³⁸, и доверили разрешение конфликта между обеими сторонами справедливому суду Божьему.

В это же время⁷³⁹ те, которые были в Гарцбурге, совершили множество славных подвигов воинской дерзости. Так, часто совершая вылазки, они совершали в соседних землях грабежи и многочисленные убийства и укрывались в крепости прежде, чем саксы успевали собраться в достаточном количестве для отраже-

ния насилия. Особенно же большие убытки они причиняли жителям расположенного по соседству Гослара. Ибо многих из жителей они убили, а их добро, которое было найдено за стенами города, разграбили в ходе частых набегов; кроме того, купцы чужеземных народов, боясь лишиться жизни, перестали возить туда свои товары. Когда однажды между ними на короткое время был заключен мир, некоторые люди из крепости прибыли в Гослар, чтобы решить там какие-то свои частные дела. И вот, напившись там и наевшись, они, разгоряченные крепкими напитками, ибо пьянство всегда было матерью раздоров, стали вести глупые и неуместные речи против тех, с кем выпивали, и укорять саксов за бездеятельность: они, мол, подняли против короля оружие не с воинской отвагой, а с овечьей. Присутствовавшие там саксы пришли в ярость и, затеяв драку, убили их, а трупы выбросили за ворота. Когда об этом стало известно тем, кто был в Гарцбурге, они вооружились с намерением отомстить за своих товарищей и, поскольку считали небезопасным открыто нападать на селение, со всех сторон укрепленное рвами и оградами и защищаемое храбрыми мужами, приготовились взять его хитростью.

Префектом Гослара был тогда некий Бодо, весьма угодный королю в мирное время и даже теперь, во времена смуты, сохранивший ему нерушимую верность, хоть и втайне, чтобы не быть схваченным и не лишиться в результате народного возмущения всего своего имущества. Получив указания от тех, что были в крепости, он подкупил пастухов, которые сторожили скот жителей Гослара, велел им вывести скот на пастбище чуть подальше от селения. Высланные из крепости всадники тут же его угнали. А остальные, вооружившись, укрылись в горах и лесах. И вот, когда в Гослар дошли слухи об угоне скота, все разом схватились за оружие и стремительно бросились в погоню, не ожидая друг друга, но каждый, как только мог, погонял коня, стремясь первым догнать врага и отнять у него добычу. А враги, изображая бегство, понемногу подпускали к себе преследователей, пока не завели их, потерявших бдительность, к самому месту засады. Тогда со всех сторон поднялся крик, и как те, что оставались в крепости, так и те, которые укрывались в расположенных по соседству горах, бросились на госларцев и до тех пор резали их, потерявших строй и бегущих, пока конец убийствам положил не разум, а ужас и отвращение к кровопролитию. Из-за этого и других подобного рода случаев саксы решили занять расположенный по соседству с крепостью холм и расположить там солдат, которые должны были непрерывно и бдительно нести сторожевую службу, препятствуя вражеским вылазкам. Но даже это не положило предела их дерзости, и они всякий раз, как только представлялась возможность, совершали враждебные действия и против тех, которые за ними наблюдали, и против других жителей провинции.

Между тем, когда близилось уже Рождество Господне, воины короля, которые были осаждены в Хазенбурге, постоянно направляли к королю послов, прося его во имя Бога, чтобы он придумал какой-нибудь план для их освобождения,

ибо продукты у них уже на исходе и они изнывают от крайней нужды, так что если он своевременно не поможет им в их нужде, они вынуждены будут или умереть, или отдаться во власть врагов. Король, призвав для беседы архиепископов Майнцского и Кельнского, настоятельно просил их встретиться с саксами и договориться с ними об отказе осады крепостей и предоставлении им хотя бы краткого перемирия. Те, хотя и не сомневались в том, что усилия их будут напрасны, всё же обещали исполнить то, о чем их просили, ввиду настойчивости короля, и, тут же отправив послов, передали князьям Саксонии, чтобы они встретились с ними для переговоров в Корвее на следующую неделю после Богоявления.

В этом году сразу после начала саксонской войны прекратилось взимание десятины в Тюрингии; тюринги радовались тому, что нашли повод с оружием в руках защищать переданные им от отцов законы, а король огорчился, ибо из-за своих безрассудных посягательств на десятину едва не потерял царство вместе с жизнью.

В этом же году знаменитый Эгено, который навлек на баварского герцога Отто обвинение в уголовном преступлении, был схвачен во время разбойничьего набега и, ослепленный жителями, доведен до такой нищеты, что ходил по дворам и просил у людей подаяние. А граф Гизо⁷⁴⁰ и Адальберт⁷⁴¹ с четырьмя сыновьями, по наущению которых этот злодей и сочинил ту трагическую басню, были убиты своими врагами из-за какой-то частной вражды в Гогенлиндене⁷⁴², крепости названного Гизо; так Бог отомстил за невиновность герцога Отто.

1074 г. Рождество Господне король праздновал в Вормсе, но жил там совсем не так, как подобало королевскому величеству. Ибо доходы с королевских имений ему не выдавались, а епископы, аббаты и другие должностные лица государства не оказывали ему обычных повинностей, но всё необходимое на каждый день покупалось ему за ничтожную плату. С ним, правда, были некоторые из князей, но они были без той пышной толпы слуг и без той свиты из воинов и писцов, с какими появлялись обычно; они пришли приветствовать короля с небольшой свитой и одетые чуть ли не как частные лица, лишь бы не быть уличенными в открытом отпадении в том случае, если они, будучи вызваны, откажутся явиться ко двору. Король ни в коем случае не разрешал им уйти от себя, полагая, что даже если они и не окажут ему помощи, то всё же внушат врагам сильный страх, когда те услышат, что против них собрались столь влиятельные в королевстве лица.

В назначенный день⁷⁴³ архиепископы Майнцкий и Кельнский, придя, согласно уговору, в Корвею, как и поручил им король, просили саксов, с которыми там встретились, чтобы они отвели войска и прекратили осаду крепостей. Но те ответили, что ни за что этого не сделают. Кроме того, саксы сурово их отчитали, заявив, что пока они тратят время в обсуждениях и просьбах то о пере-

говорах, то о перемирии, они придают королю больше отваги и сводят на нет отличные возможности для возвращения свободы; поэтому они, мол, удаляются и не дадут более ввести себя в обман мирными, но коварными предложениями⁷⁴⁴; теперь они отправятся в такое место, где дело будет решено не бабьими речами, а боевым оружием. Наконец, после того как толпа была успокоена более разумными людьми, все единодушно решили собраться на следующей после Очищения Пресвятой Марии неделе⁷⁴⁵ во Фрицларе и, проведя там совещание с остальными князьями королевства, поставить во главе гибнущего государства правителя, который устраивал бы всех⁷⁴⁶. Они также передали королю, что, если он сочтет, что так будет лучше, пусть явится туда в назначенный день и не через послания и посредников, а лично, напрямую, отстаивает свои права.

На третий день после того как они пришли к этому решению, гарнизон Хазенбурга, вынужденный голодом, сдался тюрингам, и те отпустили его безнаказанным, сожгли крепость и тут же двинули войско против другой крепости под названием Шпатенбург. А крепость Вокенроде они начали осаждать за несколько дней до этого. Поскольку во время всей этой войны в ней находилась королева, туда по приказу короля отправился аббат Херсфельда⁷⁴⁷; получив согласие тюрингов, он вывел ее оттуда и привел в Херсфельд. Королева была беременна и со дня на день уже пребывала в тревоге по случаю близости родов. Когда она находилась там много дней, – ибо король из-за смуты в государстве не знал, куда ее можно было бы отправить для охраны, – то в среду 12 февраля родила сына⁷⁴⁸. Поскольку полагали, что ребенок болен и вот-вот умрет, то его на третий день крестил Эццо, епископ Ольденбурга⁷⁴⁹, который тогда случайно гостил у аббата, и назвал его Конрадом по имени его прадеда. Поскольку не было никого, кто был бы более достоин исполнить эту обязанность, то из святой купели его восприняли аббат и многие другие братья Херсфельдского монастыря.

Регингер, который, желая насолить королю, собирался биться с Удальриком фон Годесхаймом, за несколько дней до поединка был охвачен ужаснейшим злым духом и погиб жуткой смертью.

Между тем король, когда увидел, что князья постепенно отпадают от него, а боевой дух врагов становится всё сильнее из-за его терпения, то, вынужденный чувством чести и в то же время необходимостью, решил всё бросить на карту и, как только выдастся случай, в открытом бою сразиться с саксами, предпочитая лучше с честью лишиться жизни, чем с позором королевской власти. Он вызвал к себе сильное недоверие воинов тем, что не оказал помощи своим людям, которых ежедневно осаждали, атаковали и изгоняли, и, в то время как другие ревностно боролись за его интересы, сам он в праздном бездействии прозябал за стенами Вормса. Чтобы смыть с себя это обвинение, он готов был пожертвовать жизнью. Итак, он отправил послов ко всем князьям королевства и умолял их именем Бога, чтобы они пришли ему на помощь, напоминая о многочисленных услугах, оказанных им в прошлом, и обещая еще большие в будущем.

Многие из епископов тут же явились к нему⁷⁵⁰, но были готовы скорее давать ему советы, нежели нести военную службу. Ибо, оставив своих воинов дома, они пришли с немногими людьми и почти как частные лица, а именно, с намерением избежать у него упрека в непослушании и в то же время не слишком содействовать его делу, которое все они весьма страстно осуждали. Однако архиепископы Майнцский и Кельнский, епископ Страсбурга⁷⁵¹ и епископ Вормса, которого король незадолго до этого изгнал из его города⁷⁵², и, кроме того, все герцоги – Баварии⁷⁵³, Швабии⁷⁵⁴, Лотарингии⁷⁵⁵, Мозельского края⁷⁵⁶ и Каринтии⁷⁵⁷, а также вассалы аббатов Фульды и Херсфельда⁷⁵⁸ упорно ему возражали, говоря, что не желают брать в руки оружие для угнетения невинных, которых, даже если они и совершили что-то такое, за что следует наказывать карающим мечом, вынуждала к этому тяжелая и легко извиняемая необходимость.

Король, покинув Вормс, 27 января прибыл с войском в Херсфельд. В этот день на небе видели чудесное знамение. При восходе солнца одновременно справа и слева появились две колонны золотого цвета и ослепительной яркости и, пока солнце не поднялось выше на несколько градусов, продолжали сиять тем же блеском. Предыдущей ночью, около часа пения петухов, очень многие видели на безоблачном небе небесную радуго. Стоял очень сильный мороз и всё было сковано зимним холодом в такой мере, что реки не просто покрылись льдом, но, вопреки обыкновению, казалось, полностью превратились в лед. В итоге войско сильно страдало от недостатка хлеба, потому что мельницы повсюду остановились из-за замерзания рек, и люди не могли размолоть то зерно, которое случайно находили.

За день до своего прибытия в Херсфельд король отправил аббата Херсфельдского к саксам, которые, как говорили, собрав примерно 40 000 человек, расположились на противоположном берегу реки Верры⁷⁵⁹, чтобы выяснить у них, могут ли его послы безопасно прийти к ним и вернуться назад. Сам он, пройдя за Херсфельд, ожидал возвращения аббата в ближайших деревнях⁷⁶⁰, почти в двух милях от названной реки. Он не хотел продвигать лагерь дальше, пока не соберет большее количество воинов и не выяснит точно, есть ли еще какая-нибудь надежда на восстановление мира. Ибо он слышал, что саксы решили не дать ему вступить в Тюрингию, но, выстроив войско, тут же встретить его при подходе на берегу названной реки, которая служит границей между Гессеном и Тюрингией. Лед сделал реку вполне проходимой пешим путем. Это обстоятельство внушило ему сильный страх, как бы враги, не удерживаемые никакими трудностями переправы, внезапно не напали на него, прежде чем он подготовится и будет располагать равным им по численности войском. Поэтому он, как говорили, сурово упрекал своих советников за то, что они позволили ему уйти из Вормса и по своей воле пойти на такой риск. Ибо саксы, как говорили, собрались в таком большом количестве, что 11 000 человек, которые не взяли с собой припасов из-за внезапного призыва в поход, отпустили по домам.

Между тем войско короля, более жадное до добычи, нежели до битвы, разъезжало по соседним с Херсфельдом селам и, как враг, опустошало их под предлогом сбора необходимого для снабжения войска продовольствия, не оставляя невинным [жителям] ничего, кроме жалкой жизни. Король не мешал этому беззаконию, чтобы обеспечить себе большую преданность купленных такой ценой воинов. В результате этого бедствия владения Фульденского и Херсфельдского монастырей были так разорены и опустошены, что, когда нехватка продуктов питания усилилась, братья в монастырях могли продержаться только с большим трудом⁷⁶¹. Аббат Херсфельдский, вернувшись от саксов, сообщил, что они вопреки всеобщему ожиданию дали кроткий и миролюбивый ответ, а именно: они не настолько лишены разума, не настолько забыли о распространенном даже среди варварских племен народном праве, чтобы не знать, что даже во время самой ожесточенной вражды следует воздерживаться от оскорбления послов. Они отправились на войну, вынужденные крайней необходимостью, и взялись за оружие не для того, чтобы кого-либо преследовать, а для защиты самих себя и отражения беззаконий. Если эта необходимость будет устранена, то они и теперь предпочтут скорее мир, чем войну, и охотно вложат в ножны уже извлеченные мечи. Этот ответ был весьма угоден тем, кто был вместе с королем.

Тогда четверо епископов⁷⁶² были отправлены вести с ними переговоры о мире и обещать от имени короля, что он с готовностью согласится на все их разумные требования, которые сочтут справедливыми избранные от обеих сторон судьи, если они, в свою очередь, подчинятся справедливым условиям и предпочтут испытать скорее его милость, чем вооруженную силу. Те на это ответили, что не требуют ничего сверх того, что уже неоднократно требовали посредством многочисленных посольств, а именно: чтобы он без промедления приказал разрушить крепости, которые он построил для их порабощения в Саксонии и Тюрингии; чтобы возвратил каждому его наследственные владения, отнятые силой или в результате козней; чтобы вернул Баварское герцогство герцогу Отто, для устранения которого бесстыдно воспользовался лживым обвинением и гнусными выдумками негодая; чтобы епископам Майнцскому и Кельнскому, герцогу Рудольфу, короче говоря, всем, которые отпали от него во время этой смуты или из расположения к противной стороне совершили что-либо вредящее его интересам, он предоставил безнаказанность и никогда не привлекал их к ответственности за эти проступки; чтобы он нерушимо соблюдал свободу их народа и установленные с давних времен законы; чтобы не проводил всю жизнь, предаваясь праздному безделью, в одной лишь Саксонии, но иногда покидал Гослар и объезжал свое королевство, ставшее чрезвычайно обширным благодаря предприимчивости его предков; чтобы добивался справедливости для церквей и монастырей, вдов и сирот, а также для всех, кто терпит несправедливость, и украшал королевское достоинство, которое отличается титулом, блеском королевских нравов и трудов. Если он клятвенно обещает всё это сделать и предоставит им в

подтверждение своих слов в качестве поручителей тех князей королевства, которые ныне являются его посредниками в деле заключения мира, они готовы сложить оружие, принять мир и в дальнейшем жить, подчиняясь его приказам. Если же нет, то они связаны клятвой неумолимо сражаться за свободу, законы и свое отечество до тех пор, пока в них осталась хотя бы искра жизни.

Это взыскание показалось королю слишком суровыми, и он в тревоге начал искать различные отговорки и, обращаясь к верности своих князей, просил их не допустить, чтобы он к стыду их всех оказался под игом столь постыдных условий, из которых самым невыносимым он считал то, что ему придется разрушить свои крепости и выдать своим врагам награды вместо того, чтобы их наказать. Когда он, отвергнув мир, который ему предлагали, решил на следующий день провести смотр своему войску и выстроить его для битвы, то отправил вокруг в ставки князей послов с приказом к каждому из них вывести для битвы своих людей. Все обещали с готовностью повиноваться его распоряжениям, но, как только послы ушли, никто не покинул лагерь, ибо всем было не по вкусу участие в этом беззаконии, и они не хотели идти в бой против тех, чье дело считали весьма справедливым.

С другой стороны, лагерь саксов был потрясен не меньшей смутой. Вся чернь возмутилась против князей, говоря, что они совершенно напрасно ввергли их в такую страшную военную бурю. Ибо в то время как нынче всё обещает им победу и им, согласно их желанию, улыбается отличная возможность, о которой они, затаив дыхание, постоянно мечтали с самого начала войны, те, движимые внезапным раскаянием, смиренно простирают руки, просят о мире и вновь с женской беспечностью и детским легкомыслием отдают себя для обмана тому, кем столько раз были обмануты. Они также яростно напирали на герцога Отто, требуя, чтобы он, приняв над ними королевскую власть, возглавил их в предстоящей битве и не отказал обещающему всяческие успехи Богу в своей руке и поддержке.

Тогда те, чьими советами король обычно пользовался более других, обступили его и, поскольку видели, что он, стремясь уклониться от этих условий, беспокоит и небо, и землю, сказали: «О король, у нас нет другого выхода: нам следует или невозмутимо принять те условия, которые они предъявили, или потерять царство с большой угрозой для жизни. Ты хочешь вступить в битву и отразить опасность посредством оружия? Но с какой доблестью, ты полагаешь, воины сокрушат в битве врага, если они, получив приказ выйти на перекличку во время воинского смотра, не пожелали покинуть лагерь? Неподалеку отсюда стоит несметное вражеское войско; но более всех врагов тебе следует бояться тех, которые в качестве друзей находятся на твоей стороне и, изображая верность, говорят тебе льстивые речи, пока их не заставят идти в бой против тех, с кем они связаны клятвой. Если же прозвучат трубы, и они вынуждены будут вступить в битву, где им придется или убивать, или быть убитыми, они тут же разбегутся

или, бросив тебя, перейдут на сторону врагов. Поэтому лучше было бы тебе вообще не покидать Вормс, чем идти на крайний риск и в столь тяжелое время испытывать верность князей. В этом отчаянном положении, посреди стольких затруднений со всех сторон у тебя остается единственный выход: немедленно пообещать сделать всё, что от тебя требуют. Только так ты можешь обмануть дерзость по-юношески ликующих врагов, избежать опасности, которая вплотную тебе угрожает, и сохранить королевство, после того как навсегда будут укрощены все смуты».

Тогда тот, побежденный не столько доводами разума, сколько необходимостью, после того как все окольные пути, которые он прежде испробовал, оказались напрасны, призвал наконец на совещание князей и разрешил им уладить столь тяжкие волнения по их усмотрению, обещая – и давая несомненные гарантии – согласиться со всем, что они сочтут соответствующим для решения столь важных дел. А те отвечали, что нет иного пути избежать битвы, которой ему уже в упор грозят, обнажив меч, как только выполнить всё, что требуют саксы. И вот, когда король, призвав в свидетели имя Христово, обещал это сделать, пятнадцать епископов и все бывшие в лагере князя отправились к саксам, чтобы сообщить им о решении короля. Там было высказано много мнений, приведено много доводов, поскольку из-за внушающей подозрения наглости и неоднократно наблюдаемой лживости короля саксам никакие гарантии не казались достаточными. После долго длившегося обсуждения⁷⁶³ они наконец согласились на следующие условия восстановления мира: в случае, если король, вспомнив о полученном оскорблении, попытается когда-нибудь отозвать это решение или объявить недействительным что-либо из того, что он ныне утвердил, вынужденный крайней необходимостью, все они, связанные той же, что и теперь клятвой, должны будут вновь взяться за оружие, выступить против этого беззакония и при поддержке всех князей королевства свергнуть его с престола, как виновного в явном клятвопреступлении. С этими словами все, как были, сплоченным войском с теми, кто был посредником в восстановлении мира, то есть епископами и другими князьями впереди, в день Очищения Пресвятой Марии⁷⁶⁴ отправились на встречу с самим королем. Тот с честью принял прибывших, даровал им поцелуй и лично утвердил мирные условия, с которыми ознакомился через посредников.

Так, уладив по договоренности все эти дела, он, согласно королевскому величию, пожаловал дары тем, которые с особым рвением заботились о его интересах, и, отпустив каждого к себе домой, в сопровождении саксов отправился в Гослар. Отправив также во все стороны послов, он велел прекратить осаду крепостей и увести оттуда войска, а тем, которые были в крепостях, приказал впредь не совершать против местных жителей враждебных действий, но, как только они уничтожат припасы, которые были в избытке собраны для ведения длительной войны, передать жителям сами крепости для их полного уничтожения. Саксы не сильно заботились об этой передышке, хоть и считали ее довольно подозритель-

ной, ибо знали, что король находится в их власти и не сможет противиться общему решению.

Итак, когда он прибыл в Гослар, юноши из Гарцбурга, которые за свои славные подвиги были у него в большой чести, резко укоряли его за мирное соглашение и, поскольку, согласно пророку, коварство будет иметь успех в руках их⁷⁶⁵, обещали ему многочисленные и превосходившие всякую меру успехи за счет своих сил, если он продолжит борьбу. Они приводили также в доказательство своей доблести памятные знаки убитых госларцев, расставленные по всему пространству от Гослара до Гарцбурга, то есть на протяжении почти двух миль. Слушая это, король, привычный ко злу и по возрасту жадный до воинской славы, постепенно возвращался к привычному образу мыслей и прежней непреклонности и уже немало раскаивался в содеянном. И вот, когда саксы потребовали от него исполнения обещаний, он вновь начал увиливать, давая хитрые ответы, и просить перенести всё это дело на собрание князей королевства и общее слушание, чтобы по их приговору принять решение по каждому отдельно случаю, соответствует ли он чести и выгоде государства. Когда те согласились, он велел князьям со всего королевства собраться 10 марта в Госларе.

Однако в установленный день никто из прочих князей туда не прибыл. Прибыли лишь саксы и тюринги с огромной толпой народа со всей Саксонии и Тюрингии, созданные согласно клятве, и, расположившись лагерем неподалеку от Гослара, отправили к королю послов, чтобы переговорить с ним об условиях, на которых между ними был заключен мир⁷⁶⁶. Целых три дня они неотступно приставали к нему то с просьбами, то угрожая войной, а тот, пытаясь обмануть их упорное рвение уклончивыми ответами, то ссылаясь на отсутствие князей, к решению которых главным образом и относится это дело, то слезно умолял, сохранив в силе все прочие условия, оставить ему одни только крепости, которые он с очень большими расходами выстроил для укрепления государства. Сохранив их, он считал потерю всего остального не столь важной, ибо всегда надеялся иметь в них убежище, если дела примут дурной оборот, и место, откуда можно будет отомстить саксам за те оскорбления, которые они ему нынче причинили. Уже презрев просьбы послов и отвергнув советы своих приближенных, он упорно стоял на этом решении, как вдруг сообщили, что саксы, отказавшись от посредников, через которых они прежде вели переговоры, в полном вооружении устремились ко дворцу, чтобы уже не требовать более исполнения обещаний, а низложить его и поставить другого короля, который был бы их предводителем на войне.

Кроме того, архиепископ Бременский, епископы Цейца и Оснабрюкка и прочие, которые из-за активной поддержки его партии были изгнаны из Саксонии, лишены владений и подверглись многочисленным оскорблениям, все разом обступили его и заклинали именем Бога, чтобы он сжалился если не над своими собственными, то по крайней мере над их несчастьями, ибо из-за ненависти к его

имени согнаны с собственных престолов и уже почти целый год ведут жизнь в нищете; они сохранили ему нерушимую верность в несчастье и, что бы ни случилось вопреки его воле, терпели вместе с ним. Теперь же, поскольку Бог благосклонно укротил такие бури события, пусть радуется своему жребию⁷⁶⁷ и, став ныне на якорь в безопасной гавани, заботится о том, чтобы не потерпеть более подобного кораблекрушения. Однако если он вновь желает поколебать спокойствие и нарушить улаженные Божьей милостью к его чести и по его желанию дела, то пусть подумает, к чему это может привести; во всяком случае они, доведенные предыдущими несчастьями до последней крайности, по необходимости согласятся с местом и временем и будут вместе со своим народом, чтобы их вновь не изгнали из отечества.

Но когда он посреди этих речей увидел, что саксы вооруженной толпой заполнили уже передние покои дворца и шумят в диком волнении, готовые к совершению насилия, то ввиду двойной опасности наконец согласился в течение года дать по решению князей удовлетворение герцогу Отто, требовавшему обратно Баварское герцогство, без промедления разрушить все свои крепости, но с условием, что саксы и тюринги точно так же разрушат и свои собственные крепости, которые были выстроены во время его правления, а также добросовестно выполнить всё остальное, что обещал в Герштунгене. Но ярость саксов не дала ему никакой отсрочки для исполнения того, что он обещал. Поэтому король, тут же отправив во все стороны послов, велел сжечь и до основания разрушить Вокенроде, Шпатенбург и прочие крепости, о которых говорилось в жалобе. В Гарцбурге стены были разрушены лишь в той мере, в какой этого было достаточно для ослабления укреплений и ликвидации неприступности места. Прочие строения остались в сохранности, потому что там была построена церковь, а само место выделено для создания конгрегации каноников. После того как саксы были замирены, король, покинув Гослар, ушел в Вормс и провел там весь 40-дневный пост, отдыхая от всяких воинских забот⁷⁶⁸.

Далее народ Саксонии, то есть главным образом жители соседних с Гарцбургом деревень, сильно негодовали из-за того, что в Гарцбурге вообще что-то осталось; они считали, что все их труды ничего не значат, если в целости стоит та крепость, которая была причиной и источником всех постигших их несчастий и того, что богатейшие некогда селения окрестного края обращены ныне в ужасную и разоренную пустыню. Король отнюдь не передал ее Божьему культу, но под предлогом благочестия создал здесь оплот для своей жестокости, чтобы, возобновив спустя малое время войну, после того как гнев саксов утихнет, иметь место, откуда он мог бы спокойно выпускать для разорения Саксонии своих воинов и принимать их обратно, и тем более жестоко нападать тогда на побежденных, чем с большей яростью он отступает ныне перед счастливыми успехами саксов. Разъясняя это друг другу нестройными криками, они пришли в страшную ярость.

Итак, на третий день после того как король ушел, они большой толпой, без ведома и совета князей, напали на Гарцбург, до основания разрушили всё, что еще оставалось от стен, и широко и далеко разбросали камни. То же самое они сделали и с остальными строениями, которые были сохранены по милости князей. Церковь, которая ради ускорения строительства была самым тщательным образом построена из дерева, они сожгли, сокровища разграбили, а алтари разломали. Наконец, чтобы лишить короля всякой возможности восстановить крепость, они вырыли из земли его сына⁷⁶⁹ и брата⁷⁷⁰, которых тот похоронил там с целью привлечь к этому месту симпатии людей, и сделали всё, что могли, чтобы эта гора, которую они сровняли с землей, не могла более предоставить ему возможности для ведения войны. Мощи святых, которые были выброшены из разломанных алтарей, и вырытые тела умерших аббат из соседней обители⁷⁷¹, своевременно прибывший сюда, забрал у разъяренной толпы и с честью перенес в свой монастырь.

Дошедший до князей Саксонии слух о совершенном преступлении поразил их сильным страхом, как бы король, разгневанный таким тяжким оскорблением, не обвинил их в нарушении договора и, получив справедливый повод для возобновления войны, не восстановил против них все силы королевства. Желая упредить это, они сурово наказали тех, кто совершил это преступление⁷⁷². Затем они отправили послов к королю, заклиная его во имя Бога извинить их; они не знали об этом преступлении и не были его зачинщиками, и возмущены случившимся не менее глубоко, чем он сам; если же он не верит им, то они готовы дать ему в доказательство своих слов любое удовлетворение и тем самым снять с себя подозрение в нарушении мира. А король, глубоко возмущенный тем, что они разбредили старую рану, которая еще не успела затянуться, новыми оскорблениями, сказал: «Поскольку обычные законы против насилия саксов не действуют и поскольку я сам, брошенный вассалами, не могу отомстить за нанесенные мне обиды, я, вынужденный необходимостью, обращаюсь теперь к церковным законам и взываю к Божьей помощи там, где нет содействия со стороны людей». Он тут же отправил послов в Рим⁷⁷³, чтобы восстановить апостольский престол против тех, которые сожгли церковь, разломали алтари, разрушили погребения и из ненависти к живому с варварской жестокостью надругаются над прахом умерших⁷⁷⁴.

Пасху⁷⁷⁵ король праздновал в Бамберге; вместе с ним были архиепископ Майнцский, герцог Каринтии Бертольд и очень многие другие из числа тех, которые отпали от него во время Саксонской войны. Ибо после того как он простил саксам их мятеж, ему не за что было гневаться на других князей королевства, которые также были замешаны в этом заговоре.

В это же время в Кельне случилось событие, достойное сожаления и слез со стороны всех добрых людей. Неясно, случилось ли оно из-за легкомыслия толпы или по наущению тех, кто хотел отомстить архиепископу за короля. Впро-

чем, наиболее правдоподобным выглядит следующее предположение: поскольку у всех на устах было имя жителей Вормса, из-за того что они сохранили королю верность в его несчастьях и изгнали из города пытавшегося поднять мятеж епископа, кельнцы, ревнуя к их дурному примеру, также захотели доказать королю свою преданность каким-либо деянием и добиться его расположения. Для совершения того, что они нечестиво задумали, им вскоре представилась подходящая возможность. Архиепископ праздновал в Кельне Пасху⁷⁷⁵, и вместе с ним был епископ Мюнстерский⁷⁷⁶, приглашенный ввиду их дружбы для участия в радости столь славного праздника. Когда Пасхальные торжества отчасти уже прошли и он собирался уходить, тем, которые заботились о домашних делах архиепископа, было приказано подготовить для его отбытия подходящую лодку. Обойдя и осмотрев всё вокруг, они захватили лодку одного очень богатого купца, поскольку она казалась наиболее подходящей для этих целей, и, выбросив товары, которые в ней были, приказали побыстрее снарядить ее для услуг архиепископа. Так как слуги, которым было поручено ее охранять, отказались, они пригрозили им силой, если те своевременно не исполнят повеление. Тогда те бегом бросились к владельцу лодки и, рассказав ему обо всем, спросили, что теперь делать.

А у того был уже взрослый сын, отличавшийся храбростью и силой и пользовавшийся особой любовью и расположением первых лиц города как ввиду родственных связей, так и благодаря своим личным заслугам. Взяв своих слуг и юношей из города, сколько смог призвать к себе на помощь в этой сумятице, он спешно отправился к лодке и с бесчестьем прогнал служителей архиепископа, упорно не желавших отдавать лодку. Затем он с той же твердостью отразил, разбил и обратил в бегство фогта города, вмешавшегося в это дело и возобновившего смуту. И к тем и к другим уже сбежались на помощь вооруженные друзья, и дело, казалось, вот-вот дойдет до крайней опасности и страшной битвы. Когда архиепископу сообщили, что город потрясен жесточайшей смутой, он поспешно отправил гонцов для успокоения народного волнения и, исполненный гнева, угрожал во время ближайшей судебной сессии подвергнуть мятежных юношей справедливой каре. Ибо это был муж, отличавшийся всякого рода добродетелями и неоднократно испытанной честности в делах как государства, так и церкви Божьей. Но, подобно пятнам на теле прекрасном⁷⁷⁷, среди стольких добродетелей появился всё же один недостаток, а именно, когда он воспламенялся гневом, то бывал весьма несдержан на язык и нелицеприятно⁷⁷⁸ изрыгал хулу и жесточайшую брань. Когда гнев несколько отступал, то он и сам сурово укорял себя за этот грех.

Схватку на некоторое время с трудом удалось унять. Но отважный духом и гордый первым успехом юноша не прекратил сеять повсюду возмущение; ходя по городу, он вел в народе различные речи о высокомерии и строгости архиепископа, который столько раз творил беззаконие, столько раз отбирал добро у не-

винных, столько раз поносил бесстыднейшими словами достойнейших граждан. Этот сорт людей не трудно было склонить ко всему, чего хочешь, словно листок, сорванный ветром⁷⁷⁹, ибо они, с самого детства воспитанные среди городской роскоши, не имели ни малейшего опыта в военных делах; после продажи товаров они имели обыкновение спорить о военном деле посреди вина и яств и полагали, будто всё, что придет им на ум, также легко осуществить, как и говорить об этом, не умея прогнозировать ход событий. Кроме того, на ум пришло всем известное и славное деяние жителей Вормса, то, что они изгнали из города своего епископа, начавшего вести себя слишком безрассудно; и поскольку они превосходили тех численностью и располагали большими средствами и оружием, то сочли ниже своего достоинства, если будут считать, что они обладают меньшей храбростью и столь долго, как женщины, терпят повелевающего с тираническим высокомерием архиепископа. Первые лица составили нелепый план, необузданная чернь буйствовала из стремления к новизне и, охваченная дьявольским духом, призывала к оружию по всему городу. Собирались уже не просто изгнать архиепископа из города, как жители Вормса, но, если будет возможность, убить его, предав всякого рода пыткам. Было рождество блаженного мученика Георгия, которое пришлось в этом году на среду Пасхальной недели⁷⁸⁰, и архиепископ, отслужив мессу в храме Блаженного Георгия⁷⁸¹, обратился к народу с проповедью; предчувствуя будущее, хотя и не зная о грозившей ему беде, он заявил слушателям, что город будет предан во власть дьявола и в ближайшем будущем погибнет, если они не поспешат укротить покаянием уже нависший над ними гнев Божий.

Итак, после полудня, при наступлении вечера⁷⁸², когда пьянство, подлив масла в огонь, еще более усилило ярость, они со всех сторон города бросились ко дворцу архиепископа и, в то время как он на торжественном месте обедал вместе с епископом Мюнстерским, стали метать в него стрелы и камни, убили некоторых из его помощников, а остальных, избитых и покрытых ранами, обратили в бегство. Посреди этого многие видели самого подстрекателя подобной ярости, дьявола, который бежал впереди обезумевшего народа в шлеме и кольчуге, сверкая огненным мечом, и никто не мог с ним сравниться. В то время как он боевой трубой побуждал нерешительных следовать за ним в бой, во время самой атаки, когда он бросился вперед, крича, чтобы ломали запоры на воротах, он внезапно пропал из виду следовавших за ним людей. Архиепископа же его люди едва и лишь с большим трудом протащили через вражеские ряды и сквозь тучу стрел увели в храм св. Петра⁷⁸³, ворота которого укрепили не только запорами и засовами, но также придвинув к ним огромные жернова.

Снаружи свирепствовали и ревели, подобно вышедшей из берегов воде, дьявольские сосуды, полные вина ярости Божьей⁷⁸⁴, и, растекаясь по всем епископским покоям, ломали двери, расхищали сокровища, крушили винные сосуды, и в то время как они чересчур активно разливали вино, с таким трудом собранное

для длительного употребления, оно внезапно заполнило погреб, и они, – о чем смешно и сказать, – едва не утонули в неожиданно образовавшихся волнах. Другие ворвались в часовню архиепископа, разграбили алтарь, касались нечестивыми руками священных сосудов⁷⁸⁵ и разрывали епископские одежды. И вот, в то время как они с тщательной, вернее исступленной основательностью уничтожали богослужебную утварь, они нашли какого-то человека, скрывавшегося от страха в углу, и, полагая, что это и есть архиепископ, убили его не без злорадного упрека, что, мол, наконец-то они положили предел его чересчур наглому языку. Но узнав, что были обмануты сходством, а архиепископ находится в храме св. Петра, защищенный святостью места и крепостью стен, они, собравшись отовсюду, осадили храм, попытались, приложив массу усилий, взломать стены и, наконец, грозились поджечь его, если им тут же не выдадут архиепископа.

Тогда те, которые были внутри, видя, что народ упорно желает его убить, что людей приводит в возбуждение не одно лишь опьянение, которое обычно проходит со временем, а упорная ненависть и безумная ярость, убедили его переодеться и попытаться бежать из церкви, тем самым обманув осаждавших; благодаря этому, мол, священное здание спасется от пожара, а он сам – от смертельной опасности. Время сулило благоприятную возможность для бегства. Поскольку волнение затянулось до полуночи, всюду царили мрак и тьма, так что нелегко было различать лица встречаемых людей. Узкий проход вел из храма в dormitorio⁷⁸⁶, а из dormitoria – в передний двор и примыкавший к городской стене дом некоего каноника. За несколько дней до возникновения смуты этот каноник добился у архиепископа разрешения пробить городскую стену и сделать себе небольшую заднюю дверь, – тем самым Бог милосердно позаботился о спасении архиепископа. Архиепископа провели там, и, после того как для бегства его и его спутников были спешно приведены четыре коня, он ускакал, а мрак темной ночи весьма способствовал тому, что он не был узнан встречаемыми людьми. Встретив спустя малое время епископа Мюнстерского, он в окружении уже довольно приличной для столь отчаянного положения свиты добрался до места под названием Нейс.

Между тем те, которые были возле храма, сокрушали стены частыми ударами таранов, и были слышны перекрывавшие друг друга голоса мятежников, призывавших в свидетели всемогущего Бога, что, мол, [архиепископ] не ускользнет из их рук и не обманет бдительность осаждающих, даже если превратится в самую мелкую земную рептилию. В свою очередь, осажденные, то умолая, то обещая, что выдадут [архиепископа], если осаждающие, проведя тщательный розыск, найдут его, хитрили и обманывали их усердие, пока не решили, что архиепископ ушел далеко и добрался уже до безопасных мест. Только тогда они, отворив ворота, позволили им войти и искать его по их желанию, добавив, правда, что в пределах храма искать его бесполезно, ибо они точно знают, что он покинул город еще при свете дня, при первой атаке возбужденной толпы, и уже, очевидно, перебрался в отдаленные районы. И более чем вероятно, что в это са-

мое ночное время он отовсюду стягивает силы, чтобы рано утром прийти и захватить город вооруженным путем. Итак, войдя, мятежники самым тщательным образом обыскали все внутренние помещения храма; наконец, с трудом убедившись в том, что их сумели обвести вокруг пальца, они прекратили поиски и, направив на оборону города всё свое внимание, всюду по укреплениям расставили вооруженные отряды.

Между тем они схватили в толпе и в поношении архиепископу повесили на городских воротах одного человека, скорее давая выход своей ярости, охватившей этих опрометчивых людей, нежели за какое-то достойное казни преступление, которое они могли бы ему предъявить. Они также сбросили с вершины стены какую-то женщину, и та погибла, сломав себе шею; ее обвинили в том, что она якобы своим чародейством свела с ума многих людей. Но за это преступление им пришлось заплатить в более подходящее время, и находясь в более здравом рассудке. Они собирались также убить всех монахов из [монастыря] св. Панталеона за то, что они, после того как архиепископ изгнал прежних монахов, ввели здесь новый и необычный вид монашеской жизни, [и сделали бы это], если бы Бог, помогая своим рабам, не сократил дни их безумства⁷⁸⁷. Кроме того, они приказали деятельным юношам с величайшей поспешностью идти к королю и, сообщив ему обо всем, что произошло, просить его прийти как можно быстрее и занять опустевший после изгнания архиепископа город. Спасение города и его собственная величайшая выгода зависят от того, чтобы он попытался упредить архиепископа, замыслившего большое дело, дабы отомстить за нанесенную ему обиду. В таких волнениях они провели целых три дня⁷⁸⁸.

После того как по провинциям распространился слух и в народе стало известно, что кельнцы с бранью и оскорблениями изгнали из города архиепископа, весь народ ужаснулся необычности этого дела, тяжести преступления, зрелищу человеческих дел, тому, что муж стольких во Христе добродетелей мог на глазах у Бога претерпеть подобное кощунство. У всех на устах были его великая щедрость по отношению к бедным, глубокое благочестие в духовных делах, большая умеренность в светских, рьяное усердие в исправлении законов, непреклонная строгость в наказании преступников, и воспоминание обо всем этом снискало ему немалую популярность в народе. Все кричали, что оскорбление величия епископского имени является скорее оскорблением их всех, и они лучше умрут, чем потерпят, чтобы столь гнусное преступление их времени осталось безнаказанным. Итак, они призвали к оружию всех в окрестностях четырех или пяти миль. Много тысяч людей сбежалось быстрее слова, и никто из тех, кто мог носить оружие, не отказался от участия в столь благочестивом воинстве; собравшись воедино, они просили архиепископа и, поскольку он медлил, силой побуждали его как можно скорее двинуться для освобождения города; они будут сражаться за него, и, если потребует необходимость, они – овцы за своего пастыря, сыновья за отца – охотно примут смерть. Если при его прибытии кельнцы не

поспешат его встретить и дать достаточное по его мнению удовлетворение за обиду, то они или сожгут город вместе с его жителями, или, разрушив стену, восстановят его на епископской кафедре над горами трупов.

Так архиепископ в окружении большого войска подошел к городу на четвертый день после своего ухода⁷⁸⁹. Когда кельнцы узнали об этом и поняли, что ни на стенах, ни в поле они не смогут выдержать натиск столь огромного и столь озлобленного войска, только тогда начала проходить их ярость и наступило протрезвление. Пораженные сильным страхом они отправили навстречу [архиепископу] послов с просьбой о мире, признавая себя виновными и готовые понести любое наказание, какое прикажут, лишь бы им сохранили жизнь. Архиепископ ответил, что если они искренне раскаиваются, то он не откажет им в прощении. Тогда, отслужив торжественную мессу в храме св. Георгия, он посредством епископского отлучения призвал туда для дачи удовлетворения всех тех, которые изгнали владыку с его собственного престола, осквернили церковь убийством, как враги атаковали храм св. Петра и с варварской дерзостью нарушали прочие церковные законы. Все они босиком, в шерстяных одеждах на голом теле тут же двинулись туда, с большим трудом добившись благоволения людей, которые были вокруг епископа, и их позволения безопасно это сделать. Ибо те сильно негодовали на него за то, что в то время, как он желает снискать себе популярность, проявляя чрезмерную милость, он самой безнаказанностью за преступление вдохновляет дурных людей на совершение еще более нечестивых поступков.

Архиепископ приказал им явиться на следующий день к храму св. Петра для принесения покаяния за столь нечестивые преступления согласно каноническим установлениям. Сам же отправился к храму св. Гереона и решил переночевать там за пределами города. Опасаясь, что после сдачи города он не сможет помешать насилиям возбужденной толпы и его люди, возбужденные отчасти беззакониями, отчасти жадной добычи, будут жестоко свирепствовать против народа, он настойчиво просил местных жителей, которые были вместе с ним, чтобы они с миром вернулись по домам. Они, мол, достаточно послужили ему и дали очевидное доказательство расположения овец к своему пастырю, а сыновей – к отцу. Самая трудная часть дела выполнена благодаря их беспримерной доблести, а то, что осталось, легко можно будет завершить уже частными и домашними силами. Поэтому будет добрым, счастливым и удачным, если они разойдутся по домам, унося с собой надежду на то, что благодарность за их доброе дело всегда останется с ним, живым или мертвым. Едва добившись этого, он приказал вступить в город своим рыцарям, которых по его мнению было достаточно для подавления горожан, если из-за легкомысленности народа вдруг опять возобновятся волнения, а сам намеревался последовать за ними на следующий день, когда осмотрительность ушедших вперед предупредит вероятные засады, возможно устроенные в городе.

Той же ночью более 600 богатейших купцов бежали из города и отправились к королю, чтобы умолять его о вмешательстве против свирепости архиепископа⁷⁹⁰. Остальные же, после того как архиепископ вступил в город и, согласно уговору, прождал целых три дня⁷⁹¹, так и не явились к нему для дачи какого-либо удовлетворения. Поэтому рыцари епископа, не снеся подобного неуважения, схватились за оружие и без ведома и совета архиепископа, как уверяют очень многие, стали врываться в дома, грабить имущество, а встречавшихся им на пути людей или повергали наземь, или, беря в плен, бросали в оковы, одним словом, мы вынуждены это признать ради правды, вершили дело праведной мести гораздо более сурово, чем то соответствовало бы репутации столь видного владыки. Но чем тяжелее болезнь, тем более горького лекарства она требует.

Сын вышеупомянутого купца, который первым поднял народ на выступление, и немногие другие были лишены зрения, некоторые высечены розгами и пострижены, и все вместе наказаны тяжелейшими штрафами и вынуждены дать клятву в том, что в последующем, насколько смогут, и словом, и делом будут защищать город для архиепископа против насилия всех людей, а тех, которые бежали из города, если только они не дадут архиепископу достойного удовлетворения, всегда будут считать злейшими врагами. Так город, незадолго до этого считавшийся самым многолюдным и после Майнца первым и главным среди галльских городов, был внезапно обращен чуть ли не в пустыню; на его улицах, которые едва вмещали густые толпы прохожих, теперь редко когда показывался человек, в то время как молчание и ужас воцарились в местах, где некогда царили веселье и радость. Нет никакого сомнения в том, что именно такое будущее предвещало следующее знамение. В этом году на празднование Вербного воскресенья⁷⁹² сюда пришел какой-то иноземец. Он увидел во сне, как некий ужа-сающей величины ворон летал по всему Кельну и страшным карканьем туда и сюда гонял народ, уstraшенный подобным зрелищем, а после этого явился замечательной внешности и одежды человек, изгнал из города издающего ужасные вопли ворона и избавил от пустого страха уже павший духом и опасавшийся самого худшего народ. Когда он, пораженный ужасом, спросил у окружающих его людей, что означает этот сон, то услышал, что город за грехи его жителей будет отдан во власть дьявола, но благодаря вмешательству мученика Георгия будет освобожден и избежит уже неизбежной и уготованной ему Богом гибели.

Отпраздновав в Бамберге праздник Пасхи⁷⁹³, король отправился в Нюрнберг на встречу с легатами апостольского престола. Это были: его мать, императрица, и епископы Остии⁷⁹⁴, Пренесте⁷⁹⁵, Хура⁷⁹⁶ и Комо⁷⁹⁷, отправленные римским понтификом, чтобы, если возможно, привести в порядок бывшее уже долгое время шатким положение в Галлиях. Несмотря на частые просьбы короля вступить с ним в переговоры, они согласились на это не ранее, чем он принес покаяние согласно церковным законам и был освобожден по их приговору от анафемы, которой подвергся по той причине, что из-за продажи церковных

должностей был обвинен перед апостольским престолом в симонийской ереси⁷⁹⁸. Итак, от имени римского понтифика они просили, чтобы им ради согласия среди епископов было разрешено провести в Галлии собор. Однако все епископы резко возражали против этого, как против необычного и чуждого их интересам нововведения, и утверждали, что привилегию таких полномочий не предоставят никому иному, кроме самого римского понтифика⁷⁹⁹. Дело в том, что римский понтифик стремился провести расследование и низложить всех епископов и аббатов, которые приобрели священный сан за деньги. По этой причине он уже отстранил от всякого богослужения епископа Бамбергского⁸⁰⁰ и некоторых других, пока те лично не предстанут перед ним и, дав достойное оправдание, не очистятся от несправедливо возведенного на них обвинения в ереси. А король желал того же самого из лютой ненависти к епископу Вормскому и некоторым другим, которые оскорбили его во время Саксонской войны, и которых теперь, как он твердо надеялся, должно коснуться это обвинение и им придется лишиться своих должностей⁸⁰¹. Но, поскольку посредством легатов решить столь важное дело не было никакой надежды, решено было перенести его на усмотрение самого римского понтифика.

Отпустив послов, король, не объявляя официальным образом поход, но внезапно и спешно собрав войско, приготовился двинуть его в Венгрию, после того как узнал, что Иоас, сын Белы, пошел войной на Соломона, короля Венгрии, победил его в трех битвах, а тот, потеряв войско, едва смог бежать из королевства. Он решил помочь ему в несчастье как ввиду родства, – ибо он отдал ему в жены свою сестру⁸⁰², – так и ради собственных выгод, поскольку тот обещал ему значительную часть своего королевства, если, разбив с его помощью врагов, он опять будет восстановлен на троне. Когда король прибыл в Регенсбург⁸⁰³, вслед за ним явилось посольство его доверенных людей, которые сообщили о том, что Вильгельм по прозвищу Бастард⁸⁰⁴, король Англии, прельщенный пустыми обещаниями архиепископа Кельнского, приближается с большим войском, готовясь занять столицу королевства Ахен⁸⁰⁵. Король, напуганный столь ужасной вестью и убежденный в том, что забота о личных делах важнее внешних предприятий, отказался от похода в Венгрию и спешно вернулся к Рейну. Троицу⁸⁰⁶ он отпраздновал в Майнце, встретив со стороны архиепископа Майнцкого блестящий и дружеский прием и обхождение.

Когда он решил идти оттуда к Кельну, пылая сильным гневом и угрозами в адрес архиепископа Кельнского, тот, отправив ему навстречу послов, поручил передать, что эта басня целиком лжива и подобна театральным вымыслам и что ее сочинили против него его враги, разумеется, те, которые незадолго до этого изгнали его из города, а теперь, поскольку не в состоянии погубить его оружием, беспокоят лживыми измышлениями. Он, дескать, не настолько безрассуден и равнодушен к общественному благу, чтобы в отмщение за личную обиду предать варварам свою родину; он с детства вел жизнь отнюдь не с таким легко-

мыслим, чтобы любой здравомыслящий человек мог питать на его счет столь глупые подозрения. Добившись через послов возможности явиться лично, он встретился с королем в Андернахе. Когда король учинил ему там сторожайший допрос по поводу того, что узнал, тот клятвой очистился от обвинения в государственной измене, которое ему предъявили. Что касается прочего, о чем сообщалось в доносе, то король сказал, что намерен всё это простить ради старой дружбы и епископского звания и не требовать за это ответа, согласно своему праву. Так, не потушив, но лишь на время сдержав ярость, он отправился в Кельн. На следующий день он вершил там суд в надежде на то, что благодаря обвинению тех, кого архиепископ подверг каре за нанесенные ему оскорбления, он получит возможность, возбудив волнение, вновь изгнать его из города, или, по крайней мере, посредством клеветы обвинить его в оскорблении величества на том основании, что он якобы угнетал невинных. Но тот все хитросплетения обвинений разорвал, словно паучы сети⁸⁰⁷, правдивостью ответов и весомостью высказываний.

После того как король увидел, что его невинность ограждена и чистой жизни, и благоразумием, и нет никакой возможности его обвинить, он обратился к другому роду беззаконий. Он потребовал от него, причем не просьбами, а в приказном порядке, чтобы он даровал кельнцам прощение за учиненную ими дерзость и примирил с церковью отлученных; кроме того, для упрочения нерушимой по отношению к нему верности он должен дать ему в заложники шестерых из своих вассалов. Но тот с твердостью отверг и то и другое: дать заложников он отказался на том основании, что никто из прежних королей никогда не требовал ничего подобного ни от кого из его предшественников, а простить отлученных – потому что церковные законы запрещают принимать отлученных обратно в церковь без достойного удовлетворения с их стороны в виде покаяния. Король решительно наседа на него, угрожая причинить ему всевозможные неприятности и огнем и мечом разорить все его земли. Но тот упорно стоял на своем, говоря, что готов умереть, если король вступил в сговор с кельнцами ради его гибели, но никогда не склонится от права к беззаконию из стремления сохранить жизнь. Долгое время спор продолжался с переменным успехом, и рыцарей обеих сторон охватило сильное беспокойство в ожидании, чем кончится столь тягостное зрелище. Наконец, сдавшись на уговоры тех, чьим советам он главным образом следовал, король изменил свое решение и сказал, что предпочитает состязаться с ним скорее в добрых делах, нежели в злых; и если выяснится, что [архиепископ] верен ему и предан в государственных делах, то он будет иметь его первым среди друзей. Примирившись таким образом с архиепископом, он отправился в Ахен и, насколько мог, укрепил эту часть королевства, чтобы не допустить того, что говорила о вторжении варваров молва.

9 июня умер Рутард, аббат Херсфельдского монастыря, муж весьма сведущий в священном писании и столь красноречивый, что никто в его время не

излагал слово Божье более обстоятельно, тонко и изящно, чем он. В соблюдении святого устава он, правда, был чуть менее усерден, чем того требовали обычаи и время. По удивительному решению Бога, который наказывает тех, кого любит, и бьет всякого сына, которого принимает⁸⁰⁸, он перед смертью лишился рассудка и на протяжении двух лет и шести месяцев тяжело страдал от умопомешательства и эпилепсии. Он умер ровно через год и шесть месяцев после того, как отрекся от аббатства. Однако он, как только хоть немного оправлялся от оцепенения и помрачения ума, так сразу же начинал каяться и оплакивать этот поступок, так что трудно решить, от чего он страдал больше и тяжелее – от болезни или от горя.

В середине июля короля, возвращавшегося из Лотарингии в Вормс, вновь посетили послы короля Венгрии, настойчиво умоляя его вспомнить о родстве и совместно проведенном детстве⁸⁰⁹ и поскорее прийти на помощь изгнаннику. Но, поскольку тот был занят личными делами и его слабо трогали их просьбы, они, предоставив 12 заложников, дали ему свое слово в том, что если благодаря его содействию [Соломон] будет восстановлен на троне, он станет впредь его данником, будет послушен его воле⁸¹⁰ и в доказательство нерушимой верности передаст ему шесть самых укрепленных городов Венгрии. Продав за эту цену свою помощь, король, тут же отправив во все стороны гонцов, торжественно призвал князей принять участие в походе⁸¹¹. Однако одни отговорились недостатком времени, другие – скудостью средств, но большинство – тем, что их достояние сильно пострадало в ходе Саксонской войны; многие приводили также иного рода отговорки, но все равным образом отказались от участия в походе.

Тем не менее король, чтобы из-за своего бездействия не упустить случайно представившуюся возможность доставить государству столь важную выгоду, довольствуясь только простыми ратниками и личной дружиной, как враг, вторгся в Венгрию и разорил некоторые ее районы. Иоас же, который захватил Венгрию, узнав о его приходе, с величайшим усердием принял меры, чтобы в местах, где опасались вражеского вторжения, нельзя было найти ни продовольствия для людей, ни корма для скота, а сам вместе со всеми своими людьми отправился на некий остров, совершенно неприступный для врагов ввиду своей труднодоступности. Войско короля, который не позаботился о средствах для такого ведения войны, сразу же стало страдать от тяжелейшей нужды, причем настолько, что очень многие люди и почти весь скот вскоре погибли от чумы и голода. Вынужденный этой необходимостью король, не совершив ничего славного, ушел из Венгрии и после праздника св. Михаила⁸¹² вернулся в Вормс; уладив там, согласно времени и возможности, государственные дела, он вернулся в Регенсбург с намерением провести оставшееся до Рождества Господнего время, объезжая баварские и швабские города.

Папа Гильдебранд, проведя вместе с епископами Италии уже несколько соборов⁸¹³, распорядился, чтобы священники, согласно установлениям старинных

канонов, не имели жен, а женатые либо отпустили [своих жен], либо сложили с себя сан; он велел также ни в коем случае не допускать до священного сана никого, кто не заявит о воздержании и целомудренной жизни на веки вечные. Когда этот указ был объявлен по всей Италии, он разослал многочисленные письма к галльским епископам⁸¹⁴, велел им сделать то же самое в своих церквях и угрозой вечного проклятия отбить у всех женщин охоту сожительствовать со священниками. Против этого указа тут же резко выступило всё сообщество клириков, крича, что этот человек, мол, явный еретик, а учение его безумно, ибо он забыл слова Господа, который сказал: «Не все вмещают слово сие, но кому дано»⁸¹⁵, а также апостола: «Если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться»⁸¹⁶. Он силой заставляет людей жить подобно ангелам, и, в то время как он препятствует обычному течению естества, он открывает дорогу разврату и нечестию. Если он и дальше будет настаивать на своем решении, то они предпочтут скорее оставить священный сан, нежели брак, и посмотрят тогда, откуда он, который считает людей за животных⁸¹⁷, будет брать ангелов для управления паствой по церквям Божиим. Тем не менее папа настаивал на своем и в постоянных посольствах укорял всех епископов в нерадивости и бездействии и угрожал, что если они быстро не исполнят порученное им дело, он использует против них апостольскую дисциплинарную власть.

Архиепископ Майнцский⁸¹⁸, зная, что ликвидировать укоренившийся за столько времени обычай и вернуть состарившийся уже мир к началам только-только зародившейся церкви будет стоять немалых усилий, беседовал с ними довольно спокойно; поначалу он дал срок на полгода и возможность подумать, убеждая их добровольно сделать то, что необходимо сделать, и избавить как его, так и римского понтифика от необходимости применять против них какие-либо суровые меры. Наконец, собрав в Эрфурте в октябре месяце собор, он уже более сурово потребовал, чтобы они при подобных обстоятельствах оставили всякие отговорки и либо расторгли брак, либо отказались от служения священному алтарю⁸¹⁹. Те, в свою очередь, приводили многочисленные доводы, на основании которых пытались обмануть этот неистовый натиск и отменить это распоряжение. Однако, когда против авторитета апостольского престола, которым тот прикрывался, заявляя, что вынужден требовать этого вопреки собственной воле, не подействовали ни доказательства, ни просьбы, ни мольбы, они удалились будто бы на совещание, а сами решили не возвращаться на собор, но всем вместе без разрешения разойтись по домам. Некоторые даже, перебивая друг друга, кричали, что, по-видимому, лучше было бы вернуться на собор и, прежде чем епископ объявит против них осуждающий приговор, сбросить с епископской кафедры его самого и, покарвав заслуженной смертью, оставить потомкам замечательный памятник, чтобы впредь никто из его преемников никогда более не осмеливался строить против священства подобные козни. Когда епископу стало известно о том, что они замышляют, его люди убедили его своевременным вме-

шательством упредить возникшее возмущение; он выслал к ним послов и просил их унять раздражение и вернуться на собор; как только представится такая возможность, он лично отправит послов в Рим и, если удастся, отговорит господин папу от столь строгого распоряжения.

На следующий день, допустив на заседание совместно мирян и клириков, он возобновил старую тяжбу об уплате десятины, и, словно ничего не произошло во время Саксонской войны и не было тех условий, на основании которых совсем недавно в Герштунгене был заключен мир⁸²⁰, вновь старался обвинять всех тюрингов в незаконном удержании десятины, не подумав о том, что это дело было причиной и источником всех бед, которые самым несчастным образом терзали государство на протяжении уже многих лет. Тюринги восприняли это с крайним неудовольствием, поскольку из-за недавнего успеха на войне были еще слишком горды и тешили себя пустыми надеждами на то, что, после того как король был побежден и опытом познав их отважность⁸²¹, не найдется такого епископа, которые осмелился бы доставить им какое-либо беспокойство по этому поводу. Сперва, правда, они в мягких возражениях внушали ему, что согласились в Герштунгене на восстановление мира только при условии, что их установленные с глубокой древности законы навсегда останутся нерушимыми. Но затем, когда они увидели, что сказывают сказку глухому, их внезапно охватила дикая ярость; они бросились вон, призвали [друг друга] к оружию и, мгновенно собравшись, огромной толпой ворвались в помещение, где проходил собор; и, если бы рыцари епископа своевременно не вмешались и более уговорами и разумными доводами, нежели силой, – ибо были неравны им силами, – не сдержали натиск разгневанной толпы, они убили бы епископа на самой епископской кафедре. Так, поскольку и епископ, и все заседавшие там клирики были поражены сильным страхом и искали себе убежища повсюду, по всем углам церкви, собор был распущен. Епископ тут же покинул Эрфурт и оставшуюся часть года вплоть до Богоявления⁸²² провел в Хайлигенштадте; на протяжении всех праздничных дней он посреди торжественных богослужений под угрозой епископского отлучения призывал к покаянию тех, которые помешали работе священного собора.

1075 г. Рождество Господне король отпраздновал в Страсбурге. Когда туда прибыли очень многие князья, которых он с большим усердием приглашал на праздник со всего королевства, он открыл им тайну своего намерения⁸²³ и всеми способами побуждал их к возобновлению Саксонской войны. Многое он дарил ныне, но еще большее обещал дать в будущем, и не оставил ни одного самого последнего и низкого звания человека, какого считал подходящим для исполнения столь важных дел, чью верность и послушание он не обеспечил бы взаимной клятвой. Когда он склонил их всех к согласию главным образом тем обещанием, данным под присягой каждому из них, что в случае, если он с их помощью вернет себе Саксонию и Тюрингию, то передаст им обе эти провинции, чтобы

они разделили их между собой по своему усмотрению и вечно владели ими⁸²⁴. Так, пылая гневом, он не желал себе ничего, кроме крови тех, кто его оскорбил. Однако он уже целый год настолько успешно скрывал свое раздражение, что всякий раз с блеском принимал князей Саксонии, когда они к нему приходили, и часто направлял мирные и почетные поручения тем, кто отсутствовал.

Через несколько дней он прибыл в Майнц, куда к нему прибыл король Руси по имени Дмитрий⁸²⁵, привезя ему несметные богатства в золотых и серебряных сосудах и весьма дорогих одеждах⁸²⁶, и просил, чтобы он оказал ему помощь против его брата⁸²⁷, который силой изгнал его из королевства и с тиранической жестокостью захватил трон. Король тут же отправил Бурхарда, настоятеля Трирской церкви, чтобы он провел с ним переговоры по поводу тех незаконных, которые он причинил брату, и убедил добровольно оставить трон, который он незаконно захватил; в противном случае ему, мол, придется испытать на себе могущество и оружие Тевтонского королевства. Бурхард потому казался подходящим для этого посольства, что тот, к кому его послали, был женат на его сестре⁸²⁸; по этой причине он величайшими просьбами добился у короля, чтобы он пока что не принимал против того более суровых решений. А короля Руси король доверил заботам саксонского маркграфа Деди, в сопровождении которого он сюда и прибыл, пока не вернутся обратно послы.

В те же дни случилось, что Бамбергская церковь была потрясена жестоким соблазном. Епископ Герман за свой счет выстроил за стенами Бамберга церковь в честь блаженного Иакова и, собрав там 25 клириков, не чуждых учености, чистоты нравов и канонического образа жизни, щедро позаботился обо всем, что требовалось им из продовольствия и одежды. Когда же настоятель этой общины заболел и умер, он, пользуясь благоприятной возможностью, изгнал клириков и передал это место со всем, что к нему относилось, Эгберту, аббату из [монастыря] св. Михаила, для учреждения здесь монастыря, не потому что уличил клириков в каком-то преступлении, ибо они, как я сказал, вели весьма достойную жизнь, согласно церковным законам, но потому что был привлечен чистой монашеского образа жизни и желал, если удастся, чтобы этот образ жизни был единственным во всем его епископстве; из рвения к Богу, но не по рассуждению⁸²⁹ он так ревновал к красоте Рахили, что не верил, будто плодovitость Лии⁸³⁰ также следует ввести в покои небесного жениха.

Изгнанные клирики были глубоко возмущены тем, что без всякой причины отставлены от церковного ствола, который их питал. Клирики кафедральной церкви в Бамберге также горевали как из-за них, так и по поводу самих себя, а именно из-за того, что епископ не без тяжкого ущерба для их звания предпочитает исключительно монашеский чин. Итак, они пришли к нему с совместной просьбой и умоляли именем Бога, чтобы он не отбирал канонически полученные для церковного пропитания бенефиции у тех, за кем нет никакой вины, без законного разбирательства и слушания их дела и не позволил, чтобы они, ли-

шенные за свою духовную службу жалования, кроме которого у них ничего больше нет, сделались объектом презрения и насмешек со стороны мирян. Бамбергское епископство имеет несколько общин клириков, а потому нуждается не столько в монахах, сколько в клириках, помощь которых используется как в процессиях по праздничным дням, так и в принятии гостей. Кроме того, церковь, которую он недавно построил, расположена в оживленном месте, посреди потока снующих туда-сюда толп, не далее чем в 30 шагах от кафедральной церкви Бамберга, а потому гораздо более подходит для клириков, нежели для монахов: ведь монахам приказано приносить своему Господу Богу отвратительную для египтян жертву, и поэтому они должны отделиться от толпы и, как написано, пойти в пустыню на три дня пути⁸³¹, чтобы в случае, если они на глазах у мирян принесут в жертву то, что те почитают и считают самым главным, те, возмущившись, не забросали и не обеславили святую и апостольскую жизнь камнями своих насмешек. Если монахи, как более достойная и благородная часть тела Христова, более близки Богу, то клириков на этом основании отнюдь не следует отлучать от церкви как гнилые члены, ибо, хотя звезда от звезды разнится в славе⁸³², они всё же прекраснейшим образом украшают своим многообразием единый небосвод; и пусть члены различны между собой и у каждого свои собственные функции, они согласной, хоть и неодинаковой службой исполняют надобности одного и того же тела⁸³³.

Но епископа не тронули ни разумные доводы, ни просьбы; он заявил, что честь, которую он оказывает монахам, ни в коей мере не вредит клирикам, а средства, которые он собственным трудом собрал в помощь бедным, он имеет право по своему собственному усмотрению жаловать либо клирикам, либо монахам. Клирики, сильно раздраженные как отсутствием средств, так и недостойным обращением, беспокоили слух короля и всех князей королевства ежедневными жалобами по поводу своих обид. Но так ничего и не добившись и потеряв последнюю надежду, они обратились к сильнейшему средству, которое в святой церкви всегда являлось единственной опорой в крайней нужде, – отправились в Рим и, по порядку рассказав римскому понтифику историю своих бедствий, смиренно умоляли о покровительстве апостольского престола против насилия столь видного интригана.

Одновременно прибыло посольство всего бамбергского духовенства; изложив свои жалобы, они сурово порицали римского понтифика за его долготерпение: почему он так долго позволяет пятнать церковь Божью общением с еретиком, который не как пастырь через дверь, но как вор и разбойник через симонийскую ересь и раздачу больших денег вторгся во двор овчий⁸³⁴; который, будучи обвинен в столь страшном преступлении у его предшественника, папы Николая⁸³⁵, очистился, потушив, как обычно говорят, пламя железом⁸³⁶, то есть ересь клятвопреступлением; который вопреки святым канонам бесстыдно захватил епископскую кафедру и службу святой проповеди, будучи совершенно

безграмотным; который до вступления в должность епископа сделался в городе Майнце, где был воспитан, известен и даже знаменит всеми уголовными преступлениями и всякого рода постыдными деяниями; который, после того как был поставлен торговать небесными талантами, еще более активно занимался финансовыми делами и ростовщичеством, в котором был сведущ с детства, так что аббатства и церкви, расположенные внутри его диоцеза, которые он постыдно приобрел, он еще более постыдно продавал, а челядь Бамбергской церкви, еще недавно чрезвычайно богатую и изобилующую всеми средствами, довел до крайней бедности; помимо всех своих злых дел, этот ангел Сатаны, принявший вид ангела света⁸³⁷, чтобы в овечьей одежде⁸³⁸ свободнее совершать волчью свирепость и тем легче обманывать невинность простодушных, без всякого разбирательства выгоняет клириков из их церквей и во всех местах, где только может, учреждает монашескую жизнь, не столько из любви к благочестию, сколько из коварного притворства. В конечном итоге они умоляли его именем всемогущего Бога, чтобы Симон Петр наконец пробудился и поднял посох пастырского рвения против этого волка, постыдно расхищающего и разгоняющего овец Божьих⁸³⁹, и Симона Мага, вновь выставившего в церкви Божьей столы мновщиков⁸⁴⁰ и деньги, послал на погибель вместе с его деньгами⁸⁴¹.

Римский понтифик уже прежде отстранил его от обязанностей священного алтаря⁸⁴². Разгневанный нынешним донесением он без промедления отлучил его от церкви⁸⁴³, а именно, по той причине, что он, уже давно обвиненный в тяжелейших преступлениях и на протяжении двух лет неоднократно вызываемый в Рим⁸⁴⁴, чтобы защитить свое дело, отказался прийти. Клирикам, которые жаловались, что изгнаны вопреки праву, он приказал вернуть их церковь и, отправив письма бамбергскому духовенству, велел им воздерживаться от общения с [епископом], дав твердое уверение в том, что, пока он жив, тот, если когда-нибудь и возвратит себе общение, то никогда не вернет епископства, которым владел вопреки церковным законам.

Когда бамбергским клирикам их посланники сообщили всё это, уверенность в столь твердом обещании возобновила их старый гнев; скрыв пока что посольство апостольского престола, они отправили к епископу, который в это время находился в Бамберге, послов и сообщили ему, чтобы он как можно быстрее уехал из города; он не может более быть их епископом, поскольку и епископство купил посредством симонийской ереси и вопреки церковным установлениям, и, не имея никакого образования, не может им управлять. К этому и без того суровому посольству они добавили от себя еще и тяжкое оскорбление. Некий юноша из числа клириков, дерзкий по характеру и ввиду своего возраста, привел краткий стишок из Псалтыря и сказал: «Если ты как надежный толкователь правильно изложишь мне не мистический смысл этой главы, не аллегорическое значение, но дословный смысл, то я объявлю тебя освобожденным от всякого расследования, свободным от всех обвинений, которые мы тебе предъявляем, и

вполне достойным сана епископа». Когда тот, крайне удивленный его необычным поведением, возмущенно спросил, что это значит, отчего происходит эта новая и неслыханная дерзость со стороны обычно кротких клириков, и в суровых словах дал суровый ответ, внезапно вперед вышли легаты апостольского престола и, помимо писем, которые держали в руках, живым голосом объявили ему от имени римского понтифика, что впредь он не имеет ни права, ни власти на звание епископа; пусть знает, что мечом апостольского отлучения он отсечен от тела вселенской церкви, потому что неоднократно вызванный апостольскими письмами в Рим, чтобы очиститься от предъявленного ему обвинения в симонии, он так и не удосужился это сделать. Они также приказали бамбергским клирикам более не оказывать ему, как епископу, ни почета, ни уважения, но всяческим образом уклоняться от общения с ним, дабы не быть уличенными в нарушении церковного предписания и не подвергнуться точно такому же отлучению наряду с ним.

Тогда епископ впервые понял, что обведен вокруг пальца хитростью своих клириков. Когда они решительно настаивали, чтобы он, отстраненный от должности епископа, уезжал как можно скорее, а ему нечего было возразить в свое оправдание, и они, призвав в свидетели имя Господне, заявили, что не будут совершать в церкви никаких богослужебных действий, пока он в ней остается, он, растерянный и сбитый с толку, отправил послов к епископу Майнцскому⁸⁴⁵, своему вернейшему другу, которого он привязал к себе многочисленными благодеяниями, неоднократно оказываемыми и частным образом, и официально, и который был его товарищем и соучастником во всем, что тот совершил в процессе приобретения и управления своим епископством, с просьбой прийти как можно скорее и каким угодно способом обуздать бушующее во внутренних раздорах духовенство. Тот незамедлительно прибыл и, как его и просили, вступил в переговоры с клириками; они, мол, не должны забывать о стыде и послушании и без всякой причины восставать против своего епископа, которого во имя Бога обязаны почитать вместо отца, ибо он не раздражал их сознательно ни словом, ни делом, на что они по праву могли бы пожаловаться, а если он несознательно, возможно, и совершил что-то такое, что их оскорбило, то он готов быть им судьей и посредником и любым способом удовлетворить их обиду; пусть они пощадят его, если не ради его невинности, то хотя бы ради собственной чести и репутации, дабы прочие клирики по всему земному шару не воодушевились этим примером для посрамления своих епископов, и эта пагубная болезнь мятежа и непокорства, взяв начало у бамбергцев, не заразила всё тело стада Господнего. Однако те, не вняв ни этому успокоению, ни этому послаблению, подвергли его жесточайшим оскорблениям, говоря, что его также по праву должна поразить анафема апостольского отлучения, ибо он посредством симонии рукоположил в епископы человека, запятнанного всеми пороками и ни нравами, ни ученостью не соответствующего должности священника; для извинения дел гре-

ховных⁸⁴⁶ он не может отговориться незнанием, ибо долгое время весьма близко наблюдал его в своем собственном доме, а потому прекрасно знал и его деяния, и весь образ жизни; он, кроме того, был посредником и доверенным лицом во всем, что было сделано в процессе покупки епископства.

Архиепископ, видя, что клирики упорствуют в борьбе и их не удастся смягчить никаким разумными доводами, и в то же время не желая оставлять неиспробованным ради своего друга ни одно средство, решил взять его с собой и идти в Рим, надеясь, что ему удастся либо деньгами, либо просьбами побудить римского понтифика снять и обвинение, и анафему. Но, посчитав во время похода, что не вполне безопасно вести его в Рим, не выяснив предварительно намерений римского понтифика, он убедил его дожидаться его возвращения во внешних владениях Бамбергской церкви, а сам вместе с немногими, как и намеревался, отправился в Рим⁸⁴⁷. Когда он пришел туда, то лишь с большим трудом добился, чтобы римский понтифик принял его в общение. И вот, тот, кто готовился быть заступником чужих преступлений, был обвинен в собственных, а именно, в том, что сознательно поставил Бамбергского епископа посредством симонии, и едва не лишился своего сана⁸⁴⁸. Наконец, на прощание ему приказали всяческим образом воздерживаться от общения с ним и сообщить всем князьям Тевтонского королевства о вынесенном против него приговоре об апостольском отлучении, а затем, как только выдастся удобный случай для завершения дела, поставить вместо него другого Бамбергского епископа.

Когда об этом стало известно Бамбергскому епископу, он, поняв, что у него не осталось иной надежды, кроме как положиться на милость римского понтифика, отправился в Рим, предварительно наняв людей, которые своим умением говорить должны были защитить его дело перед апостольским престолом. Но твердость римского понтифика и его неподвластный алчности дух отразили все доводы человеческого лукавства. Обильными слезами, многочисленными просьбами и множеством составленных с риторическим искусством ухищрений он с трудом добился только того, чтобы с него сняли анафему, но при условии, что как только он вернется на родину, он должен будет вступить в монастырь и там, навсегда отказавшись от всех светских занятий, с соответствующим извинением оплакивать то, что из-за его честолюбия церковь оказалась ввергнута в соблазн⁸⁴⁹. Когда он, вернувшись таким образом на родину, рассказал о приказе римского понтифика своим рыцарям, среди которых был весьма популярен и любим за немалую щедрость, те яростно этому воспротивились, говоря, что это крайне оскорбительно и никогда еще на памяти предков в галльских церквях не случалось, чтобы епископа низлагали без публичного слушания и канонического расследования, что требуется даже для лиц низшего ранга; это оскорбление нанесено не только ему лично, но касается их всех, которые должны заботиться о защите достоинства Бамбергской церкви и под присягой обещали верность ее епископу; поэтому они испытают прежде все крайности, чем позво-

лят столь постыднейшим примером запятнать честь этой церкви, сохраняемую вплоть до их времени. Воодушевленный этими обещаниями епископ, презрев указ римского понтифика, вернулся в Бамберг⁸⁵⁰ и, пробыв там четыре или пять недель, помимо службы у алтаря, не отказался ни от одного из своих прав во всем остальном, а именно в том, что касалось внешнего управления епископством, считая недействительным отлучение, которое, как он издевательски заявлял, было объявлено против него неканоническим образом⁸⁵¹. В эти дни в городе Бамберге не совершались открыто богослужения, ибо клирики избегали и всячески проклинали общение с ним. Остальную часть этого года он провел во внешних владениях Бамбергской церкви, опираясь на поддержку своих рыцарей. Однако ни король, ни епископ, никто другой, находящийся в здравом уме, не желали вступать с ним в общение.

Пасху⁸⁵² король праздновал в Вормсе. В то время как некоторые из князей Саксонии собирались отправиться туда, чтобы поприветствовать его, посланные им навстречу послы дали им знать, чтобы они как можно скорее возвращались домой; иначе, мол, им небезопасно будет видеться с королем, которого после столь тяжких оскорблений они до сих пор не умилиствовали соответствующим извинением. Там они впервые заметили опасность, которая угрожала их шеям. А король, после того как были уже в достаточной мере сделаны все необходимые для ведения войны приготовления, в торжественном указе объявил всем жителям своего королевства о походе в Саксонию и назначил день и место для сбора войска, а именно 8 июня⁸⁵³ во владении Херсфельдского монастыря, в месте под названием Брейтунген⁸⁵⁴. Он отправил также послов к саксам, которые тогда в большом количестве собрались в Госларе ради проведения совещания, чтобы сказать им, что он помнит о тяжких обидах, об оскорблении королевского величества и о постыдном бегстве, к которому он был вынужден прибегнуть ради спасения своей жизни от смертельной опасности⁸⁵⁵. Однако он не ставит это в вину всем саксам; было всего несколько князей, которые воспламенили этой яростью невежественную и по своему природному легкомыслию всегда жадную до нововведений толпу; поскольку он не смог наказать их за разжигание мятежа и смуты в государстве законным путем, он сделает это вооруженной рукой. Далее он просит остальных и под угрозой лишения своей милости приказывает, чтобы они не защищали врагов государства ни оружием, ни иными средствами; если они будут послушны, он даст им прощение за их старые вины, за то, что они прежде были товарищами и соучастниками столь неслыханного деяния; если же нет, то согрешившие не будут впредь иметь оправданий, ибо согрешили сознательно и будучи предупреждены.

На это саксы ответили следующее: «Это посольство нам весьма по сердцу; и, если наши князья не поклянутся дать ему удовлетворение во всем, в чем их обвиняют, согласно его королевскому величеству, то мы без промедления схватим их или бросим в оковы и таким образом удержим для расследования либо, об-

ратив в пепел всё, что им принадлежит, изгоним их из Саксонии. Но, если они готовы на справедливых и достойных королевского имени условиях очиститься от обвинений или искупить то, в чем их обвиняют, мы просим и закликаем его именем Бога руководствоваться скорее своей честью, нежели гневом и не принимал относительно них недостойных его решений до открытого слушания перед прочими князьями и законного разбирательства. Пусть лучше назначит день, определит место и даст им возможность лично прийти и безопасно защитить свое дело, чтобы, проведя, согласно придворным законам, справедливое расследование, либо наказать их, как уличенных в преступлении, либо освободить, как невиновных. Если же яростный гнев не приемлет никакого удовлетворения и может быть потушен только кровью наших князей, что толку облекать решения в двусмысленные ответы? Мы сочли бы верхом нечестия покинуть наших князей и отдать их на заклятие ради себя, точно зная, что они подняли оружие против короля не из какой-то личной ненависти или расположения, но исключительно ради обеспечения нашего блага и восстановления нашей свободы. Поэтому мы смиренно просим, чтобы и нам, и им было дано одинаковое прощение за совершенную дерзость, или, если никакая искупительная жертва не может загладить то, что мы совершили, чтобы и нас, и их подвергли одинаковому наказанию».

Тогда Букко, епископ Хальберштадта, Вецель, архиепископ Магдебурга, Магнус, герцог Саксонии, Отто, некогда герцог Баварии, и прочие князья, против которых король главным образом и направил столь мрачные угрозы⁸⁵⁶, сказали, что им неведомо, каким именно словом или делом они нарушили заключенный в прошлом году в Герштунгене мир. Ибо если король подозревает, что это по их совету или наущению случилось, что церковь в Гарцбурге была сожжена, сокровища расхищены, тела выброшены из могил, или было совершено что-то еще вопреки условиям этого соглашения, то они готовы на любых условиях, какие только сочтут справедливыми прочие князья королевства, опровергнуть это обвинение и доказать свою невиновность. Сверх того, они за свой счет восстановили названную церковь еще краше, чем она была, украсили ее более богатыми украшениями и вдвойне восстановили всё, что в нечестивой дерзости разрушила, расхитила и осквернила глупая и охваченная злым духом чернь; кроме всего этого, они готовы дать ему столько золота, серебра и своих поместий, сколько он захочет принять согласно своему чувству чести и величию королевства, лишь бы он вернул им свою милость и, успокоившись, вложил в ножны меч⁸⁵⁷, который в гневе обнажил против их шей и на погибель всей Саксонии. Но даже если он упорно отвергнет все просьбы и мольбы, то и тогда они не поднимут против него оружие и не выйдут в поле, а с босыми ногами выступят ему навстречу и, подставив шеи, примут любой приговор, какой продиктует ему его гнев⁸⁵⁸. С этими словами они отпустили послов короля и тут же отрядили к нему своих собственных послов с тем же ответом.

Когда король узнал об их приходе, он приказал ни в коем случае не допускать их к себе и через тайных посредников поручил передать, чтобы они как можно скорее возвращались назад и не попадались столь безрассудно на глаза тому, кого столь тяжко оскорбили; в противном случае он покарает их королевской дисциплинарной властью как врагов государства, замышляющих захват королевской власти, которые под видом посольства намерены распространять в народе свою ложь для подстрекания князей и срыва похода. Так послы безрезультатно вернулись назад. Саксы посылали всё новых и новых послов, но все они находили двери и уши короля закрытыми для них с той же непреклонностью. Когда один из послов, улучив удобное место и время, неожиданно прорвался к самому королю и начал говорить то, что ему было поручено, то едва он приступил посреди наступившего молчания к первым словам своей речи, как его тут же прогнали с тяжкими оскорблениями; Удальрик, королевский вассал, увел его, или, лучше сказать, уволок, чтобы держать под арестом до следующего дня, но на следующее утро он, обманув стражников, бежал и тем самым едва спас свою жизнь.

Затем саксы в частых посольствах обращались к герцогу Рудольфу, герцогу Бертольду, герцогу Гоцело и прочим князьям, которые были с ними в сговоре во время предыдущей войны, зывали к их верности, напоминали о союзе, что они заключили, заклинали их Богом, именем которого они поклялись быть одним и тем же воинством, помочь им, попавшим в беду, и, как прежде они оказывали им поддержку в ведении войны, так ныне не отказать в своей помощи и совете в деле восстановления мира, ибо им угрожает война. Но мудрость короля, который удивительным образом был не по годам умен, поставила преграды всем [их усилиям], закрыла все пути и выходы. Ибо от всех своих князей он принял клятву не принимать без совета с ним ни одно их посольство, ни тайно, ни явно не помогать им ни оружием, ни советом, и ни в коем случае не просить и не умолять за них, пока он сам, как судья и свидетель, не признает, что достойным наказанием смысл пятно полученного от них оскорбления. Таким образом, куда бы они ни обращались, какие бы пути ни искали, они всюду натывались на препятствия, препоны и запоры.

Тогда они созывают по Саксонии и Тюрингии⁸⁵⁹ частые собрания и решают, что делать, обсуждая все возможные варианты, которые, казалось, обещали хоть какое-то избавление от столь страшной беды. Когда у них не осталось уже никаких надежд на человеческую помощь, они единодушно решили искать поддержки у Бога, который только и может смягчить столь упорную ярость короля и распутать это запутанное дело. Итак, они приказали, чтобы по всей Саксонии и Тюрингии люди, скинув нарядные одежды, облачились во власяницы и рубище, в установленные дни воздерживались от еды и питья, тратили на бедных в зависимости от своего состояния и, обходя с босыми ногами церкви, общим плачем умоляли Бога, чтобы Он протянул для их спасения свою десницу, которая только и может уже помочь обложенным со всех сторон людям, когда в человечес-

кой помощи им везде отказано. Кроме того, было решено, чтобы в день, когда королевское войско соберется, согласно государственному указу, для сбора в Брейтунгене, сами они расположились лагерем в месте, что зовется Люпниц⁸⁶⁰, в шести милях от них, и, вновь и вновь беспокоя уши короля и его князей настойчивыми просьбами, возблагодарили Бога, если добьются успеха, а если нет, то, ожидая его прихода в этом месте с развернутыми знаменами, доверили решение дела справедливейшему суду Божьему.

К ним прибыли также послы от лютичей и поляков, и те и другие обещая свою помощь, товарищество и равные намерения во всем, что следует совершить посредством воинского искусства; в день, который назначат саксы, они готовы послать в Саксонию очень большие силы вооруженных людей или, если те предпочтут, встать лагерем и нести сторожевую службу против датчан и других народов, которых король, как говорят в народе, подстрекает к вторжению в Саксонию, чтобы, в то время как они заняты другими делами, избавить их от тревоги с этой стороны⁸⁶¹. Несколько ободренные этой вестью, они разошлись и, сколько времени оставалось до дня сбора войска, провели его в постах и бдениях, неустанно посещали церкви, катались в пепле и вретище, дни и ночи предавались молитвам, короче говоря, не упустили ни одного вида покаяния, какие согласно церковной традиции устраиваются для умилоствления Бога. Но гнев Божий, который вспылал против них, был слишком велик, чтобы его можно было унять слезами, жертвами и дарами.

Троицу⁸⁶² король праздновал в Вормсе вместе с немногими князьями, ибо каждый был занят собственными заботами при подготовке войска. В назначенный день⁸⁶³ он прибыл в Брейтунген с несметным войском, и все были совершенно единодушны во мнении, что никогда еще на памяти предков ни один король в Тевтонском королевстве не собирал такого большого, храброго и прекрасно вооруженного войска. Сколько ни было в королевстве епископов, герцогов, графов и прочих лиц духовного и светского звания, все они усердно собрались на эту войну со всей силой, со всеми средствами. Не было никого, кто не явился бы, если только его не оправдывала действительно важная и совершенно неразрешимая необходимость. Епископ Кельнский, оправдываясь тем, что был бы нечестивцем, если бы явился, как зритель несчастья, которое постигнет его брата, епископа Магдебурга, и его племянника, епископа Хальберштадта, добился разрешения не участвовать в походе; король дал ему это разрешение без особых возражений, потому что после первого отпадения тот всегда был ему ненавистен и подозрителен. Епископ Льежа⁸⁶⁴, муж, помимо преклонного возраста, измученный длительной болезнью, взял на себя охрану королевы и по этой причине также был освобожден от военной службы. Однако оба они направили своих рыцарей в очень большом количестве.

Прибыл также князь Чехии⁸⁶⁵ в окружении такой огромной дружины, что, обманутый пустой надеждой, полагал, будто ее одной вполне хватит для Саксон-

ской войны. Видерад, аббат Фульденский, помимо того, что с детства сильно хромал на одну ногу, уже целых два года был так сильно разбит параличом, что и шагу не мог ступить, не опираясь на палку или на плечо кого-либо из слуг. Но даже столь тяжелое состояние здоровья не могло освободить его от участия в походе, потому что король заботился преимущественно о том, чтобы посредством титулов и знамен всех своих князей сделать поход как можно более внушительным. Когда он, сидя в повозке, добирался под палящим зноем до места сбора войска, то, задохнувшись от шума разлившейся вокруг толпы и тучи поднятой пыли, едва не испустил дух. Доставленный в монастырь он позднее немного оправился от беспамятства, но так и не смог больше вымолвить ни единого слова; страдая таким образом от тяжких телесных болей на протяжении шести недель, он умер 16 июля. Муж горячей веры в Бога, он был тем не менее крайне нелюбим своими людьми, потому что в его дни имя Фульды сильно потускнело из-за многочисленных несчастий и оказалось почти полностью предано забвению. Но вернемся после этого отступления к нашему рассказу.

Лазутчики, высланные королем для наблюдения за саксонским войском, доложили, что те не уступают им ни в численности, ни в вооружении, а в прочем воинском снаряжении даже превосходят их; они собрали многочисленные средства и достаточные для длительного времени припасы и, ничуть не обеспокоенные прибытием стольких врагов, расположились лагерем неподалеку; после тягот пути они, разбив палатки, беззаботно предались отдыху; они также решили послать послов со смиренными просьбами о мире и, если не добьются его, в равной мере вступить в битву с прибывшими. Однако теми, кто был в окружении короля, это было выслушано легкомысленно и презрительно, и они всюду хвалились, что даже железные и стальные боевые порядки не будут неодолимы для их многочисленности и доблести; с ними, мол, – отборнейшие воины, которые всю жизнь провели на воинской службе и которых князь, проведя тщательный отбор, собрали со всего мира; тогда как с другой стороны – невежественная толпа, привычная скорее к земледелию, нежели к воинской службе, и вопреки своим нравам и обычаям вынужденная выйти в поле не из-за боевого духа, но из страха перед князьями; поэтому не следует ожидать, что она, вступив в бой, будет погибать и разить в рукопашной схватке обнаженными мечами, но скорее еще до начала сражения испугается одного лишь шума и крика бегущего на нее войска, бежит и будет разгромлена. Король боялся не столько быть побежденным в битве, сколько сдаться на уговоры, чтобы его князь не сочли безбожным начинать войну против тех, кто заявляет о своей готовности заключить мир на любых условиях, и тем самым не вырвали из его рук возможность отомстить за нанесенное ему бесчестье, чего он желал больше всего. Опасаясь этого, он все свои усилия направил на то, чтобы войска вступили в бой до того, как придут послы саксов, чтобы просить о мире. К тому же из всех сил стремился и герцог Швабии Рудольф, потому что в прошлом году его обвиняли в посягательстве на

королевскую власть⁸⁶⁶ и теперь он новым усердием по отношению к королю очень сильно желал снять с себя это подозрение.

Выступив из Брейтунгена, король в первый день прибыл в Эллен⁸⁶⁷. На следующий день⁸⁶⁸ он ускоренным маршем проделал почти двухдневный путь и расположился лагерем в Берингене⁸⁶⁹, на небольшом расстоянии от саксов. Когда были разбиты палатки, все разбрелись по окрестностям, чтобы дать отдохновение своим изнемогавшим от усталости телам, и даже король лег в постель, чтобы несколько освежиться, как вдруг вошел герцог Рудольф и сообщил, что саксы совсем рядом и, то ли не зная о прибытии врагов, то ли презирая их, веселятся посреди яств и напитков, предаваясь глупым забавам, словно хотят показать, что для них навсегда останется безнаказанным то, что они, подняв оружие против государства и законов предков, столь нагло причинили королю на глазах у всех; это издевательство над Тевтонским королевством не смыть во веки вечные; однако, поскольку осталась еще большая часть дня, он предлагает выстроить войско в боевом порядке и вступить в битву или, если те не захотят сражаться и будут обороняться внутри лагеря, двинув войско, атаковать лагерь. Король, тут же соскочив на землю, поблагодарил его и, призвав Бога в свидетели, обещал, что пока будет жив, никогда не забудет его услугу. Таким образом, оба бросились вон из палатки. Когда был дан сигнал к бою, все поспешно становятся на свои места, занимают раскинувшуюся вдаль и вширь равнину и все военачальники по отдельности выстраивают в боевом порядке свои отряды. Поскольку ни расположение места, ни их многочисленность не давали им возможности идти в бой всем вместе в одно и то же время, герцогу Рудольфу было поручено сражаться со своими людьми в первых рядах, а именно, на основании особой привилегии швабов, которым еще с давних времен было дано право во всяком походе тевтонского короля двигаться впереди войска и первыми вступать в битву. Прочим было приказано находиться рядом и, как того требовали обстоятельства, оказывать им помощь. Король находился в пятом отряде, который был набран из отборнейших и наиболее преданных ему юношей и превосходно вооружен⁸⁷⁰. Так, сохраняя боевой порядок, они постепенно продвигались к лагерю саксов.

Саксы же, которые весьма глупо убедили себя в том, что пространство, отделявшее их от короля, едва сможет пройти за один день едущий налегке всадник, не говоря уже о войске, обремененном поклажей и прочей утварью, и всего менее ожидали, что король придет к ним именно в этот день. Поэтому, расслабившись из-за мнимой безопасности, они вместо оружия всё свое внимание обратили на заботу о теле, как вдруг внезапно увидели, что небо заволочло пылью, а несметное войско, которого было более, нежели песку в море⁸⁷¹, подобно саранче⁸⁷², заняло всю ширину прилегающей равнины и, почти одолев уже разделявшее их пространство, быстрым шагом постепенно приближается, чтобы смять и сам лагерь, если они не поторопятся выйти. Напуганные этой неожиданностью и обвиняя друг друга в нерадивости, в том, что проглядели врага, они тут же закрича-

ли, подняв крик до небес, схватились за оружие и бросились за ворота. Немногие защитили свои тела доспехами, а остальные, не терпя промедления и позабыв даже облачиться в одежды, которые незадолго до этого сняли, желая предаться безмятежному отдыху, устремились вперед. Никто не ждал другого, который мешкал, но все без разбору, кто быстрее, а кто медленнее, бросились приводить в порядок оружие. Очень многие также разбили лагерь на изрядном отдалении, по ту сторону реки Унштрут⁸⁷³, и весть о неудачном исходе дел получили прежде, чем приказ о вступлении в битву. Недостаток времени не позволил ни выстроить в боевом порядке отряды, ни обратиться с призывом к воинам, ни укрепить лагерь обычными караулами, ни сделать что-либо еще, что требовали правила воинской дисциплины. Внезапное прибытие короля помешало всему этому.

Наконец, едва саксы оправались от этого страха, как сразу же сбились в чрезвычайно плотную и беспорядочную толпу и, не дожидаясь сигнала, как то в обычае перед битвой, пришпорили коней и изо всех сил, стремглав бросились на противников неподалеку от Хомбурга. Швабы ни часу не смогли бы выдержать их натиск, если бы им, в то время как они были уже отброшены и отступали, на помощь не пришел герцог Вельф с баварским войском. В первой же боевой атаке сломались копья и дротики, и оставшуюся часть битвы бились мечами; в этом виде сражения особенно отличались саксы, каждый из которых был препоясан двумя или тремя мечами. Они действовали с такой силой, такой яростью и таким стремлением поражать, что внушили врагам удивление не меньшее, чем страх. Там же был тяжело ранен Эрнст⁸⁷⁴, маркграф Баварии, славнейший в королевстве муж, знаменитый многочисленными победами над венграми; его полуживым отнесли в лагерь, и на следующий день он испустил дух. Там пал граф Энгильберт⁸⁷⁵, здесь погибли двое сыновей Эберхарда, графа фон Нелленбург⁸⁷⁶, там пали очень многие благородные люди из швабов, здесь погибло множество баварцев; только очень немногие покинули поле битвы без ран. Герцог Рудольф был неоднократно поражаем множеством мечей, но, поскольку его защищала чрезвычайно прочная кольчуга, все удары были напрасны; однако из-за постоянных ушибов тех или иных членов он чувствовал себя далеко не в лучшей форме.

В саксонском войске более всех отличался доблестью Отто, бывший герцог Баварии. Окруженный храбрейшими юношами он то побуждал к битве в первых рядах, вступал в рукопашную схватку всюду, где враги напирали с наибольшей силой, мечом поражал наступающих прямо в лицо и железом повсюду прокладывал себе путь через вражеские ряды, то обращался с призывами к мешкавшим в задних рядах, напоминал о причине, по которой они взялись за оружие, и заклинал их всех вместе именем Бога рукой отстоять ныне свободу, что они торжественно клялись сделать уже не один раз. Он деятельно исполнял обязанности одновременно и стойкого солдата, и превосходного полководца⁸⁷⁷.

Продолжавшееся с середины дня и до девятого часа сражение дошло уже до того, что два войска двух земель, Швабии и Баварии, обратились в бегство, и ча-

стые послы сообщали королю о том, что их люди находятся в крайней опасности, как вдруг в битву вступили с одной стороны – Герман, граф фон Глейберг⁸⁷⁸, а с другой – бамбергские рыцари. И князь Чехии, и Гоцело, герцог Лотарингии, которых ранее осаждали многочисленными посольствами и просьбами [их] оказавшиеся во время битвы в опасности [товарищи], погоняя коней, также ввели в бой свои войска. Саксы не могли более сдерживать натиск такого огромного войска и стали постепенно отступать; хотя герцог Отто, увещевая, обличая⁸⁷⁹ и осуждая бездействие и праздность, долго и изо всех сил пытался привести в порядок склонявшееся уже к бегству войско, те, наконец, отпустив вожжи, все разбежались в разные стороны. Тогда же, – как всегда, во время бегства врагов и трусы, и храбрые равны между собой в отваге и славе⁸⁸⁰, – все отряды в войске короля, потеряв строй, все, в том числе плебеи и крестьяне, которые выполняли в лагере обязанности слуг, поспешно бросились преследовать беглецов, прищипоривали коней чуть ли не до смерти, быстрее, чем можно сказать, пересекли обширнейшее поле и поражали всех, кто попадался им на пути. Беглецов, когда те укрылись в лагере, надеясь найти там убежище, они, захватив и разграбив сам лагерь, прогнали прочь, а все места, через которые шло бегство, на протяжении двух или трех миль в округе обагрили их кровью и наполнили горами трупов. И поскольку поднятая копытами коней пыль лишала глаза возможности обозреть, а дела – возможности различать, так что им трудно было отличить товарищей от врагов, то они убили очень многих из своих товарищей, приняв их за врагов.

Князя Саксонии и благородные мужи, за исключением двух человек из дворян средней руки⁸⁸¹, все спаслись живыми и невредимыми, весьма успешно воспользовавшись знанием местности, плотностью потемневшего воздуха и быстротой коней. Однако против пехоты, которая в то время как рыцари сражались, всё еще оставалась в лагере, ярость врагов свирепствовала сверх всякой меры и благоразумия, так что они, забыв о христианской благопристойности, казалось, резали скот, а не людей. Большую их часть поглотила река Унштрут, в то время как они сломя голову бросились туда в страхе перед неминуемым мечом. Конец резне положила ночь, а также то обстоятельство, что преследовать беглецов по ту сторону реки сочли не вполне безопасным. Взявшись за разграбление добычи, рыцари нашли в лагере врагов такое изобилие продуктов питания, такое множество золота, серебра и дорогих одежд, что те, казалось, явились не для ведения войны, а для того чтобы предоставить королевскому войску угощение и выставить напоказ великолепие своих богатств.

Вскоре после захода солнца король посреди счастливых, как общепринято, возгласов рыцарей вернулся в лагерь, ликуя и чуть ли не прыгая от радости по поводу того, что одержал славную победу над злейшими врагами, и особенно по поводу того, что рыцари повсюду хвалились, будто собственноручно убили тех или иных из первых князей Саксонии. Однако когда они вернулись к месту бит-

вы и обнаружили, что у одного в битве погиб его господин, у другого – отец, у третьего – брат, у четвертого – родич, у пятого – кто-либо еще, связанный с ним близкими узами, то вся радость их обратилась в печаль, а песня – в глас плачущих, и они весь лагерь огласили воплями и рыданиями. Проведя следующий день в том же самом лагере, они предали земле павших; тех, кто был среди них наиболее знатен и богат, они отослали для погребения на родину, откуда кто был родом; они проявили также заботу о раненых; тех, кого раны сделали впредь непригодными к воинской службе, они отправили на родину на попечение их близких. Трудно оценить, сколько тысяч пало в этой битве с той и с другой стороны. Однако всем известно, что с этой стороны пало больше знатных людей, а с той стороны – больше простонародья, так что из-за потери наиболее благородных мужей победители понесли гораздо большие потери, чем побежденные. Всех охватили скорбь и печаль, горе их стало еще горше, и они преисполнились раскаянием, когда узнали, что князья Саксонии, которые, как они в пустом злословии заявляли еще вчера, были убиты все до единого, все полностью живы и, преисполненные воодушевления, опять собирают свежие силы для возобновления борьбы. Они восприняли это с крайним раздражением и, не скрывая своего недовольства, стали роптать между собой, что они, мол, к своему великому греху, но без всякой пользы для государства запятнали свои руки кровью невинного простонародья.

Сам король больше всего боялся, как бы рыцари, сожалея о том, что напрасно пролили столько крови, не покинули под предлогом благочестия армию, которой он не мог управлять без греха и тяжкого оскорбления Бога. Еще худшее лекарство для этого и без того дурного дела применил архиепископ Майнцский. На состоявшемся в присутствии немногих доверенных лиц королевском совете он внезапно выступил вперед и опрометчивым приговором отлучил от церкви князей Тюрингии, без того чтобы канонически вызвать их на собор, провести соборное слушание и расследовать [их дело], согласно церковным законам, но лишь на том основании, что в прошлом году в Эрфурте, когда он заседал [во время собора], добиваясь от них уплаты десятины, они, обнажив мечи, напали на него в самой церкви. А чтобы никто случайно не поставил ему в вину то обстоятельство, что он напал на несчастных людей, приведенных ныне в замешательство столькими неразрешимыми трудностями, в столь тяжкое время, когда они, потрясаемые со всех сторон такими страшными военными бурями, должны думать не о защите своего дела, но о спасении своей жизни посредством бегства или оружия, он заявил, что получил разрешение от самого римского понтифика без всякой законной отсрочки, без всякого законного расследования отлучить их от церкви, предав справедливой анафеме, в любой удобный ему день. Но ни от одного умного человека не укрылось, что это деяние преследовало главным образом ту цель, чтобы королевское войско с большей готовностью и уверенностью вело войну против тех, убийство которых, если они будут уби-

ты после отлучения, не могло по мнению [рыцарей] навлечь на них грех и кары, которые церковные законы устанавливают для убийц⁸⁸².

Итак, войско двинулось с места сражения и, пройдя через Тюрингию, вторглось в Саксонию, разоряя всё вокруг огнем и мечом; при этом оно нашло в отдельных селениях такие богатства, – ибо край был чрезвычайно плодороден и до сих пор не затронут ни одной войной, – что их изобилие вызвало пресыщение даже у крайне алчного лагерного люда, который следовал за войском только в надежде на добычу. Король, однако, направлял к саксонским князьям постоянные посольства как от своего собственного имени, так и от имени своих князей, уговаривая их сдаться и положиться скорее на его милость, чем на собственное оружие, которое они однажды уже испытали столь неудачно. Но тем по вполне ясным признакам было известно, какую ненависть он питает по отношению к ним, и они решили, что было бы крайним безумием опрометчиво дать право и власть над их жизнью тому, чей гнев еще до похода они не смогли укротить столь слезными мольбами. Тем не менее они в смиренных словах просили передать ему, что всегда предпочитали мир войне, а его милость его гневу, и если бы они могли приобрести ее за иную цену, не расплачиваясь за нее собственной кровью, то никогда не решились бы на такое и не прибегли к таким крайним средствам. Однако если по крайней мере теперь, после учиненного разгрома, Бог коснулся его сердца⁸⁸³, дабы он посочувствовал несчастьям тех, кого довел почти до полного уничтожения, то они были бы этому очень рады и, изгнав из своего сердца воспоминания обо всех злых делах, которыми он насыщал свой гнев и свою ненависть против них, и впредь стали бы верными и преданными ему. Если же это не может произойти иначе, чем только посредством их сдачи, то им кажется более разумным, сохранив в целостности свое достоинство и свою свободу, погибнуть в открытой битве, чем сдаться и быть зарезанными, как скот, или, находясь в длительном заключении и изнывая, сверх того, от голода, жажды и прочих мучений, вести жизнь хуже самой смерти.

Наконец, по приказу короля к ним отправился епископ Майнцский и некоторые другие князья; они устно вели с ними переговоры по тем же самым вопросам, заклиная их именем Бога, чтобы они, после того как при дурных знамениях доверили дело битве и потерпели поражение, которое не изгладится из памяти на протяжении многих веков, по крайней мере теперь, под давлением своего несчастья, отказались от глупости и своим упорным отчаянием не погубили совершенно ни себя, ни свой народ; на глазах у знающего всё Бога они дают свое слово в том, что если [саксы] добровольно сдадутся, то они либо в тот же день, либо в самом скором времени будут освобождены из-под стражи, сохранив за собой должности, лены, поместья и другие свои богатства. Те же, напротив, говорили, что на деле достаточно видели и знают как слово князей, так и жестокий и неукротимый нрав короля, когда после тех мирных условий, которые в прошлом году король с согласия князей торжественно заключил в Герштунгене,

он столь жестоко отомстил им за вину, которую тогда простил, а князья, несмотря на свое слово, не оказали им, попавшим в беду, ни помощи, ни поддержки. Поэтому послы тщетно просили их испытать нынче их слово, как нечто неизвестное, ибо те яснее ясного уже испытали его к своему тяжкому ущербу на полях Тюрингии⁸⁸⁴. Так, упорствуя в своем решении, саксы держались неподалеку от Магдебурга в сильно укрепленных местах, ибо, хоть и располагали многочисленным войском, но решили воздерживаться от сражений, если не возникнет неотвратимая необходимость. Однако маркграф Удо⁸⁸⁵, епископ Мерзебурга⁸⁸⁶ и некоторые другие благородные мужи Саксонии согласились сдаться. Из них маркграф Удо, дав вместо себя в заложники своего сына⁸⁸⁷, тут же был освобожден из-под стражи. Епископ Мерзебурга был отправлен в Лоршский монастырь, а другие были переданы под временную охрану различным князьям.

Король дошел с войском до Хальберштадта, опустошая вокруг всё, что захватил, огнем и мечом. Он отправился также в Гослар, но с небольшой свитой, щадя это чрезвычайно богатое и всегда преданное ему место и не желая впускать туда большое войско и видеть ужасы его разорения. Поскольку войско изо дня в день таяло от голода и жажды, – ибо старые хлеба были уничтожены отчасти огнем, отчасти в результате прокорма такого огромного количества людей, а новые еще не созрели, – и не было никакой надежды окончить эту войну без длительных отсрочек и больших расходов, король, вняв просьбам князей, ушел из Саксонии и, пройдя через земли Тюрингии, где добрался до Эшвеге, распустил войско, получив от князей твердое обещание, что 22 октября они приведут в Герштунген еще большие и блестяще экипированные силы для нового похода.

В это время королю сообщили, что Дитвин, епископ Льежский, украшенный многими достоинствами муж, исполнявший должность священника уже долгие годы, ушел из этого мира⁸⁸⁸. Его преемником король при посредничестве герцога Гоцело, ввиду его выдающихся заслуг на войне, тут же назначил Генриха⁸⁸⁹, каноника из Вердена, связанного с этим герцогом узами близкого родства. Обязанный королю этим благодеянием Гоцело обещал свое самое активное участие в грядущем походе.

Распустив войско, король спешно прибыл в Вормс. Вскоре после этого Бурхард, настоятель Трирской церкви, который был отправлен с королевским посольством к королю Руси, вернулся назад⁸⁹⁰, привезя королю столько золота, серебра и дорогих одежд, сколько никогда на памяти людей не привозилось одновременно в Тевтонское королевство. За эту цену король Руси хотел купить лишь одно – чтобы король не оказывал против него помощи его брату, которого он изгнал из королевства. Однако он вполне мог бы добиться этого и даром, ибо тот, занятый внутренними и домашними войнами, не имел никакой возможности вести войны внешние с народами столь отдаленными. Подарок, дорогой сам по себе, оказался тем более ценен, что был сделан в нужное время. Ибо в результате огромных расходов на недавнюю войну королевская казна была опу-

стошена⁸⁹¹, а рыцари упорно и настойчиво требовали плату за только что завершившийся поход. Если бы он не удовлетворил их требования с королевской щедростью, нет никаких сомнений в том, что он не мог бы положиться на их преданность в оставшейся части предприятия, которая, как опасались, будет по всей видимости самой трудной.

Архиепископ Майнцский⁸⁹², разгневанный на епископа Хальберштадтского⁸⁹³ из-за того, что тот, казалось, был главным виновником того, что саксы не согласились сдаться, решил одолеть его духовным оружием, раз не смог это сделать вооруженной рукой. Он отправил к нему посла и, вызвав на собор, обвинил его в вероломстве на том основании, что тот лично, как военачальник, вел войско в бой против государства и короля, которому клятвенно обещал верность. Под этим предлогом он рассчитывал лишить его епископской должности в случае, если последует исполнение его желания, забыв, что и сам повинен в том же грехе, ибо и он, и все князья королевства, которые ныне стояли на стороне короля, с самого начала были в сговоре в той войне против короля. Но посол из страха перед врагами, через землю которых должен был пройти, задержался и не смог объявить ему о сроке законной отсрочки, как того требовал обычай. Так этот нелепый план рухнул с той же легкостью, с какой был начат.

Тем не менее в этом же году, в октябре месяце, [архиепископ] собрал в Майнце собор. Там среди прочих собравшихся епископов присутствовал также епископ Хура⁸⁹⁴, который доставил письма⁸⁹⁵ и поручение апостольского престола, в которых [папа] повелевал ему под угрозой лишения сана и должности⁸⁹⁶, как и прежде приказывал в многочисленных посольствах, заставить всех священников, которые были в его диоцезе, либо расторгнуть в настоящее время брачные узы, либо навсегда отречься от служения священному алтарю. Когда он хотел это сделать, клирики, которые сидели там со всех сторон, вскочили и так бурно протестовали словесно, так бушевали против него руками и жестикуляцией всего тела, что тот не надеялся уже уйти с собора живым. Наконец побежденный трудностью этого дела он решил никогда больше не поднимать этот вопрос и оставить римскому понтифику лично решить это дело, за которое сам он столько раз безуспешно брался, когда и каким образом тот захочет.

Генрих, епископ Шпейерский, с детским легкомыслием растративший уже почти все сокровища Шпейерской церкви, а имения передавший своим рыцарям в лен в такой степени, что ему самому едва могли выдать на полгода средства из церковных доходов, был унесен внезапной смертью⁸⁹⁷. Достойное памяти видение о его смерти видел некий клирик по имени Гузман, который тут же наследовал умершему в его епископстве. Ему привиделось, будто он стоит в Шпейерском хоре вместе с епископом и прочими клириками, как вдруг в хор вошли три мужа: один – преклонного возраста, с почтенными сединами, а двое других – юноши, по-видимому, приданные старику для услуг. Когда они молча простояли какое-то время посреди хора, старец сказал стоявшим вокруг него юношам:

«Почему вы медлите исполнять то, что вам было приказано?». А те в ответ: «Сперва, отец, ты должен произнести над ним приговор, а мы без промедления исполним вынесенное тобой решение». Тогда старец сказал: «Из-за многочисленного зла, которое он совершил против этого места и против Пресвятой Богородицы, Богом вынесен приговор, согласно которому он должен быть убит». По этому слову юноши схватили епископа, обезглавили и повесили туловище на древе креста, что стоял, высоко вздымаясь, в этой церкви. На следующее утро клирик, пораженный сильным ужасом, рассказал епископу свой сон, но тому показалось, что он говорит вздор, ибо телесное здоровье и неизменная бодрость во всех членах не давали ему даже мысли о предстоящей близкой смерти. Но вот, на седьмой день, когда он во время вечерни стоял в хоре вместе с братьями, то внезапно почувствовал, как на шее у него появился небольшой, точечный гнойник, который постепенно страшно раздулся и от которого он умер еще до полуночи.

После ухода из Саксонии королевского войска саксы и тюринги вновь проводили частые собрания, на которых простой народ с невероятным ожесточением бунтовал против князей, а князья, в свою очередь, против простого народа. Народ негодовал на князей из-за того, что те назойливыми уговорами заставили его поднять оружие против короля, а нынче, когда дело дошло до битвы, сами спаслись бегством, а народ [бросили на произвол судьбы], предоставив врагам бить, топтать и резать его, словно бессловесную скотину. Князья же гневались на народ за то, что в то время как они бросились в бой и, несмотря на свою малочисленность, довольно храбро вели дело, народ в праздном бездействии сидел в лагере и не оказал им, оказавшимся в опасности главным образом из-за напрасных надежд, долгожданной помощи и содействия.

Тогда же все саксы разом гневно ополчились против всех тюрингов, и говорили, что справедливее, мол, вести войну с ними, нежели с королем, потому что в то время, когда саксонское войско обратилось в бегство, тюринги, встречая беглецов на всех дорогах и перекрестках, нападали на них, грабили, терзали и, постыдно обобрав до нитки, изгоняли из своих пределов. Дошло уже до того, что раздоры, казалось, вот-вот приведут к насилию и страшной катастрофе. Но епископ Хальберштадтский и Отто, бывший герцог Баварии, по совету которых главным образом и велась саксонская война, спасительными речами укротили души разъяренной толпы, умоляя во имя Бога, чтобы они, охваченные дьявольской яростью, не повернули ныне в собственное нутро оружие, которое они дружно взяли для возвращения своей свободы, и этой внутренней смутой не придали новых сил и отваги своим врагам, которые одержали над ними столь горестную победу. Кроме того, узнав, что сломленный первой же неудачей народ сильно сожалеет уже об этой войне и одновременно тяготится ею, а также боясь, как бы народ, чей нрав постоянно изменчив и непостоянен, не схватил своих князей и, выдав их королю, не купил их кровью собственное спасение, они вновь предложили им восстановить мир и, поскольку понесенное однажды во-

енное поражение внушило им отвращение и ужас, убеждали их направить теперь все силы на то, чтобы смягчить направленный против них гнев короля.

Всё это с величайшей радостью было выслушано и принято всем народом. Проведя совещание, они тут же отправили к королю епископа Бременского⁸⁹⁸ и маркграфа Удо умолять его именем Бога, чтобы он по крайней мере теперь, насытившись их кровью, положил предел своему гневу и не уничтожал до конца жалкий остаток саксонского народа, уцелевший в ходе жесточайшей резни. Пусть лучше он назначит время и место, куда им можно будет безопасно прийти и защитить свое дело. Они готовы дать ему, согласно приговору всех князей королевства, желаемое удовлетворение за все обиды, которые причинили ему по его словам, короче говоря, предоставить любое удовлетворение, охотно претерпеть всё, что угодно, сохранив разве что жизнь и свободу, если только он отложит на время поход, который, как они узнали, он объявил против них всем князьям королевства. На это король ответил, что не откажет в прощении ни им, ни кому-либо другому, кто предлагает справедливое удовлетворение за свою вину, а что касается столь тяжкого и ужасного дела, то он не желает, да и не должен опрометчиво выносить приговор, пока не соберутся все вместе князья королевства, чьей чести оскорбление королевского величества касается напрямую и чья доблесть так же необходима для ведения войны, как и совет при заключении мира; тем более что саксы уже неоднократно обманывали его, обещая добро и мир. Он назначил своим князьям для сбора войска в поход 22 октября. Так что если они в самом деле раскаиваются в совершенном преступлении, пусть придут туда и примут за совершенное безрассудство любой приговор, какой сочтут справедливым князья королевства.

Когда саксам сообщили об этом, их охватил сильный страх; они наперебой все помыслы направили на то, чтобы каким угодно способом смягчить гнев короля, заботясь прежде всего о том, чтобы предотвратить поход, который был объявлен против них столь сурово; они помнили, сколько несчастий принес им предыдущий поход и точно знали, что в возобновившейся после бегства войне будут теперь иметь дело с еще более ожесточенным врагом. Итак, они отправили вышеупомянутых послов, а вместе с ними также епископа Хильдесхаймского⁸⁹⁹ и приказали им настойчиво умолять о восстановлении мира не только короля, но также и прочих князей; они, мол, обещают любое удовлетворение за совершенное преступление, даже выходящее за рамки законов и их врожденного статуса. На случай, если словам не будет веры, они передали этим послам заложников, скольких те захотели принять, которыми ручались в том, что их обещания не будут нарушены в результате легкомыслия, необходимости или изменчивости внезапно возникших обстоятельств. Но король, узнав по тайным признакам, что они задумали, всеми способами постарался не дать саксонским послам возможности переговорить с ним до завершения приготовлений к походу, а именно, опасаясь, как бы князья королевства, побежденные их мольбами и

исполненным раскаянием и смирением, не настроились по отношению к ним более милосердно. Мало того, он решил, что как для его чести, так и для его гнева будет более разумным, если только удастся, новыми поводами возобновить старую вражду и разбередить новыми ударами рану, которая, как он опасался, затянулась чересчур быстро. Для осуществления этого намерения он прибегнул к необычной и изысканной уловке. Так, он сделал вид, будто Соломон, муж его сестры, король Венгрии, вызвал его в Венгрию, чтобы уладить споры, которые были между ним и Иоасом, изгнавшим его из королевства, проведя доверительные переговоры с ними обоими.

Под предлогом этой поездки он, обманув всех князей королевства, отправился в Чехию⁹⁰⁰, не имея при себе никого из князей, кроме Германа, графа Глейберга, а также почти 500 специально отобранных для столь важного дела легковооруженных рыцарей, которые, сложив поклажу и прочее боевое снаряжение, были оснащены только для похода и битвы. Взяв в Чехии князя⁹⁰¹ и чешское войско, король по тайным и весьма труднопроходимым тропам направился в Саксонию, надеясь внезапно напасть на зазевавшихся, как обычно говорят, людей и легко разгромить их, либо, если они попытаются оказать сопротивление, впредь иметь против них справедливую причину для войны и отказа в удовлетворении. Итак, он добрался до Мейсена, города, расположенного на границе Чехии и Саксонии. Там любезно принятый в городе его жителями он схватил епископа⁹⁰² этого города и разграбил всё, что ему принадлежало, заявив, что он виновен в государственной измене уже потому, что за всё время Саксонской войны ни разу не отправил к нему ни послов, ни писем, не дав тем самым никаких признаков сохраняемой по отношению к государству верности⁹⁰³. Впрочем, этот человек церковной бедности, не имевший или имевший крайне незначительные вооруженные силы, если и имел какие-то желания против государства, то не мог сражаться, а потому не имел большого значения ни для той, ни для другой стороны, ни как друг, ни как враг.

Пройдя чуть дальше, король сжег несколько сел и принял сдачу очень многих свободнорожденных, как вдруг высланные вперед лазутчики сообщили, что слухи о его плане уже давно дошли до саксов и они, собрав более 15 000 вооруженных воинов, расположились лагерем неподалеку, готовые на следующий день с развернутыми знаменами вступить с ним в битву, если он добровольно не примет от них удовлетворение и мирные условия; короче говоря, речь идет о жизни его и всех его людей, решит ли он идти дальше или ожидать на следующий день в том же лагере, особенно учитывая то, что им, окруженным со всех сторон, некуда бежать, а отразить опасность своей рукой они не могут ввиду своей малочисленности. Всех, которые были вокруг короля, поразил сильный страх; они яростно порицали его глупость, то, что он, чересчур стремясь к личным успехам и не терпя промедления, с неумеренной дерзостью поспешил окончить многолетнюю войну⁹⁰⁴ одним ударом и с детским легкомыслием отдал врагам и

себя, и своих людей. Повинуясь их увещаниям, король так спешно, как только мог, вернулся в Чехию, откуда и пришел.

Когда он отступал, то некоторые саксонские легковооруженные рыцари, погнавшись за ним без ведома князей, непременно разбили бы его еще до того, как он покинул Саксонию, если бы граф Бото⁹⁰⁵, который пришел к саксам от короля в качестве посредника, чтобы побудить их к сдаче, или, что более правдоподобно, путем пустого обещания прощения сбить их с толку и не дать преследовать его при отступлении, не обманул их следующей хитростью. Когда, покинув лагерь саксов и возвращаясь к королю, он узнал, что те медленно следуют за ним по пятам, то, избрав окольные тропы и длительные задержки в пути, едва за три дня проделал путь, который мог совершить за один день, чтобы благодаря этой задержке король смог обмануть врагов и оказаться в безопасности. Так, освободившись от опасности, король через несколько дней привел своих воинов, которые из-за трудов и недосыпания, но главным образом из-за голода и жажды, чуть ли не полностью пали духом, в Регенсбург⁹⁰⁶, когда близился уже день, в который войско должно было собраться в поход; он застал там саксонских послов, уже долгое время ожидавших его возвращения. Откладывая ответ, он долго держал их в неопределенности, чтобы они могли вернуться к своим только тогда, когда поход будет готов и над их шеями почти что зависнет уже вражеский меч. Когда почти в то же самое время после продолжительной болезни умер маркграф Деди, король передал его марку⁹⁰⁷ чешскому князю в награду за военную службу, хотя незадолго до этого жена маркграфа Адела отправила ему заложником вместо себя своего сына⁹⁰⁸, которому согласно наследственному праву должна была перейти марка, а сам маркграф после восстановления мира в Герштунгене всегда сохранял по отношению к королю и государству нерушимую верность.

Между тем саксы и тюринги в тревожном беспокойстве колебались между страхом и надеждой, войной и миром, угрозами и просьбами и, проводя частые совещания, не могли решить, что делать, куда обратиться, каким образом распутать столь запутанное дело. Одни полагали, что, поскольку король твердо настроен на уничтожение всего народа Саксонии, им следует предать огню всё, что вражеское войско еще оставило от Саксонии и Тюрингии, а самим вместе со всем своим добром перебраться на ту сторону реки Эльбы; другие говорили, что надо, мол, призвать лютичей, народ, чрезвычайно враждебный христианскому имени, из их пределов и использовать варварское войско против варвара и непримиримого врага; третьи предлагали восстановить крепости, которые король приказал разрушить в Тюрингии и Саксонии, и, если они не могут защищать свою жизнь с помощью оружия, защищать ее с помощью неприступности этих мест, пока не утихнет гнев Господень. Однако простой народ все свои надежды возлагал на просьбы, а не на оружие; в случае, если они не помогут, он твердо и безотлагательно решил скорее претерпеть всё самое страшное и даже жестокое, чем всту-

пать в битву и вновь испытать превратность судьбы, которую однажды уже испытал в несчастливом сражении. Князья же, которые сперва воспылали яростью, напротив, рьяно настаивали на своем, заклиная, чтобы те, вспомнив о прежней доблести, не оставили нарекания на свою славу⁹⁰⁹ и не бросали ныне постыднейшим образом то, что было начато столь славно; то, что в первом сражении они потерпели неудачу, объясняется тем, что у них не было ни короля, ни предводителя, под руководством и верховной властью которого они, связанные с ним вассальной клятвой, должны были бы вести войну, разбивать по его приказу лагерь, идти в бой, вступать в схватку с врагами и исполнять прочие обязанности воинской дисциплины; если устранить этот недостаток, то ни один король и ни одно войско не будут впредь неодолимы для саксонской доблести; единственным средством в их тяжелом положении и еще более тяжких ожиданиях и самым действенным орудием против наглости врагов является избрание ими короля и принесение ему клятвы сражаться по его слову до самой смерти за родину, за жен и детей, за законы и свою свободу. В этих и тому подобных размышлениях они, постоянно совещаясь, проводили когда по семь, а когда и по четырнадцать дней и всякий раз возвращались по домам в еще большей неопределенности. Когда они, размышляя таким образом, всё обсудили, всё взвесили, то ввиду свежей памяти о понесенном поражении решили, что в их положении нет ничего вполне безопасного и вполне надежного.

22 октября король, согласно уговору, пришел в Герштунген. Прибыли также все епископы и графы Тевтонского королевства. Здесь были Дитрих, герцог Мозельского края, и Гоцело, герцог Лотарингии, имевший при себе такие огромные силы, так хорошо вооруженные и столь тщательно отобранные в ходе весьма сурового воинского набора по всему краю, во главе которого он стоял, что они одни, казалось, и числом, и блеском боевого снаряжения далеко превосходили прочее королевское войско. Другие герцоги, а именно Рудольф, герцог Швабии, Вельф, герцог Баварии, Бертольд, герцог Каринтии, отказали королю в помощи, о которой он просил, заявив, что сожалеют о том, что напрасно пролили столько крови в предыдущем походе; они также оскорблены жестоким и неумолимым нравом короля, чей гневный пыл не смогли погасить ни слезы саксов, ни залившие поля Тюрингии реки крови⁹¹⁰. Тем не менее прочие князья, которые собрались в огромном количестве, образовали довольно большое и мощное войско, хоть и сильно уступавшее тому, что было собрано в предыдущем походе.

Саксы и тюринги, вынужденные уже крайней необходимостью, собрались в очень большом количестве и, разбив лагерь неподалеку от королевского имения Нордхаузен⁹¹¹, выслали навстречу королю архиепископа Бременского⁹¹², епископа Хильдесхаймского⁹¹³ и маркграфа Удо, настойчиво умоляя его направить к ним со его стороны князей, каких он сам захочет; они готовы провести с ними совещание и беспрекословно согласиться на всё, что будет признано справедли-

вым. Однако король отказал им в этом, заявив, что его князья собрались здесь из весьма отдаленных пределов королевства не для вынесения приговоров, а чтобы вооруженной рукой потребовать у врагов удовлетворения за нанесенные всему государству обиды. Когда же мольбы послов с величайшим трудом наконец исторгли у него согласие, то не нашлось ни одного князя, который согласился бы взять на себя исполнение этой обязанности, ибо все боялись, как бы они не были отмечены в вероломстве у короля, если поведут себя более милостиво в отношении саксов, или не были обвинены в лживости у саксов, если обещают им прощение за содеянное, которое, как они твердо знали, никогда не последует со стороны короля. Три дня⁹¹⁴ прошли в этих колебаниях, в то время как послы постоянно то приходили, то возвращались назад, тревожа уши короля и всех князей теми же самыми речами. Поэтому король не отложил выступление, а выстроив в боевом порядке войско, с воинскими значками впереди ежедневно медленным шагом продвигался всё дальше и дальше, опустошая [окрестности].

Наконец он решил послать к ним архиепископов Майнцского и Зальцбургского⁹¹⁵, а также епископов Аугсбургского⁹¹⁶ и Вюрцбургского⁹¹⁷ и вместе с ними герцога Гоцело, который пользовался в этом походе наибольшим авторитетом и на котором сосредоточились ключевые моменты всех требующих решения дел из-за того, что он, хоть и был мал ростом и обезображен горбом, но блеском богатств и силой отборнейших рыцарей, а также мудростью и зрелым красноречием по большей части превосходил прочих князей. Этих пятерых саксы и сами настойчиво добивались для переговоров, потому что знали их, как людей исключительной верности и честности, и верили, что всё, что они пообещают, исполнится без всякого сомнения.

Когда они прибыли в лагерь саксов, князья Саксонии пали им в ноги и заклинали их именем Бога, чтобы они посочувствовали их бедам, ибо жестокость короля сперва вынудила их отважиться на столь страшное преступление, а теперь, когда они побеждены и чуть ли не полностью уничтожены, с ненасытной ненавистью хочет предать их смертным мукам. Если бы им дали возможность доказать свою невиновность на основании законов, в судебном порядке и по обычаю предков, то они легко сняли бы с себя обвинение и доказали, что с тех пор ни одним безрассудным поступком не нарушили заключенные в Герштунгене мирные соглашения; или если бы они не смогли этого доказать, то не отказались бы понести наказание, которое предусматривают для виновных в подобных преступлениях законы и установления предков. Ныне же им, невинным, с новоявленной жестокостью не дают возможности снять с себя обвинение, отвергают примирение и не принимают удовлетворения, но, судя по всему, вирус отчаяния возникшего недовольства так глубоко проник в организм, что его можно вылечить не иначе, как только уничтожением всего саксонского народа. Поэтому пусть они, помня о человеческой судьбе, остерегутся, как бы влияние этого пагубного примера, взяв начало у саксов, случайно не коснулось когда-

нибудь также и прочих князей королевства; пусть они теперь так положат предел несчастьям саксов, так смешают чашу желчи и полыни⁹¹⁸ и дадут испить ее саксам, чтобы помнили, что им самим вскоре придется испить ту же чашу. Они же, потеряв надежду и оставив заботу о собственном благе, твердо решили без промедления сделать всё, что те решат, призовут и прикажут им сделать, и не потерпят, чтобы из-за их партийной пристрастности положение всего государства и далее подвергалось опасности.

А те ответили им на это, что не совсем отвергают причину, по которой саксы поначалу подняли оружие против короля, и что им самим не нравится непоколебимое желание короля их уничтожить и его упорная ненависть; однако все князья королевства согласны в том, что за это новое в государстве и неслыханное в веках преступление они могут дать единственное удовлетворение королю и государству – сдаться ему без всяких условий; а они, по совету которых саксы это сделают, позаботятся, чтобы они в результате этой сдачи не испытали ничего, что нанесло бы вред их жизни, чести и имуществу. Против этого предложения яростно выступила саксонская чернь; всем казалось чересчур суровым и невыносимым давать право и власть над их жизнью тому, в жестокости которого они убедились на основании столь ясных доказательств; тому, кто после опустошения Саксонии и Тюрингии, после многих тысяч убитых людей, всё еще дыша угрозами и убийством⁹¹⁹, поднял против них все царства мира; гневу которого даже в счастье не положили предел ни доброта, ни сострадание, ни почтение к Богу и людям; уж лучше им вступить в честную битву и умереть в бою по обычаю храбрых мужей, чем быть зарезанными подобно скоту в ссылках и тюрьмах на потеху своим врагам. В свою очередь, послы твердо стояли на своем, умоляя их послушаться спасительных увещаний и не губить в напрасном отчаянии жалкий остаток саксонского имени, что еще уцелел после резни и опустошения; сами они весьма озабочены если не их благом, то по крайней мере собственной репутацией, так что в случае, если доверившихся их слову коснется хотя бы легкое облачко какого-либо несчастья, они, очевидно, навлекут на себя пятно и вину, которые им не смыть никогда и никакой доблестью; поэтому они пойдут к королю и выяснят, могут ли они без опаски дать саксам свое слово и обещать им прощение, а на следующий день сообщат им то, что узнали.

Король, с радостью отнесшись к мирному соглашению, обещал и даже поклялся, как говорит широко распространившаяся молва, что ничего не предпримет против них, если они сдадутся, помимо воли и приговора тех, чьими трудами и заслугами была одержана эта бескровная победа. Послы часто уходили и возвращались. Часто саксы, отвергнув решение сдаться, громко кричали, что надо, мол, приготовить оружие и вступить в бой, полагая, что всё безопаснее, чем слово короля. Но герцог Гоцело и те, кто с ним был, проявив немалое усердие в этом деле, где угрозами, а где ласковыми словами обуздали волнение разъяренной толпы, обещав и, поскольку словам было мало веры, подтвердив

сказанное под присягой, что они не понесут никакого ущерба в жизни, свободе, поместьях, бенефициях и прочем своим достоянием; но, после того как они в виде мгновенного удовлетворения окажут честь королю и величию государства, они тут же будут освобождены из-под стражи и без какого-либо умаления в своем статусе возвращены родине и свободе⁹²⁰.

Ни слова, ни клятвы, ни какие-либо обещания не могли избавить князей Саксонии от страха; но, поскольку они, уступая врагам и числом, и доблестью, не могли успешно с ними сражаться и вести войну долгое время, а народ уже давно преисполнился отвращения и страстно желал заключения мира, то после длительных размышлений, после многочисленных колебаний они, плача и издавая глубокие стоны, наконец согласились сдаться и с угрозой для собственной жизни решили испытать верность князей и королевскую милость. Когда слух об этом быстро распространился по королевскому войску, его охватила великая радость, поднялось невероятное ликование; эту победу считали славнее всякого триумфа и лучше всяких трофеев, ибо исчезла необходимость вновь вступать в битву с теми, которые в первом сражении погасили почти все светильники Швабии и Баварии, и побежденные нанесли победителям горестные потери.

На следующий день⁹²¹ король расположился для принятия саксов посредине широко раскинувшейся равнины, в месте под названием Шпир⁹²², торжественно пригласив на это зрелище всё войско; посреди столпившегося множества людей было оставлено довольно широкое пустое пространство, где саксов, когда они должны будут проходить, могло видеть всё войско. Итак, сперва по порядку были введены князья Саксонии и Тюрингии: Вецель, архиепископ Магдебурга, Букко, епископ Хальберштадта, Отто, бывший герцог Баварии, Магнус, герцог Саксонии, граф Герман, его дядя, пфальцграф Фридрих, Дитрих, граф фон Катленбург, Адальберт, граф Тюрингии⁹²³, графы Руотгер⁹²⁴, Сиццо⁹²⁵, Беренгар⁹²⁶ и Берн; затем все свободнорожденные, которые хотя бы немного выдавались в народе блеском рода или богатств; и, как было условлено, без всяких условий сдались королю. Король поручил их охрану своим князьям, каждому по отдельности, пока по общему совету относительно них не будет принято то или иное решение; но малое время спустя он, нарушив договор и презрев все узы присяги⁹²⁷, которыми связал себя, велел развести их по различным местам Галлии, Швабии и Баварии, а также Италии и Бургундии. Их лены он раздал своим рыцарям, чьими услугами в наибольшей мере воспользовался во время Саксонской войны. Находясь какое-то время в Тюрингии, он восстановил крепость в Хазенбурге и разместил там гарнизон, опасаясь, как бы после его ухода из-за легкомыслия непостоянной черни не возникло каких-либо волнений. Кроме того, всем свободнорожденным, которые либо случайно отсутствовали, либо из страха удалились, он назначил день, к которому они обязаны были явиться для сдачи; если же они не придут, то все, кто имеет заботу о государстве, должны будут преследовать их огнем и мечом как врагов государства. Так, распустив

войско, он как победитель вернулся домой и отпраздновал в Вормсе рождество святого Мартина⁹²⁸.

Между тем римский понтифик частыми посольствами⁹²⁹, а бамбергские клирики постоянными просьбами настойчиво домогались от короля, чтобы он позаботился о правителе для уже долго вакантной Бамбергской церкви. Ибо прежний епископ, хоть и пребывал вопреки запрету во внешних владениях церкви, как уже было сказано выше, опираясь на поддержку своих рыцарей, но, отлученный святостью апостольской анафемы, не исполнял епископских обязанностей. Однако, хотя он всегда был весьма полезен королю на войне и в мире, царило ли в государстве спокойствие или была смута, и, в то время как прочие князья королевства соблазнялись о нем, он один никогда не соблазнялся⁹³⁰, но во всех несчастьях, которые его постигали, с непоколебимой верностью переносил вместе с ним тягость дня и зной⁹³¹, король ни разу ни слова не возразил его хулителям, и даже казалось, охотно принимает обвинения против него; очень многие толковали это таким образом, что он стремится посредством его низложения расчистить себе путь к епископу Вормсскому и некоторым другим, против которых он уже давно с величайшим усердием строил козни в отмщение за их прежнее отпадение⁹³².

Итак, отправившись в Бамберг, он на рождество святого апостола Андрея велел поставить вместо него епископом Роберта⁹³³, госларского настоятеля, мужа, пользовавшегося в народе весьма дурной репутацией из-за того, что был весьма близок королю, постоянно посвящен во все его тайны и, как полагали, являлся главным виновником всего, что король совершил в государстве дурного и противоречащего королевскому величеству. Некоторые рыцари также весьма яростно возражали против того, что еще при жизни прежнего епископа, который не был вызван канонически на собор и осужден согласно канонам, на его место ради осквернения чистоты Бамбергской церкви поставлен другой епископ. Клирики же, хотя и были сильно недовольны личностью посвященного⁹³⁴, не имевшей доброго свидетельства от внешних⁹³⁵, предпочитали лучше иметь у себя любого, чем принимать того, на кого они жаловались апостольскому престолу и о жизни и привычках которого распространили скорбную трагедию, должную быть поставленной по всему театру этого мира.

На следующий день⁹³⁶, когда король вместе с князьями открыл заседание для избрания Фульденского аббата, между аббатами и монахами, которые в большом количестве собрались там из различных мест, возникло немалое соперничество. Словно во время торжественно объявленного состязания каждый по мере сил стремился вперед, обещая: один – золотые горы, другой – огромные бенефиции с фульденской земли, третий – большие, чем обычно, услуги в пользу государства, не соблюдая при этом ни меры, ни осмотрительности в обещаниях. О времена, о нравы!⁹³⁷ О мерзость запустения, стоящая там, где не должно!⁹³⁸ О мамона, открыто сидящая в наши времена в храме Божьем и превознес-

шаяся выше всего, называемого Богом или святыней!⁹³⁹ Аббаты и монахи столь неистово охвачены духом честолюбия, что их не удерживает от их жадности ни благоговение перед христианским именем, ни одяние их сурового намерения, ни даже свежий пример Бамбергского епископа, который, как они видели накануне, был лишен епископства и общения только по той причине, что проложил путь к священному сану посредством недозволенного подкупа.

У короля, как и подобало, их бесстыдство вызвало сильнейшее отвращение, и он, когда его нагло осаждали со всех сторон просьбы назойливых людей, внезапно, движимый, как полагают, Божьим духом, вызвал на средину некоего херсфельдского монаха, которого звали Руоцелин и который прибыл по приказу своего аббата ко двору по делам монастыря, и, вручив ему пастырский посох, хотя тот не подозревал ничего подобного и едва не упал в обморок от удивления по поводу столь необычного дела, первым избрал его аббатом, а затем настойчиво просил остальных, как монахов, так и рыцарей, согласиться с его избранием. Так, когда все присутствующие с самым радостным криком выразили свое одобрение, ему было приказано принять аббатство. Хотя он долго отказывался, ссылаясь то на свою неопытность, то на слабое здоровье, то на отсутствие своего аббата, его наконец благодаря настойчивым просьбам присутствовавших епископов с большим трудом удалось уговорить, и он согласился принять [аббатство].

Точно так же, когда после незадолго до того случившейся смерти Удальрика, аббата Лорша, монахи и рыцари, дружно остановив свой выбор на кандидатуре настоятеля, прибыли ко двору и считалось, что король не будет против него ввиду многочисленных заслуг, которыми тот, будучи настоятелем монастыря, с довольно ревностным усердием снискал его милость и любовь, король, внезапно возложив руку на другого монаха этого монастыря, а именно на некоего Адальберта, который прибыл сюда вместе с прочими братьями и даже не думал ни о чем подобном, вывел его на средину и ко всеобщему удивлению передал ему, пораженному необычностью дела, пастырский посох.

Герман, епископ Бамберга, узнав, что на его место назначен другой епископ, что все надежды на возвращение его должности уже исчезли и нет более возможности избежать приговора римского понтифика, удалился в монастырь под названием Шварцах⁹⁴⁰ и принял там при аббате Эккеберте⁹⁴¹ одяние святого образа жизни. Немедленно взяв с собой этого своего аббата, он отправился в Рим, и, после того как смиренно просил у апостольского престола прощение за свое непослушание, был освобожден от анафемы и вновь получил разрешение исполнять обязанности священника, за исключением епископской должности.

Этот и так отмеченный множеством несчастий год еще более омрачила смерть Анно, архиепископа Кельнского, который после длительной болезни, посредством которой Господь кипятил сосуд своего выбора в горниле преходящих мучений чище золота и дороже золота офирского⁹⁴², принял 4 декабря блаженную кончину и перешел от людей к ангелам, от смертных к бессмертным.

Об этом свидетельствуют знамения и чудеса, которые Господь изволит ежедневно показывать возле его могилы для обуздания бесстыдства тех, которые незадолго до этого терзали завистливым зубом его святейшую и чистую, насколько это возможно для человека, от всякой грязи этого мира жизнь и пытались очернить лживыми слухами драгоценную жемчужину⁹⁴³, уже давно предназначенную для диадемы небесного царя.

Он был наставлен в духовных и светских науках в школе при Бамбергской церкви и, после того как вырос, без всякой рекомендации влиятельных лиц, — ибо был родом из среднего сословия⁹⁴⁴, — но исключительно благодаря преимуществам своей мудрости и доблести стал известен императору Генриху⁹⁴⁵. Взятый им ко двору, он прежде всех клириков, которые служили при дворе, в скором времени добился у него высшей степени милости и доверия, ибо при всех добрых качествах его любили главным образом за то, что он решительно стоял на стороне права и истины и во всех делах, насколько тогда позволяло его положение, не угождая, как прочие, но возражая с большой смелостью, заступался за правду. Помимо высоких душевных качеств и чистоты нравов, он отличался также телесными достоинствами: был высокого роста, красив лицом, красноречив и весьма терпелив в бдениях и постах, короче говоря, щедро наделен дарами природы для совершения всякого рода добрых дел. Проведя при дворе несколько лет, он с напряженным ожиданием со стороны императора и всех, кто его знал, получил Кельнское архиепископство⁹⁴⁶ и в последующем как в церковных, так и в государственных делах показал себя вполне соответствующим полученной должности, важно шагая среди прочих князей, замечательный как знаками этого высокого места, так и всеми видами добродетелей. Он старательно воздавал цезарю цезарево, а Богу Богово⁹⁴⁷, ибо, щеголяя перед народом величием кельнского имени и светской роскошью чуть ли не с большим тщеславием, чем кто-либо из его предшественников, он посреди такого напора занятий никогда не освобождал неукротимый дух от занятия духовными делами. Он изнурял свое тело частыми постами и низводил его до стояния рабства. Ночи он по большей части проводил в молитвах и, довольствуясь услугами только одного мальчика⁹⁴⁸, босиком расхаживал по церквям. Днем он занимался решением частных и общественных дел, а всю ночь посвящал служению Богу. Велика была его благосклонность по отношению к бедным, странникам, клирикам и монахам, и удивительна его щедрость. Он не упустил ни одну общину внутри своего диоцеза, которую, уходя из жизни, оставил бы не приумноженной за счет поместий, строений, пожалований или какого-нибудь особого дара. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что, с тех пор как был основан Кельн, стараниями ни одного другого епископа богатства и слава Кельнской церкви не возросли в такой мере. При решении дел подданных его не могли отвлечь от правды ни ненависть, ни расположение к кому-либо, но, всегда и во всем неуклонно следуя намеченной линии справедливости, он, дабы не погубить суд, не был лицеприятен к бедняку

и не угождал лицу великому⁹⁴⁹. Тогда же он так красноречиво, так блестяще проповедовал слово Божье, что его речь, казалось, даже у каменных сердец могла исторгнуть слезы, и вся церковь при его увещевании постоянно отзывалась плачем и рыданием охваченной раскаянием толпы.

Он целиком за свой счет основал в Кельне две общины клириков: одну – в месте, что зовется «У лестницы», в честь Пресвятой Марии, а другую – за городом в честь святого мученика Георгия. Он основал за свой счет также три общины монахов в разных местах: одну – на горе, которая по протекающей мимо реке зовется Зигберт⁹⁵⁰; другую – в земле славян, в месте под названием Заальфельд; третью – в Вестфалии, в месте, что зовется Графшафт⁹⁵¹. Их все он украсил величественными зданиями, прославил самыми изысканными церковными украшениями и обогатил обширнейшими и вполне достаточными для пропитания множества братьев именениями. Когда он заметил, что во всех монастырях Тевтонского королевства старинное рвение к монашеской дисциплине заметно охладело и монахи все заботы и помыслы обратили от жизни общей к собственному состоянию, то его душу сдавила тяжкая забота, что, мол, могут подумать, будто он за счет таких больших средств не совершит ничего достойного Бога.

Между тем случилось, что он отправился в Рим по государственному делу⁹⁵². Когда он проходил через некоторые области Италии, то, желая своими увещеваниями укрепить князей этого королевства в том, чтобы они не отпадали от короля, он свернул ради молитвы в некий монастырь под названием Фруттуария⁹⁵³. Там восхищенный весьма строгим и организованным согласно уставу образом жизни монахов он на обратном пути увел с собой некоторых из них, а именно тех, которые были наиболее испытаны в службе Божьей, и поместил их в Зигберге для передачи Галлиям правил этого устава, а прежних монахов, которых призвал из св. Максимиана⁹⁵⁴, он с честью отпустил на старое место, поскольку те не хотели принимать эти установления. Беря пример с его действий, прочие галльские епископы, призвав монахов кто из Горзе, кто из Клуни, а кто из Зигберга и других монастырей, каждый в своем монастыре ввели новую школу божественной службы; ревность к его счастливому деянию приобрела вскоре такую силу, что мы видим ныне очень мало монастырей в Галлии, которые еще не приняли ига этого нового установления.

Когда он узнал, что его монахи живут в строжайшей дисциплине, согласно тому, что он наблюдал во Фруттуарии, и, поскольку слава об их образе жизни распространилась повсюду, многие были побуждены к презрению мира и предали себя их наставничеству для обучения на пути Божьем, он воздал Богу величайшую благодарность за то, что он не посрамил его в надежде его⁹⁵⁵. Он проявлял также немалую заботу о том, чтобы они не испытывали никакого недостатка в тех вещах, которые необходимы для пособия телесной немощи. Он почитал и уважал их, как своих господ, и был так предан и послушен слову не только аббата⁹⁵⁶, но также и декана монастыря, что по первому их прика-

занию, какими был важными государственными или частными делами он ни был занят, тут же бросал эти дела, вскакивал и, словно презренный раб, исполнял всё, что они приказывали. Он сам, когда мог присутствовать, приносил им изготовленные с величайшим усердием яства, сам подавал их, сам смешивал питье, сам прислуживал им, в то время как они подкреплялись, готовый ко всякой услуге с большим рвением, чем любой слуга. Он столь тщательно и чутко соблюдал молчание и прочие монастырские обычаи, в то время как пребывал среди них, как если бы ежедневно готовился дать в их капитуле отчет в своих проступках и выслушать их приговор. Таково было его стремление и поведение в Зигберге, Заальфельде и Графшафте.

С королем его часто разделяла жесточайшая вражда, и он неоднократно укорял его суровой бранью за многочисленные дела, которые вопреки добру и справедливости ежедневно совершались в государстве по его приказу или с его разрешения. Из-за этого король, часто приходя в бешенство, грозился огнем и мечом разорить всё, чем тот владел, но часто также умолял его и щедрыми обещаниями укрощал его гнев; он обещал предоставить ему право и власть как над ним, так и над всем государством, если только убедится в его верности и если Анно не будет столь ожесточенно противиться всем его желаниям. На это отвечал, что никогда не откажет ему в своей поддержке во всем, что тот предпримет по праву и согласно королевскому достоинству. Если же король, поддавшись на уговоры негодных людей, захочет совершить что-либо дурное и противное законам и установлениям предков, то его не смогут ни купить деньгами, ни заставить путем запугивания освятить это своим согласием и авторитетом. Так он то принимался королем в самые доверительные советники и чуть ли не в соправители королевства, то, поскольку он резко осуждал и ожесточенно нападал на всё, что совершалось в государстве дурного, с бранью изгонялся из дворца, и вся сила королевства побуждалась к тому, чтобы совершенно искоренить его имя⁹⁵⁷. В таких переменчивых обстоятельствах его соперничество с королем продолжалось в течение многих лет. Ибо ни разумные доводы, ни более зрелый возраст, ни упреки того или иного друга так и не положили предела распущенности короля; напротив, с каждым днем он делался всё хуже и, отпустив все поводы человеческой, не говоря уже христианской благопристойности, сломя голову бросился во все преступления, какие только приходили ему на ум. Князья были уже задавлены страхом, и не было никого, кто осмелился бы хоть незначительным словом укорить грешного и не делавшего уже различий в человеческих и божественных запретах короля.

Наконец, когда архиепископ понял, что исполнилась мера его нечестия и укоренился во зле его нрав, так что ни время, ни разумные доводы не смогут уже его исправить, он примерно за год до начала Саксонской войны просил впредь освободить его от внешних государственных дел⁹⁵⁸; таким образом, получив отставку, он удалился в Зигбергский монастырь и провел там остаток жизни в по-

стах и бдениях, в молитвах и милостынях; и никуда не уходил оттуда, если только не был вынужден к этому суровой и неотвратимой необходимостью. Если кто-то желает знать более подробно об остальном, что он совершил или претерпел в деле управления государством, пусть еще раз просмотрит предыдущие разделы этой книжицы и найдет своевременен и в надлежащем порядке подробно изложенным всё, что тогда происходило.

Но милостивый Господь, который обличает и наказывает тех, кого любит⁹⁵⁹, позволил, чтобы и эта любезная ему душа за день до своего призвания испытала многочисленные несчастья, для того чтобы горнило преходящего мучения очистило с нее всякую примесь⁹⁶⁰ земного образа жизни. Сперва, после начала Саксонской войны, буря жесточайшего преследования поразила его брата Вецеля, архиепископа Магдебурга, и двоюродного брата Букко, епископа Хальберштадта. Поскольку он недостаточно деятельно помогал против них королю, стремившемуся к уничтожению всего саксонского народа, сдерживаемый, очевидно, законами природы и родственным расположением, то сделался ему подозрителен и ненавистен, был обвинен в вероломстве и клятвопреступлении⁹⁶¹, а жителей Кельна, которым незадолго до этого он был весьма дорог и мил, дарами и обещаниями подговорили его убить⁹⁶². Как только это зло было устранено, двое его слуг, которые жили в его покоях и пользовались с его стороны величайшим доверием, задумали его убить и убили бы его, не подозревавшего ничего подобного, если бы милосердие Божье не помешало этому злу. Другому [слуге], которого он своими благодеяниями сделал весьма преданным и верным себе, он вручил доверительные письма, ради большего соблюдения тайны написанные им собственноручно, чтобы тот передал их епископу Хальберштадтскому⁹⁶³; он утешал и наставлял в них своего племянника, которого со всех сторон поражали такие страшные бури бедствий и который почти что терпел кораблекрушение. А тот, заключив по столь тщательно соблюдаемой секретности, что эти письма содержат что-либо враждебное королю и государству, передал их королю. Впоследствии тот, предъявив их архиепископу в доказательство его вероломства, задумал, если будет возможность, убить его и уничтожить всё, чем тот владел. Также еще один из его слуг, которого он собственным усердием приобрел для Кельнской церкви и которого почитал с самым милостивым расположением и обогатил всеми благами, даже выше его врожденного статуса, внезапно преисполнился рабским высокомерием, начал отвергать иго церковного рабства и с величайшим поношением для архиепископа и нарушением прав объявил себя свободным.

Тогда же из-за частых смертей близких ему стало так горько⁹⁶⁴ и он так часто получал рану за раной⁹⁶⁵, что подобная буря испытаний могла потрясти даже каменное сердце и основанное на камне строение⁹⁶⁶. Наконец, Сатане была дана также власть над его плотью, и он был поражен проказой лютой⁹⁶⁷ в обе ноги, так что мясо постепенно сгнило и сошло и, после того как там и сям сошла также кожа, обнажились кости, явив ужасное зрелище. Эта болезнь сперва поразила

ноги, а затем достойным сожаления образом также голени и бедра; когда она после длительного умерщвления добралась таким образом до жизненно важных органов, душа, более чистая и очищенная, чем серебро, очищенное от земли в горниле и семь раз переплавленное⁹⁶⁸, перешла из этой храмины из брения в дом нерукотворный⁹⁶⁹ и вечный на небе.

Примерно за полгода перед тем, как Анно ушел из жизни, ему стало известно об этом благодаря ясному видению. Так, ему привиделось, будто он вошел в некий дом, блиставший красотой внутри и снаружи. И вот, на судейских креслах, словно торжественно призванные на собор, воссели Хериберт, архиепископ Кельнский, Бардо, архиепископ Майнцкий, Поппо и Эберхард, архиепископы Трирские, Арнульф, епископ Вормсский, и очень многие другие галльские епископы⁹⁷⁰, с одними из которых он был знаком лично, а о других знал только со слухов или из книг, все облаченные в епископские столы и белые, как снег, одежды⁹⁷¹. Он также, как ему показалось, был одет в довольно белую и дорогую одежду, однако часть сиявшей одежды, а именно та, что покрывала грудь, была запачкана какой-то отвратительно черной грязью, которая своим безобразием сильно портила прочий его блестящий вид. Покраснев от стыда, он, приложив руку, попытался скрыть ее, дабы не оскорблять ею взоры смотревших на него людей. Он, кроме того, увидел, что ему приготовлено среди них место удивительной красоты. Когда он с радостью и ликованием поспешно его занял, поднялся Арнульф, епископ Вормса, и мягким голосом запретил ему это делать, сказав, что достопочтенные отцы, которые сидят здесь, не хотят принимать его в свое сообщество, потому что его одежду пятнает это мерзкое пятно. Когда ему велели покинуть это место и он уходил, плача и совершенно пав духом, тот же епископ последовал за ним и сказал: «Успокойся, отец! Постарайся только поскорее смыть это пятно, которое марает твою одежду, ибо в скором времени ты, согласно своему желанию, будешь принят в сообщество этого блаженного обиталища и в собрание святых отцов, которых ты видел». С наступлением утра, когда он пересказал это видение одному своему слуге, тот, мудро растолковав это дело, сказал: «Я думаю, отец, что пятно, которое портит твою одежду, не что иное, как память о беззакониях со стороны твоих горожан, которые в прошлом году изгнали тебя из Кельна и которым тебе ради Божьей милости уже давно следовало бы даровать прощение за это преступление. Эта [мысль], скажу я с [твоего] милостивого позволения, засела в твоей груди крепче, чем то было бы справедливо, и, вопреки Божьей заповеди терзая твой разум горчайшей печалью, покрывает тягостным мраком и омрачает прочую ясность твоего святейшего образа жизни». Архиепископ, убежденный свидетельством собственной совести, не стал отрицать того, что услышал, но смиренно признал свою вину; тут же разослав повсюду гонцов, он призвал к себе всех жителей Кельна, которых в отмищение за причиненные ему обиды отлучил от церкви и изгнал из города, и на ближайший праздник Пасхи⁹⁷², – ибо он видел это видение во время 40-дневного поста⁹⁷³, –

не только с величайшим радушием даровал им церковное причастие, но и вернул им всё их добро, которое было разграблено. Так он успокоил ту тяжкую бурю, которая была поднята дьявольским духом и поразила весь Кельн; отец вновь признал сыновей, а сыновья – отца; архиепископ освободился от печали, народ – от страха и беспокойства, а город перестал быть пустыней.

Архиепископ с самого начала избрал местом своего погребения церковь Пресвятой Марии, что зовется «У лестницы», в Кельне. Позднее, оскорбленный дерзостью кельнцев, которые свирепствовали против него с неслыханной яростью, он решил перенести из Кельна в Зигберг не только свою душу, но и тело и определил, чтобы его похоронили именно там. Когда незадолго до своего призвания он лежал больной в Кельне и, будучи уже на последнем издыхании, заметил, что народ Кельна крайне недоволен тем, что у него обманом собираются отнять столь желанное сокровище, он, немного придя в себя, сел на постели и, облачившись в епископскую столу, чтобы придать больший авторитет своим словам, заклинал своих слуг, призывая в свидетели имя Божье, чтобы они не позволяли хоронить его нигде, кроме Зигберга. Как он приказал, так и было сделано. Ибо, когда он спустя малое время умер⁹⁷⁴, его с величайшей славой, при большом рвении со стороны духовенства и народа и под громкий плач кельнских женщин отнесли в Зигберг и похоронили в середине церкви. Там благодаря его заступничеству тем, которые усердно просят, ежедневно оказываются многочисленные благодеяния Божьей помощи.

1076 г. Рождество Господне король праздновал в Госларе. Когда он вызвал туда всех князей королевства, чтобы принять общее решение по поводу сдавшихся ему саксонских князей, то, кроме чешского князя⁹⁷⁵, явились лишь очень немногие. От тех, которые пришли, он потребовал и получил клятву в том, что они изберут после него королем не кого иного, как только его сына⁹⁷⁶, тогда еще малолетнего ребенка. Там Отто, бывший герцог Баварии, дав вместо себя в заложники двух своих сыновей, был освобожден из-под стражи, и король не только вернул ему свою милость, но и удостоил такой близости, что в дальнейшем все планы в отношении как частных, так и государственных дел обсуждал с ним с большим доверием, чем с прочими тайными советниками. О прочих, которые сдались, не было даже упоминания.

Кельнское духовенство и народ в большом количестве собрались для избрания епископа. Король предложил им кандидатуру Хильдольфа⁹⁷⁷, госларского каноника, и настойчиво добивался его избрания. Но те сопротивлялись этому изо всех сил, заявляя в свое оправдание, что он человек малого роста, отталкивающей наружности, низкого рода и не отличается ни душевными, ни физическими достоинствами, которые делали бы его достойным столь славного священного сана. Поэтому, из-за возмутительности этого дела, у всех, кто был при королевском дворе, против него поднялась такая ненависть, что где бы он ни по-

являлся на людях, все теснили его с нестройными криками и оскорбительными песенками, словно какое-нибудь древнее чудовище, и бросали в него камни, грязь и вообще всё, что попадалось под руку разъяренным людям. Однако король, помня стойкость архиепископа Анно и несокрушимую твердость его духа против всех его нечестивых планов, умышленно стремился поставить ему на смену такого преемника, снисходительностью которого он мог бы по своему произволу пользоваться во всех своих начинаниях. Когда он долго и настойчиво пытался это сделать, но так и не смог добиться, чтобы его избрали, то, не окончив дела, отпустил кельнцев домой, вновь велел им явиться в середине 40-дневного поста⁹⁷⁸, если можно, более разумно настроенными, и торжественно заявил, что, пока он жив, у них или совсем не будет епископа, или епископом будет Хильдольф.

Кроме того, там присутствовали также послы папы Гильдебранда⁹⁷⁹, которые сообщили королю⁹⁸⁰, что в понедельник второй недели 40-дневного поста⁹⁸¹ он должен явиться на собор в Рим и дать отчет в преступлениях, в которых его обвиняли⁹⁸²; в противном случае пусть знает, что его апостольской анафемой в тот же день без всякой отсрочки отлучат от тела святой церкви. Это посольство сильно уязвило короля. Тут же со страшными оскорблениями прогнав послов, он велел всем епископам и аббатам, которые были в его королевстве, собраться в Вормсе в воскресенье 70-дневного поста⁹⁸³, желая обсудить с ними, нет ли какого-нибудь пути и какой-нибудь возможности низложить римского понтифика. Ибо он понимал, что всё его спасение и прочность трона зависят от того, чтобы тот не был больше епископом.

В это время случилось, что папу по наущению Сатаны поразило тяжелейшее несчастье. Префект города Рима по имени Квинций⁹⁸⁴, весьма выдававшийся во всей Италии и знатностью рода, и славой богатств, совершил во владениях римской церкви множество противозаконных поступков. Поскольку до папы дошли жалобы по этому поводу, он неоднократно мягко упрекал его, но, когда доверительные упреки не возымели действия, он наконец отлучил его от церкви, полагая, что по крайней мере это обуздает его нечестие. Однако тот пришел из-за этого в еще большее бешенство и в ночь на Рождество Господне внезапно ворвался с вооруженными людьми в ту церковь⁹⁸⁵, где папа, облаченный в епископские одежды, стоял у святого алтаря, служа торжественную мессу; он, — о чем нечестиво даже упомянуть, — схватил папу за волосы, подверг множеству оскорблений, прогнал из церкви и, прежде чем слух об этом распространился по городу и народ в большом количестве бросился ему на помощь, насильно увел его в некий сильно укрепленный дом. Слух о столь тяжком преступлении тут же наполнил весь город. Повсюду призывали к оружию. Богатые и бедные, знатные и незнатные примчались все разом и еще в предрассветных сумерках из всех сил начали штурмовать дом Квинция; если бы тот, предвидя грозившую ему опасность, не поспешил отпустить папу, они перебили бы всех, кто был в этом

доме, и до основания разрушили бы сам дом. При посредничестве папы ярость возмущенной толпы с большим трудом была успокоена. Римляне, с большим неудовольствием и гневом восприняв то, что произошло, огнем и мечом уничтожили всё, что принадлежало Квинцию как внутри городских стен, так и снаружи. Он, в свою очередь, совершил множество деяний воинской отваги против них, сжигая и уничтожая всё, что мог, из владений римской церкви. Так эта вражда продолжалась в течение многих дней не без большого ущерба для той и другой стороны.

В установленный день король⁹⁸⁶ прибыл в Вормс; епископы и аббаты также прибыли туда в большом количестве. Весьма своевременно для завершения столь важных дел явился один из римских кардиналов, а именно Гуго, по прозвищу Бланк⁹⁸⁷, которого незадолго до этого папа лишил сана за его глупость и дурные нравы⁹⁸⁸. Он привез с собой подобную актерским выдумкам трагедию о жизни и привычках папы, а именно, откуда он родом, какую жизнь вел еще с юности, каким превратным путем занял апостольский престол, какие постыдные деяния, невероятные даже при упоминании, совершил до получения епископата, а какие после. Те с величайшей радостью приняли его свидетельство, словно данное им свыше, и, с готовностью следуя ему, вынесли приговор, согласно которому он не может быть папой и не имеет, да и не имел положенной римскому престолу власти вязать и разрешать, ибо запятнал свою жизнь столькими позорными деяниями и преступлениями.

Хотя все остальные без колебаний подписались под этим осуждением, Адальберон, епископ Вюрцбурга, и Герман, епископ Меца, какое-то время сопротивлялись, говоря, что весьма недостойно и противоречит каноническим установлениям, чтобы какой-либо епископ был осужден заочно, без генерального собора, без законных и соответствующих свидетелей и обвинителей, без доказательства преступлений, в которых его обвиняют, тем более римский понтифик, против которого ничего не значат обвинения ни епископа, ни архиепископа. Но Вильгельм, епископ Утрехта, который упорно защищал дело короля, жестко пригрозил, что или они вместе с остальными подпишутся под осуждением папы, или будет считаться, что они отреклись от короля, которому под присягой обещали свою верность. Он в это время пользовался у короля немалой любовью и расположением, и король поручил ему после себя решение всех частных и общественных дел, которые требовалось решить. Это был муж весьма сведущий в светских науках, но преисполненный такой гордыни, что с трудом выносил самого себя. Итак, от имени всех собравшихся епископов и аббатов в Рим было отправлено полное оскорблений письмо, в котором требовалось, чтобы римский понтифик отказался от своей должности, которую захватил вопреки церковным законам, и знал, что всё, что он сделает, прикажет и решит после этого дня, не будет иметь никакой силы.

Послы⁹⁸⁹, как им и было приказано, с величайшим рвением поспешили в путь и вступили в Рим как раз накануне открытия объявленного собора. Тогда

они изложили данное им поручение в словах не менее оскорбительных, чем те, что были указаны в письме. Папа, ничуть не встревоженный резкостью послания, на следующий день⁹⁹⁰, когда духовенство и народ в большом количестве съехались на собор, велел зачитать перед ними это письмо и, поскольку все собравшиеся епископы постановили это сделать, отлучил короля от церкви⁹⁹¹, а вместе с ним также Зигфрида, архиепископа Майнцского, Вильгельма, епископа Утрехтского, и Роберта, епископа Бамбергского⁹⁹². Прочим, которые приняли участие в этом заговоре, он назначил срок⁹⁹³, в течение которого они должны были прийти в Рим и оправдаться в этой новой и необычной дерзости против апостольского престола; если они этого не сделают, то разделят точно такой же приговор об отлучении, что и все. Кроме того, он еще накануне отлучил от церкви Отто, епископа Регенсбурга, Отто⁹⁹⁴, епископа Констанца, Бурхарда, епископа Лозанны, графа Эберхарда, Удальрика⁹⁹⁵ и некоторых других, чьими советами же король главным образом пользовался.

Когда Гоцело, герцог Лотарингии, находился на границе Лотарингии и Фландрии, в городе под названием Антверпен⁹⁹⁶, его убили, как полагают, в результате происков Роберта, графа Фландрии. Ибо как-то ночью, когда все спали, он отлучился по естественной нужде, а находившийся за пределами дома лазутчик поразил его в тайное место и, оставив меч в ране, поспешно бежал. Затем, едва прожив после ранения семь дней, он 27 февраля⁹⁹⁷ ушел из жизни и был погребен в Вердене возле отца⁹⁹⁸. Он был немалой поддержкой и опорой Тевтонского королевства, поскольку хоть и имел весьма неприглядную внешность из-за малого роста и горба, как уже неоднократно говорилось, но далеко превосходил остальных князей славой богатств и количеством храбрейших рыцарей, а также зрелой мудростью, наконец, умеренностью всей своей жизни.

По окончании собрания в Вормсе король поспешно вернулся в Гослар и там со всей беспощадностью дал выход своему гневу, которым уже долгое время втайне пылал против саксов. Князей Саксонии, которые ему сдались, он сослал в отдаленные части королевства, своим сторонникам разрешил по их произволу разграбить имущество этих [князей], а тех, которые еще не сдались, ежедневно принуждал к сдаче самыми суровыми указами и угрожал, что будет тревожить их огнем и мечом и прогонит далеко за пределы родной земли, если они не сдадутся как можно скорее. Тогда же все крепости, которые он приказал разрушить в предыдущем году⁹⁹⁹, он восстановил с величайшим усердием и за счет величайшего труда и горестей местных жителей. Он выстроил также новые [крепости] в Саксонии на всех горах и холмах, которые казались хотя бы немного подходящими для обуздания насилия; а в тех, которые после сдачи саксов перешли в его власть, он разместил гарнизоны. И умножилось зло, несчастья и разорение¹⁰⁰⁰ по всей Саксонии и Тюрингии более всего того, что было на памяти предков.

Собираясь покинуть Гослар, король 6 марта передал Кельнское епископство Хильдольфу, как упорно собирался сделать с самого начала. Пришли, правда,

всего три клирика и очень немногие из рыцарей. Прочих возмущение удержало от того, чтобы являться для дачи своего согласия. Тех же, которые пришли, король презрительно и, как обычно говорят, без всякого внимания спросил по поводу их выбора, и они подверглись бы насмешкам и издевательствам, если бы тут же не дали своего согласия. Чтобы из-за отсрочки в посвящении против него не поднялось какое-нибудь возмущение в результате народного недовольства, он тут же отправился в Кельн и велел посвятить его Вильгельму, епископу Утрехта, племяннику которого он обещал епископство Падерборнское, чтобы из-за него не произошло какой-нибудь задержки в посвящении.

Пасху¹⁰⁰¹ король праздновал в Утрехте, и там передал своему сыну Конраду герцогство Лотарингию, а марку под названием Антверпен – Готфриду¹⁰⁰², племяннику герцога Гоцело и сыну графа Евстафия, деятельному и весьма сведущему в военном деле юноше.

В это время Рудольф, герцог Швабии, Вельф, герцог Баварии, Бертольд, герцог Каринтии, Адальберон, епископ Вюрцбурга, Герман, епископ Меца, и очень многие другие князья, собравшись все вместе¹⁰⁰³, держали совет, что следует предпринять против таких страшных бедствий, которые потрясли государство. Король после Саксонской войны остался таким же, как и прежде, ничуть не изменившись ни в легкомыслии, ни в жестокости, ни в привязанности и расположении к дурным людям. Столь славную победу над саксами он использовал только для того, чтобы получить право и власть над кровью их всех и с полной безнаказанностью свирепствовать ради уничтожения всех вольностей и ради совершения любого постыдного деяния, какое только придет ему на ум; у них не осталось более ни надежды, ни защиты в случае, если они случайно, как то свойственно людям, оскорбят его, когда он вопреки клятве и слову князей совершил столько отвратительного и столько жестокого против сдавшихся. Это обстоятельство сильно обеспокоило не только их, но и всех князей королевства и главным образом тех, по совету которых князья Саксонии оказались в опасности. Итак, был составлен внушительный заговор, который всё более креп изо дня в день; причем дерзость и отвагу им особенно придавало то обстоятельство, что ежедневно прибывавшие из Италии гонцы неоднократно заявляли, что король отлучен римским понтификом от церкви. Воодушевленные этим епископ Меца и очень многие другие без ведома короля освободили и отпустили на родину некоторых из саксонских князей, которых они получили от короля для содержания их под стражей¹⁰⁰⁴.

Вильгельм, епископ Утрехта, как было сказано выше, вопреки добру и справедливости упорно защищал дело короля и из расположения к его партии на протяжении почти всех праздничных дней прямо посреди богослужения гневными устами сказал много оскорбительного для римского понтифика, назвав его клятвопреступником, прелюбодеем и лжеепископом и неоднократно объявив его отлученным от церкви как им самим, так и прочими епископами. Однако

вскоре после того как король по окончании пасхальных дней ушел из Утрехта, его внезапно поразил тяжелейший недуг. Когда ему не давали покоя тяжелейшие муки души и тела, он с жалобным воплем воскликнул перед всеми, кто там был, что он по справедливому приговору Божьему лишился и земной жизни, и вечной за то, что с величайшей готовностью оказывал свою поддержку королю во всем, к чему тот несправедливо стремился, и в надежде на его милость нанес римскому понтифику, святейшему мужу апостольских добродетелей, тяжкие оскорбления, хоть и знал, что тот невиновен. С этим восклицанием он, как уверяют, без причастия и без какого-либо покаяния испустил дух¹⁰⁰⁵. В епископстве ему наследовал Конрад¹⁰⁰⁶, камерарий архиепископа Майнцского. А Падерборнское епископство получил Поппо¹⁰⁰⁷, настоятель из Бамберга, усилиями и старанием которого главным образом и был лишен епископства Герман, епископ Бамбергский.

Роберт, бывший аббат Рейхенау, получил от Бамбергского епископа в управление один монастырь в пределах Эльзаса под названием Генгенбах. В то время как он по своему обыкновению без всякой меры предавался там погоне за земными выгодами, стремясь своим трудолюбием победить бедность этого места, он вместе с другим монахом, юношей подававшим большие надежды, который последовал за ним из Бамбергской обители, был убит¹⁰⁰⁸ служителями вышеназванного монастыря, против которых он выступил, чтобы отразить насилие, желая защитить владения монастыря и свое собственное право.

Саксы, после того как их князья были отправлены в ссылку, изнывали от горя и печали и не видели никакого выхода из столь отчаянного положения. Друзья короля, расставленные по горам и холмам, угрожали их шеям и не давали им, как прежде, проводить собрания, совещаться и искать какой-либо путь к спасению. Они, сверх того, ежедневно брали добычу на полях и в селениях, обложили край тяжелейшей данью, за счет величайшего труда и расходов местных жителей укрепляли свои крепости и требовали чересчур тяжелые и невыносимые штрафы за прежнее восстание. У графа Геро было два сына¹⁰⁰⁹, которые обладали довольно знатным происхождением, но из-за недостатка средств не имели среди князей Саксонии ни имени, ни влияния. Во время сдачи они бежали за реку Эльфу и ожидали там, чем кончится дело, ибо из-за безвестности их имени король легко мог вообще не знать о них или пренебречь ими. Когда они увидели то зло, которое произошло, а именно, что в результате сдачи князей произошло не что иное, как полная потеря свободы родины и обращение в рабство и под ярмо всего саксонского народа, чего король всегда добивался, они, хоть и были изгнаны из родных земель, лишились крепостей, потеряли наследственное достояние и вообще остались без средств, всё же обрадовались, что не потерпели этого стремительного крушения сдачи вместе с прочими князьями Саксонии. Поскольку они терпели нужду, то, собрав довольно внушительное войско из числа таких же, как и они людей, они начали искать себе пропитание грабежом.

По большей части также, когда случалась такая возможность, они старались оказывать сопротивление королевским сборщикам налогов и силой отражать беззакония с их стороны. Поскольку им и раз, и два сопутствовал успех, рыцари тех князей, которые были сосланы, а также все свободнорожденные, которые еще не сдались и предпочитали любые крайности, нежели и дальше испытывать верность короля, стали наперебой сбегаться к ним. И вот, в течение нескольких дней образовалось огромное войско, так что они считали себя равными врагам и способными уже не только к нападениям из засады и тайным набегам по обыкновению разбойников, но и к открытому насилию и открытым схваткам. Кроме того, местные жители, которым посреди бездонного мрака отчаяния забрезжил с неба свет спасения и утешения, все с величайшей готовностью обещали свое содействие и совместную поддержку в общественном деле, считая, что лучше достойной смертью пасть за отечество, за жен и детей, чем посреди стольких горестей вести жизнь, более печальную, чем сама смерть.

Между тем Герман, дядя герцога Магнуса, и очень многие другие из сдавшихся князей, которых, как было сказано выше, без ведома короля освободила из плена милость тех, кто их удерживал, вернувшись, доставили всем нечаянную радость и устранили всякое беспокойство, если таковое еще у кого-нибудь оставалось. Ибо такая великая и столь неожиданная удача в делах явилась для всех доказательством того, что к ним вновь вернулось милосердие Божье¹⁰¹⁰. Итак, они с вооруженной молодежью обошли всю Саксонию и в скором времени вернули назад все крепости, в которых король разместил гарнизоны, одни посредством сдачи, другие путем штурма; тех, которые были внутри, они, отобрав добычу, отпустили невредимыми, взяв с них клятву, что они никогда больше не придут в Саксонию как враги. Друзей короля, а также всех, кто не хотел обещать свою поддержку общественному делу, они изгнали из Саксонии, разграбив всё, чем те владели; и направилось спасение в руках¹⁰¹¹ их к восстановлению прежней свободы.

И только Отто, бывший герцог Баварии, всё еще находился в крепости Гарцбург. Король передал ему свои обязанности и управление общественными делами по всей Саксонии¹⁰¹², поручив, кроме того, с величайшим старанием отстроить Гарцбург и еще одну крепость на горе под названием Штейнберг¹⁰¹³, расположенной неподалеку от Гослара. Саксы отправили к нему послов, поручив передать, чтобы он оставил строительство, направленное на уничтожение его народа, к которому он приступил, забыв о родине и свободе, и лучше подал совет по освобождению князей, которым он весьма энергично советовал сдаться; уже прежде в умах многих людей засело мнение, что он для того столь активно уговаривал остальных сдаться, чтобы их кровью расположить к себе душу короля и общей гибелью купить свое собственное спасение. Теперь это видно по ясным признакам, ибо в то время как те сосланы в отдаленные земли, он в качестве награды за свое предательство получил от короля княжескую власть над всей

Саксонией и, являясь ныне палачом королевской жестокости, все суровые меры, которые задумал король, выполняет с еще большей суровостью. Так что он весьма позаботится о своей славе и чести, если каким-либо славным деянием по отношению к своей родине попытается очиститься от столь позорного пятна и поспешит на помощь своему народу, желающему с помощью оружия вернуть себе и родину, и свободу. Наконец, если он по доброй воле не внемлет их увещаниям, то они вне всякого сомнения применят силу и, уничтожив всё, что ему принадлежит, изгонят его из Саксонии, как предателя родины, покинувшего общий лагерь, как он того и заслуживает.

В ответ на это тот настойчиво умолял их именем Бога, чтобы они действовали более мягко и миролюбиво; то, что они замышляют ради общего блага, легче добиться благоразумием, нежели безрассудством; он тут же отправит послов к королю и будет всеми способами убеждать его освободить князей из плена, разрушить крепости, которые он выстроил из страха перед предыдущим восстанием, и вернуть народу саксов свободу, законы и установления предков, которые отобраны у них силой и которые они столько раз пытались вернуть с помощью оружия. Если [король] последует этому совету, то Саксония без кровопролития освободится от тяжелой необходимости вести войну, исход которой сомнителен; если же нет, то ни любовь к полученной должности, ни страх смерти, ни святость присяги не смогут удержать его от того, чтобы до последнего вздоха охранять, поддерживать и защищать общее дело отечества и своих предков. С этими словами он отпустил саксонских послов и тут же направил к королю своих собственных, как и обещал, а также увел гарнизоны с той и другой горы, которые занимал, и в последующем вел вместе с саксами общую и совместную жизнь.

Короля, когда он получил дурные вести о том, что случилось в Саксонии, а также узнал, что остальные князья, проводя на неоднократных собраниях совещание, замышляют отпадение, попеременно охватывали то гнев, то беспокойство, и он колебался, не зная, какую болезнь лечить первой. Наконец, склонившись к тому, к чему побуждал его гнев, он решил двинуть войско для осады города Меца и наказать тамошнего епископа¹⁰¹⁴ за то, что он без его разрешения отпустил из-под стражи доверенных ему князей. Однако, полагая, что в то время как государство пребывает в расстройстве, верность князей ненадежна, а воины устали от предыдущих войн, было бы крайним безумием опрометчиво браться за еще более трудное предприятие, он сдержал порыв души и обратился от безрассудства к более миролюбивым планам¹⁰¹⁵.

Итак, разослав повсюду гонцов, король приказал всем князьям королевства на Троицу¹⁰¹⁶ явиться к нему в Вормс, чтобы, как он предполагал, по общему совету решить, что следует делать. В назначенный день, хотя прочие прибыли в довольно большом числе, не явился ни один из вышеназванных герцогов, со стороны которых боялись опасности для государства и по совету которых глав-

ным образом следовало решать все государственные вопросы даже в спокойные времена. Так, это собрание князей вопреки воле короля не имело никаких последствий¹⁰¹⁷. Тогда он вновь велел явиться им в Майнц на рождество святого апостола Петра¹⁰¹⁸, присоединив уже к этому указу настойчивую просьбу. Но и тогда никто из них не обратил внимания ни на его просьбу, ни на приказ, ибо все они приняли твердое решение поднять восстание. А те, которые собрались, спорили между собой в отвратительной вражде. Ибо освобожденный уже из своей темницы Сатана¹⁰¹⁹ напал на церковный мир не только с земным, но и с духовным вооружением, резал их тела и старался уничтожить также их души, дабы они не обрели жизни вечной.

Удо, епископ Трирский, недавно вернувшийся из Рима, не хотел вступать в общение с епископами Майнцским и Кельнским и многими другими, которые пользовались у короля расположением более прочих и по совету которых король вершил все дела, на том основании, что и они, и сам король отлучены от церкви римским понтификом. Ему, правда, – и он едва добился этого низайшими просьбами, – было дано разрешение только разговаривать с королем, но, помимо этого, не позволялось никакое иное общение с ним – ни в еде, ни в питье, ни в молитве. Очень многие другие, чья вера в Бога была чище, а воля к достоинству государства сильнее, воодушевленные его примером, постепенно покидали двор, а именно, чтобы не запятнать себя общением с вышеназванными людьми, и не хотели вернуться, несмотря на частые приказы, предпочитая оскорбить скорее короля, чем Бога, и нанести ущерб скорее телу, чем душе. Те же, напротив, гневались, шумно негодовали, неистовствовали, изрыгали угрозы и оскорбления против всех без разбору. Приговор римского понтифика, мол, несправедлив, а потому ничего не значит, ибо он не вызвал их канонически на собор, не провел канонического расследования, но скорее в безрассудной ярости, нежели по здравому размышлению отлучил их от церкви, не уличенных, согласно каноническим нормам, в преступлениях, которые им ставят в вину, и не сознавших в них. Епископ Трирский и прочие, которые уже ранее вошли с ним в сговор ради ниспровержения государственного строя, имеют иные намерения, нежели те, о которых говорят, и не столько желают усиления авторитета апостольского престола, сколько ищут возможность умалить королевское достоинство и прикрыть укоренившуюся против короля ненависть новым словом религии. И король, заботясь о своей чести, правильно сделает, если как можно быстрее обнажит против своих врагов меч, который, по слову апостола, принял для отражения зла¹⁰²⁰, и, презрев тайники пустых случайностей, покарает явных врагов государства той карой, какой они заслуживают. Нетрудно было привести в ярость сам по себе гневливый и неукротимый нрав короля.

Но, увидев, что князья под предлогом благочестия постепенно отпадают от него, что империя лишена уже их поддержки и что угрозы пусты, если нельзя применить силу к тем, кому угрожаешь, король предпочел, – как того требовало

время, – лучше позаботиться о собственной пользе, нежели давать волю своему гневу, и вновь и вновь пытался смягчить враждебные души князей приветливыми посольствами. Однако, – что удивительно и сказать, – даже такая неудача в делах, такая тяжесть угрожающих опасностей не могла побудить его к тому, чтобы освободить из-под стражи саксонских князей, по какой причине главным образом против него и вспыхнуло пламя зависти и ненависти. Более того, устрешенный примером тех, которые без его ведома отпустили большинство из них, он приказал со всей тщательностью охранять оставшихся, которые всё еще содержались под стражей, чтобы они не сбежали. Поэтому он неоднократно велел тем, кому поручил их охрану, чтобы они, помня о его благодеяниях, помня о клятве верности, которую ему дали, с неукоснительной верностью охраняли пленников, пока их не потребуют обратно, и не поддавались отвратительнейшему примеру других князей, которые отпустили сдавшихся без его распоряжения; желая отомстить королю за свои личные обиды, они тем самым нанесли государству величайший ущерб и навеки покрыли его несмываемым позором.

Раздраженный против всех король, казалось, жаждал крови их всех. Но особенно лютой ненавистью он преследовал епископа Хальберштадтского, как предводителя всего саксонского восстания и зачинщика и виновника всего дурного, что случилось; если бы тому не мешали уважение к званию епископа и слово князей, данное в ходе сдачи, он всевозможными пытками лишил бы его жизни. Король поручил стеречь его Роберту, епископу Бамбергскому, как человеку более сурового и неукротимого нрава, чем остальные его приближенные, который не раз доказывал ему свою верность в трудные минуты. Однако после того как князья склонились к отпадению и король увидел, что государство опять потрясает новые бури, он, хоть и не разуверился в его усердии как стража, но, опасаясь, как бы из-за длительного бездействия к нему случайно не подкралась небрежность и сила или хитрость врагов не сделала чего-нибудь в отношении [епископа], отозвал последнего ко двору; здесь он чрезвычайно недостойно держал его то среди своих камерариев, то среди поваров и кухонной грязи, приказав сторожить его со всей тщательностью, пока он не придумает для него места ссылки, соответствующего столь лютой ненависти.

В это время у короля находилась его сестра¹⁰²¹, жена короля Венгрии Соломона; ее изгнанный из королевства муж, находясь при оружии и готовясь к битве, решил, что она нигде не сможет находиться в большей безопасности, чем у своего брата, пока он, если удастся, не вернет себе трон и не сможет снова наслаждаться радостями брака. Спустя уже много времени, когда она собиралась вернуться к мужу, находившемуся в пределах Венгрии, король, сочтя это удачным моментом для исполнения своего жестокого замысла, просил ее увести с собой епископа Хальберштадтского и доставить его в такое место, откуда он никогда уже не смог бы вернуться в Тевтонское королевство. Та согласилась с его просьбой и, посадив епископа на корабль вместе со своими людьми, отправila

его вперед, а сама решила последовать за ним через несколько дней, когда сделает необходимые для путешествия приготовления.

У этого епископа был некий рыцарь по имени Удальрик, который обладал многочисленными владениями в Баварии и пользовался также исключительной любовью и расположением короля. Когда он узнал о том зле, которое готовят епископу, то, охваченный жалостью и размышлением о человеческой судьбе, о том, что такой славный муж, величественный столп и опора государства, погибнет ныне столь гнусным образом, если только опрометчивость короля не приведет в смущение все божеские и человеческие законы, подошел к нему незадолго до отплытия и по порядку рассказал обо всем, что задумал против него король; всё это случится с ним, если в час опасности ему на помощь не придет милосердное божество, которое еще только и может это сделать. Кроме того, он сообщил, что неподалеку от берегов Дуная расположены его владения и сильно укрепленная крепость, и убеждал епископа, чтобы он, когда подплывет к этим местам, настойчиво просил тех, с кем он плывет, причалить к берегу и дать ему возможность на короткое время ступить на землю, чтобы отдохнуть, или под каким-либо иным благовидным предлогом, который был бы подходящим для такой хитрости; он же, помня о верности, которой ему обязан, сделает всё, что в его силах, и, если Бог укажет какой-либо путь к его спасению, испробует его. Епископ поступил так, как его научили; когда он приблизился к названным местам, то притворился больным; от постоянного плаванья его тело якобы поразила необычайная слабость и, если не принять своевременных мер, ему скоро придет конец. Так он легко добился у моряков, которые ввиду епископского звания относились к нему с большой обходительностью, чтобы они приставали к берегу столько раз, сколько он захочет, и давали ему возможность сойти на землю и отдохнуть, как ему заблагорассудится. Отдаленный край, множество стражей, слабость больного устранили всякий страх и всякое подозрение по поводу [возможного] бегства или засады. А епископ часто сходил на землю и возвращался, осматриваясь повсюду и окидывая всё внимательным взглядом. Но нигде не видел ни единого признака обещанного спасения, ни какой-либо надежды.

И вот, наступило рождество блаженного Иоанна Крестителя¹⁰²². Утром, когда они проплывали мимо, епископ, увидев расположенную прямо на берегу церковь, просил их причалить и пройти в церковь для совершения в честь этого святого дня торжественного богослужения. Когда те согласились, он вошел в церковь и, надев на голову священническую инфулу, начал, как обычно, приносить спасительную жертву Богу. В то время как на этом было сосредоточено всеобщее внимание, вышеназванный Удальрик, благодаря усердию лазутчиков своевременно узнавший об удобстве этого места, внезапно с вооруженным отрядом окружил церковь, неспешно вошел в нее и, скрывая пока что дело, ради которого прибыл, молча и в спокойствии ожидал окончания богослужения. По окончании службы он приказал своим людям как можно быстрее скакать к ко-

раблю и выгрузить оттуда всё, что принадлежало епископу. Окруженный отрядом храбрейших юношей он приветствовал вышедшего из церкви епископа, подарил ему поцелуй и велел спешно вскочить на превосходного коня, которого приготовил для его спасения. Когда те, которые уводили епископа, изумились тому, что всё это значит, и после тщетных рассуждений бросились к оружию, тот приказал им сохранять спокойствие, если им дороги их жизнь и здоровье, сложить оружие, в спокойствии вернуться на корабль и быть довольными, что их не наказывают за совершенное против столь славного епископа преступление. Если же они продолжают раздражать его пустыми словами или бессвязными движениями, то мечи без труда положат предел их наглости. Епископу более пристало исполнять епископские обязанности в Хальберштадтской церкви, в епископы которой его рукоположили, нежели ради них. А те, поскольку не были равны ему ни численностью, ни доблестью, сочли безрассудным вступать в схватку, а потому в печали и пав духом вернулись к кораблю. Епископ же направился в крепость, которая находилась неподалеку, и находился там несколько дней, пока новость об этом деле не перестала быть таковой и не утихло рвение всех тех, кто хотел помешать его возвращению; наконец, переодевшись в мирское платье, дабы не быть узнанным встречными, он отправился в Саксонию и внезапно вернулся к саксам, которые уже не надеялись на его возвращение, как человек, живым вырвавшийся из ада.

Король, получив весть о случившемся¹⁰²³, тяжело и с крайним раздражением воспринял то, что столь важное для него предприятие потерпело крах, что его лишили мести за столь тяжкие оскорбления, что человек, который был вождем всей Саксонской войны и тем центром, вокруг которого всё вращалось, безнаказанно вернулся к врагам. Он не мог сомневаться, что уже несколько утихший огонь саксонской ярости тут же вновь будет раздут этим подстрекателем и в самое ближайшее время разгорится в яркое пламя и что [епископ] будет действовать еще более враждебно, помня о том, что после сдачи не нашел в короле ни милости, ни человеческого отношения. Кроме того, опасались, как бы остальные сдавшиеся не ускользнули тем же способом и он не лишился плодов столь славной победы и с таким трудом достигнутой сдачи, если они обретут свободу вопреки его воле. Обдумав всё это, король решил наконец идти в дальнейшем другим путем и приготовился одолеть саксов, которых, несмотря на неоднократные попытки, так и не смогли победить чужаки, их собственным оружием, их собственными силами, пользуясь весьма мудрым советом, ибо известно, что никакая сила, никакое разорение не может сокрушить царство быстрее, чем внутренние смуты и раздоры¹⁰²⁴.

Итак, он приказал отозвать из ссылки епископов Магдебургского, Мерзебургского и Мейсенского, герцога Магнуса, пфальцграфа Фридриха и, кроме того, всех князей Саксонии и Тюрингии, которых он всё еще держал в плену. Милостиво призвав их, он сказал, что хотя, согласно придворным законам, он

вполне мог применить к ним самое крайнее наказание и это было бы справедливо, ибо они часто раздражали его тяжкими оскорблениями, однако, помня об их роде, помня о доблести, которая могла бы быть честью и опорой государства, он всё же дарует им прощение за столь дерзкое поведение, более того, не требует от них никакой иной платы за их освобождение, кроме того, чтобы впредь они оставались верными и преданными ему в сомнительных обстоятельствах и оказывали ему помощь в деле восстановления порядка в государстве и умирения беспокойных людей, главным образом тех, которые ежедневно беспокоят внутренними распрями простой и незнакомый с коварством саксонский народ. Если они это сделают и не нарушат, как прежде, своей верности по какому-нибудь ничтожному поводу, то он будет считать их первыми среди друзей и, как только выпадет удобный случай, наградит ленами, как то подобает королевскому величию. А те, хоть и знали, что он сказал это притворно и умерил врожденную черствость души скорее по необходимости, нежели из расположения к ним, но из любви к безнаказанности охотно приняли это предложение и обещали всё, что он требовал; подтвердив обещания неоднократно повторенной клятвой, они получили разрешение уйти и с радостью вернулись каждый к себе домой.

Поскольку Отто, бывший герцог Баварии, как было сказано выше, увещевал короля принять своевременные меры по поводу смуты в Саксонии, последний велел ему в назначенный день встретиться с ним в Заальфельде, чтобы они, проведя совместное совещание, решили, что теперь следует делать. Но затем, полагаясь на тех, которых он освободил из плена, на то, что с их помощью он сможет более успешно излить свой гнев на саксов, которые его оскорбили, король изменил свои планы и в назначенный день отправил в Заальфельд к герцогу Отто вместо себя послов¹⁰²⁵, которые сообщили ему, чтобы он, собрав какие только сможет силы, прибыл к нему в Мейсенскую марку; сам король придет туда, проведя войско через Чехию, и, если Бог одобрит его желание, воздаст сыновьям графа Геро, который в недобрый час призвали к оружию необученную толпу, то, что они заслуживают. Князьям Саксонии и Тюрингии, которых он недавно отпустил на родину, он поручил то же самое, умоляя, чтобы они, отвечая на оказанную им милость, отозвали от союза с нечестивыми людьми всех, кого смогут, а сами явились в указанный день и указанное место вооруженными и в полной боевой готовности для оказания ему помощи в государственном деле.

А король, взяв с собой очень немногих рыцарей из немецкого войска, в то время как остальные пребывали в полном неведении относительно его планов, как и собирався, направился в Чехию¹⁰²⁶. Там к нему присоединился чешский князь и чешское войско, и он внезапно вторгся в Мейсенскую марку, уж не знаю, то ли от большей, чем следовало в столь важном деле, уверенности, то ли от большей беспечности, а именно, обманутый пустой надеждой на то, что рвение герцога Отто и прочих, обязанных ему, как он хвастал, его благодеянием, устранит всякое промедление в деле и всякую трудность в его выполнении.

Но герцог Отто, зная, что народ саксов имел справедливую причину для восстания, уже долгое время посредством частых посольств добивался у короля, чтобы тот устранил причины войны и ожесточения, позволил саксам оставить в силе их права и законы, обуздал мятежников скорее справедливостью, нежели оружием, и, сберегая столько тяжких трудов, столько крови, которая должна пролиться в битве, беспрепятственно наслаждался службой этого чрезвычайно богатого народа; между королем и тираном существует, мол, то различие, что второй добивается от людей послушания силой и жестокостью, вопреки их воле, а первый управляет подданными и повелевает им что-либо сделать на основании законов и обычаев предков. Однако этот человек, рожденный и воспитанный во власти, всегда и во всех несчастиях имел царскую душу, как то подобало такому высокому происхождению, такой высокой чести и достоинству его рода, и предпочитал скорее умереть, чем потерпеть поражение. Пятном несмываемого позора считал он безнаказанно получать оскорбления и, напротив, высшей славой, которую следует приобретать даже ценой жизни, являлось по его мнению не оставлять без отмщения ничего из того, что случалось не так. Поэтому он привлекал к себе людей, опытных в такого рода делах, не слишком знатного рода, но всегда готовых к совету и действию, которые, согласно тому, что говорит пророк, говорили ему лестное, разделяли с ним заблуждения¹⁰²⁷ и своим низкопоклонством, словно поднося факел, воспламеняли его больную и саму по себе склонную к гневу и безрассудству душу ко всему, что ей хотелось. Поэтому, чтобы их труды были ему еще более необходимы, они изо всех сил старались, дабы государство сотрясали постоянные бури. Пользуясь услугами этих дурных советников, король весьма враждебно относился к князьям королевства, дававшим ему правильные советы, и, если не случалась неотложная необходимость, не приглашал их к себе на совет; более того, если выдавалась возможность, он стремился подорвать, а то и вообще исключить их авторитет, чтобы никто и никогда не противодействовал ему и не прекословил во всем, что он предпринимал с необузданным своеволием.

Итак, герцог Отто, сильно раздраженный тем, что король вопреки его совету вновь пошел войной на Саксонию, сказал Эппо, епископу Цейца, который, как было сказано, прибыл на встречу с ним в Заальфельд в качестве королевского посла, что он, мол, советовал королю то, что соответствовало его чести и благу государства; но, поскольку тот оказывает пустым льстецам больше веры, чем ему, возлагает на чешских рыцарей больше надежд и доверие, чем на силу немецкого войска, то именно его и коснется то, какой исход будет иметь предприятие; он же не будет иметь ни славы в случае успешного развития дела, ни позора, если случится иначе; в дальнейшем он не связан с ним более никакой клятвой верности, поскольку его правильных и полезных советов не слушают и, сверх того, приказывают ему вопреки законам Божьим, вопреки чести империи, вопреки спасению его души поднять по языческому обычаю оружие ради пролития

невинной крови¹⁰²⁸. Отныне он, свободный от обвинения в каком-либо вероломстве, будет свободно, насколько сможет, защищать дело своего народа, которое справедливо, оружием и деньгами.

То же самое заявили и остальные князья как Саксонии, так и Тюрингии. Даже если бы они страстно захотели, то и тогда, мол, не смогли бы оказать ему помощь по его просьбе, поскольку их рыцари единодушно отказываются от несчастливой воинской службы против родины и своих родителей. Ибо они уже не с сомнительной верой и колебаниями, как прежде, когда они метались между страхом и надеждой, но в единодушном решении и страстном порыве сговорились восстать, и простой народ сбежался к оружию не как прежде, побужденный к этому хитрыми призывами князей, но все местные жители решили вести войну по собственному почину, за собственный счет, а не под руководством и главенством князей; они были готовы сражаться за самих себя, побеждать, если это будет угодно Богу, ради самих себя, не ожидая иной платы для своего войска, кроме спасения своих жен и детей и возможности сбросить со своих шей иго жесточайшего рабства. Далее, тех князей, которые пытались сопротивляться или возражать, они, разграбив и предав огню всё, чем они владели, угрожали изгнать из родных земель. Наконец, они решили вести дело с твердым намерением или победить, или умереть. Крайнее отчаяние воспламенило их рвение, поскольку в предыдущие годы они получили явные свидетельства того, что у короля побежденным нет надежды на прощение, ибо его жестокосердие и лютая ненависть к имени саксов не укротили ни добровольная сдача князей, ни потоки пролитой в Тюрингии крови.

Итак, когда по Саксонии пронесся слух о том, что король огнем и мечом разоряет пограничную с саксонским краем Мейсенскую марку, они схватились за оружие; в короткое время сбежалось много тысяч людей, которые пылали нестерпимым желанием вступить в битву и в едином порыве устремились навстречу врагам. Но, поскольку чересчур многочисленная толпа, обремененная оружием и прочим багажом, не могла двигаться так быстро, как хотела, сыновья графа Геро, взяв с собой 7000 легковооруженных всадников, стремительно поспешили навстречу врагу с самым горячим желанием закончить дело как можно быстрее. И если бы им удалось догнать короля и при таком ожесточении воинов, при таком воинском пыле вступить в битву, то, как полагают очень многие, длившаяся столько лет Саксонская война окончилась бы легко и быстро, а короля и всю его свиту или постигла бы верная смерть, или покрыл позор, который было бы нелегко смыть. Ведь кроме чешского войска, которое ни по оружию, ни по численности, ни по доблести не годилось для столь важного дела, король имел при себе очень немногих, ибо считал излишним обременять тяготами столь дальнего похода немецких рыцарей, надеясь, как было сказано, на то, что благодаря ревности герцога Отто и других, кого он по своей воле освободил из плена, он легко сокрушит все силы саксов и в установленный

день, в установленное место к нему явятся силы, достаточные даже для более тяжелых войн.

Однако в это самое время, поскольку Бог милосердно позаботился о спасении короля, река Мульте, которая разделяла оба войска, сильно раздулась из-за недавно прошедших ливней и лишила [саксов] всякой возможности переправиться [на другую сторону]. Это наводнение оказалось для короля очень кстати; не дожидаясь, пока вода спадет, он вернулся в Чехию, а затем быстрым маршем через Баварию, горюя и каясь в том, что напрасно понес столько трудов, возвратился в Вормс. Поскольку перед уходом он передал чешскому князю Мейсенскую марку в качестве награды за столь явно выраженную верность ему в трудных обстоятельствах, маркграф Экберт, которому принадлежала эта марка, — он был сыном двоюродного брата короля и еще не достиг положенного для военной службы возраста, — как только вода спала и река сделалась проходимой, вместе с примкнувшими к нему саксами отправился к Мейсену, силой вернул все крепости, в которых князь Чехии расставил гарнизоны, и поставил там своих собственных рыцарей, которые должны были нести там неусыпную стражу против всякого вражеского вторжения; все удивлялись, что короля не удержали от этого беззакония ни возраст юноши, ни родство с ним.

Между тем Рудольф, герцог Швабии, Вельф, герцог Баварии, Бертольд, герцог Каринтии, Адальберон, епископ Вюрцбурга, Адальберт, епископ Вормса, и другие¹⁰²⁹, которые не были безразличны к бедственному положению государства, проведя собрание в месте под названием Ульм, решили, чтобы все, кто желает помочь государству, собрались 16 октября в Трибуре и, питая отвращение ко злу, положили наконец предел различным бедствиям, которые вот уже много лет потрясают церковный мир. Они сообщили об этом князьям Швабии, Баварии, Саксонии, Лотарингии и Франконии и умоляли их во имя Бога, чтобы они, отложив всякие отговорки, отставив в сторону всякую заботу о личном интересе, приложили величайшие усилия ради общего блага. В то время как все были смущены и пребывали в ожидании, епископ Майнцский и очень многие другие, которые до сих пор энергично защищали дело короля, отпали от него и, примкнув к вышеназванным князьям, воспылали самым горячим рвением к улучшению положения государства. Удивительным и неожиданным образом случилось обстоятельство, устранившее последние помехи к тому, что они задумали, а именно, заложники, посредством которых король закрепил в прошлом году верность некоторых князей, были возвращены тем, кто их дал. Из двух сыновей герцога Отто, одного вернул не ожидавшему этого отцу сам король, а второго, — без ведома короля, — тот, кто получил его от короля ради охраны.

Сын маркграфа Удо, а также сын Аделы, вдовы маркграфа Деди, оба — мальчики нежного возраста, которым было еще далеко до зрелых лет, в то время как их стерегли в замке некоего Эберхарда, слуги короля, предоставили славное и достойное памяти потомков доказательство благороднейших душевных ка-

честв. Король приказал этому Эберхарду, – то ли из-за знатности столь славного рода, то ли из сострадания к их малому возрасту, – воспитывать их самым милостивым образом, чтобы они не изнывали от пустого безделья или от постоянного содержания под стражей, и позволять им иногда предаваться детским забавам со сверстниками. Об этом просили его также родители, часто посылая стражникам небольшие подарки. Тот делал, как его просили, и разрешал им играть то внутри замка, то снаружи, приставляя по своему усмотрению стражников, и не подозревал в этом бесхитростном и не ведающем коварства возрасте ничего дурного. Иногда также, отправляясь на охоту в примыкавший к замку лес, он разрешал им верхом на лошадях, что им едва позволял их возраст, отправляться вместе с ним, чтобы этим развлечением разогнать охватившие их души печаль и скуку. Поскольку он делал это довольно часто, то обычай пробудил в стражниках доверие, а доверие – беспечность, так что они со дня на день всё более ослабляли узду бдительного охранения и, отбросив уже всякое подозрение, разрешали им делать, что те хотели, даже без присмотра. Итак, как только мальчики находили укромное место и подходящее время, они начинали беседовать, вспоминать родину и родителей, оплакивать тяготы чужбины и уговаривать друг друга предпринять с Божьей помощью что-нибудь для своего спасения.

Итак, однажды, когда названный Эберхард отправился на охоту, по своему обыкновению взяв их с собой, и все, как обычно случается, с дикими криками и с самым горячим рвением разбежались в погоне за диким зверем, которые попался им на пути, мальчики, заметив, что они одни и вокруг нет ни одного стража, а те, которые отправились на охоту, забыв о других делах, были заняты одной только охотой, изо всех сил прищипорили лошадей и помчались быстрее ветра по лесным чащам, горным кручам и глубоким долинам, не обращая внимания и презирая грозившие им опасности; они направили бег не в какое-то определенное место этого края, который был им незнаком, но сломя голову неслись, безрассудно распустив поводья, туда, куда несли их сами кони. Проскакав галопом через лес, они наткнулись на рыбака, занимавшегося в лодке ловлей рыбы, и просили отвезти их в Майнц, предлагая в качестве платы за проезд свои плащи, в которые они были одеты, ибо ничего другого у них не было. А тот, или соблазненный платой, или движимый жалостью к попавшим в беду мальчикам, – ибо легко догадался об этом по их страху и прочим телодвижениям, – радушно принял их в лодку и, прикрыв вещами, которые были в лодке, чтобы их не заметили преследователи, привез их, как они и просили, в Майнц. Их кони, перейдя через реку, удивительным образом скакали неспешным галопом по противоположному берегу рядом с лодкой, так что двигались, когда двигалась лодка, и останавливались, когда та останавливалась. Казалось, в груди этих животных жили человеческие души. Когда прибыли в Майнц, мальчики, вновь получив своих лошадей, тайком пробрались в некий расположенный на берегу дом и Богом заклинали хозяина этого дома, чтобы он никому их не выдал; они,

дескать, близкие родственники архиепископа Майнцского, и если он с безукоризненной честностью вернет их ему целыми и невредимыми, то получит достойную его заслуг награду как от него, так и от их родителей, которые выделяются среди князей королевством и количеством своих богатств, и особым преимуществом своей должности.

Малое время спустя прибыл Эберхард, дрожа и скрипя зубами от едва сдерживаемой ярости; узнав по явным признакам, куда направились мальчики, он собрался с величайшей силой, с величайшим рвением штурмовать дом и ломать двери, и угрожал даже поджечь крышу, если ему своевременно не выдадут королевских заложников. Город сбежался на это зрелище, и поднялся страшный шум, ибо одни кричали одно, а другие другое, в зависимости от своих партийных пристрастий. Когда весть о городском мятеже дошла до епископа Майнцского, он тут же отправил вместе с вооруженными людьми Конрада, графа из замка под названием Лютцеленбург, который тогда случайно находился у него. Придя, тот с позором прогнал от осажденного дома Эберхарда, который свирепствовал сверх меры и то с силой, то с угрозами нападал на всех, кто оказывал ему сопротивление, и, взяв мальчиков, представил их епископу. А тот, весьма довольный тем, что дело князей, которые задумали поднять оружие ради общего блага, освободилось от помех также и с этой стороны, отпустил мальчиков к их родителям со всей заботливостью, чтобы им никто не устроил засаду на обратном пути.

В назначенный день¹⁰³⁰ князья Швабии и Саксонии собрались, согласно уговору, в Трибуре в огромном количестве с твердым намерением отстранить от управления королевством короля Генриха и поставить другого, на кого падет совместный выбор¹⁰³¹. Присутствовали там легаты апостольского престола – Сигехард, патриарх Аквилей, и Альтман, епископ Пассау, муж апостольского образа жизни и великих добродетелей во Христе, которому папа поручил свое представительство в решении церковных дел, и некоторые миряне, которые, оставив большие богатства, во имя Бога добровольно обратились к частной и скудной жизни, отправленные римским понтификом для того, чтобы засвидетельствовать перед всеми в Галлии, что король Генрих отлучен по справедливым причинам, и обещать согласие папы и его поддержку в деле избрания другого короля¹⁰³². Они не хотели вступать в общение ни с князем, ни с частным лицом, которые хоть каким-то словом или делом общались с королем Генрихом после его отлучения, пока те публично не покаются и Альтман, викарий римского понтифика, не снимет с них анафему. С той же осторожностью они избегали общения с теми, которые совместно молились с женатыми священниками и теми, которые за деньги покупали церковные посвящения.

Итак, в течение семи дней¹⁰³³ они совещались и пытались решить, что теперь делать и каким образом помочь оказавшемуся в опасности и уже терпящему бедствие государству. Они обсуждали весь образ жизни короля с самых, как го-

ворят, пеленок¹⁰³⁴, вспоминали, какими пороками, какими постыдными деяниями он, едва войдя в возраст, запятнал свою репутацию и достоинство империи; какие обиды он причинил отдельным лицам, а какие всем вместе, как только достиг зрелых лет; что он, лишив своего доверия князей, поднял до высших почестей людей низкородных и не имевших знатных предков и, проводя с ними в размышлениях дни и ночи, задумал, если удастся, окончательно погубить всю знать; что он, дав свободу варварским племенам, усердно обнажил меч против подчиненных ему племен и с вражеской жестокостью свирепствует им на погибель; королевство, которое он получил от своих родителей полностью замиренным и блиставшим всеми благами, он в процессе внутренних бедствий сделал отвратительным, неприглядным, небезопасным и запятнанным кровью. Разрушив церкви и монастыри, он продовольствие рабов Божьих обратил в жалованье рыцарей, а рвение о благочестии и церковных делах заменил заботой о воинском оружии и возведением укреплений, посредством которых надеялся обуздать не силу и натиск варваров, но похитить спокойствие родины и возложить на шею свободных иго жесточайшего рабства; нет никакого утешения вдовам и сиротам, никакого спасения угнетенным и терпящим бедствия, нет ни уважения к законам, ни нравственной дисциплины, ни у церкви не осталось ее авторитета, ни у государства его достоинства; так из-за безрассудства одного человека оказались смешаны и перепутаны священное и безбожное, божественное и человеческое, право и беззаконие. Поэтому осталось единственное средство против столь тяжких бедствий – как можно быстрее устранить этого и поставить другого короля, чтобы он накинуд узду на перешедшее все границы своеволие¹⁰³⁵ и взвалил себе на плечи развалины шатающегося мира.

Король Генрих, собрав воедино сторонников своей партии, находился в селении, что зовется Оппенгейм¹⁰³⁶; поскольку река Рейн разделяла оба лагеря, он со дня на день посылал к ним частых послов, обещая впредь исправить всё, что их оскорбляло; если он будет жив, то устранил старую память о беззакониях последующими благодеяниями и в последующем ничего не будет делать в отношении управления государством без общего решения; короче говоря, он добровольно откажется от своего права и передаст им право и власть управлять и решать по их усмотрению все дела в королевстве, только бы они спокойно позволили ему сохранить одни знаки королевского имени и верховную власть, которые он однажды получил законным путем и не может сложить с себя без величайшего позора для них всех, и не допустили, чтобы блеск Тевтонского королевства, нетронутый и незапятнанный в течение всех прошлых веков, был замаран в его век пятном столь постыдного примера. Если же они сочтут его слова не заслуживающими доверия, ибо столько раз были обмануты заманчивыми обещаниями, то он любыми клятвами и любыми заложниками, каких они пожелают, готов подтвердить, что никогда и ни при каких поворотах судьбы не нарушит свое к ним расположение.

Но те ответили на это следующее: «Не осталось уже никаких доводов, которыми можно было бы доказать или обеспечить его верность, столько раз наблюдаемую ими и испытанную на деле, ибо он столько раз торжественно обещал на глазах у видящего всё Бога исправление своих нравов, но, как только проходила напасть, которая в данный момент ему угрожала, он, словно паутину, разрывал все оковы, которыми себя связывал, и всегда еще худшим образом с необузданной распущенностью вновь вступал на путь дурного дела, как конь, бросающийся в сражение¹⁰³⁷. Тем не менее мы не бросились с опрометчивым безрассудством, чтобы испытать последнюю крайность. Ранее мы испробовали все пути, все средства, не удастся ли тем или иным способом смягчить жестокий и упорствующий во зле характер этого неисправимого человека. Но укоренившаяся болезнь, уже крепко засевшая в его сердце, не давала на это никакой надежды, не поддавалась никакому лекарству, побеждая всякое искусство, всякое усилие врачей. Более того, в то время как мы старались еще более усердно угождать его легкомыслию и под предлогом верноподданства проявлять женское терпение ко всему дурному, что он затевал, порядок в государстве был нарушен, церковное спокойствие поколеблено, величие империи похищено, авторитет князей сведен на нет, обычаи извращены, законы отменены и, согласно слову пророка, клятва и обман, убийство, воровство и прелюбодеяние крайне распространились, и кровопролитие следовало за кровопролитием¹⁰³⁸; короче говоря, все требования справедливости и благочестия, святости и благопристойности потеряли свое значение из-за бездействия и небрежения. Пока всё это грозило только ущербом для земной жизни и всего лишь потерей славы и репутации, мы терпели, хоть это и невыносимо было для мужчин, чтобы не казалось, будто мы стремительно и бесстыдно выступаем против присяги, которой связаны, и, пытаясь помочь нашей славе, не нанесли урона своей душе. Ныне же, когда он из-за своих постыдных деяний отсечен мечом апостольской анафемы от церковного тела¹⁰³⁹, когда мы не можем вступать с ним в общение без урона для церковного причастия и оскорбления веры, когда римский папа своей властью освободил нас от клятвы верности, которую мы неоднократно давали ему, было бы, очевидно, величайшей глупостью не ухватиться обеими руками, как обычно говорят, за предоставленную самим небом возможность спасения и не совершить в столь удобное время то, что было задумано уже давно, раз это позволяют человеческие и церковные законы, благоприятствуют место и время и всё, что обычно необходимо для войны и мира, обещает свое расположение в доведении до конца столь важного дела. Поэтому, отбросив хитросплетения пустых доводов, которыми он вновь прокладывает своему мечу путь к нашим шеям и горлу, давайте твердо стоять на своем и без всякого промедления выберем человека, который возглавит нас и поведет войну Господню ради сокрушения и разрушения всякого величия того или иного человека, поднявшегося и восставшего против справедливости, исти-

ны Божьей¹⁰⁴⁰ и авторитета святой римской церкви». С этими словами они отпустили послов короля.

[Король] отправлял всё новых и новых послов, не упустив ни одного вида просьбы, какой по его мнению мог бы помочь ему в столь запутанном деле. Но те твердо стояли на своем, упорствуя в своем мнении. Уже с обеих сторон казалось, что дело клонится к большому риску. Наконец [саксы] приготовились тут же поставить себе другого короля и, переправившись через Рейн, – ибо епископ Майнцский сосредоточил на этом берегу весь флот, – на рассвете вступить в битву с королем Генрихом; а тот, потеряв надежду добиться отсрочки, приказал собраться своим людям, которые были рассеяны по ближайшим селам, и приготовить оружие, чтобы тут же напасть на [врагов], как только те высадятся на этом берегу. В то время как все с тревогой и беспокойством ожидали решающих событий, на рассвете следующего дня¹⁰⁴¹, который, как опасались, нанесет государству тяжелейший урон, швабы и саксы отправили к королю послов, которые должны были сказать ему следующее: хотя он ни на войне, ни в мире совершенно не заботится ни о справедливости, ни о законах, они всё же хотят поступить с ним по закону, и, хотя преступления, в которых его обвиняют, известны всем яснее ясного, они намерены передать решение его дела римскому понтифику; они договорятся с ним, чтобы в день очищения Пресвятой Марии¹⁰⁴² он явился в Аугсбург и, проведя там торжественное собрание князей со всего королевства, обсудив высказывания обеих сторон, своим приговором или осудил, или оправдал обвиняемого; если до дня годовщины своего отлучения король исключительно по собственной вине не снимет с себя это отлучение, то его дело будет проиграно навсегда и без всякого пересмотра, и он не сможет в последующем законным путем вернуть себе трон, ибо по закону находящийся под отлучением более года не может править; если же он добровольно принимает предложенное условие и обещает во всем подчиниться римскому понтифику и быть послушным его слову, то они воочию убедятся в этом, если он тут же лишит своей дружбы и удалит от себя всех отлученных, а сам, распустив войско, удалится в город Шпейер и, довольствуясь лишь обществом епископа Верденского¹⁰⁴³ и немногих слуг, которые решением князей были признаны невиновными и свободными от этого отлучения, ведет там частную жизнь, не посещая церковь, не вмешиваясь, согласно своему праву, в управление общественными делами и отказываясь от королевского блеска и знаков королевского достоинства, вплоть до соборного решения его дела. Кроме того, он должен удалить гарнизон из города Вормса, который он сделал военной крепостью и пещерой разбойников¹⁰⁴⁴, изгнав епископа¹⁰⁴⁵ и уничтожив святилище небесного воинства, и вернуть его епископу Вормсскому, дав, сверх того, клятву и заложников, чтобы последнему не пришлось бояться мятежа или засады со стороны горожан. Далее, если он нарушит хотя бы одно из этих условий, то они, считая себя свободными от всякой вины, от каких-либо клятвенных обязательств и любого

обвинения в вероломстве, не дожидаясь более решения римского понтифика, по общему решению примут то, что полезно для государства.

Король, который не видел уже никакой надежды и никакой возможности исправить дело, сильно обрадовался, что посредством этого отвратительного условия на какое-то время избежал грозившей ему в данный момент опасности, и с готовностью обещал выполнить все эти пункты. Он тут же приказал покинуть свой лагерь епископам Кельнскому, Бамбергскому, Страсбургскому, Базельскому, Шпейерскому, Лозаннскому, Цейцскому и Оснабрюкскому¹⁰⁴⁶, а также Удальрику фон Годесхайму, Эберхарду¹⁰⁴⁷, Гартману и прочим отлученным, советами и услугами которых преимущественно пользовался до сих пор; отправив также гонцов в Вормс, он велел рыцарям, которых разместил там в качестве гарнизона, покинуть город и открыть ворота епископу. Затем он распустил по домам остальных, которые в большом количестве собрались для оказания ему помощи, а сам вместе с немногими отправился, согласно договору, в Шпейер и какое-то время более или менее удерживал свою жизнь и нравы в рамках и законах, которые предписали ему князья.

Швабы и саксы, после того как жители Вормса были покорены и они передали епископу полностью умиротворенный город, радуясь и ликуя, возвратились на родину¹⁰⁴⁸; они тут же отправили в Рим послов, которые должны были по порядку рассказать папе о случившемся и настойчиво умолять, чтобы он ради устранения тяжких бурь гражданских войн в Галлии не отказался лично явиться к ним в установленный день. А король, прекрасно зная, что всё его спасение заключается в освобождении от отлучения до дня его годовщины, и полагая, что не в его интересах ожидать прибытия римского понтифика в Галлию и передавать на рассмотрение столь враждебного судьи и таких упорных обвинителей свое дело, решил, что при его тогдашнем положении будет лучше встретить римского понтифика, направляющегося в Галлию, еще в самой Италии и любым возможным способом попытаться добиться у него снятия с него анафемы; добившись этого, он легко устранил прочие трудности, и религия не будет ему помехой, когда он будет вести переговоры и совещаться с князьями, а в случае неудачи обратится к верности друзей. Итак, за несколько дней до Рождества Господнего он ушел из города Шпейера и вместе с женой и малолетним сыном отправился в путь. Когда он покидал королевство, его не сопровождал ни один свободный муж из всех немцев, кроме одного, но и тот не отличался ни родом, ни богатством. Поскольку у него не хватало средств для столь дальнего пути, он обратился ко многим, кому неоднократно оказывал содействие во времена благополучия государства, но лишь немного нашлось таких, которые или в память прежних благодеяний, или тронутые нынешним зрелищем превратностей человеческой судьбы, несколько облегчили его нужду. В такую беду и несчастье был он внезапно низвергнут с высоты славы и могущества. Точно так же и другие отлученные, горя желанием поскорее добиться освобождения, поспешили в

Италию; однако из страха перед князьями, или, вернее, перед римским понтификом, они не позволили, чтобы король сопровождал их в пути¹⁰⁴⁹.

Холод и суровость зимы в этом году были сильнее обычного и затянулись настолько, что с праздника св. Мартина¹⁰⁵⁰ и почти до начала апреля Рейн был скован ледяным холодом и оставался проходимым для путников, а виноградники во многих местах совсем засохли, потому что корни их вымерзли.

1077 г. Князь Польши¹⁰⁵¹, который уже многие годы платил дань немецким королям и чье государство уже давно было подчинено доблестью немцев и обращено в провинцию, внезапно преисполнившись гордыни, – поскольку знал, что немецкие князья заняты внутренними распрями и не в состоянии вести войну с иноземными племенами, – присвоил себе королевское достоинство и королевский титул, возложил на свою голову корону и в самый день Рождества Господнего был посвящен в короли пятнадцатью епископами¹⁰⁵². Это событие, ставшее вскоре известным, произвело тяжелое впечатление на немецких князей, которые были обеспокоены достоинством государства, и они сердились друг на друга из-за того, что пока они во внутренних распрях свирепствуют и сражаются против самих себя и собственного нутра, сила и мощь варваров настолько возросли, что князь Чехии уже трижды отправлялся огнем и мечом опустошать Тевтонское королевство, а теперь еще князь Польши к стыду Тевтонского королевства вопреки законам и обычаям предков бесстыдно принял королевский титул и королевскую корону.

На пути в Италию король Генрих отпраздновал в пределах Бургундии, в месте, что зовется Безансон, Рождество Господне и был там довольно пышно для своего тогдашнего бедственного положения встречен и принят своим дядей по матери, графом Вильгельмом¹⁰⁵³, чьи владения были самыми обширными и цветущими в тех местах. Причиной, по которой он, оставив прямую дорогу, свернул в Бургундию, было получение им известия о том, что герцоги Рудольф, Вельф и Бертольд расставили по всем путям и проходам, которые ведут в Италию и обычно зовутся клузами, стражу, чтобы у него не было никакой возможности там пройти. Проведя праздник Рождества Господнего, он отправился дальше, и когда прибыл в место под названием Жекс¹⁰⁵⁴, то встретил там свою тещу¹⁰⁵⁵ и ее сына Амадея¹⁰⁵⁶, которые пользовались в тех краях большим влиянием, имели громкое имя и обширные владения. Они с почетом приняли прибывшего, но не хотели пропускать его через свои земли иначе, как только при условии передачи им, в качестве платы за проход, пяти итальянских епископств, граничивших с их владениями. Всем советникам короля это условие показалось слишком тяжелым и неприемлемым. Но, поскольку крайняя необходимость вынуждала его купить у них разрешение пройти на любых возможных условиях, а тех ничуть не волновали ни узы родства, ни сострадание к его столь бедственному положению, ему наконец, после того как на эти переговоры было

потрачено много труда и времени, едва и с большим трудом удалось добиться, чтобы они соизволили принять, в качестве платы за предоставление ему прохода, одну провинцию Бургундии, изобиловавшую всеми благами. Так гнев Господень отвратил от него не только обязанных ему клятвой и его многочисленными благодеяниями, но даже друзей и родственников.

После того как он с трудом добился разрешения на проход, тут же возникло другое затруднение. Зима стояла необычайно суровая, и огромной протяженности горы, через которые шел путь, с вершинами, уходившими почти в самые облака, были так плотно покрыты глыбами снега и льда, что при спуске по их скользким и отвесным склонам ни всадник, ни пешеход ни шага не могли сделать без риска. Но приближавшаяся годовщина со дня отлучения¹⁰⁵⁷ короля не допускала никакого промедления в скором пути, ибо [король] знал общее решение князей о том, что если он не освободится от анафемы до этого дня, то дело его будет навсегда проиграно, а сам он лишится трона без всякой возможности восстановления в правах в будущем. Итак, он нанял за вознаграждение нескольких местных жителей, хорошо знавших местность и привыкших к альпийским кручам, которые должны были провести его через обрывистые горы и глыбы снега и любым возможным способом облегчить путь следовавшим за ним людям. Когда они, с проводниками во главе, с большим трудом взобрались на вершину горы¹⁰⁵⁸, то дальше продвигаться не было никакой возможности, потому что отвесный склон горы, как сказано, скользкий от ледяного холода, казалось, исключал всякую возможность спуска. Мужчины там, пытаясь со всякой опасностью справиться своими силами, то ползли на четвереньках, то опирались на плечи своих проводников, а иной раз даже, поскользнувшись на льду, падали и катились далеко вниз; наконец с большим трудом и огромным риском для своей жизни они достигли равнины. Королева же и прочие женщины, которые были в ее свите, были усажены на воловью шкуру, и шедшие впереди проводники стащили их вниз на себе. Лошадей они отчасти спустили тем же способом, отчасти скатили вниз, связав им ноги; многие из них, пока их стаскивали, погибли, многие были изувечены, и лишь совсем немногие смогли избежать опасности, оставшись целыми и невредимыми.

После того как по Италии распространился слух о том, что прибыл король и что он, одолев самые крутые скалы, уже находится в пределах Италии, все итальянские епископы и графы наперебой устремились к нему. Они принимали его с высшими почестями, как то и подобало королевскому достоинству, и в течение нескольких дней вокруг него собралось огромное войско. Ведь они уже с самого начала его правления с нетерпением ждали его прибытия в Италию, потому что эту страну постоянно тревожили войны, мятежи, разбои и различные междоусобия, и они надеялись, что всё, что вопреки законам и обычаям предков было захвачено нечестивыми людьми, будет восстановлено силой королевской власти. Кроме того, распространился слух, что он спешит сюда, исполненный

гнева, чтобы низложить папу, и они весьма обрадовались тому, что им представится случай надлежащим образом отомстить за свое бесчестье тому, кто уже давно отлучил их от церковного общения.

Между тем папа, получив от немецких князей, которые собрались в Оппенгейме, письменную просьбу явиться на очищение Пресвятой Марии¹⁰⁵⁹ в Аугсбург для обсуждения дела короля, вопреки римской знати, отговаривавшей его от путешествия ввиду неясного исхода этого дела, покинул Рим и, торопясь, как только мог, прилагал все силы к тому, чтобы быть там в указанный день; компанию ему составила Матильда¹⁰⁶⁰, вдова Гоцело, герцога Лотарингии, дочь маркграфа Бонифация и графини Беатрисы. Еще при жизни своего супруга она, отделенная от него огромными расстояниями, вела жизнь вдовы¹⁰⁶¹, поскольку не захотела покинуть родную землю и последовать за мужем в Лотарингию, а он, занятый делами герцогства, которым управлял в Лотарингии, едва ли и один раз в три, а то и четыре года посещал итальянскую марку. После его смерти¹⁰⁶² Матильда пристала к римскому понтифику как его неразлучная спутница и почитала его с удивительной преданностью. Поскольку большая часть Италии подчинялась ее власти и она в большей степени, чем прочие князья этой страны, в избытке обладала всем, чем дорожат смертные, то всегда оказывалась рядом, когда папа нуждался в ее помощи, и оказывала ему усердную службу, как отцу и господину. Из-за этого она не смогла избежать подозрения в нечестивой любви, так что сторонники короля и особенно клирики, которым папа запрещал недопустимые и заключенные вопреки каноническим нормам браки, повсюду кричали, что папа, мол, день и ночь бесстыдно проводит в ее объятиях, а она, охваченная тайной любовью к папе, именно поэтому и отказывается вступить после смерти супруга во второй брак. Но всем здравомыслящим людям было ясно, как день, что всё, о чем они говорили, было ложью. Ибо папа вел столь исключительную и апостольскую жизнь, что величие его образа жизни исключало даже малейшее пятно этой клеветы; в свою очередь, если бы [Матильда] совершила что-либо неприличное, то это невозможно было бы утаить в многолюдном городе и при наличии столь многочисленной свиты. Знамения и чудеса, которые часто случались благодаря молитвам папы, и его самая горячая ревность к Богу и церковным законам также в достаточной мере защищали его от ядовитых языков клеветников. Итак, папа, в то время как он спешил в Галлию¹⁰⁶³, неожиданно услышал, что король уже находится в Италии, и по совету Матильды направился в сильно укрепленный замок под названием Каносса¹⁰⁶⁴, желая выждать там до тех пор, пока не разузнает точнее о цели его прибытия: пришел ли король для того, чтобы просить прощения за свой проступок или чтобы, исполненный гнева, вооруженной рукой отомстить за позор своего отлучения.

Дитрих, епископ Верденский, муж нерушимой по отношению к королю верности, решив спустя малое время последовать за отправившимся в Италию королем, был схвачен графом Адальбероном из замка Кальв¹⁰⁶⁵ и лишен всего, что с

величайшим усердием собрал для столь дальнего пути. Долго находясь под стражей, он дал наконец в качестве выкупа всё, что от него требовали, и, после того как поклялся, что никогда не покарает его за это беззаконие ни духовным, ни светским оружием, получил разрешение свободно уйти. В свою очередь, Роберт, епископ Бамбергский, в то время как он по пути в Италию проходил через Баварию, был схвачен Вельфом, герцогом Баварии; отобрав у него всё бывшее при нем имущество, Вельф со всей безупречностью вернул Бамбергской церкви епископские одежды и прочее церковное убранство, которое нашел среди его богатств; самого [епископа] он под бдительной стражей держал в очень укрепленном замке от Рождества Господнего до праздника св. апостола Варфоломея¹⁰⁶⁶, и ни просьбы, ни подарки его друзей не смогли побудить [Вельфа] отпустить его.

Остальные епископы и миряне, которых папа отлучил от церкви, а король, вынужденный крайней необходимостью, удалил от себя из-за этого обстоятельства, обманув стражей, которые занимали клузы, благополучно прибыли в Италию; застав папу в Каноссе, они с босыми ногами и во власяницах, надетых прямо на голое тело, смиренно умоляли его о прощении за совершенное преступление и о снятии с них отлучения. А тот сказал, что нельзя, мол, отказывать в милосердии тем, кто в действительности осознал и оплакал свое прегрешение, но что долгое непослушание и глубоко въевшуюся греховную порчу следует выжечь и испепелить огнем длительного покаяния. Поэтому, если они действительно раскаиваются в своем поступке, то должны безропотно вытерпеть любое прижигание церковного исправления, какое он применит для исцеления их ран, дабы их тяжкая и неизгладимая вина против апостольского престола не казалась от легкости прощения малой или ничтожной. Когда те заявили, что готовы вынести всё, что он к ним применит, он, отделив всех епископов друг от друга, велел каждому из них запереться в уединенных кельях, не вступать ни с кем в разговоры, а по вечерам довольствоваться лишь малой мерой еды и питья. Мирянам он также определил из соображения возраста и сил соответствующее каждому из них наказание. Так, испытывая их в течение нескольких дней, он наконец призвал их к себе и, мягко упрекая за содеянное и в то же время увещевая не совершать впредь ничего подобного, снял с них отлучение, а перед уходом, повторяя это перед всеми вновь и вновь, приказал ни в коем случае не вступать в общение с королем Генрихом, пока тот не даст апостольскому престолу удовлетворение за совершенное беззаконие, и не оказывать ему никакого содействия в низвержении государственного строя и нарушении церковного мира; однако всем без исключения было разрешено вести с ним беседы для того, чтобы побудить к покаянию и отвлечь от пути дурных дел¹⁰⁶⁷, по которому он, по-видимому, устремился.

Между тем король Генрих, пригласив на переговоры графиню Матильду, послал ее, обремененную просьбами и обещаниями, к папе, а вместе с ней свою тещу и ее сына¹⁰⁶⁸, а также маркграфа Аццо¹⁰⁶⁹, аббата Клунийского¹⁰⁷⁰ и некото-

рых из первых князей Италии, которые, как он прекрасно знал, пользовались у папы большим уважением, умоляя снять с него отлучение и не верить безрассудно немецким князьям, которые воспылали к его обвинению скорее из побуждений зависти, чем из рвения к справедливости. Выслушав их посольство, папа ответил, что крайне несообразно и совершенно чуждо церковным законам разбирать дело обвиняемого в отсутствие обвинителей; более того, если король уверен в своей невиновности, пусть без всякого страха доверчиво явится в указанный день в Аугсбург, где решили собраться остальные князья; там, рассмотрев показания обеих сторон, он, ни из ненависти, ни из расположения не уклоняясь от права к беззаконию, на основании церковных законов, по каждому пункту обвинения вынесет как можно более справедливый приговор.

А те отвечали на это, что король нигде на свете не уклонился бы от его приговора, потому что знает его как неподкупного карателя и защитника справедливости и невиновности; но уже близится годовщина его отлучения от церкви, и князья королевства в настроенном ожидании и тревожной напряженности ждут исхода дела, чтобы в случае, если он не освободится от отлучения до этого дня, объявить его, согласно придворным законам, недостойным королевского сана и впредь не выслушивать его оправданий в невиновности; поэтому король настоятельно просит, готовый принести любое удовлетворение, какое только потребует папа, снять с него анафему и возратить милость церковного общения. Потом он вновь, словно ничего и не было решено этим соглашением, в тот день и в том месте, какие назначит папа, даст полный ответ на все обвинения, которые предъявили ему его обвинители, и по его приговору либо вернет себе трон, если очистится от обвинений, либо безропотно лишится его, если проигрывает дело.

Долго папа противился, опасаясь юношеского непостоянства короля и его склонности следовать за лъстецами, куда бы они его ни вовлекали. Но в конце концов, побежденный настойчивостью просителей и весомостью их доводов, сказал: «Если он действительно раскаивается в своем поступке, то пусть в доказательство истинного и идущего от всего сердца покаяния передаст нашей власти корону и прочие знаки королевской власти и объявит себя недостойным после столь кощунственного проступка королевского имени и сана». Но это показалось послам чересчур жестоким. Поскольку они упорно настаивали на том, чтобы он смягчил приговор и не переломил надломленной трости суровостью приговора¹⁰⁷¹, то папа наконец, хоть и с большим трудом, но согласился с тем, чтобы король явился к нему лично; если он принесет искреннее раскаяние за проступки, то нынешним послушанием декретам апостольского престола искупит вину, которую навлек на себя поношением апостольского престола.

Он пришел, как и было приказано¹⁰⁷², и поскольку замок был обнесен тройной стеной, то его приняли внутри второго кольца стен, тогда как вся его свита осталась снаружи; там, сняв королевское одеяние, без знаков королевского дос-

тоинства, без всякого великолепия, стоял он, не сходя с места, с босыми ногами, не принимая пищи с утра до вечера, в ожидании приговора римского понтифика. Он поступал так и на второй, и на третий день. Наконец на четвертый день¹⁰⁷³ он был допущен к папе, и после долгих речей, сказанных тем и другим, с него было снято отлучение на следующих условиях: в тот день и в том месте, которые назначит папа, он должен будет предстать перед созванными на общее собрание немецкими князьями и дать ответ на обвинения, которые они ему предъявят; а папа, если сочтет это полезным, как судья примет решение, и он должен будет по его приговору или удержать власть, если очистится от обвинений, или безропотно лишиться ее, если обвинения будут доказаны, и он, согласно церковным законам, будет объявлен недостойным королевского сана; удержит ли он или потеряет корону, он никогда и никому не должен будет мстить за это унижение. Но до того дня, когда дело его будет разобрано в законном порядке, он не должен носить никаких украшений королевского убранства, никаких знаков королевского достоинства, ничего не совершать, по своему обычному праву, в плане управления государством и не принимать никаких решений, которые следовало бы потом утвердить. Наконец, кроме сборов с королевских земель, необходимых для содержания его самого и его людей, он не должен посягать ни на королевское, ни на государственное имущество; а все те, кто давал ему клятву верности, должны до поры до времени оставаться перед Богом и людьми свободными от уз этой клятвы и от необходимости соблюдать по отношению к нему должную верность. Роберта, епископа Бамбергского^{1073a}, Удальрика фон Годесхайма и прочих, по совету которых он и себя и государство вверг в беду, он должен навсегда лишиться своего доверия. Если же, в случае опровержения обвинений, он останется могущественным и вновь утвердится на троне, то он должен подчиниться римскому понтифику, всегда быть послушным его слову и помогать ему, по мере своих сил и в полном согласии с ним, в устранении всех дурных, укоренившихся в его государстве обычаев, противных церковным законам. И последнее: если он нарушит какой-либо из этих пунктов, то освобождение от анафемы, которого он теперь так жаждет, должно будет считаться недействительным; более того, считаясь уличенным и признавшимся, он уже никогда больше не должен домогаться аудиенции, чтобы доказывать свою невиновность; и князья королевства, свободные от всяких клятвенных обязательств по отношению к нему, без дальнейшего рассмотрения дела поставят другого короля, на которого падет их совместный выбор.

Король с радостью принял эти условия и под самой священной клятвой обещал их все соблюдать. Однако его обещаниям мало верили. Тогда аббат Ключинский, отказавшийся дать клятву в силу монашеского обета, дал перед глазами всевидящего Бога свое слово в подтверждение этого. В свою очередь, епископы Цейцкий и Верчелльский¹⁰⁷⁴, маркграф Аццо и другие князья, участвовавшие в этом соглашении, клятвой на мощах святых, которые были туда

принесены, подтвердили, что он сделает всё, что обещал, и никакие трудности, никакие перемены в обстоятельствах не отвлекут его от этого решения.

Так, сняв с него отлучение, папа отслужил торжественную мессу и, совершив принесение святых даров, подозвал к алтарю короля вместе с остальной весьма многочисленной толпой и, держа в руке тело Господне¹⁰⁷⁵, сказал: «Уже давно я получил от тебя и твоих сторонников письмо, в котором ты обвинял меня в том, что я будто бы захватил апостольский престол посредством симонии и как до вступления в сан епископа, так и после этого запятнал свою жизнь некоторыми другими преступлениями, которые согласно каноническим нормам закрывали мне всякий доступ к священным должностям. Хотя я мог бы опровергнуть обвинение на основании показаний многих вполне заслуживающих доверия свидетелей, а именно тех, которым прекрасно известен весь образ моей жизни с ранней юности, и тех, которые были инициаторами моего возведения в сан епископа, но, чтобы не казалось, будто я полагаюсь больше на человеческое свидетельство, чем на божественное, я хочу устранить всякий повод к соблазну на прямом пути к покаянию. Вот тело Господне, которое я намерен принять; пусть оно послужит сегодня доказательством моей невиновности, чтобы всемогущий Бог или освободил меня своим приговором от подозрения в предъявленном мне обвинении, если я невиновен, или поразил внезапной смертью, если я виноват». Сделав, как обычно, вступление в этих и других страшных словах, посредством которых умолял Бога быть справедливейшим судьей его дела и защитником его невиновности, он принял и съел часть тела Господнего. Когда он вкусил ее без всякого страха и народ какое-то время кричал во славу Божию, радуясь его невиновности, он наконец добился тишины и, обратившись к королю, сказал: «Если тебе угодно, сын мой, сделай то, что, как ты видел, сделал я. Князя Тевтонского королевства ежедневно беспокоят наш слух своими обвинениями, приписывая тебе такое множество смертных грехов, за которые по их мнению тебя следует отрешить не только от всякого управления государством, но также и от церковного общения и от всякого вида светской жизни до самого последнего вздоха. Они также настойчиво просят назначить день и место и открыть слушание для канонического расследования обвинений, которые они против тебя выдвигают. Ты и сам прекрасно знаешь, что человеческие суждения зачастую ошибочны и лживые высказывания в общественных дебатах иной раз принимаются за истинные, ложь, украшенная цветистыми словами, благодаря таланту красноречивых людей, умению говорить и привлекательности выслушивается охотно, а правда, не подкрепленная риторическими оборотами, презирается. Так вот, поскольку я хочу дать тебе добрый совет, ибо ты в своих несчастьях смиренно просишь о покровительстве апостольского престола, сделай то, что я говорю. Если ты знаешь, что невиновен¹⁰⁷⁶ и что твои соперники клеветнически лживыми обвинениями порочат твою репутацию, освободи церковь Божию от этого соблазна, а себя самого от сомнительного исхода этого долгого спора следующим кратким пу-

тем: возьми эту оставшуюся часть тела Господнего, чтобы посредством свидетельства Божьего доказать свою невиновность и заткнуть рот всем, кто изрыгает хулу против тебя; тогда я лично буду адвокатом твоего дела и самым ревностным защитником твоей невиновности, князя примирятся с тобой, корона будет возвращена тебе, а все бури гражданских войн, которые столько времени потрясают государство, улягутся».

Король, пораженный этим неожиданным предложением, стал колебаться, отговариваться и, отойдя от толпы, советоваться со своими приближенными, в страхе соображая, что ему делать и как избежать необходимости столь ужасного испытания. Наконец, придя в себя, он начал оправдываться перед папой, ссылаясь на отсутствие князей, которые еще сохраняли ему неизменную преданность в беде и без совета которых, а тем более в отсутствие обвинителей, то испытание, которое он перенесет в доказательство своей невиновности перед немногими свидетелями, будет тщетным и не будет иметь никакого значения у не верящих ни во что людей. Поэтому он настойчиво умолял папу отложить дело до общего собрания князей и всеобщего обсуждения, чтобы там перед собравшимися обвинителями и согласно церковным законам, после изучения как самих обвинений, так и личностей обвинителей, он опровергнул эти обвинения на условиях, которые князья королевства сочтут справедливыми¹⁰⁷⁷. Папа без труда удовлетворил эту просьбу и по окончании божественной службы пригласил короля на обед; после того как тот хорошо подкрепился и был тщательно подготовлен ко всему, что ему нужно было выполнить, он с миром отпустил его к своим людям, оставшимся далеко за пределами замка¹⁰⁷⁸. Из благой предосторожности, чтобы король, после восстановленного [церковного] общения, вновь не запятнал себя, он послал перед ним Эппо, епископа Цейцского, снять вместо него самого отлучение с тех, кто, не колеблясь, поддерживал отношения с отлученным [королем], еще до снятия с него анафемы.

Когда этот епископ пришел¹⁰⁷⁹ и изложил итальянцам причину, по которой был прислан, против него поднялся страшный гнев и недовольство. Все начали шуметь и буйствовать, кричать и размахивать руками, перебивать апостольское посольство насмешливыми выкриками, осыпать его попреками и поношениями и самой гнусной бранью, на какую только подстрекала их ярость: они ни во что не ставят отлучение папы, которого самого все итальянские епископы уже давно по справедливым причинам отлучили от церкви; того, кто захватил апостольский престол посредством симонии, замарал убийствами, осквернил развратом и другими тяжкими преступлениями. Король поступил вопреки своему достоинству и запятнал свою славу несмываемым позорным пятном¹⁰⁸⁰, ибо подчинил королевское величие еретiku, человеку, опозоренному всеми пороками. Он, кого они избрали защитником справедливости и хранителем церковных законов, своим постыдным смирением совершенно обесчестил католическую веру, авторитет церкви и достоинство государства. Они наносили папе, какие

только могли, оскорбления, мстя за него, а он теперь, стыдно даже сказать, оставил их посреди волн смятения и, думая только о себе, из соображений частной необходимости примирился с общественным врагом. Приводя подобные упреки и распространяя их повсюду в народе, князя Италии вскоре возбудили к королю жестокую ненависть. Короче говоря, возмущение возросло настолько, что у всех было одно только желание, одна мысль: отца, который добровольно признал себя недостойным королевской власти, свергнуть, а его сына, хоть он и был еще несовершеннолетним и не созрел для управления государством, поставить королем и, придя с ним в Рим, выбрать другого папу, который тут же посвятил бы его в императоры, а все распоряжения папы-отступника отменил¹⁰⁸¹.

Когда до короля дошла весть о столь неприятном заговоре, он спешно отправил всех князей, которые при нем были, с поручением какими угодно средствами и какими возможно усилиями успокоить души разъяренной толпы: они не должны дурно воспринимать и считать за оскорбление то, что он сделал, вынужденный крайней необходимостью и для общего блага; ни немецких князей, которые прилагают все силы к тому, чтобы посредством клеветы лишить его короны, ни римского понтифика, который для разрушения положения святой церкви поражает духовным мечом всё вокруг, он не мог удовлетворить иначе, как только сняв с себя до установленного дня отлучение. Теперь он освободился от всех препятствий, которые расставили на его пути враги, и всю свою заботу и старание направил на мщение за причиненные ему и им несправедливости. Лишь с трудом смогли они наконец умерить, но отнюдь не погасить, пожар вспыхнувшего негодования. Большая часть князей в гневе покинула лагерь и без разрешения вернулась домой. Остальные, скрыв на время недовольство, принимали возвращавшегося короля миролюбиво, но не оказывали ему обычного уважения и не снабжали таким обильным, как раньше, продовольствием, как это подобало королевскому величию; опустив глаза, они, враждебно настроенные, повсюду и на каждом углу шептались о его легкомыслии и сумасбродстве и обвиняли в беспечности, потому что в конце концов он обманул надежды находившейся в опасности несчастной Италии, которая давно и с такой тревогой ждала его, и не оказал ей никакой поддержки. И когда он объезжал Италию, чтобы по королевскому обычаю оказать справедливость угнетенным и гонимым клеветой, то его не принимали в городах, не выходили ему навстречу с факелами и ликующими возгласами, как к прежним королям, но приказывали разбивать лагерь в пригородах и доставляли ему туда продовольствие для содержания войска, но в весьма скромном количестве, едва достаточном для удовлетворения насущной потребности, не говоря уж о подходящих королевской трапезе роскоши и изобилии, лишь бы только их не могли раньше времени уличить в явном отпадении от него. Они также расставили в отдельных местах гарнизоны, чтобы вооруженной рукой обуздывать тех, кто, возможно, захочет поживиться чем-то в полях и деревьях.

Король, испуганный неожиданным оборотом дела, поздно раскаялся в том, что безрассудно доверился неиспытанной до сих пор верности неизвестного ему народа и, удалившись от границ Германии, не избежал, а лишь сменил врага. Угнетенный тягостным беспокойством и страхом он не нашел никакого иного выхода, кроме как снова расположить к себе, если как-то удастся, итальянцев, которых он оскорбил. Единственное, по его мнению, средство для достижения этого состояло в том, чтобы разорвать заключенный с римским понтификом договор и таким образом восстановить согласие тем изначальным обстоятельством, с которого произошел раздор. Удальрику фон Годесхайму и прочим, которых папа удалил из его свиты строжайшим церковным отлучением, он вернул свою прежнюю милость и расположение и вновь с той же исключительной предпочтительностью, с какой и обычно, совещался с ними по частным и по общественным делам. Затем в присутствии князей он весьма рьяно обвинял и унижал римского понтифика, говоря, что он сам своими происками возбудил всё то, что потрясло государство, – вихрь смятения и целую бурю неистовых волнений; что он сам был зачинщиком и подстрекателем всех бед, какие случились в церкви Божьей за последнее время. Он убеждал их всех сообща, под его предводительством и руководством, добиваться отщипления папе за столь великое зло. Потом он пренебрежительно, словно паучьи сети, разорвал¹⁰⁸² все условия и все узы церковных законов, которыми папа связал его силой апостольской власти ради его же спасения, и, отпустив поводья Божьего страха, с необузданной вольностью бросался на всё, что приходило ему на ум. Всё это тут же умерило недовольство итальянцев и погасило их ярость. Их расположение к нему снова ожило, так что они стали стекаться к нему изо дня в день во всё большем количестве, обещивали его войску обильное содержание и охотно обещали впредь поддержку и помощь во всем, что бы он им ни приказал. Из немецких князей при нем тогда были Лиemar, архиепископ Бременский, Эппо, епископ Цейцский, Бенно, епископ Оснабрюкский, Бурхард, епископ Лозаннский, Бурхард, епископ Базельский; миряне Удальрик, Эберхард, Бертольд¹⁰⁸³ и почти все остальные, которым легаты апостольского престола ввиду отлучения запретили в Оппенгейме общение с ним; теперь же, после снятия отлучения, когда они узнали, что он также примирился с церковью, они все разом прибыли к нему и в последующем были неразлучными спутниками его странствий.

Между тем епископы Майнцский, Вюрцбургский, Мецский, герцоги Рудольф, Вельф, Бертольд и очень многие другие немецкие князья собрались¹⁰⁸⁴, чтобы провести переговоры о благе государства, и постановили, что князья Саксонии и все, кому безразлична судьба государства, должны явиться 15 марта в Форххайм¹⁰⁸⁵ и по общему совету решить, что следует делать; особенно когда из-за отсутствия короля царит спокойствие и время благоприятно для размышлений и совещаний. Они написали также римскому понтифику, чтобы он, упрежденный коварством короля и не сумевший, согласно уговору, явиться на

очищение Пресвятой Марии¹⁰⁸⁶, постарался по крайней мере теперь явиться в назначенный день в Форххайм и применить кормило апостольского управления для укрощения гражданских войн, из-за которых государство находится в опасности уже долгое время.

А тот до сих пор находился в Каноссе и других расположенных вокруг сильно укрепленных замках, имея намерение вернуться в Рим не ранее, чем завершит предпринятый путь и, если его предприятие с Божьей помощью будет иметь успех, возвратит мир церкви Божьей. Итак, хотя до него давно уже доходили частые слухи о том, что король, переменив настроение, питает против него враждебные замыслы и, презрев условия, на которых с него было снято отлучение, твердо решил вооруженной рукой сокрушить церковные законы, он, получив письма, всё же отправил одного из кардиналов-епископов римской церкви, Григория¹⁰⁸⁷, и других, которых счел подходящими для этого дела, чтобы сказать ему, что настало, мол, время исполнить обещанное; князья Тевтонского королевства придут 13 марта в Форххайм, чтобы, если будет на то Божья воля, привести в порядок государственные дела; он также должен прийти, как обещал, и, в то время как папа будет председательствовать в качестве следователя и судьи, ответить на обвинения, в которых, по его словам, он невиновен и которые лживо возвели на него его обвинители; он много сделает для своего положения и спасения в глазах Бога и людей, если освободит церковь от соблазна, государство от гражданских войн, а себя самого от пятна позорной молвы, поскольку в этот день после соборного расследования дела, которое было начато против него, он либо возвратит себе трон, либо безвозвратно лишится его. Когда послы передали ему это поручение, он, более или менее скрывая свои истинные намерения, ответил, что после принятия королевской власти впервые вступил в Италию, а потому занят здесь ныне многими важными государственными делами и не может столь спешно, не окончив дела, покинуть эту провинцию; ведь если он это сделает, то жестоко оскорбит итальянцев, которые долгое время с таким нетерпением ожидали его прибытия. Кроме того, установленный для проведения собраний день вот-вот наступит, и никакие быстрые кони не смогут покрыть за столь короткий срок такие огромные расстояния, даже если его не задержат какие-либо посторонние препятствия. С такими словами он отпустил послов.

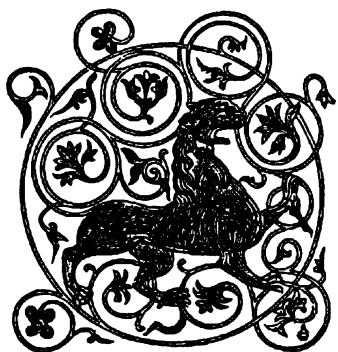
Тогда папа, убедившись в непостоянстве его души и в прочих делах, слухи о которых уже давно дошли до него, тут же отправил к князьям Тевтонского королевства, которые, как было сказано выше, намеревались собраться 13 марта в Форххайме, Бернгарда, аббата из Массилии, мужа замечательного образа жизни и многочисленных добродетелей во Христе, а также другого Бернгарда, кардинала-дьякона святой римской церкви, чтобы они по порядку рассказали им обо всем, что произошло; сам он, согласно уговору, приложил все силы к тому, чтобы в назначенный день явиться в назначенное место для обсуждения общего блага святой церкви, но основательность господина Генриха так окружила его со

всех сторон, а все теснины, через которые можно было бы пройти, так плотно заняты, что он не в состоянии ни безопасно отправиться в Германию, ни безопасно вернуться в Рим. Поэтому он увещевает их пока что любым возможным способом уладить свои дела и привести в порядок королевство франков, которое уже долгое время страдает из-за детского легкомыслия одного человека, пока он не придет лично и, проведя общее собрание, не сможет, согласно церковным законам, принять решение, полезное для интересов и достоинства их всех и для церковного мира.

Мы же, по примеру ленивого поэта, утомившись в конце работы и сдавшись перед огромным объемом материала¹⁰⁸⁸, положим здесь конец чересчур, как кажется, затянувшемуся сочинению, чтобы если кто-то, возможно, захочет после нас приложить руку к описанию оставшейся части этой истории, он мог соответственно начать свой труд с избрания короля Рудольфа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания и комментарии

- ¹ Всё начало хроники вплоть до 819 г. почти дословно взято из Кведлинбургских анналов, которые, в свою очередь, цитируют прежде всего Беду и Исидора.
- ² «Века» (saecula) ошибочно выводится от «sequi» («следовать»).
- ³ Иуда, 14.
- ⁴ Добавлено в *1b*.
- ⁵ Пизон не был императором.
- ⁶ Валентин. Представитель гностицизма.
- ⁷ Т. е. издание (или перевод) Библии.
- ⁸ Валериан.
- ⁹ Спутан с Максенцием, сыном Максимиана.
- ¹⁰ Вернее в 325 г.
- ¹¹ Имеется в виду введение летоисчисления от Рождества Христова (христианской эры) монахом Дионисием Малым.
- ¹² Вернее *Констант II* – виз. имп. в 641–668 гг.
- ¹³ Дата основания – под вопросом. Монастырь основан в VII веке.
- ¹⁴ Т. е. до сих пор автор во многом следовал за Бедой Достопочтенным.
- ¹⁵ Добавлено в *1* и *В3а*.
- ¹⁶ Монастырь был основан значительно позже.
- ¹⁷ Правильнее 709 г. С этого времени Ламберт опирается главным образом на Кведлинбургские и Альтайхские анналы, часто используя также Оттобойренские анналы, причем всё в большей степени. Тем не менее построение фраз всегда самостоятельно; постепенно собственные высказывания Ламберта учащаются, особенно в том, что касается событий в Херсфельде, Гессене и Тюрингии.
- ¹⁸ *Кенред* – король Мерсии в 704–709 гг.
- ¹⁹ 30 ноября 722 г. Добавлено в *1* и *В2*.
- ²⁰ 729 г.
- ²¹ 735 г.
- ²² Вставка Ламберта. Основание Херсфельда было в это время только запланировано, а осуществлено в 768 г.
- ²³ Вернее 737 г.: осада Нарбонны.
- ²⁴ *Массилия* – совр. Марсель.
- ²⁵ Добавлено в *1* и *В2*.
- ²⁶ 746 г.
- ²⁷ 751 г.
- ²⁸ 752 г.
- ²⁹ 754 г.
- ³⁰ Добавлено в *1*, *В2* и *В3а*.
- ³¹ Местоположение неизвестно.
- ³² На р. Димель.
- ³³ *Адриан I* († 25.12.795) – римский папа с 9 февр. 772 г. по 25 дек. 795 г.
- ³⁴ Ок. 730 г. В *A* отсутствует.
- ³⁵ *Штурм* – 1-й аббат Фульды в 744–779 гг.
- ³⁶ В 780 г.
- ³⁷ Майнцский. Его похоронили в Херсфельде.
- ³⁸ *Рихольф* – архиеп. Майнцский в 787–813 гг.
- ³⁹ Правильно: в 791 г.
- ⁴⁰ Имеется в виду Пипин Горбатый (* 769, † 811) – первенец Карла Великого от наложницы Химильтруды.
- ⁴¹ *Фастрада* – 2-я жена Карла Великого.
- ⁴² В *В 1а* добавлено другой рукой.
- ⁴³ *Бальтарт* – аббат Херсфельда с 798 г.
- ⁴⁴ *Лев III* – римский папа с 27 дек. 795 г. по 12 июня 816 г.
- ⁴⁵ *Геристаль* – г. на р. Маас к северу от Льежа.
- ⁴⁶ В оригинале – Амармурмулус. Речь идет о халифе Харун-ар-Рашиде.
- ⁴⁷ *Баугульф* – аббат Фульды в 779–802 гг.; *Ратгар* – аббат Фульды в 802–817 гг.
- ⁴⁸ Добавлено в *В1а*.
- ⁴⁹ *Лиутгер*, еп. Мюнстера, умер в 809 г.
- ⁵⁰ *Хайстульф* – архиеп. Майнца в 813–825 гг.
- ⁵¹ *Людобик I Благочестивый* (814–840) основал епископство в Хильдесхайме ок. 827 г.
- ⁵² В 816 г.

- ⁵³ В 816 г.
- ⁵⁴ *Юдифь* (* 800, † 19.04.843) – дочь Вельфа. 2-я жена императора Людовика I Благочестивого. Мать его младшего сына – Карла II Лысого.
- ⁵⁵ *Эгил* – аббат Фульды в 818–822 гг.
- ⁵⁶ Добавлено в *В1а*.
- ⁵⁷ В 823 г.
- ⁵⁸ *Отгар* († 847) – архиеп. Майнца в 826–847.
- ⁵⁹ Аббат Сен-Дени.
- ⁶⁰ В 830 г.
- ⁶¹ *Бун* – аббат Херсфельда в 820–840 гг. Рабан Мавр (* 780, † 4.02.856) – аббат Фульды в 822–842 и архиеп. Майнца в 847–856.
- ⁶² В Херсфельде.
- ⁶³ Добавлено в *А*. – *Хиришау* – ныне часть г. Кальв, в 33 км к западу от Штутгарта, в Вюртемберге. В 830 или 832 г. здесь был основан монастырь (в 1049 восстановлен).
- ⁶⁴ Добавлено в *В2* под 845 г.
- ⁶⁵ *Людвик Немецкий* (* 804, † 28.08.876) – 3-й сын имп. Людовика I Благочестивого.
- ⁶⁶ «*Ubi*» («где», «при этом») – ошибочная вставка Ламберта. Адальберт, граф Меца, погиб несколько раньше.
- ⁶⁷ Верденский мир о разделе Франкской империи.
- ⁶⁸ *Людвик III Юный* (* 830, † 20.01.882) – король Саксонии, Тюрингии и Франконии в 876–882. Ст. сын Людовика II Немецкого.
- ⁶⁹ Он умер еще в 840 г. *Брунварт II* († 21.01.875) – аббат Херсфельда в 840–875.
- ⁷⁰ Скорее *Хатто I* – аббат Фульды в 842–856.
- ⁷¹ 7 апреля в Херсфельд.
- ⁷² *Ростислав* – князь Вел. Моравии в 846–870.
- ⁷³ *Лотарь I* († 29.09.855) – имп. в 840–855.
- ⁷⁴ *Карл* († 863) – архиеп. Майнца в 856–863, второй сын Пипина I, короля Аквитании.
- ⁷⁵ Добавлено в *В2* и *В3а*.
- ⁷⁶ В 860 г.
- ⁷⁷ *Лотарь II* (* 830, † 8.08.869) – 2-й сын имп. Лотаря I; король Лотарингии.
- ⁷⁸ Скорее аббат Шварцаха в Страсбургском диоцезе.
- ⁷⁹ *Тиодо* – аббат Фульды в 856–869 гг.
- ⁸⁰ *Лиутберт I* († 17.02.889) – архиеп. Майнца в 863–889 гг.
- ⁸¹ Лотарь II, напротив, примирился с папой Адрианом II. Он умер по пути домой.
- ⁸² *Сигехард* – аббат Фульды в 869–891 гг.
- ⁸³ 28 августа 876 г.
- ⁸⁴ См. прим. 68.
- ⁸⁵ *Дрого* – аббат Херсфельда в 875–892 гг.
- ⁸⁶ 20 января 882 г. Карл III Толстый, наследовавший ему, был не дядей, а братом Людовика III.
- ⁸⁷ В декабре 887 г. – *Арнульф* (* 850, † 8.12.899) – незаконнорожд. сын Карломана, брата Карла III Толстого; грц. Каринтии, король Германии в 887–899 гг., имп. с 896 г.
- ⁸⁸ В 889 г.
- ⁸⁹ *Сундерольт* – архиеп. Майнца в 889–891 гг.
- ⁹⁰ *Хатто I* (* 850, † 15.05.913) – архиеп. Майнца в 891–913 гг. Был также аббатом Рейхенау (с 888). Виножник казни Адальберта Бабенберга.
- ⁹¹ *Ари* († 13.07.892) – еп. Вюрцбурга в 855–892 гг.
- ⁹² *Хардерат* – аббат Херсфельда в 892–901 гг.
- ⁹³ *Людвик Дитя* (* 893, † 24.09.911) – сын Арнульфа. Последний король Германии из династии Каролингов в 900–911 гг.
- ⁹⁴ Неверно. В 902–912 гг. светским аббатом являлся Отто Светлейший, герцог Саксонии. Дитхард I († 930) был аббатом Херсфельда в 912–927 гг.
- ⁹⁵ Вероятно в 902 г. *Адальхард* и *Генрих* были братьями Адальберта фон Бабенберга. *Эберхард* – брат Конрада Старшего, отца короля Конрада I.
- ⁹⁶ В 906 г. *Конрад Старший* († 906) – маркгр. Сорбской марки, отец короля Конрада I.
- ⁹⁷ В 906 г. *Адальберт* (* 854, † 9.09.906) – граф Теерский, из рода Бабенбергов. Вел борьбу с Конрадинами (к которым принадлежал Конрад Старший) за власть над Франконией. Потерпел поражение и был казнен.
- ⁹⁸ Лиутпольд был не герцогом, а маркграфом Баварии. Пал он в 907 г.
- ⁹⁹ Из рода Веттинов. Умер в 908 г.
- ¹⁰⁰ 24 сент. 911 г.
- ¹⁰¹ *Конрад I* (* 881, † 19.12.918) – грц. Франконии; король Германии в 911–918 гг. Сын Конрада Старшего и Глисмуты († 924), до-

- чери Арнульфа, короля Германии.
- 102 15 мая 913 г.
- 103 *Херигер* († 1.12.927) – архиеп. Майнца в 913–927 гг.
- 104 *Отто Светлейший* (* 830/840, † 30.11.912) – сын Лиудольфа; герцог Саксонии в 880–912 гг. из рода Людольфингов.
- 105 *Генрих I Птицелов* (* 876, † 2.07.936) – король Германии в 919–936 гг. Сын Отто Светлейшего.
- 106 В 927 г.
- 107 *Хильдеберт* – аббат Фульды в 923–927 гг. В 927 г. стал архиеп. Майнца (927–937).
- 108 Добавлено в *В1*. – *Хадмар* – аббат Фульды в 927–956 гг.
- 109 *Дитхард II Младший* († 13.09.954) – аббат Херсфельда в 927–928 гг. В 928 г. был избран еп. Хильдесхайма. Исполнял эту должность в 928–954 гг.
- 110 *Бурхард II* († 24.03.941) – абб. Херсфельда в 928–932 гг.; еп. Вюрцбурга в 931–941 гг.
- 111 *Тियोдо* († 15.11.931) был еп. Вюрцбурга в 908–931 гг.
- 112 *Мегингоц* – абб. Херсфельда в 932–935 гг.
- 113 В 936 г. по случаю посвящения Оттона I.
- 114 *Оттон I* (* 23.11.912, † 7.05.973) – сын Генриха I Птицелова; король Германии в 936–973 гг.; император с 962 г.
- 115 В Фульде. В 937 г.
- 116 В 938 г.
- 117 *Эберхард* (р. 885 г. † 2.10.939) – брат Конрада I, герцог Франконии с 918 г.
- 118 *Генриха I Баварского* († 955) – 2-го сына Генриха I Птицелова.
- 119 В 939 г.
- 120 *Гизельберт* († 2.10.939) – грц. Лотарингии в 915–939 гг. Ст. сын Регинара I, гр. Геннегау. Супруг Герберги, сестры Оттона I.
- 121 В 937 г.
- 122 *Фридрих* (* ок. 905, † 25.10.954) – архиеп. Майнца в 937–954 гг.
- 123 В 942 г.
- 124 *Эдита* († 26.01.946) была дочерью короля Англии Эдуарда Старшего и первой женой Оттона I.
- 125 *Адельгейда* (* 932, † 17.12.999) – дочь Рудольфа II, кор. Бургундии. Жена (с 947) Лотаря, кор. Италии, а затем (с 951) – Оттона I Великого.
- 126 *Конрад Рыжий* († 10.08.955) – герцог Лотарингии в 944–954 гг. Женится на дочери Оттона I – Лиутгарде в 947 г.
- 127 В Италии, в Тессине.
- 128 *Беренгар II* (* 900, † 4.08.966) – сын маркгр. Иврейского Адальберта; король Италии в 950–966 гг.
- 129 *Лиудольф* (* 930, † 6.09.957) – ст. сын Оттона I; герцог Швабии. Речь идет о его мятеже против отца.
- 130 *Россталь* – замок возле Нюрнберга.
- 131 *Вильгельм* (* 929, † 2.03.968) – архиеп. Майнца в 954–968 гг. Незаконнорожденный сын Оттона I от некоей славянской княжны.
- 132 10 августа 955 г.
- 133 *Руотберт* († 956) – архиеп. Трирский в 930–956 гг.; *Генрих* († 964) – архиеп. Трирский в 956–964 гг.
- 134 *Хатто II* – аббат Фульды в 956–968 гг.; архиеп. Майнца в 968–970 гг.
- 135 *Хагано* – аббат Херсфельда в 935–959 гг.
- 136 *Гунтер* – аббат Херсфельда в 959–963 гг.
- 137 В 959 г.
- 138 В 961 г. Позднее стал архиеп. Магдебурга.
- 139 В 962 г.
- 140 *Иоанну XII* (наст. имя Октавиан, гр. Тускуланский), который был римским папой с 16 дек. 955 г. по 4 дек. 963 г.
- 141 *Оттон II Рыжий* (* 955, † 7.12.983) – сын Оттона I и Адельгейды, король Германии в 973–983 гг., император с 967 г.
- 142 В 963 г. *Эгилольф* – аббат Херсфельда в 963–970 гг.
- 143 В 963 г. собор в Риме низложил папу Иоанна XII, а в 964 г. – другого папу Бенедикта V.
- 144 *Сан-Лео-ди-Монтефельтро* – в Апеннинских горах, к западу от Сан-Марино.
- 145 *Бруно* († 965) – архиеп. Кельнский в 953–965 гг.; 3-й сын короля Генриха I Птицелова, брат Оттона I Великого.
- 146 *Фолькмар* – архиеп. Кельнский в 965–969.
- 147 *Иоанн XIII* – римский папа с 1 окт. 965 г. по 6 сент. 972 г.

- 148 В 970 г.
- 149 *Рупрехт* – архиеп. Майнца в 970–975 гг.
- 150 *Гоцберт* – аббат Херсфельда в 970–985 гг.
- 151 *Феофано* († 15.06.991) – дочь визант. кесаря Стефана Лакапина и августы Анны. С 14 апреля 972 г. – жена имп. Оттона II.
- 152 Добавлено в В1 и В2. – *Ульрих* († 4.07.973) – еп. Аугсбурга в 923–973 гг.
- 153 *Генрих II Сварливый* († 995) – грц. Баварии в 955–976 и 985–995 гг. Сын Генриха I Баварского, внук кор. Генриха I Птицелова.
- 154 *Абрахам* – еп. Фрайзинга в 957–993 гг.
- 155 *Мешко I* – кн. Польши в 960–992 гг. *Болеслав II* – кн. Чехии в 967(972)–999 гг.
- 156 *Поппо II* – еп. Вюрцбурга в 961–983 гг.
- 157 *Гаральд I Синезубый* – кор. Дании в 935–986 гг.
- 158 *Отто* (* 954, † 31.10.982) – сын Лиудольфа (см. прим. 129), грц. Швабии в 973–982 гг. и Баварии в 976–982 гг.
- 159 Т. е. *Генрих II Баварский* и *Генрих Младший*, герцог Каринтии.
- 160 В Саксонию.
- 161 31 марта 978 г.
- 162 *Болеслав II Благочестивый* (см. прим 154).
- 163 *Лотарь III* († 986 г.) – сын Людовика IV Заморского, кор. Франции в 954–986 гг.
- 164 *Геро* († 11.08.979) – граф Альслебена и ряда графств в Тюрингии и Остфалии.
- 165 *Гоцберт* не построил, а восстановил рухнувшую церковь.
- 166 *Гизилер* († 1004) – еп. Мерзебурга в 971–981 гг., архиеп. Магдебурга в 981–1004 гг.
- 167 *Вернее* Пасху (27 марта 981 г.).
- 168 В 981 г.
- 169 *Генрих I* († 14.07.982) – еп. Аугсбурга в 973–982 гг.
- 170 *Вернее* 13 июля. Битва при Котроне.
- 171 Герцог Удо II фон Рейнфранкен.
- 172 Маркграф Мерзебурга.
- 173 Герцог Отто (см. прим. 157) и аббат Вернер (был аббатом Фульды в 968–982 гг.) умерли по дороге в Германию в октябре 982 г., а не пали в самой битве.
- 174 Оттон II умер 7 декабря 983 г.
- 175 В 983 г.
- 176 *Бернхар* – аббат Херсфельда в 985–1005 гг.
- 177 *Вернее*, страну славян. Мешко был союзником немцев.
- 178 Король не принимал участия в этом походе.
- 179 В 975 г.
- 180 *Виллигис* – архиеп. Майнца в 975–1011 гг.
- 181 15 июня 991 г.
- 182 В Нидер-Альтайхе. Вероятно, в 990 г.
- 183 *Гердаг* († 7.12.992) – еп. Хильдесхайма в 990–992 гг.
- 184 *Бернвард* († 20.11.1022) – еп. Хильдесхайма в 993–1022 гг.
- 185 993 г.
- 186 *Гейххард I* († 27.03.1023) – еп. Регенсбурга в 995–1023 гг.
- 187 *Генриха I Лысого* († 975), гр. фон Штаде.
- 188 В 994 г. Майол был аббатом Клуни.
- 189 *Кресценций II* († 998 г.) – римск. патриций.
- 190 Стал папой под именем Григорий V (правил с 3 мая 996 г. по 18 февр. 999 г.).
- 191 В 997 г.
- 192 *Иоанн* – еп. Пьяченцы в 988–997 гг. и аббат Нонантулы. В феврале 997 г. провозглашен антипапой Иоанном XVI. В 998 г. низложен Оттоном III.
- 193 *Адальберт* (Войтех) († 23.04.997) – святой, еп. Пражский в 982–997 гг. Убит язычниками-прусами.
- 194 *Сильвестр II* (Герберт д'Орильяк) († 12.05.1003) – римский папа со 2 апр. 999 г. по 12 мая 1003 г.
- 195 В Гнезно. *Гaudенций* (Радим) († 1006?) был архиеп. Гнезно в 1000–1006(?) гг.
- 196 В Тоди.
- 197 Оттон III умер 23 января 1002 г.
- 198 *Генрих II Святой* (* 6.05.973, † 13.07.1024), грц. Баварии с 995 г. Кор. в 1002–1024 гг. Имп. с 1014 г. Сын Генриха II Сварливого (см. прим. 153) и Гизелы Бургундской.
- 199 *Эххард I* († 1002) – маркграф Мейсена в 981–1002 гг. Сын Гунтера, маркграфа Мерзебурга.
- 200 *Бруно Баварский* († 24.04.1029) – еп. Аугсбурга в 1006–1029 гг. Брат имп. Генриха II.
- 201 *Ноткер* († 8.04.1008) – еп. Льежа в 972–1008 гг.
- 202 *Балдрик II* († 30.07.1018) – еп. Льежа в

- 1008–1018 гг.
- ²⁰² *Ансфрид* († 3.05.1010) – племянник королевы Матильды. Граф в Токсандрии; еп. Утрехта в 995–1010 гг.
- ²⁰³ *Адалъбольд II* († 27.11.1026) – еп. Утрехта в 1010–1026 гг.
- ²⁰⁴ *Эркенбалд* († 102) – аббат Фульды в 997–1011 гг., архиеп. Майнца в 1011–1021 гг.
- ²⁰⁵ *Брантог* († 27.08.1036) был аббатом Фульды (19-м) в 1011–1013 гг. В 1023 г. стал еп. (10-м) Хальберштадта (в 1023–1036 гг.).
- ²⁰⁶ *Эберхард I фон Абенберг* († 13.08.1040) – еп. Бамберга в 1007–1040 гг.
- ²⁰⁷ *Арнольд* († 1032) – аббат Херсфельда в 1012–1031 гг.
- ²⁰⁸ В 1015 г. – Мегингоц был архиеп. Трира в 1008–1015 гг.
- ²⁰⁹ *Поппо фон Бабенберг* († 1047) – архиеп. Трирский в 1016–1047 гг.
- ²¹⁰ В 1020 г. Папу Бенедикта VIII.
- ²¹¹ В 1021 г. *Пильгрим* († 25.06.1036) – архиеп. Кельнский в 1021–1036 гг. Племянник Арибо, архиеп. Майнцского.
- ²¹² *Арибо* (* 990, † 6.04.1031) – архиеп. Майнца в 1021–1031 гг.
- ²¹³ Дано по В. – А сообщает под 1022 г. только: «Годехард стал еп. Хильдесхайма».
- ²¹⁴ Добавлено в В1.
- ^{214a} Годехард был еп. Хильдесхайма в 1022–1038 гг.
- ²¹⁵ Добавлено в В1b.
- ²¹⁶ *Геро* († 22.10.1023) – архиеп. Магдебурга в 1012–1023 гг.
- ²¹⁷ *Хунфрид* († 1051) – архиеп. Магдебурга в 1023–1051 гг.
- ²¹⁸ См. прим. 205.
- ²¹⁹ Брантогу в Фульденском аббатстве наследовал Поппо (с 1013), а тому, в свою очередь, – Рихард (с 1018), кот. умер в 1039 г.
- ²²⁰ 13 июля 1024 г.
- ²²¹ *Конрад II* (* 990, † 4.06.1039) – сын Генриха, графа Шпейерского, правнук Конрада Рыжего и Лиутгарды, дочери Оттона I. Первый император из Франконской (Салической) династии в 1024–1039 гг.
- ²²² 26 марта 1027 г.
- ²²³ *Геххард III фон Гогенлоэ* († 1.12.1060) – сводный брат Конрада II (их матерью была Адельгейда фон Мец). Архиеп. Регенсбурга в 1036–1060 гг.
- ²²⁴ *Генрих III* (* 28.10.1017, † 5.10.1056) – сын Конрада II и Гизелы. Король Герм., Италии и Бургундии, а также имп. в 1039–1056 гг.
- ²²⁵ *Эпто* (Эберхард) († 26.05.1047) – еп. Аугсбурга в 1029–1047 гг.
- ²²⁶ *Вернер I Габсбург* († 28.10.1028) – еп. Страсбурга в 1001–1028 гг.
- ²²⁷ *Вильгельм Каринтийский* († 7.11.1047) – еп. Страсбурга в 1029–1047 гг.
- ²²⁸ *Бардо* († 1051) – абб. Херсфельда в 1031 г.; архиеп. Майнца в 1031–1051 гг.
- ²²⁹ *Рудольф фон Бюрен* († 7.11.1051) – аббат Херсфельда в 1031–1036 гг.; еп. Падерборна в 1036–1051 гг.
- ²³⁰ *Геллинген* – монастырь на р. Виппер.
- ²³¹ Вдова императора Генриха II.
- ²³² *Одо II* († 15.11.1037) – сын Одо I и Берты Бургундской, граф Шампани. Претендент на корону Бургундии.
- ²³³ *Ниенбург* на р. Заале.
- ²³⁴ В 1036 г. См. прим. 229.
- ²³⁵ *Мегинхер* († 26.09.1059) – 23-й аббат Херсфельда в 1036–1059 гг.
- ²³⁶ *Герман II* (* ок. 995, † 11.02.1056) – архиеп. Кельнский в 1036–1056 гг. Мл. сын Эццо, пфальцграфа Лотарингии, и Матильды, дочери императора Оттона II.
- ²³⁷ Добавлено в В1.
- ²³⁸ В 1038 г.
- ²³⁹ *Гоцело I* (* ок. 970, † 19.04.1044) – герцог Н. Лотарингии в 1033–1044 гг. Сын Готфрида Верденского и Матильды Биллунгской.
- ²⁴⁰ *Титмар* († 14.11.1044) – еп. Хильдесхайма в 1038–1044 гг.
- ²⁴¹ 4 июня 1039 г.
- ²⁴² *Зигварт* – 22-й абб. Фульды в 1039–1043 гг.
- ²⁴³ *Регенбольд II фон Диллинген* († 13.10.1039) – еп. Шпейера в 1032–1039 гг.
- ²⁴⁴ *Сибихо* († 16.02.1051) – еп. Шпейера в 1039–1051 гг.
- ²⁴⁵ Из Гессена.
- ²⁴⁶ В 1041 г. Петр I – сын Стефана I Святого, кор. Венгрии в 1038–1041 и 1044–1046 гг.
- ²⁴⁷ 13 августа 1040 г.

- ²⁴⁸ *Свитгер* († 1047 г. 9 окт.) – еп. Бамберга в 1040–1047 гг. В декабре 1046 г. стал римским папой под именем Климента II.
- ²⁴⁹ *Бржетислав I* († 10.01.1055) – князь Чехии в 1037–1055 гг.
- ²⁵⁰ 29 сентября 1041 г. Однако Генрих III отпраздновал этот день еще в Праге и только тогда отправился в Регенсбург.
- ²⁵¹ *Аба* (Самуил) – король Венгрии в 1041–1044 гг. Возведен на престол народным восстанием против короля Петра. Вторжение его в Баварию состоялось в феврале 1042 г.
- ²⁵² Были взяты Хайнбург и Прессбург (Братислава) – оба на р. Дунай, а также немецкий Альтенбург.
- ²⁵³ *Герман I* († 22.07.1042) – еп. Мюнстера в 1032–1042 гг.
- ²⁵⁴ *Руперт фон Гревен* († 16.11.1063.) – еп. Мюнстера в 1042–1063 гг.
- ²⁵⁵ *Хериберт* († 1042 г. 24 июля) – еп. Эйхштетта в 1022–1042 гг.
- ²⁵⁶ *Гецман* († 1042 г. 17 окт.) – еп. Эйхштетта с июля по октябрь 1042 г.
- ²⁵⁷ *Гейхард I фон Хиршберг* († 2.08.1057) – еп. Эйхштетта в 1042–1057 гг. В 1057 г. стал римским папой под именем Виктора II.
- ²⁵⁸ Т. е. Бржетислав I.
- ²⁵⁹ Речь идет об Анне Ярославне, дочери великого князя Киевского Ярослава Мудрого († 1054), которая позже была выдана замуж за Генриха I, короля Франции.
- ²⁶⁰ Только в мае 1043 г. в Падерборне.
- ²⁶¹ *Рохинг* – аббат Фульды в 1043–1047 гг.
- ²⁶² *Гизела* (* 13.11.989, † 15.02.1043) – дочь герцога Германа II Швабского. Вдова императора Конрада II.
- ²⁶³ *Агнеса Пуату* (* 1020, † 14.12.1077) – дочь Вильгельма V, гр. Пуату и грц. Аквитании. С 1043 г. – жена (2-я) Генриха III.
- ²⁶⁴ *Гоцело I* (1023–1044) был герцогом обеих Лотарингий. Его ст. сын Готфрид (1044–1069) получил в 1044 г. Верхнюю Лотарингию, а младший сын Гоцело II – Нижнюю Лотарингию. После смерти Гоцело II (1046) Нижняя Лотарингия была пожалована Фридриху Люксембургскому. Когда Готфрид восстал против этого (1047), он был устранен, а Верхняя Лотарингия передана названному Адальберту. Последний был убит Готфридом в 1048 г.
- ²⁶⁵ *Хацеко* († 17.01.1044) – еп. Вормса в 1025–1044 гг.
- ²⁶⁶ *Адальгер* († 20.07.1044) – еп. Вормса в 1044 г. с 3 февр. до 20 июля.
- ²⁶⁷ *Арнольд* († 1.05.1065) – еп. Вормса в 1044–1065 гг.
- ²⁶⁸ *Ацелин* († 8.03.1054) – еп. Хильдесхайма в 1044–1054 гг.
- ²⁶⁹ Замок возле Галле, на р. Заале.
- ^{269a} Уже в 1044 г.
- ²⁷⁰ *Бруно Каринтийский* († 27.05.1045) – еп. Вюрцбурга в 1034–1045 гг.
- ²⁷¹ *Адальберон фон Ламбах* († 6.10.1090) – еп. Вюрцбурга в 1045–1088 гг. В 1088 г. был низложен Генрихом IV.
- ²⁷² *Катело* – еп. Цейца (Наумбурга) в 1032–1045 гг.
- ²⁷³ *Этто (Эберхард) фон Виттра* († 5.05.1078), еп. Цейца (Наумбурга) в 1045–1078 гг.
- ²⁷⁴ *Алебранд (Бецелин)* († 15.04.1043).
- ²⁷⁵ *Адальберт I фон Гозек* († 16.03.1072) – архиеп. Бремена и Гамбурга в 1043–1072 гг. 3-й сын пфальцграфа Фридриха I фон Гозек и Агнесы Веймарской.
- ²⁷⁶ Агнеса, вдова Вильгельма V, графа Пуату и герцога Аквитании.
- ²⁷⁷ *Андрей I* – король Венгрии в 1046–1060 гг.
- ²⁷⁸ *Экхард II* († 24.01.1046) – сын Экхарда I; маркграф Мейсена (1038–1046).
- ²⁷⁹ *Друтмар* – аббат Корвеи в 1015–1046 гг.
- ²⁸⁰ *Рутард* († 1072) – аббат Корвеи в 1046–1050 гг., аббат Херсфельда в 1059–1072 гг.
- ²⁸¹ В 1047 г.
- ²⁸² 22 декабря 1046 г. он низложил Григория VI и Сильвестра II, а 23 декабря – Бенедикта IX.
- ²⁸³ Под именем Климента II. См. прим. 248.
- ²⁸⁴ *Генрих II* († 6.12.1063) – еп. Аугсбурга в 1047–1063 гг.
- ²⁸⁵ *Дитрих* – граф Голландии, маркграф Фрисландии.
- ²⁸⁶ Близ Лейдена.
- ²⁸⁷ На р. Маас.

- 288 29 ноября 1046 г.
 289 9 октября 1045 г.
 290 Добавлено в *B1a*, *B1b* и *B1c*.
 291 *Понпо* († 9.08.1048) стал римским папой под именем Дамас II (с 17 июля по 9 авг. 1048 г.).
 292 *Гартвиг* († 6.11.1053) – еп. Бамберга в 1047–1053 гг.
 293 29 сент. 1048 г.
 294 *Титмар* († 3.10.1048) – младший брат Бернгарда II, герцога Саксонии. Оставил сына – Титмара.
 295 *Экберт* († 1058). Сначала был монахом в Херсфельде, затем – аббатом в Тегернзее. 30 дек. 1047 г. стал аббатом Фульды.
 296 Еще в начале декабря 1048 г. в Вормсе.
 297 Стал римским папой под именем Лев IX. Занимал кафедру с 12 февр. 1049 г. по 19 апр. 1054 г.
 298 В середине октября 1049 г.
 299 В июле 1049 г. в Ахене.
 300 В апреле–мае 1050 г. *Балдуин V* – граф Фландрии в 1035–1067 гг.
 301 Там он пребывал только перед собором.
 302 В рассказе ошибки. В дек. 1049 г. имп. был в Пёльде, а в дек. 1050 г. – в Госларе. Лев IX вернулся в Италию осенью 1049 г., а Германию во 2-й раз посетил в 1050 г. и в 3-й раз – в 1052 г. Следующий рассказ касается его последнего приезда в Германию.
 303 В 1053 г.
 304 Готфрид отправился в Италию только в 1054 г.
 305 *Фридрих* († 29.03.1058) был римским папой (под именем Стефан IX) с 3 авг. 1057 г. по 29 марта 1058 г.
 306 Еще 2 июля 1050 г.
 307 19 мая 1051 г.¹
 308 *Бардо* († 11/11.06.1059), архиеп. Майнца.
 309 *Лиутпольд I* († 1059) – архиеп. Майнца в 1051–1059 гг.
 310 *Дитрих* († 22.06.1051) – еп. Констанца в 1047–1051 гг.
 311 *Румольд фон Бонитеттен* – еп. Констанца в 1051–1069 гг.
 312 28 февраля 1051 г.
 313 *Энгельхард* († 31.08.1063) – архиеп. Магдебурга в 1051–1063 гг.
 314 Еще в 1050 г.
 315 Вернее в Госларе (дек. 1051 г.).
 316 31 марта 1052 г. Но крещение произошло еще в 1051 г.
 317 *Иммед* († 3.02.1076) – еп. Падерборна в 1051–1076 гг.
 318 Вернее в Вормсе (дек. 1052 г.).
 319 При Чивитате.
 320 Папа был схвачен норманнами, доставлен в Беневент и какое-то время удерживался в плену.
 321 В 1054 г. Вместе с ним были также кардинал-епископ Гумберт из Сильвы Кандиды и архиеп. Амальфийский Петр.
 322 Константин IX Мономах и Михаил Керуларий.
 323 См. Деяния апостолов, 13, 51.
 324 Напротив, произошел раскол. Православие и католицизм окончательно отделились друг от друга.
 325 Бонифаций II был маркграфом Тосканы. Он умер 6 мая 1052 г.
 326 *Беатрис* (* 1023, † 18.04.1076) – дочь Фридриха II фон Бар, грц. Верхней Лотарингии. От своего 1-го мужа Бонифация II имела дочь – маркграфиню Матильду.
 327 В марте 1055 г. *Гебхард* († 28.07.1057) стал римским папой под именем Виктор II. Занимал кафедру с 16.04.1055 по 28.07. 1057.
 328 Т. е. папе. – Позднейшая вставка в текст. В *B1.2* стоит после слов: «отправил им Гебхарда, еп. Эйхштеттского» (см. выше под 1054 г.).
 329 В 1055 г.
 330 *Хецель* († 5.08.1079) – еп. Хильдесхайма в 1054–1079 гг.
 331 *Арнольд I* († 16.03.1056) – еп. Шпейера в 1051–1056 гг.
 332 В 1053 г. См. прим. 292. В оригинале – Хецекен.
 333 *Адальберон Каринтийский* († 14.02.1057) – еп. Бамберга в 1053–1057 гг.
 334 Готфрид в это время находился во Фландрии у своих сторонников.
 335 Неверно. Генрих III стал искать примирения со своим врагом Готфридом лишь не-

- задолго до смерти.
- ³³⁶ До ноября 1055 г.
- ³³⁷ Гунтер († 23.06.1065) – еп. Бамберга в 1057–1065 гг.
- ³³⁸ См. Втор., 32, 41.
- ³³⁹ См. Втор., 32, 22.
- ³⁴⁰ Анно II († 4.12.1075) – архиеп. Кельнский в 1056–1075 гг. В 1062–1065 гг. был фактическим правителем королевства (при малолетнем Генрихе IV).
- ³⁴¹ 4 апреля 1056 г.
- ³⁴² Кариньяно (деп. Арденны).
- ³⁴³ Генрихом I (1031–1060).
- ³⁴⁴ 8 сент. 1056 г.
- ³⁴⁵ Возле Кведлинбурга.
- ³⁴⁶ Вильгельм († 10.09.1056) – маркграф Нордмарка в 1044 – 1056 гг. Сын графа Бернгарда II фон Хальденслебен.
- ³⁴⁷ Дитрих I фон Катленбург († 10.09.1056) – сын графа Удо.
- ³⁴⁸ 10 сент. 1056 г. – В месте впадения Гавеля в Эльбу (близ крепости Преслав).
- ³⁴⁹ 5 окт. 1056 г.
- ³⁵⁰ Готебольд.
- ³⁵¹ Гебхард III. См. прим. 223.
- ³⁵² 28 окт. 1056 г.
- ³⁵³ Генриху IV было тогда уже почти 6 лет.
- ³⁵⁴ Агнесе. См. прим. 263.
- ³⁵⁵ В 1055 г.
- ³⁵⁶ Конрад I († 5.10.1060) – еп. Шпейера в 1056–1060 гг.
- ³⁵⁷ Конрад умер 10 апреля 1055 г. в возрасте 3-х лет.
- ³⁵⁸ Деди фон Гозек († 5.05.1056) – пфальцграф Саксонии. Сын пфальцграфа Фридриха I. Брат Адальберта I, архиеп. Бременского (см. прим. 275).
- ³⁵⁹ Удо I (Лотарь-Удо I) († 7.11.1057) – граф фон Штаде; маркграф Нордмарка в 1056–1057 гг. Сын Зигфрида II фон Штаде и Аделы фон Альслебен, дочери графа Геро (см. прим. 163).
- ³⁶⁰ Гунцо (Гундекар II) († 2.08.1075) – еп. Эйхштетта в 1057–1075 гг.
- ³⁶¹ Стефан IX находился в то время в Риме, а в Монте-Кассино, чьим аббатом был прежде, он пребывал затем до 10 февраля 1058 г.
- ³⁶² См. Лука, 8, 16.
- ³⁶³ Удо II (Лотарь-Удо II) († 4.03.1082) – сын Лотаря-Удо I и Адельгейды фон Рейнфельден. Граф фон Штаде. Маркграф Нордмарка в 1057–1082 гг.
- ³⁶⁴ Отто († 26.06.1057) – граф фон Хальденслебен. Сын графа Бернгарда II от его 2-го брака с дочерью великого князя Киевского Владимира Святославича († 1015).
- ³⁶⁵ Маркграф Нордмарка. См. прим. 346.
- ³⁶⁶ 29 июня 1057 г.
- ³⁶⁷ Бабушкой обоих графов и короля Генриха IV была Гизела (см. прим. 262), бывшая замужем три раза. От своего 2-го мужа – Бруно фон Брауншвейга она родила сына Лиудольфа († 1038), который, в свою очередь, был отцом упомянутых графов – Экберта († 2.01.1068) и Бруно († 26.06.1057). Сыном Гизелы от 3-го брака (с императором Конрадом II) был император Генрих III, отец Генриха IV.
- ³⁶⁸ Вблизи от Кведлинбурга.
- ³⁶⁹ Ср. подобное описание у Ливия, II, 6, 9.
- ³⁷⁰ Куно (Конрад III) († 1061 г.) – грц. Каринтии в 1056–1061 гг. Сын Хецелина, графа в Цюльпихгау, брата пфальцграфа Эццо.
- ³⁷² Генрих († 1061?) – пфальцграф Лотарингии в 1045–1061 гг. Сын Хецелина, графа в Цюльпихгау.
- ³⁷² См. 2 Кор., 11, 14.
- ³⁷³ В 1059 г. Матильду, дочь Гоцело II Лотарингского.
- ³⁷⁴ В Госларе.
- ³⁷⁵ Позднее – папа Григорий VII.
- ³⁷⁶ В оригинале: «Его п.». Имя «Ламперт» добавлено в *Vla* и *Vlb*.
- ³⁷⁷ См. Пс., 83, 7.
- ³⁷⁸ Еп. Веллетри Иоанн. Став папой, он принял имя Бенедикт X.
- ³⁷⁹ Отто III Белый (* 995, † 28.09.1057) – маркграф Швейнфурта и Нордгау; грц. Швабии в 1048–1057 гг. Ст. сын Генриха фон Швейнфурта и Герберги фон Геннеберг.
- ³⁸⁰ Рудольф (* ок. 1025, † 15.10.1080) – сын гр. Куно Рейнфельденского. Грц. Швабии в 1059–1080 гг. Позднее – антикороль.

- 381 Матильду.
 382 Румольду. Свадьба состоялась в 1059 г.
 383 В 1061 г.
 384 Майнцским.
 385 16 сент. 1058 г.
 386 См. Рим., 10, 2.
 387 Зигфрид фон Эппенштейн. См. прим. 401.
 388 Местоположение не установлено.
 389 См. Иоанн, 10, 1.
 390 *Герхард (Николай II)* († 27.07.1061) был римским папой с 24.01.1059 по 27.07.1061.
 391 Готфрид был маркграфом Лотарингии.
 392 Письма не сохранились.
 393 См. 2 Тим., 4, 7.
 394 *Фридрих II фон Гозек* († 27.05.1088) – мл. сын Фридриха I; пфальцграф Саксонии в 1056–1088 гг. Наследовал в этой должности своему брату Деди (см. прим. 358).
 395 Энгельгард.
 396 Хецело.
 397 Эту весьма сомнительную историю сообщает только Ламберт.
 398 См. выше, прим. 280.
 399 *Бурхард II (Букко) фон Вельтхайм* († 7.04.1088) – еп. Хальберштадта в 1059–1088 гг. Племянник Анно II, архиеп. Кельнского, и Вернера, архиеп. Магдебургского.
 400 По-немецки «Schanze».
 401 *Зигфрид I фон Эппенштейн* († 16.02.1084) – аббат Фульды в 1058–1060 гг., архиеп. Майнца в 1060–1084 гг.
 402 *Видерад фон Эппенштейн* – аббат Фульды в 1060–1075 гг.
 403 Во Фрайзинге.
 404 *Рихберт* († 28.11.1084) – еп. Вердена в 1060–1084 гг.
 405 *Отто фон Риденбург* († 6.07.1089) – еп. Регенсбурга в 1061–1089 гг.
 406 *Эйнхард II фон Катцнельнбоген* († 23.02.1067) – еп. Шпейера в 1060–1067 гг.
 407 *Бела I* – король Венгрии в 1061–1063 гг. – был братом Андрея I.
 408 Женой Андрея I была Анастасия Ярославна, дочь великого князя Киевского Ярослава Мудрого.
 409 *Соломон* († 1087) – сын Андрея I. Король Венгрии в 1063–1074 гг.
 410 То есть Генрих III.
 411 *Юдифь* († 1096). Обручение состоялось в 1058 г., то есть уже после смерти Генриха III при Генрихе IV.
 412 *Вильгельм IV* († 1062) – ст. сын Вильгельма III. Граф Веймара в 1039–1062 гг., маркграф Мейсена в 1046–1062 гг., пфальцграф Саксонии в 1042–1044 гг.
 413 *Спитигневом II* († 1061).
 414 Еще в 1060 г.
 415 Более известен, как Гейза I (король Венгрии в 1074–1077 гг.).
 416 *Софью* († 18.06.1095).
 417 *Отто II фон Нортхайм* (* ок. 1020, † 11.01.1083) – грнц. Баварии в 1061–1070 гг. Сын графа Бенно фон Нортхайма. В последующем – злейший враг имп. Генриха IV.
 418 В 1060 г. См. прим. 371 и 373.
 419 *Ульрих I* († 6.03.1070) – маркграф Крайны (1050–1070) и Истрии (1060–1070), граф Веймара (1067–1070). Сын графа Поппо I Веймарского, племянник Вильгельма IV. Мейсенскую.
 420 *Отто I* († 1067) – мл. сын Вильгельма III. Граф Орламюнде в 1034–1067 гг., маркгр. Мейсена и гр. Веймара (1062–1067).
 422 Анно II.
 423 *Экберт I* († 2.01.1068) – граф Брауншвейга в 1038–1068 гг., маркграф Мейсена в 1067–1068 гг. См. также прим. 367.
 424 Кайзерсверт.
 425 См. Исайя, 40, 7.
 426 Во Фрайзинге.
 427 После смерти Николая II (еще в 1061) партия Гильдебранда избрала 1 октября папой Александра II (Ансельма из Лукки). Ломбардские же епископы провозгласили 28 октября папой Гонория II (Петра Кадала из Пармы). В январе 1063 г. Бурхард II Хальберштадтский по поручению королевского двора расследовал обстоятельства избрания и высказался за Александра II.
 428 Всё это Бурхард II получил в Риме от Александра II.
 429 Зигфрид I.
 430 См. Есфирь, 7, 10.

- 431 8 июня 1063 г.
 432 Еще 7 июня.
 433 См. выше, на Рождество 1062 г.
 434 В церкви св. Симона и Иуды.
 435 См. выше, прим. 367.
 436 Видерада.
 437 В качестве штрафов и взятки.
 438 Богатства монастыря были исчерпаны еще до 1063 г.
 439 См. Иов, 20, 24.
 440 См. Гораций, Сатиры, II, 3, 275.
 441 См. Исайя, 42, 3.
 442 См. Пс., 34, 6.
 443 См. Овидий, Метаморфозы, X, 62.
 444 См. прим. 407.
 445 Это предложение сделал еще сам Бела I. Он умер, когда немецкое войско вторглось в Венгрию. Гейза бежал, но потом заключил с Соломоном мир.
 446 Юдифь. См. прим. 411.
 447 В 1043–1072 гг.
 448 Подобное положение сохранялось вплоть до 1065 г.
 449 Граф в Гессене.
 450 Так, в октябре 1063 г. Вернер (Вецель), брат Анно II, получил архиепископство Магдебург.
 451 6 сент. 1065 г. – События 1063–1065 гг. изложены Ламбертом не по порядку.
 452 А также Вилих (напротив Бонна) в августе 1065 г.
 453 14 июня 1063 г.
 454 В 1065 г. ему были переданы и другие аббатства.
 455 Мегингауд.
 456 Сарахо.
 457 Он был фогтом монастыря.
 458 Ульрих. – Событие относится к 1065 г.
 459 В Оденвальде, у Эппенхайма.
 460 От обеих партий.
 461 Анно II; не в Рим, а в Мантую для участия в соборе, 31 мая 1064 г.
 462 Т. е. Александра II.
 463 В 1063 г., еще до собора.
 464 Он умер на рубеже 1071–1072 гг.
 465 3 сентября 1063 г.
 466 *Эмбрико* – еп. Аугсбурга в 1063–1077 гг.
 467 Рутарда.
 468 *Кирхберг* – городок близ Йены.
 469 *Вильгельм I* († 27.04.1076) – еп. Утрехта в 1054–1076 гг.
 470 29 марта 1065 г.
 471 В 1062 г.
 472 *Хецело* († 15.01.1065) – еп. Страсбурга в 1048–1065 гг.
 473 *Вернер II фон Ахальм* († 14.11.1079) – еп. Страсбурга в 1065–1079 гг.
 474 К северо-западу от Иерусалима.
 475 25 марта 1065 г.
 476 Бытие, 14, 23.
 477 *Кефр Саба*, близ Рамлы.
 478 Только Отто Регенсбургский.
 479 Т. е. нашим.
 480 27 марта 1065 г.
 481 Матфей, 5, 26.
 482 Матфей, 12, 26.
 483 Т. е. Египетское царство со столицей в Каире.
 484 Имевших поместья между Энсом, Ипсом и Трауном.
 485 *Герман I* († 26.06.1084) – еп. Бамберга в 1065–1075 гг.
 486 *Альтман* († 8.08.1091) – еп. Пассау в 1065–1091 гг.; святой.
 487 *Адальберт I (Адальберон) фон Рейнфельден* († 8.08.1070) – еп. Вормса в 1065–1070 гг.
 488 См. Гораций, Оды, II, 17, 14 и Сульпиций Север, Жизнь Мартина, гл. 26.
 489 В Майнце.
 490 Согласно грамотам он находился: в августе – в Госларе, в сентябре – в Магдебурге, в октябре – в Госларе, в ноябре и декабре – в Корвее. Так что это сообщение Ламберта не соответствует действительности.
 491 К юго-востоку от Майнца.
 492 Вероятно, в Корвее.
 493 В середине января 1066 г.
 494 Прежде всего к Анно Кельнскому.
 495 16 апреля 1066 г.
 496 15 апреля 1066 г.
 497 *Конрад I фон Пфуллинген* († 1.06.1066) – архиеп. Трирский в 1066 г. Племянник Анно II.
 498 В Битбурге.

- 499 1 июня 1066 г.
- 500 *Удо фон Нелленбург* († 1078) – архиеп. Трирский в 1066–1078 гг. Сын графа Эберхарда фон Нелленбурга.
- 501 В битве при Стамфордбридже 25 сентября 1066 г. английский король Гарольд разбил соединенное войско Харальда III, короля Норвегии, и Тости, герцога Нортумбрии, своего брата.
- 502 В мае 1066 г.
- 503 4 июня 1066 г.
- 504 *Бертой Савойской* (* 1051, † 27.12.1087) – кот. была дочерью Отто, гр. Савойского.
- 505 *Бенно фон Вольфенбург* († 16.06.1106) – еп. Мейсена в 1066–1106 гг.; святой.
- 506 *Генрих I фон Шарфенберг* († 18.01.1073) – еп. Шпейера в 1067–1072 гг.
- 507 *Бенно I* († 3.12.1067) – еп. Оснабрюкка в 1052–1067 гг.
- 508 *Бенно II* († 27.07.1088) – еп. Оснабрюкка в 1068–1088 гг.
- 509 11 ноября 1067 г.
- 510 Мейсенскую.
- 511 *Экберта II* (* 1062, † 10.07.1090) – который был маркграфом Мейсена в 1067–1090 гг.
- 512 *Иммула, или Ирмгарда Туринская* († 29.04.1078) – старшая дочь Манфреда II Ульриха, маркгр. Туринского, и Берты из Сузы, тетка королевы Берты.
- 513 *Аделой. – Адела* (Адельгейда) († 19.10.1091) была 2-й дочерью Манфреда II Ульриха и женой (с 1046) Отто († 1.03.1060), маркграфа Савойи в 1056–1060 гг.
- 514 *Равенгер* (Рабинг) – патриарх Аквилеи в 1063–1068 гг.
- 515 *Сигихард фон Байльштейн* – патриарх Аквилеи в 1068–1077 гг.
- 516 В Эрфурте.¹
- 517 Добавлено в 1.2.
- 518 В Майнце.
- 519 В начале июня 1069 г.
- 520 *Деди II* († 1075) – сын Дитриха I Веттина; граф Айленбурга; маркграф Остмарка в 1034–1075 гг.
- 521 Аделе. См. выше, прим. 513.
- 522 В июле 1069 г.
- 523 То есть Деди.
- 524 *Байхлинген* – город к северу от Кёлледы (Тюрингия).
- 525 Ныне – Бургшайдунген на р. Унштрут к югу от Кверфурта.
- 526 *Деди III*, маркграф Н. Лаузица, был убит в 1069 г.
- 527 Аделы. См. выше, прим. 513.
- 528 4–10 октября 1069 г.
- 529 Кардинал – еп. Остии.
- 530 1 Макк., 9, 10.
- 531 Отец ее к этому времени уже умер.
- 532 *Мегинвард* – абб. Рейхенау в 1069–1070 гг.
- 533 *Карломан* – еп. Констанца (непризнанный папой) в 1069–1071 гг.
- 534 Удо.
- 535 *Бибо* – еп. Туля в 1069–1107 гг.
- 536 Герман. См. прим. 485.
- 537 В дек. 1069 г.
- 538 Больше известен, как Готфрид IV Горбатый († 26.02.1076) – герцог Нижней Лотарингии в 1069–1076 гг.
- 539 6 марта 1070 г. См. прим. 419.
- 540 4 апреля 1070 г.
- 541 Хецело. См. прим. 330.
- 542 13 мая 1070 г.
- 543 23 мая 1070 г.
- 544 См. Саллюстий, Югурта, 55.
- 545 В июне 1070 г.
- 546 7 августа 1070 г.
- 547 *Ханштейн* – замок возле г. Борнхаген в округе Эйхсфельд.
- 548 *Дезенбург* – замок возле г. Варбург в округе Хёкстер.
- 549 Женой Отто была Рихенца, вдова Германа, графа Верла. Ее владения находились в Вестфалии.
- 550 *Эшвеге* – город к западу от г. Мюльхаузен, на северо-востоке Гессена.
- 551 Граф Бильштейна на р. Верре.
- 552 1 Парал., 25, 3.
- 553 *Магнус Биллунг* – сын Ордульфа (Отто), герцог Саксонии в 1072–1106 гг.
- 554 *Адельберт II* – еп. Вормса в 1070–1107 гг.
- 555 Мейсенских. См. прим. 412 и 421.
- 556 *Вельф IV (I)* († 9.11.1101) – сын Аццо II д'Эсте и Кунигунды, дочери Вельфа II; грц. Баварии в 1070–1101 гг.

- 557 Этелинде.
 558 Ср. Даниил, 8, 25 и Осия, 12, 3–4.
 559 При введении в должность герцога Вельфа IV.
 560 К западу от Касселя.
 561 Графа Нелленбурга.
 562 Статий, Фиваида, IV, 12.
 563 Незвестного происхождения.
 564 *Сариho фон Россдорф* – аббат Корвеи в 1056–1071 гг.
 565 *Вернер (Варин) II* – аббат Корвеи в 1071–1079 гг.
 566 *Хаммерштейн* – замок на Рейне, возле г. Нейвид. Он был разрушен императором Генрихом II в 1020 г.
 567 24 апреля 1071 г.
 568 Т. е. до 12 июня 1071 г.
 569 *Рихильда* († 15.03.1086) – дочь Ренье, графа Геннегау.
 570 *Балдуина VI*, гр. Фландрии в 1067–1070 гг. и Геннегау (I) в 1052 – 1070 гг.
 571 *Роберта I Фрисландского* († 3.10.1093) – графа Фландрии в 1070–1093 гг.
 572 Между братьями не было никакой борьбы. Роберт I захватил графство (Фландрию) уже после смерти Балдуина VI.
 573 У Балдуина V, гр. Фландрии в 1035–1067 гг.
 574 *Галисия* – область в северо-западной части Испании.
 575 Роберт I не был на Востоке. Вполне возможно, что Ламберт ошибочно переносит на него путешествие короля Норвегии Харальда III Гардрада, совершенное им около 1045 г.
 576 *Дитрих IV* – гр. Голландии в 1039–1049 гг.
 577 *Флоренц I* – гр. Голландии в 1049–1061 гг.
 578 В 1063 г. Роберт I женился при этом на Гертруде, вдове Флоренца I.
 579 Неверно. Роберт I вторгся во Фландрию только после смерти Балдуина VI, о чем уже говорилось выше. См. прим. 572.
 580 У Балдуина VI было два сына – Арнульф III и Балдуин II. Здесь речь идет именно об Арнульфе III.
 581 *Филиппу I* – кор. Франции в 1060–1108 гг.
 582 Балдуин V был опекуном в первые годы правления Филиппа I.
 583 В этой битве (при Касселе, 22.02.1071) пал Арнульф III.
 584 *Балдуин II* – граф Геннегау в 1070–1098 гг.
 585 Т. е. Льежскому епископству.
 586 *Монс* (Берген) – столица Геннегау.
 587 От Германа, графа Монса († 1051).
 588 *Дитвин I* – еп. Льежа в 1048–1075 гг.
 589 Король вообще ничего не получил.
 590 Добавлено в 1с.
 591 *Стабло* – монастырь на р. Амблев, к юго-востоку от Льежа.
 592 *Мальмеди* – монастырь в 7 км к северо-востоку от Стабло. В средние века оба монастыря управлялись одним аббатом.
 593 8 мая 1071 г.
 594 Т. е. св. Ремаклом.
 595 Дитриха, который был аббатом Стабло-Мальмеди в 1048–1080 гг.
 596 12 июня 1071 г.
 597 Аббат св. Михаила в Бамберге.
 598 То есть 30 фунтов золота.
 599 Гал., 2, 11.
 600 2 Кор., 11, 14.
 601 Иаков, 3, 14.
 602 Вероятно, Хециль.
 603 Иоанн, 10, 1; 12.
 604 См. Гораций, Сатиры, II, 3, 275.
 605 Монастырь Горце был известен своей суровой дисциплиной.
 606 См. Ливий, VIII, 9 и V, 9, 2.
 607 Иов, 13, 25.
 608 Деревня в Гессене.
 609 На Боденском озере.
 610 В Эйхсфельде.
 611 Анастасия, супруга короля Андрея I.
 612 Иордана, гл. 35.
 613 15 августа 1071 г.
 614 Генриха. Он умер 2 августа 1071 г.
 615 *Отто I фон Лирхайм* – еп. Констанца в 1071–1086 гг.
 616 *Болеслав II Смелый*, сыном Казимира I, князем Польши в 1058–1083 гг.
 617 *Вратиславом II* – кн. Чехии в 1061–1092 гг.
 618 В сентябре 1071 г.
 619 Монастыря в Кельне.
 620 Т. е. бенедиктинцев.
 621 Лука, 16, 16.

- 622 Иов, 12, 21.
 623 См. Теренций, Формион, I, 2, 18.
 624 Гал., 5, 11.
 625 Матфей, 13, 36.
 626 Гал., 5, 9 и 1 Кор., 5, 6.
 627 Псал., 13, 3.
 628 Зигфрид.
 629 Т. е. с 29 сент. 1071 г. по 27 мая 1072 г.
 630 Через Лорш и Регенсбург.
 631 Он был там только с конца февраля по март.
 632 Бурхард – еп. Базельский в 1072–1107 гг.
 633 В 1066 г. См. выше.
 634 Расположение короля Адальберт возвратил себе в 1071 г.
 635 1 апреля 1072 г.
 636 8 апреля 1072 г.
 637 Анно II.
 638 Гораций, Оды, IV, 15, 10.
 639 1 Петр, 1, 17.
 640 Левит, 19, 15.
 641 Святой с таким именем неизвестен.
 642 Лука, 2, 25–32.
 643 17 мая 1072 г.
 644 27 мая 1072 г.
 645 Лиемар II – архиеп. Бремена в 1071–1101 гг.
 646 25 июля 1072 г.
 647 С 1063 г., но с перерывами.
 648 Матильде.
 649 В 1060 г.
 650 Иоанн, 10, 12.
 651 К западу от Касселя.
 652 Зигфрид.
 653 8 или 9 сентября 1072 г.
 654 30 ноября 1072 г.
 655 Герман – еп. Меца в 1073–1090 гг.
 656 Маркварду IV фон Эппенштейну († 1076), старшему сыну герцога Адальберона и Беатрисы Швабской, который был маркграфом Истрии и Краины с 1070 г. и герцогом Каринтии в 1073–1076 гг.
 657 Ламберт мог тогда называть только семь крепостей. Вообще же строительство крепостей было начато еще при Анно, о чем Ламберт умалчивает, чтобы всю вину за это возложить на Генриха IV.
 658 Зигфрида.
 659 Об этом соглашении ничего более неизвестно.
 660 Видерада.
 661 Гартвига.
 662 См. выше, прим. 309.
 663 Евр., 5, 12.
 664 1 Кор, 2, 13.
 665 1 Кор., 3, 2.
 666 Для Фульды существовала одна привилегия, а для Херсфельда – несколько привилегий на отдельные земли.
 667 См. Теренций, Евнух, V, 8, 55.
 668 Помимо нескольких грамот Ламберт является здесь единственным источником, но сообщения его тем не менее не совсем ясны; он также недопустимым образом смешивает вопрос о десятине с другими событиями. Речь идет о споре между Майнцем и обоими крупными монастырями о доле в этой десятине и далее, вероятно, о требовании архиепископа к своим диоцезам давать действительную десятину, а не только обычно-правовые фиксируемые платежи. – Мнения по этому поводу расходятся.
 669 24 марта 1073 г.
 670 В Эйхштетте.
 671 В том числе Бертольд I Церингену.
 672 31 марта 1073 г.
 673 21 апреля 1073 г.
 674 Который стал папой под именем Григория VII и занимал престол святого Петра с 22 апреля 1073 г. по 25 мая 1085 г.
 675 Не Эберхарда фон Нелленбурга, а Григория, еп. Верчелли.
 676 Совершенно неверно. Генрих IV признал папу без всяких оговорок.
 677 Не 2 февраля 1074 г., как неверно сообщает Ламберт, а уже 30 июня 1073 г.
 678 Свеном Эстридсеном, который был королем Дании в 1047–1076 гг. Переговоры, однако, состоялись уже в 1071 г. в Бардовике, возле Люнебурга.
 679 Маркгр. Нордмарка. См. выше, прим. 363.
 680 Вероятно, уже после восстания саксов.
 681 Т. е. имперских министериалов.
 682 22 августа 1073 г.

- ⁶⁸³ *Герман Биллунг* († 25.05.1086) – брат Ордульфа (* 1022, † 28.03.1072), герцога Саксонии в 1059–1072 гг.
- ⁶⁸⁴ *Вецель (Вернер)* († 7.08.1078.) – архиеп. Магдебурга в 1063–1078 гг. Брат Анно II, архиеп. Кельнского.
- ⁶⁸⁵ *Вернер фон Волькенбург* († 12.01.1093) – еп. Мерзебурга в 1063–1093 гг.
- ⁶⁸⁶ *Эйльберт* († 3.12.1080) – еп. Миндена в 1055–1080 гг.
- ⁶⁸⁷ *Фридрих I фон Веттин* († 18.04.1084) – еп. Мюнстера в 1064–1084 гг. Он, вероятно, не был в их числе.
- ⁶⁸⁸ См. выше, прим. 363.
- ⁶⁸⁹ См. выше, прим. 520.
- ⁶⁹⁰ См. выше, прим. 513.
- ⁶⁹¹ См. выше, прим. 511.
- ⁶⁹² См. выше, прим. 394.
- ⁶⁹³ *Дитрих II фон Катленбург* († 21.01.1085).
- ⁶⁹⁴ Адалберт фон Балленштедт.
- ⁶⁹⁵ Еще 29 июня.
- ⁶⁹⁶ Это лживое утверждение Ламберт приводит не раз и не два.
- ⁶⁹⁷ Выше Ламберт сам сообщает о рождении у короля ребенка. Эти и последующие требования едва ли были предъявлены королю.
- ⁶⁹⁸ 1 Кор., 14, 12.
- ⁶⁹⁹ На собрании в Хётенслебене, в округе Нейхальденслебена.
- ⁷⁰⁰ Среди них маркграф Деди.
- ⁷⁰¹ Бертольд уже в марте 1073 г. был вновь принят в королевскую милость.
- ⁷⁰² В августе 1073 г. Однако он был отправлен с Фридрихом, еп. Мюнстера, и королевским капелланом.
- ⁷⁰³ Амос, 1, 3.
- ⁷⁰⁴ 1 Макк., 7, 10.
- ⁷⁰⁵ Гарцбург.
- ⁷⁰⁶ 9 августа 1073 г.
- ⁷⁰⁷ *Эшвеге* – город на северо-востоке Гессена, в 52 км к юго-востоку от Касселя.
- ⁷⁰⁸ 22 августа.
- ⁷⁰⁹ Ныне Гребенау, в 26 км к северо-западу от Фульды.
- ⁷¹⁰ 6 октября.
- ⁷¹¹ *Фрауэнбraitунген* на р. Верре, между Тюрингским лесом и Реном.
- ⁷¹² *Третенбург* – селение на р. Унштрут, к северу от Эрфурта, а именно, между Шверштедтом и Гебезее. – В августе 1073 г.
- ⁷¹³ Местоположение неизвестно.
- ⁷¹⁴ Неподалеку от Бад Саксы и Валькенрида.
- ⁷¹⁵ В том же районе.
- ⁷¹⁶ К югу от Зондерсхаузена.
- ⁷¹⁷ К северо-западу от Бланкенбурга в Гарце.
- ⁷¹⁸ В юго-западной части Гарца, возле Гроссбодунгена.
- ⁷¹⁹ Вероятно, Фолькенрода, к северо-востоку от Мюльхаузена, или Фокенроде, к западу от Эшвеге.
- ⁷²⁰ Фридриху II фон Гозеку. См. выше, прим. 394.
- ⁷²¹ В 1072 г. после смерти герцога Ордульфа.
- ⁷²² Исая, 30, 20.
- ⁷²³ 15 августа 1073 г.
- ⁷²⁴ При помощи пфальцгр. Фридриха, который обещал гарнизону свободу и возможность уйти.
- ⁷²⁵ Анно не участвовал в этом деле.
- ⁷²⁶ Адельгейды.
- ⁷²⁷ Хомбург на р. Унштрут, возле Лангензальцы.
- ⁷²⁸ На р. Верре.
- ⁷²⁹ Герман. См. выше, прим. 655.
- ⁷³⁰ Герман. См. выше, прим. 485.
- ⁷³¹ Иер., 19, 3.
- ⁷³² Ламберт изображает всё, принимая во внимание последующее избрание Рудольфа. Так, например, участие в этом заговоре Гоцело и Германа, еп. Бамбергского, крайне сомнительно.
- ⁷³³ Ни Ламберт, ни другие источники не могут при этом назвать никаких конкретных имен.
- ⁷³⁴ В начале декабря 1073 г. – *Ладенбург* – город на р. Неккар.
- ⁷³⁵ Адалберта II. См. выше, прим. 554.
- ⁷³⁶ *Оппенхайм* – город на левом берегу Рейна между Майнцем и Вормсом.
- ⁷³⁷ 1 Кор., 13, 11.
- ⁷³⁸ Возле Ингельхайма.
- ⁷³⁹ Т. е. с августа по декабрь 1073 г.
- ⁷⁴⁰ Возможно, граф Гуденсберга.

- 741 Вероятно, граф Шауэнбурга.
 742 Возле Трайсбаха, в округе Фульды.
 743 12–18 января 1074 г.
 744 1 Мак., 7, 10.
 745 3–8 февраля 1074 г.
 746 Сомнительно.
 747 Гартвиг.
 748 *Конрада* (* 12.02.1074, † 27.07.1101). Он был грц. Н. Лотарингии в 1076–1087 гг., королем Италии в 1087–1098 гг. и впоследствии поднял мятеж против отца.
 749 Ольденбурга в Гольштейне.
 750 В январе 1074 г. Это были: Удо Трирский, Лиemar Бременский, Эмбрико Аугсбургский, Эппо из Цейца, Гундехар Эйхштеттский, Эдденхард Фрайзингский, Герман из Меца и Дитрих Верденский.
 751 Веринхер.
 752 Адальберт II сам бежал из города до вступления туда короля.
 753 Вельф.
 754 Рудольф.
 755 *Готфрид* (Гоцело), грц. Н. Лотарингии.
 756 *Дитрих*, грц. В. Лотарингии.
 757 Бертольд.
 758 Т. е. Видерада и Гартвига.
 759 26 января 1074 г. возле Вахи.
 760 В Брайтенбахе.
 761 Вероятно, преувеличение.
 762 В том числе Эмбрико Аугсбургский.
 763 Оно длилось всего два дня.
 764 2 февраля 1074 г.
 765 Дан., 8, 25.
 766 Отдельные подробности трудно проверить, так как оба главных источника, то есть Ламберт и Бруно, отчасти противоречат друг другу.
 767 См. Гораций, Эподы, XIII, 7, 8 и XIV, 15.
 768 Он пробыл там примерно с конца марта по начало апреля 1074 г.
 769 Генриха, который родился и умер в авг. 1071 г.
 770 *Конрада* († 1055).
 771 Из Ильзенбурга.
 772 Всю вину за это преступление князя возложили на крестьян.
 773 Только в следующем году.
 774 См. Гораций, Эподы, XVI, 11–14.
 775 20 апреля 1074 г.
 776 Фридрих.
 777 См. Гораций, Сатиры, I, 6, 66.
 778 1 Петр, 1, 17.
 779 Иов, 13, 25.
 780 23 апреля 1074 г.
 781 В построенном им монастыре.
 782 Бытие, 24, 63.
 783 В старый кафедральный собор.
 784 См. Иов, 3, 24; Иер., 25, 15; Исайя, 13, 5.
 785 См. 2 Мак., 5, 16 и 4, 48; Исайя, 59, 3.
 786 Т. е. в спальню братии.
 787 Марк, 13, 20.
 788 23–25 апреля 1074 г.
 789 Т. е. 26 апреля.
 790 Самое большее 60. Они были подвергнуты отлучению.
 791 27–29 апреля.
 792 13 апреля.
 793 20 апреля.
 794 Герольд.
 795 Гумберт.
 796 Генрих.
 797 Райнальд.
 798 Король никоим образом не был подвергнут отлучению и беспрепятственно вел переговоры с легатами.
 799 Особенно резко возражал Лиemar Бременский.
 800 Германа.
 801 Из противников Генриха IV ни один не был обвинен в симонии; поэтому король не мог питать подобных мыслей.
 802 Софью.
 803 В мае 1074 г.
 804 *Вильгельм I Завоеватель* (* 1027, † 9.0.9. 1087) – герцог Нормандии в 1035–1087 гг., король Англии в 1066–1087 гг.
 805 Совершенно безосновательный слух.
 806 8 июня 1074 г.
 807 См. Исайя, 59, 5 и Иов, 8, 14.
 808 Евр., 12, 6.
 809 Гораций, Оды, I, 36, 7–8.
 810 Поскольку должен был получить королевство в лен от Генриха IV.
 811 Вероятно, общеобязательный для всей

- империи поход не был объявлен.
- 812 29 сентября 1074 г.
- 813 В марте 1074 г. был проведен только один подобный собор, так что Ламберт имеет в виду здесь также последующие соборы.
- 814 Только в 1075 г.
- 815 Матфей, 19, 11.
- 816 1 Кор., 7, 9.
- 817 Иов, 18, 3.
- 818 Зигфрид.
- 819 Возможно, здесь, а возможно, только в 1075 г.
- 820 В Герштунгене ничего не было определено относительно уплаты ценза.
- 821 2 Макк., 13, 18.
- 822 6 января 1075 г.
- 823 Юдифь, 2, 2.
- 824 Весьма сомнительно.
- 825 *Изяслав Ярославич* (в крещении – Дмитрий) (* 1025, † 3.10.1078) – вел. кн. Киевский в 1054–1068, 1069–1073 и 1077–1078 гг.
- 826 3 Цар., 10, 25.
- 827 *Святослав Ярославич* (* 1027, † 27.12.1076) – кн. Черниговский, который, изгнав брата Изяслава, занял также Киевский престол (в 1073–1076 гг.).
- 828 Оде Штаденской, вышедшей замуж за Святослава Ярославича.
- 829 Рим., 10, 2.
- 830 Григорий Великий, Письма, I, стр. 7.
- 831 Исход, 8, 26–27.
- 832 1 Кор., 15, 41.
- 833 1 Кор., 12, 12–26.
- 834 Иоанн, 10, 1–2.
- 835 Не Николай, а Александр II.
- 836 См. выше, прим. 440.
- 837 2 Кор., 11, 14.
- 838 Матфей, 7, 15.
- 839 Иоанн, 10, 12.
- 840 Матфей, 21, 12.
- 841 См. Деяния, 8, 20.
- 842 Только на римск. соборе в феврале 1075 г.
- 843 20 апреля 1075 г.
- 844 Герман был вызываем всего один раз и послал при этом извинительное письмо.
- 845 Уже в марте 1075 г., после отстранения от исполнения обязанностей епископа.
- 846 Псал., 140, 4.
- 847 Зигфрид отправился в Рим в апреле, то есть до низложения Германа.
- 848 Неверно.
- 849 Герман не посмел вступить в город Рим и вернулся, когда узнал о своем низложении.
- 850 В мае 1075 г.
- 851 Окончательное низложение и отлучение от церкви Григорий VII изрек только 20 июля 1075 г.
- 852 5 апреля 1075 г.
- 853 Вернее, 6 июня.
- 854 На р. Верре.
- 855 В отношении переговоров с саксами следует предпочесть сообщение Бруно. Нельзя согласиться с тем, что саксы будто бы только на Пасху 1075 г. заметили грозившую им опасность и были готовы к безусловному подчинению.
- 856 Прежде всего против Бурхарда, еп. Хальберштадтского, Отто фон Нортхайма и Фридриха, пфальцграфа Саксонского, но не против Вецеля, архиеп. Магдебурга.
- 857 Иоанн, 18, 11.
- 858 Саксы требовали, чтобы названные князья предстали перед судом князей той и другой стороны.
- 859 Без Вестфалии и Мейсенской марки.
- 860 Люпниц, к востоку от Эйзенаха.
- 861 Неверно.
- 862 24 мая 1075 г.
- 863 8 июня 1075 г.
- 864 *Дитвин* – еп. Льежа в 1048–1075 гг.
- 865 Вратислав II.
- 866 Сомнительно.
- 867 Оберэссен, к западу от Эйзенаха.
- 868 9 июня 1075 г.
- 869 Беринген, в Вартбургском округе в Тюрингии.
- 870 Здесь Ламберт подражает Видукинду Корвейскому, сказавшему об Оттоне I во время битвы на р. Лех в 955 г. примерно то же самое.
- 871 Иер., 15, 8.
- 872 Судьи, 6, 5.
- 873 Т. е. находились во втором лагере.

- 874 Маркграф Австрий.
 875 Из Баварии.
 876 Генрих и Эберхард.
 877 Саллюстий, Катилина, 60.
 878 Из Гессена.
 879 2 Тим., 4, 2.
 880 Саллюстий, Югурта, 53.
 881 Т. е. Фолькмара и Свитгера, а также графа Гебхарда фон Супплинбург (отца будущего императора Лотаря).
 882 Сообщение об отлучении недостоверно.
 883 Иер., 4, 18.
 884 Короче говоря, князья отказывались от безусловной сдачи, точно так же, как и перед самой битвой.
 885 Удо II фон Штаде. См. выше, прим. 363.
 886 Вернер. См. выше, прим. 685.
 887 Наверно, одного из младших сыновей.
 888 23 июня 1075 г. См. прим. 864.
 889 *Генрих* († 31.05.1091) был сыном Фридриха, графа Тульского, и возглавлял Льежское епископство в 1075–1091 гг.
 890 В июле 1075 г.
 891 Сомнительно ввиду огромной военной добычи.
 892 Зигфрид.
 893 Бурхарда.
 894 Генрих.
 895 От 3 сентября.
 896 Эти угрозы недостоверны.
 897 26 февраля 1075 г.
 898 Лиेमара.
 899 Хецеля, который вновь приобрел милость короля. Это было в августе и сентябре 1075 г.
 900 В сент. 1075 г.
 901 Вратислава.
 902 Бенно.
 903 Ранее Ламберт сам сообщал о возмущении Бенно.
 904 Война длилась всего два года.
 905 Вероятно, граф Гослара.
 906 В октябре 1075 г.
 907 Нижний Лаузиц (Лужицы).
 908 Генриха.
 909 1 Макк., 9, 10.
 910 Но главным образом они, конечно, не ждали дальнейшего усиления королевской власти.
 911 Возле Талебры и Гогенталебры, в округе Зондерсхаузен.
 912 Лиेमара.
 913 Хецеля.
 914 22–24 октября 1075 г.
 915 Гебхарда.
 916 Эмбрико.
 917 Адальберона.
 918 Иер., 9, 15.
 919 Деяния, 9, 1.
 920 Им, вероятно, обещали лишь, что плен их не будет долгим и слишком суровым. Король согласился с этими договоренностями (хотя и не связывал себя присягой), но в последующем не стал их соблюдать.
 921 25 октября.
 922 *Обер- и Нидерштур*, к югу от Зондерсхаузена.
 923 Граф Балленштедта.
 924 См. выше, прим. 551.
 925 Наверно, граф Кефернбурга.
 926 Граф Зангерхаузена.
 927 Король не связывал себя присягой, но лишь гарантировал выполнение обещаний, данных саксам князьями, которые вели с ними переговоры. См. прим. 920.
 928 11 ноября.
 929 Известно лишь об одном подобном послании Григория VII – от 20 июля.
 930 Матфей, 26, 33.
 931 Матфей, 20, 12.
 932 Очень сомнительно. См. выше, прим. 801.
 933 *Роберт* был еп. Бамберга в 1075–1102 гг. В должность он вступил 30 ноября 1075 г.
 934 Неправда. И клирики, и народ стояли на стороне Роберта.
 935 1 Тим., 3, 7.
 936 1 декабря 1075 г.
 937 Цицерон, I, Кат., 1, 2.
 938 Марк, 13, 14.
 939 2 Фесс., 2, 4.
 940 Шварцах во Франконии.
 941 Вернее, при его преемнике.
 942 Деяния, 9, 15; Притчи, 17, 3; Исайя, 13, 12.
 943 Матфей, 13, 46.

- 944 Т. е. не принадлежал к княжескому роду.
 945 Генриху III.
 946 В 1056 г., еще при Генрихе III.
 947 Лука, 20, 25.
 948 Сульпиций Север, Жизнь Мартина, II, 5.
 949 Втор., 1, 17 и Левит, 19, 15.
 950 Зигберг на р. Зиг.
 951 Графшафт в округе Месхеде.
 952 В 1070 г.
 953 К северу от Турина.
 954 Церкви в Трире.
 955 Псал., 118, 116.
 956 Эрфо.
 957 Вероятно, сильно преувеличено, как и вообще очень многое здесь.
 958 В 1072 г.
 959 Апок., 3, 19.
 960 Исая, 1, 25.
 961 Ранее Ламберт сам говорил, что Анно принимал участие в заговоре.
 962 В 1074 г. Всё, однако же, было совсем не так. См. выше.
 963 В 1074–1075 гг.
 964 Апок., 10, 10.
 965 Иов, 16, 15.
 966 Лука, 6, 48.
 967 Иов, 2, 7.
 968 Псал., 11, 7.
 969 Иов, 4, 19; Марк, 14, 58; 2 Кор., 5, 1.
 970 Умершие с 1021 по 1065 гг.
 971 Апок., 7, 9 и Исход, 4, 6.
 972 5 апреля 1075 г.
 973 18 февраля – 4 апреля 1075 г.
 974 4 декабря 1075 г.
 975 Вратислава.
 976 Конрада. См. выше, прим. 748.
 977 Хильдольф († 21.07.1078) – архиеп. Кельнский в 1076–1078 гг.
 978 6 марта 1076 г.
 979 Вместе с ними из Рима вернулись три королевских посла.
 980 1 января 1076 г. Они доставили письмо Григория VII (от 8 дек. 1075 г., Регистр Григория VII, III, 10).
 981 22 февраля. Однако собор, очевидно, продолжался с 14 по 20 февраля.
 982 Генрих IV не был тогда вызван в Рим.
 Григорий VII обвинял его в непослушании по отношению к церкви и угрожал церковным отлучением, если он не совершит покаяния.
 983 24 января 1076 г.
 984 Ченций, глава антигригорианской партии в Риме. Ламберт путает его с одноименным бургграфом. – Описанные события имели место 24 и 25 декабря 1075 г.
 985 Санта Мария Маджоре.
 986 24 января.
 987 Или Кандид, то есть «Белый». Он уже прежде пытался натравить на Григория VII норманнов и лангобардов.
 988 Наверно, в феврале 1075 г.
 989 Епископы Гузман Шпейерский и Бурхард Базельский, а также граф Эберхард фон Нелленбург.
 990 Наверно, 15 февраля (по Ламберту, 22 февраля).
 991 См. Регистр Григория VII, III, 10а.
 992 Только Зигфрида Майнцского, а двух других пока лишь отрешил от должностей, как и прочих епископов, которые подписали письмо к Григорию VII.
 993 1 августа.
 994 Отто, еп. Констанцкого, он отлучил только в 1080 г. О двух других епископах ничего неизвестно.
 995 Пятеро советников короля и среди них графы Эберхард фон Нелленбург и Удальрик фон Годесхайм были отлучены еще в феврале 1075 г.
 996 Вернее, во Влаардингене, к западу от Роттердама.
 997 Вернее, 26 февраля.
 998 Готфрида I.
 999 Еще в 1074 г.
 1000 1 Макк. 1, 10 и Осия, 12, 1.
 1001 27 марта 1076 г. Там он узнал о своем отлучении.
 1002 Готфриду V Бульонскому (* 1061, † 18.07.1100), кот. был сыном сестры Гоцело Иды и Евстафия, гр. Булонского. Готфрид V был маркгр. Антверпена (с 1076) и грц. Н.Лотарингии (1087–1096). В 1096–1099 гг. он был одним из вождей Первого кресто-

- вого похода, а в 1099–1100 гг. – королем Иерусалима (правда некоронованным).
- ¹⁰⁰³ В апреле 1076 г.
- ¹⁰⁰⁴ Герман, еп. Мецкий, выпустил на свободу Германа Биллунга и Дитриха фон Катленбурга.
- ¹⁰⁰⁵ 27 апреля 1076 г.
- ¹⁰⁰⁶ *Конрад* – еп. Утрехта в 1076–1099 гг.
- ¹⁰⁰⁷ *Поппо* – еп. Падерборна в 1076–1083 гг.
- ¹⁰⁰⁸ В декабре 1075 г.
- ¹⁰⁰⁹ *Дитрих и Вильгельм фон Бренна* из дома Веттинов.
- ¹⁰¹⁰ Псал., 24, 16 и 68, 17.
- ¹⁰¹¹ 1 Макк., 3, 6.
- ¹⁰¹² В июне 1076 г.
- ¹⁰¹³ В северной части Гарца.
- ¹⁰¹⁴ Германа.
- ¹⁰¹⁵ Напротив, рейхстаг в Вормсе, о котором пойдет речь, еще в апреле высказался за устранение папы Григория VII. О Саксонском восстании король узнал позднее.
- ¹⁰¹⁶ 15 мая 1076 г.
- ¹⁰¹⁷ Из трех судей, которые должны были вынести приговор над Григорием VII, явился только Эберхард, еп. Наумбурга; Вильгельм Утрехтский был мертв, а Альтвин попал в плен. Отсюда и неудача.
- ¹⁰¹⁸ 29 июня.
- ¹⁰¹⁹ Апок., 20, 7.
- ¹⁰²⁰ 1 Петр., 2, 14 и Рим., 13, 4.
- ¹⁰²¹ Софья.
- ¹⁰²² 24 июня 1076 г.
- ¹⁰²³ Во время или уже после собрания в Майнце.
- ¹⁰²⁴ Матфей, 12, 25; Лука, 11, 17.
- ¹⁰²⁵ Он отправил Эппо, епископа Цейца.
- ¹⁰²⁶ Вероятно, в августе 1076 г.
- ¹⁰²⁷ Исайя, 30, 10 и Иез., 13, 6.
- ¹⁰²⁸ Иер., 22, 17.
- ¹⁰²⁹ И среди них Альтман, еп. Пассау, легат папы Григория VII. Всё это происходило примерно в середине сентября 1076 г.
- ¹⁰³⁰ 16 октября.
- ¹⁰³¹ То, что только часть их пришла с подобным намерением, показывают последующие события.
- ¹⁰³² Не совсем так. Григорий VII требовал в своем письме от 3 сентября, чтобы князья проявили по отношению к королю милосердие. Однако если король всё же не желает исправиться (т. е. не захочет удалить дурных советников и признать верховенство церкви) и князья встанут перед необходимостью выбора нового короля, они должны прежде посоветоваться с ним о кандидатах на престол (Регистр, IV, 3).
- ¹⁰³³ Наверно, всё же в течение десяти дней, начиная с 16 октября.
- ¹⁰³⁴ Гораций, Оды, III, 6, 24.
- ¹⁰³⁵ Гораций, Оды, IV, 15, 9.
- ¹⁰³⁶ К югу от Майнца.
- ¹⁰³⁷ Иер., 22, 17 и 8, 6.
- ¹⁰³⁸ Осия, 4, 2.
- ¹⁰³⁹ Генрих IV был отлучен не из-за указанных выше обвинений, но по причине своего непослушания по отношению к церкви и общения с отлученными.
- ¹⁰⁴⁰ 2 Кор., 10, 5.
- ¹⁰⁴¹ Около 25 октября.
- ¹⁰⁴² 2 февраля 1077 г.
- ¹⁰⁴³ Дитриха.
- ¹⁰⁴⁴ Матфей, 21, 13.
- ¹⁰⁴⁵ Адальберта.
- ¹⁰⁴⁶ При этом с епископов Страсбургского, Базельского и Шпейерского отлучение вскоре было снято Альтманом, епископом Пассау.
- ¹⁰⁴⁷ Фон Нелленбург.
- ¹⁰⁴⁸ В ноябре 1076 г.
- ¹⁰⁴⁹ Всё это чересчур преувеличено, чтобы показать положение Генриха IV как можно более плачевным. Так, далее сам Ламберт говорит о том, что Генрих имел при себе советников.
- ¹⁰⁵⁰ 11 ноября.
- ¹⁰⁵¹ Болеслав II Смелый.
- ¹⁰⁵² Пятью епископами.
- ¹⁰⁵³ *Вильгельмом I Великим* (* 1020, † 12.11.1087) – гр. Бургундии (Франш-Конте) в 1057–1087 гг., который был двоюродным братом Агнесы Пуату, матери Генриха IV.
- ¹⁰⁵⁴ *Жекс* – селение неподалеку от Женевы.
- ¹⁰⁵⁵ *Адельгейду* († 1091), маркграфиню Туринскую, вдову Отто Савойского.

- ¹⁰⁵⁶ *Амадей I* – граф Савойи в 1060–1095 гг.
¹⁰⁵⁷ 15 февраля 1077 г.
¹⁰⁵⁸ Мон-Сени.
¹⁰⁵⁹ 2 февраля.
¹⁰⁶⁰ Матильда (* 1046 г. † 1115 г. 24 июля) – маркграфиня Тосканы.
¹⁰⁶¹ Их брак был несчастливый.
¹⁰⁶² В 1076 г.
¹⁰⁶³ В январе 1077 г.
¹⁰⁶⁴ *Каносса* – замок в 18 км к югу от г. Реджонель-Эмилия.
¹⁰⁶⁵ *Кальв* – замок в Вюртемберге в 18 км к югу от Пфорцхайма и 33 км к западу от Штутгарта.
¹⁰⁶⁶ 24 августа.
¹⁰⁶⁷ Иер., 22, 17.
¹⁰⁶⁸ Адельгейду Туринскую и Амадея I Савойского.
¹⁰⁶⁹ Аццо фон Эсте, который был отцом Вельфа, герцога Баварского.
¹⁰⁷⁰ Гуго, кот. был крестным отцом короля.
¹⁰⁷¹ Исайя, 42, 3.
¹⁰⁷² Неточно: Генрих пришел в Каноссу (во время или после переговоров с папой) по собственному решению, а не по его приказу.
¹⁰⁷³ Отлучение было снято с Генриха 23 января 1077 г., то есть на третий день.
- ^{1073a} Который в это время находился в плену.
¹⁰⁷⁴ Григорий.
¹⁰⁷⁵ Аналогично описанию Регино Прюмского под 869 г.
¹⁰⁷⁶ Рим., 3, 19 и Псал., 62, 12.
¹⁰⁷⁷ По другим данным, Генрих принял участие.
¹⁰⁷⁸ Генрих отправился к Реджо.
¹⁰⁷⁹ В феврале 1077 г.
¹⁰⁸⁰ 1 Макк., 9, 10.
¹⁰⁸¹ То, что фактически имевшее место недовольство приняло такие масштабы, явное преувеличение. Король вступал в города и вершил там суд. Ламберт показывает свою слабую осведомленность о событиях в Верхней Италии.
¹⁰⁸² Исайя, 59, 5 и Иов, 8, 14.
¹⁰⁸³ Удальрик фон Годесхайм, Эберхард фон Нелленбург и Бертольд, брат Лиутпольда фон Меерсбурга.
¹⁰⁸⁴ В феврале 1077 г. в Ульме.
¹⁰⁸⁵ *Форххайм* – город в Баварии на р. Регниц, между Бамбергом и Эрлангеном.
¹⁰⁸⁶ 2 февраля.
¹⁰⁸⁷ 1 марта 1077 г. Григорий, однако, был не кардиналом-епископом, а кардиналом-дьяконом.
¹⁰⁸⁸ Сульпиций Север, Жизнь Мартина, 26.

СПИСОК ОКРАЩЕНИЙ

(формат дат): (м.д.г.)

* – родился (родилась)

† – умер(ла)

архиеп. – архиепископ

бурггр. – бургграф

В. – Верхний(ая)

вел. – великий

виз. – византийский

герм. – германский

г. – город

гр. – граф

грц. – герцог

еп. – епископ

имп. – император, императрица

кн. – князь

кор. – король, королева, королевский

маркгр. – маркграф

мл. – младший(ая)

мон. – монастырь

Н. – Нижний(ая)

обл. – область

правит. – правитель

пров. – провинция

пфальцгр. – пфальцграф

р. – река

римск. – римский

св. – святой(ая)

совр. – современный(ая)

ст. – старший(ая)

фр. – французский(ая)

Короли Восточно-Франкского королевства (Германии)

Немецкие Каролинги

843–876: Людовик II Немецкий (804–876). Король Баварии (817–843). 1-й король Восточно-Франкского королевства. Король Лотарингии с 870. Сын Людовика I Благочестивого.

876–880: Карломан Баварский (830–880). Король Баварии с 1876, король Италии с 877. Сын предыдущего.

876–882: Людовик III Младший (835–882). Король Аквитании (852–855), король Франконии, Тюрингии и Саксонии с 876, король Лотарингии с 876, король Баварии с 880 года. Сын Людовика II Немецкого.

876–887: Карл III Толстый (839–888). Король Алемании и Реции (876–882). Король всего Восточно-Франкского королевства в 882–887, король Западно-Франкского королевства (884–887), король Италии (879–887), король Лотарингии (как Карл II в 882–887). **6-й император Запада в 881–887.** Младший сын Людовика II Немецкого.

887–899: Арнульф Каринтийский (ок. 850–899). Маркграф Каринтии (включая все восточные марки от Фриули до Штирии). 5-й король Восточно-Франкского королевства с 887. **9-й император Запада с 896.** Сын Карломана Баварского.

900–911: Людовик IV Дитя (893–911). 6-й король Восточно-Франкского королевства и король Лотарингии с 900 (при регентстве матери Оды Франконской (ум. 903)). Сын предыдущего.

Франконская династия

911–918: Конрад I (ок. 881–918). Герцог Франконии с 906. 6-й король Восточно-Франкского королевства с 911. Племянник Арнульфа Каринтийского.

Саксонская династия

919–936: Генрих I Птицелов (ок. 876–936). Герцог Саксонии с 912. 8-й король Восточно-Франкского королевства.

Луитпольдинги

919 – 921: Арнульф Злой (ум. 937). Герцог Баварии с 907. Анतिकороль в правление Генриха I.

Саксонская династия

936–973: Оттон I Великий (912–973). Герцог Саксонии (936–961), король Германии с 936. Король Италии с 961. **1-й император Священной Римской империи с 962.** Сын Генриха I Птицелова.

961–983: Оттон II Рыжий (955–983). 10-й король Германии с 961, король Италии с 973. **2-й император Священной Римской империи с 973.** Сын Оттона I, король Германии в период правления отца (961–973).

983–1002: Оттон III «Чудо мира» (980–1002). 11-й король Германии. Король Италии с 983. **3-й император Священной Римской империи с 996.** Сын Оттона II.

1002–1024: Генрих II Святой (973–1024). Герцог Баварии с 995. 11-й король Германии. **4-й император Священной Римской империи с 1014.** Правнук Генриха I Птицелова. Канонизирован в 1146.

Салическая династия

1024–1039: Конрад II (990–1039). 13-й король Германии. **5-й император Св. Римской империи с 1027.** Праправнук Оттона I.

1039–1056: Генрих III Черный (1017–1056). 14-й король Германии. **6-й император Священной Римской империи с 1046.** Сын Конрада II, король Германии в период правления отца (1028–1039).

1054–1105: Генрих IV (1050–1106). 15-й король Германии. **7-й император Священной Римской империи с 1084.** Сын Генриха III, король Германии в период правления отца (1054–1056).

Рейнфельденская

1077–1080: Рудольф фон Рейнфельден (1025–1080). Граф Рейнфельденский с 1048, герцог Швабии (1057) и управляющий Бургундией. Анतिकороль Германии в период правления Генриха IV.

Зальм

1081–1088: Герман Зальмский (ок. 1035–1088). 2-й граф Зальма с 1059. Анतिकороль Германии в период правления Генриха IV.

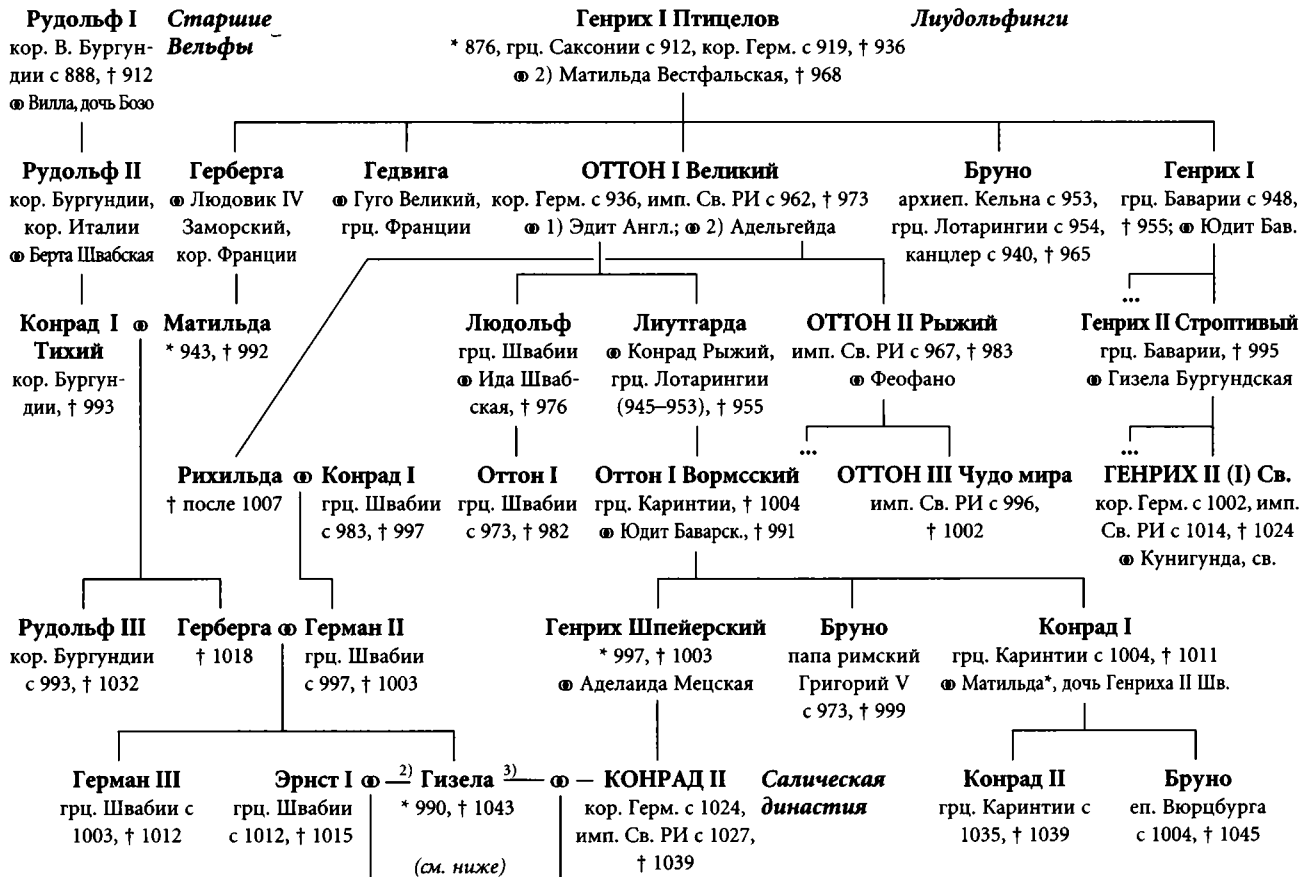
Салическая династия

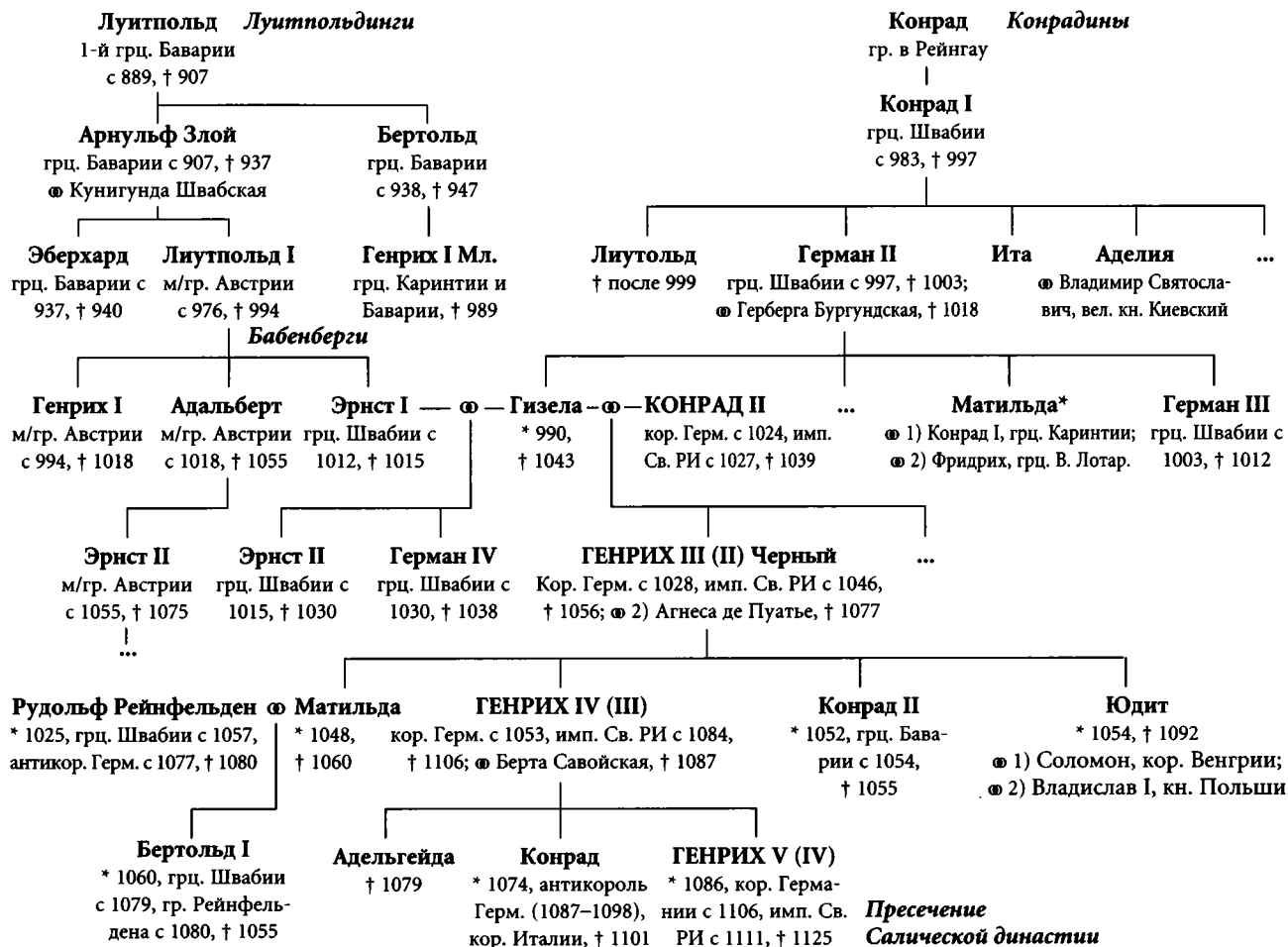
1093–1098: Конрад (ок. 1074–1101). Король Италии (1093–1098). Сын короля Генриха IV, король Германии в период правления отца (1087–1093), анतिकороль Германии в период правления отца (1093–1098).

Салическая династия

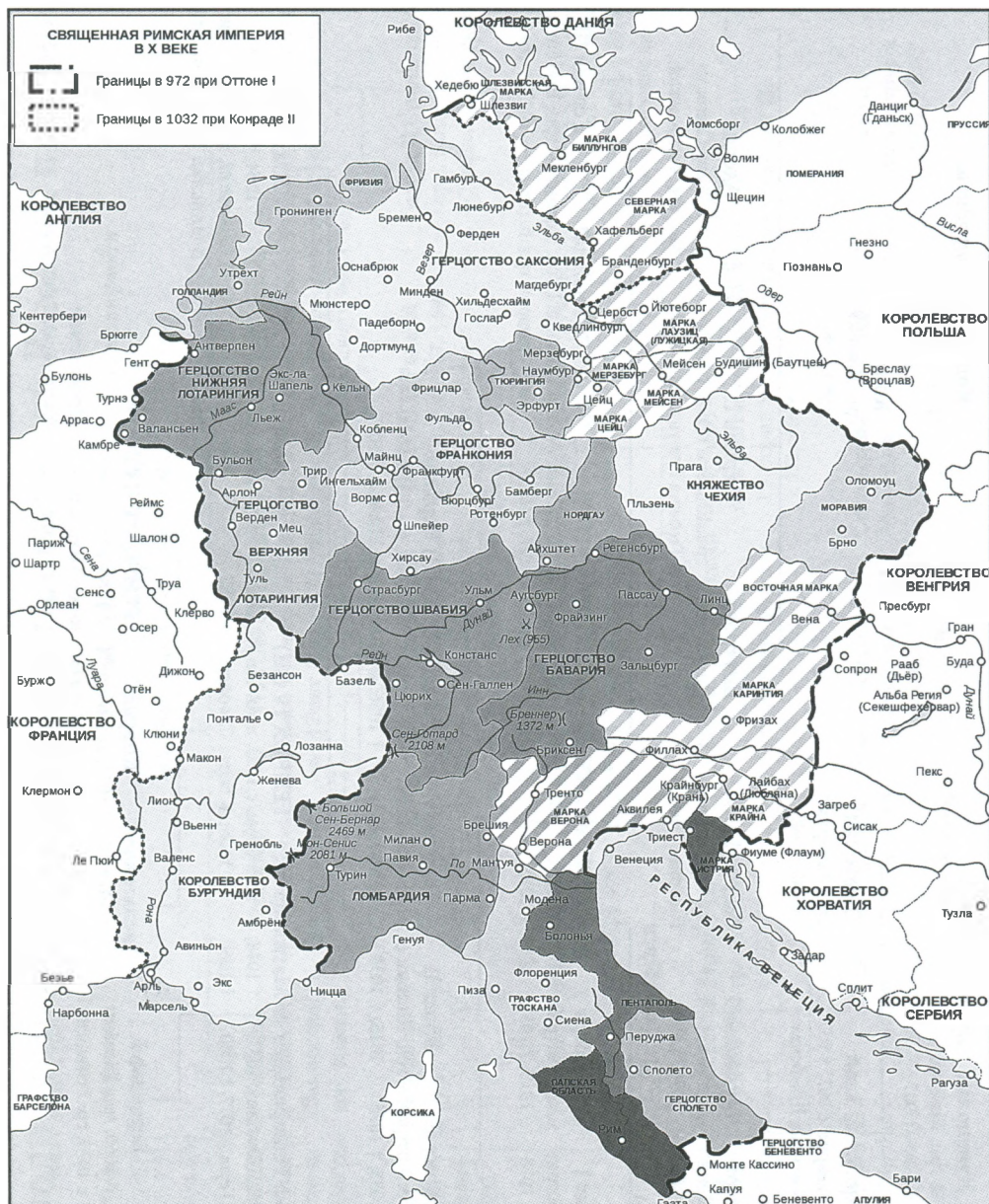
1106–1125: Генрих V (1081–1125). 16-й король Германии. **8-й император Священной Римской империи с 1111.** Сын Генриха IV, король Германии в период правления отца (1099–1105).

Короли Германии и императоры Священной Римской империи

**Пресечение
Салической династии**

Священная Римская около 1000 г.

(Обработка В.Соловьева. Источник: <http://ru.wikipedia.org/>)

Именной указатель

А

- Аба (Самуил), кор. Венгрии 37, 38, 199
Абрахам, еп. Фрайзинга 32, 197
Августин, архиеп. Кентербери 20
Августин, еп. Гиппона, св. 20
Авдий, пророк 17
Авесса, иуд. судья 17
Авимелех, иуд. первосвященник 17
Авия, царь Иудеи 17
Авраам, патриарх 16, 17
Аврелиан, римск. имп. 19
Аврелий, св. 26
Агафон, римск. папа, св. 20
Аггей, пророк 17
Агнеса (Пуату), жена имп. Генриха III 38, 39, 48–50, 85, 121, 199, 201, 212
Агнеса, вдова Вильгельма V, гр. Пуату и грц. Аквитании, мать имп. Агнесы 38, 199
Агнеса Веймарская, жена Фридриха I фон Гозек 199
Адальберон III, еп. Меца 69, 86
Адальберон, герц. Каринтии 206
Адальберон, гр. 183
Адальберон, еп. Бамберга 41, 200
Адальберон, еп. Вюрцбурга 38, 96, 149, 161, 163, 174, 199, 210
Адальберт (Адальберон), еп. Вормса 55, 62, 73, 174, 180, 203, 204, 207, 208, 212
Адальберт (Войтех), еп. Пражский, св. 34, 197
Адальберт, аббат Лорша 153
Адальберт, архиеп. Гамбурга и Бремена 38, 83, 85, 199, 201, 206
Адальберт, архиеп. Магдебурга 31, 33
Адальберт, гр. (Шауэнбурга?) 107, 208
Адальберт, гр. Бабенберга и Теера 28, 29, 195
Адальберт, гр. Балленштедта 92, 207
Адальберт, гр. Меца 26, 195
Адальберт, гр. Тюрингии 151
Адальберт, грц. В. Лотарингии 38, 199
Адальбольд, еп. Утрехта 35, 198
Адальгер, еп. Вормса 38, 199
Адальхард, гр. Бабенберга 28, 195
Адам 16–18
Адела (Адельгейда) 65, 66, 204
Адела, графиня Альсбелен 201
Адела, жена: 1) Отто, маркграфа Мейсена; 2) маркгр. Деди 92, 147, 174
Адельгейда (Аделаида) Бургундская, королева Италии 34, 196
Адельгейда, 2-я жена Оттона I 30
Адельгейда, дочь Генриха III, аббатиса 100, 207
Адельгейда, маркгр. Турина 181, 184, 212, 213
Адельгейда фон Мец (Аделаида Лотарингская), мать Конрада II 198
Адельгейда фон Рейнфельден 201
Адриан I, римск. папа 23, 24, 194
Адриан II, римск. папа 28, 195
Адриан, римск. имп. 19
Азарий, пророк 17
Айалон, иуд. судья 17
Айстульф, кор. лангобардов 22
Аквила, переводчик Библии 19
Алебранд (Бецелин), архиеп. Гамбурга и Бремена 38, 199
Александр (Аврелий), римск. имп. 19
Александр II (Ансельм, еп. Лукки), римск. папа 57, 89, 202, 203, 209
Александр Великий, царь Македонии 18
Александр из Трира, св. 84
Альбан, св. 24, 31
Альбуин, приор Херсфельда, абб. Ниенбурга 36
Альтвин, еп. Бриксена 212
Альтман, еп. Пассау 62, 176, 203, 212
Альфред, кор. Нортумбрии 21
Амадей I, гр. Савойи 181, 184, 213
Амармурмул (Харун-ар-Рашид), халиф 25, 194

- Амасия, царь Иудеи 17
 Амвросий, еп. Миланский 20
 Аммон, царь Иудеи 18
 Амос, пророк 17
 Амфион, греческий музыкант 17
 Анастасий I, виз. имп. 20
 Анастасий, св., монах-мученик 84
 Анастасия Ярославна, жена Андрея I, дочь Ярослава 48, 81, 202, 205
 Андрей I, кор. Венгрии 38, 48, 55, 199, 202, 205
 Андрей, св., апостол 19, 86, 152
 Анна, жена Стефана Лакапина 197
 Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого 37, 199
 Анно II, архиеп. Кельна 6, 43, 49, 58, 82, 153, 158, 160, 201–203, 206, 207, 211
 Ансельм, еп. Лукки 56. См. Александр II, римский папа
 Ансфрид, еп. Утрехта 35, 198
 Антиох Епифан, царь Сирии 18
 Антоний, монах 19
 Антонин Каракалла, римск. имп. 19
 Антонин Младший (Марк Аврелий), римск. имп. 19
 Антонин Пий, римск. имп. 19
 Аод, иуд. судья 17
 Аполлон 17
 Арибо, архиеп. Майнца 35, 36, 198
 Арибо, дьякон 73
 Аристотель, философ 18
 Аркадий, виз. имп. 20
 Арн, еп. Вюрцбурга 28, 195
 Арнольд I, еп. Вормса 38, 199
 Арнольд, абб. Херсфельда 35, 36, 198
 Арнольд, вассал гр. Титмара Саксонского 39
 Арнольд, еп. Шпейера 41, 43, 200
 Арнульф III, сын Балдуина VI, гр. Фландрии 77, 205
 Арнульф, еп. Вормса 62, 158
 Арнульф Каринтийский, кор. Германии, имп. Запада 28, 195, 196
 Артаксеркс I, царь Персии 18
 Арфаксад 17
 Аса, царь Иудеи 17
 Асад, пророк 17
 Асканий, царь латинов 17
 Аттила, царь гуннов 80, 81
 Афанасий Великий, еп. Александрии, св. 19
 Ахаз, царь Иудеи 18
 Ацелин, еп. Хильдесхайма 38, 41, 199
 Аццо II (Эсте), итальянский маркгр. 73, 184, 186, 204, 213
- Б**
 Балдрик II, еп. Льежа 35, 197
 Балдуин II, сын Балдуина VI, гр. Геннегау 77, 205
 Балдуин V, маркгр. Фландрии 40, 75, 76, 200, 205
 Балдуин VI, гр. Фландрии и Геннегау 75–77, 205
 Бальтарт, абб. Херсфельда 24, 194
 Бардо, архиеп. Майнца, до того – абб. Херсфельда 36, 40, 158, 198, 200
 Баугульф, абб. Фульды 25, 194
 Беатрис, маркгр. Тосканы 41, 42, 183, 200
 Беатриса Швабская 206
 Беда Достопочтенный, историк 8, 21, 22, 194
 Бела I, кор. Венгрии 48, 54, 122, 202, 203
 Бенедикт V, римск. папа 31, 196
 Бенедикт VIII, римск. папа 35, 198
 Бенедикт IX, римск. папа 199
 Бенедикт X «Латеранский», римск. папа 45, 46, 201
 Бенедикт Нурсийский, св. 7, 24, 25, 83
 Бенно I, еп. Оснабрюкка 65, 204
 Бенно II, еп. Оснабрюкка 65, 87, 93, 94, 190, 204
 Бенно, еп. Мейсена 65, 92, 204, 210
 Бенно фон Нортхайм, гр. 202
 Беренгар II, маркгр. Ивреи, кор. Италии 30, 31, 196
 Беренгар, гр. (Лангау) 27
 Беренгар, гр. Зангерхаузена 151
 Берн, гр. 151
 Бернвард, еп. Хильдесхайма 34, 36, 197
 Бернгард II Биллунг, грц. Саксонии 39, 200
 Бернгард II фон Хальденслебен, граф 201
 Бернгард, абб. из Массилии 191
 Бернгард, саксонский гр. 45, 191
 Бернхар, абб. Херсфельда 33, 35, 197
 Бери, вассал гр. Экберта 51
 Берта Бургундская, королева Франции 198
 Берта д'Эсте, вдова Оттона Швайнфуртского

- 204
 Берта, жена кор. Пипина Короткого 23
 Берта Савойская, жена имп. Генриха IV 64, 108, 182, 204
 Бертольд, погиб в Калабрии в 982 г. 33
 Бертольд I Бородатый, грц. Каринтии и маркгр. Вероны 86, 94, 96, 101, 103, 117, 134, 148, 163, 174, 181, 206–208
 Бертольд фон Меерсбург, брат Лиутпольда 190, 213
 Бибо, канцлер империи, еп. Туля 65, 69, 204
 Бодо, префект Гослара 106
 Болеслав II Благочестивый, кн. Чехии 32, 33, 197
 Болеслав II Смелый, кн. Польши 82, 181, 205, 212
 Бонифаций III, маркгр. Тосканы 200
 Бонифаций, архиеп. Майнца, св. 21–24, 30
 Бонифаций, маркгр. Тосканы 41, 183, 200
 Бото, гр. [Гослара?] 147, 210
 Брантог II, абб. Фульды, еп. Хальберштадта 35, 36, 198
 Бржетислав I, кн. Чехии 37, 199
 Брунварт, абб. Херсфельда 27, 28, 195
 Бруно I, гр. Брауншвейга 201
 Бруно II, гр. Брауншвейга 44, 45, 201
 Бруно, архиеп. Кельна 31, 196
 Бруно, еп. Аугсбурга, брат Генриха II 35, 36, 197
 Бруно, еп. Вюрцбурга 38, 199
 Бруно, еп. Туля 39. См. также Лев IX, римский папа
 Бруно, хронист, автор «Саксонской войны» 10, 208, 209
 Брут (Децим Юний) 18
 Букко, еп. Хальберштадта (до того – госларский настоятель) 47, 50, 91, 92, 94, 133, 151, 157. См. также Бурхард II
 Бун, абб. Херсфельда 26, 27, 195
 Бурхард I, еп. Вюрцбурга, св. 22
 Бурхард I, еп. Хальберштадта 46, 47
 Бурхард II (Букко), еп. Хальберштадта 47, 143, 144, 202, 209, 210
 Бурхард, грц. Тюрингии 29
 Бурхард II, еп. Вюрцбурга, до того – абб. Херсфельда 29, 196
 Бурхард, еп. Базеля 83, 190, 206, 211
 Бурхард, еп. Лозанны 162, 190
 Бурхард, настоятель Трирской церкви 127, 142
- В**
 Валентиниан (правильнее Валентин), еретик 19, 194
 Валентиниан I, римск. имп. 19, 20
 Валерий (правильнее Валериан), римск. имп. 19, 194
 Вальдо, абб. 27
 Вальдо, обвинитель гр. Геро 33
 Вальдо. См. Хатто I, абб. Фульды 27
 Вальтер фон Глейберг 36
 Варнава, апостол 20
 Варрон 18
 Вельф I, грц. Баварии 181
 Вельф II, гр. Альтдорфа, Норитала и Иннтала 204
 Вельф IV, грц. Баварии 73, 148, 163, 174, 184, 190, 204, 205, 208, 213
 Вергенханс-Науклер 11
 Веринхер, еп. Страсбурга 208
 Вернер I, гр. Гессена 37, 55, 57, 58, 63
 Вернер I, еп. Страсбурга 36, 58, 198
 Вернер II, еп. Страсбурга 203
 Вернер, абб. Корвеи 75, 205
 Вернер, абб. Фульды 32, 33, 197
 Вернер, архиеп. Магдебурга 202, 203
 Вернер, еп. Мерзебурга 92, 142, 207, 210
 Веспасиан, римск. имп. 18
 Веттины 195
 Вецель, архиеп. Магдебурга 92, 133, 151, 157, 207, 209
 Вивомарк, кор. Бретани 26
 Вигберт, св. 22, 26, 27, 37
 Видерад, абб. Фульды 48, 50, 87, 136, 202, 203, 206, 208
 Видукинд Корвейский, хронист 209
 Виктор II (Геххард), римск. папа 43, 44, 199, 200
 Вилла, жена Беренгара II, кор. Италии 31
 Вилигиз, архиеп. Майнца 34, 35, 197
 Вильгельм I, гр. Бургундии 181, 212
 Вильгельм I Завоеватель, грц. Нормандии, кор. Англии 122, 208
 Вильгельм III, гр. Пуату, грц. Аквитании 38,

- 202
 Вильгельм IV, гр. Веймара, маркгр. Мейсена 48, 49, 73, 202, 204
 Вильгельм V, гр. Пуату, грц. Аквитании 199
 Вильгельм, еп. Страсбурга 36, 198
 Вильгельм, еп. Утрехта 57, 58, 161–163, 203, 212
 Вильгельм, маркгр. Нордмарка 43, 44, 201
 Вильгельм, гр. Брены, сын Геро 164, 171
 Вильгельм, сын Оттона I, архиеп. Майнца 30–32, 196
 Вильгельм фон Бренна 212
 Вителлий, римск. имп. 18
 Владимир Святославич, вел. кн. Киевский 201
 Волузиан, римск. имп. 19
 Вольфганг, еп. Регенсбурга 34
 Вратислав II, кн. Чехии 82, 136, 146, 205, 209, 210, 211
 Вульгат 8
- Г**
 Габиний, римск. полководец 18
 Гад, пророк 17
 Гай (Калигула), римск. имп. 18
 Галерий, римск. имп. 19
 Галлиен, римск. имп. 19
 Гальба, римск. имп. 18
 Гарольд II, кор. Англии 204
 Гартвиг, абб. Херсфельда 8, 86, 87, 108, 206, 208
 Гартвиг, канцлер империи, еп. Бамберга 39, 41, 200
 Гартман 180
 Гауденций, архиеп. Гнезно 34, 197
 Гебхард I, еп. Регенсбурга 34, 48, 197
 Гебхард III, еп. Регенсбурга, сводный брат Конрада II 36, 43, 198, 201
 Гебхард, архиеп. Зальцбурга 149, 210
 Гебхард, гр. 32
 Гебхард, гр. Супплинбурга, отец имп. Лотаря 210
 Гебхард, еп. Эйхштетта 37, 40, 41, 200. *См. также* Виктор II, римский папа
 Гебхард, погиб в Калабрии в 982 г. 33
 Геден, иуд. судья 17
 Генрих I, архиеп. Трира 31, 196
 Генрих I, гр. Штаде 34, 197
 Генрих I, грц. Баварии, сын кор. Генриха I 30, 33, 196, 197
 Генрих I, еп. Аугсбурга 33, 49, 57, 197
 Генрих I, еп. Льежа 142, 210
 Генрих I, еп. Шпейера 65, 143, 204
 Генрих I, кор. Франции 43, 199, 201
 Генрих I Птицелов, кор. Германии 29, 30, 196, 197
 Генрих I, пфальцгр. Лотарингии 45, 48
 Генрих I Старший, маркгр. Мейсена 210
 Генрих II, гр. Штаде 34
 Генрих II, еп. Аугсбурга 39, 199
 Генрих II Сварливый, грц. Баварии 32, 33, 197
 Генрих II Святой, кор. Германии, имп. СвРИ 34–36, 197, 198, 205
 Генрих III, грц. Баварии и Каринтии 30, 32, 33, 197
 Генрих III, кор. Германии, имп. СвРИ 36, 37, 40–43, 48, 50, 154, 198–202, 211
 Генрих IV, кор. Германии, имп. СвРИ 8–10, 40, 41, 43, 50, 55, 64, 65, 69, 70, 71, 73–75, 77, 78, 80, 83, 85, 86, 89, 91, 92, 96, 97, 100, 106–109, 113, 115, 121, 123, 124, 127, 132, 135–137, 142, 145, 148, 150, 159–163, 165, 166, 168, 170–177, 179–186, 188–191, 199, 201, 202, 206, 208, 210–213
 Генрих, брат Адальберта фон Бабенберга 28
 Генрих, гр. Бабенберга 195
 Генрих, гр. Нелленбурга 210
 Генрих, гр. Шпейера 198
 Генрих, еп. Хура 121, 143, 208, 210
 Генрих, пфальцграф Лотарингии 201
 Генрих, саксонский гр. 92
 Генрих, сын Генриха IV 81, 205, 208
 Генрих фон Херфорд 11, 13
 Генрих фон Швейнфурт 201
 Георгий, патр. Константинополя 20
 Георгий, св. 117, 120, 121, 155
 Гераклеон, виз. имп. 20
 Герберга Саксонская, королева Франции 196
 Герберга фон Геннеберг 201
 Герберт д'Орильяк 34. *См. также* Сильвестр II, римский папа
 Гердаг, еп. Хильдесхайма 34, 197
 Герон, св. 120

- Геркулес 17
 Герман I, еп. Бамберга 62, 69, 87, 96, 122, 127, 153, 164, 203, 204, 207–209
 Герман II, архиеп. Кельна 36, 40–43, 198
 Герман II, герц. Швабии 199
 Герман Альтайхский 11
 Герман Биллунг, грц. Саксонии 91, 99, 165, 207, 212
 Герман, гр. Верла 204
 Герман, гр. Глейберга 139, 146
 Герман, гр. Монса 77, 205
 Герман, еп. Меца 86, 161, 163, 166, 206–208, 212
 Герман, еп. Мюнстера 37, 199
 Геро, архиеп. Магдебурга 36, 198
 Геро, гр. Брены 164, 171, 173
 Геро, тюрингский гр. 33, 197, 201
 Геродот, историк 18
 Герольд, еп. Остии 121, 208
 Гертруда, жена: 1) Флоренция I Голл.; 2) Роберта 205
 Герхард, еп. Флоренции 46. *См. также* Николас II, римский папа
 Герштенберг В. 11
 Гестимул, кор. ободритов 26
 Гецман, еп. Эйхштетта 37, 199
 Гизебрехт 9
 Гизела Швабская, жена имп. Конрада II 38, 198, 199, 201
 Гизельберт, грц. Лотарингии 30, 196
 Гизилер, еп. Мерзебурга, архиеп. Магдебурга 33, 197
 Гизо, гр. (Гуденсберга?) 107, 207
 Гильдебранд (папа Григорий VII) 45, 89, 124, 160. *См. также* Григорий VII (Гильдебранд)
 Глисмут, жена Конрада Старшего 195
 Годехард, абб. Альтайха и Херсфельда, еп. Хильдесхайма 34–37, 198
 Гомер 17
 Гонорий II (Петр Кадал), антипапа 202
 Гонорий, римск. имп. 20
 Гораций 8
 Горгоний, св. 23
 Гордиан, римск. имп. 19
 Гормизда из Трира, св. 84
 Готебольд, патр. Аквилеи 43, 201
 Готфрид I Пленник, гр. Вердена 198
 Готфрид I, грц. Лотарингии 162, 211
 Готфрид II Бородатый, грц. Лотарингии и маркгр. Тосканы 40–42, 44, 46, 199, 200, 202
 Готфрид III, грц. Н. Лотарингии 38, 70, 183, 208
 Готфрид IV Горбатый (Гоцело), грц. Н. Лотарингии 38–40, 70, 77, 204
 Готфрид V Бульонский, грц. Н. Лотарингии 163, 211
 Готшалк, еретик 27
 Гофолия, царица Иудеи 17
 Гофониил, иуд. судья 17
 Гоцберт, абб. Херсфельда 32, 33, 197
 Гоцело I, грц. Лотарингии 37, 38, 101, 134, 198, 199
 Гоцело II, грц. Н. Лотарингии 199, 201, 211
 Гоцело III, грц. Лотарингии 139, 142, 148–150, 162, 163, 207. *См. также* Готфрид IV
 Грациан, римск. имп. 20
 Григорий I Великий, римск. папа, св. 20, 209
 Григорий V (Бруно), римск. папа 34, 197, 199
 Григорий VI, римск. папа 199
 Григорий VII (Гильдебранд), римск. папа 201, 206, 209, 210–212
 Григорий, еп. Верчелли 186, 206, 213
 Григорий, кардинал-епископ (правильно: кардинал-дьякон) 191, 213
 Гуго I, абб. Ключи 85, 184, 213
 Гуго Белый, кардинал 161, 211
 Гузман, еп. Шпейера 143, 211
 Гумберт, еп. Пренесте (Палестрины) 121, 208
 Гумберт, кардинал-епископ 200
 Гунтер, абб. Херсфельда 31, 35, 196
 Гунтер, канцлер империи, еп. Бамберга 6, 42, 57, 60, 61, 201
 Гунтер, маркгр. Мерзебурга 33, 197
 Гунтер, монах, отшельник 35, 39
 Гунцо (Гундехар), еп. Эйхштетта 44, 201, 208
- Д**
 Давид, царь Иудеи 16, 17
 Дагоберт I, кор. франков 20, 21
 Дамас II (Поппо, еп. Бриксена), римск. папа 200
 Дарий I, царь Персии 18
 Девора, иудейская судья 17
 Деди II фон Веттин, маркгр. Саксонской мар-

- ки, гр. Айленбурга, маркгр. Остмарка 66, 67, 81, 92, 127, 174, 204, 207
- Деди III Младший фон Веттин, маркгр. Н.Лаузица 67, 81, 147, 204
- Деди фон Гозек, пфальцгр. Саксонии 43, 201, 202
- Дезидерий, кор. лангобардов 23
- Демосфен, афинский оратор 18
- Деций, римск. имп. 19
- Дидона, карфагенская царица 17
- Диоклетиан, римск. имп. 19
- Дионисий (Птолемей XI), царь Египта 18
- Дионисий Малый, автор летоисчисления от Р.Х. 194
- Дионисий, св. 20
- Диоскор, еретик 20
- Дитвин, еп. Льежа 77, 136, 142, 205, 209
- Дитрих I фон Катленбург, сын гр. Удо 43, 201, 212
- Дитрих II фон Катленбург, гр. 92, 207
- Дитрих II фон Веттин, гр. Айленбурга 204, 212
- Дитрих IV, гр. Голландии, маркгр. Фризии 76, 205
- Дитрих, абб. Стаvlo 205
- Дитрих, герц. Мозельского края 148
- Дитрих, гр. Голландии, мркгр. Фрисландии 39, 199
- Дитрих, гр., фогт Трирской церкви 64
- Дитрих, грц. В. Лотарингии 208
- Дитрих, еп. Вердена 180, 183, 208, 212
- Дитрих, еп. Констанца 40, 200
- Дитрих, гр. Брены, сын Геро 164, 171
- Дитхард I, абб. Херсфельда 28, 29, 195
- Дитхард II, абб. Херсфельда, еп. Хильдесхайма 29, 196
- Дмитрий 127. См. Изяслав Ярославич
- Домициан, римск. имп. 19
- Дрого, абб. Херсфельда 28, 195
- Друтмар, абб. Корвеи 38, 199
- Е**
- Евер 17
- Евстафий II, гр. Булони 163, 211
- Ездра 18
- Езекия, царь Иудеи 18
- Елисей, пророк 17
- Енос 16
- Енох 16
- Елифан (Птолемей V), царь Египта 18
- З**
- Захарий, римск. папа 22
- Захария, пророк 17
- Зенон, виз. имп. 20
- Зигфрид II, гр. Штаде 34, 201
- Зигфрид, абб. Фульды, архиеп. Майнца 7, 46, 47, 50, 57, 60, 83, 86, 125, 143, 149, 162, 202, 206, 209–211
- Зороастр 17
- И**
- Иаир, иуд. судья 17
- Иаков, патр. 17
- Иаков, св. 47, 85, 127, 205
- Иаред 16
- Ида, мать Готфрида Бульонского 211
- Идифун 73
- Иероним, отец церкви 8, 18, 20
- Иеффай, иуд. судья 17
- Измаил, сын Авраама 17
- Изяслав I Ярославич (Дмитрий), вел. кн. 127, 209
- Иисус (Навин) 17, 18
- Иисус Христос 18
- Ииуй, пророк 17
- Иларий, еп. Пуатье 19
- Илий, иуд. священник 17
- Илия, пророк 17
- Иммед, еп. Падерборна 40, 92, 200
- Иммула (Ирмгарда Туринская) 65, 204
- Иннокентий, св. 27
- Иоанн, апостол, св. 19, 169
- Иоанн, архиеп. Равенны 33
- Иоанн, отшельник, св. 20
- Иоанн V, легат VI Собора, римск. папа 20
- Иоанн XII, римск. папа 31, 196
- Иоанн XIII, римск. папа 32, 196
- Иоанн XVI, еп. Пьяченцы, антипапа 34, 197
- Иоанн Златоуст, еп. Константинополя 20
- Иоанн Тритемий 11
- Иоас (Гейза I), сын кор. Белы I, кор. Венгрии 48, 54, 122, 146, 202, 203
- Иоас, царь Иудеи 17

Иоафам, царь Иудеи 18
 Иоаким, царь Иудеи 18
 Иовиан, римск. имп. 19
 Иовиан, св. из Трира 84
 Иодай, отец Захарии, иуд. священник 17
 Иониль, пророк 17, 18
 Ионадав, иуд. священник 17
 Иорам, царь Иудеи 17
 Иордан, историк 8, 205
 Иосафат, царь Иудеи 17
 Иосиф (Флавий), историк 18
 Иосиф, сын Иакова 17
 Иосия, царь Иудеи 18
 Ираклий, виз. имп. 20
 Исаак, сын Авраама 17
 Исайя, пророк 18
 Исидор Севильский, историк 8, 194
 Иуда, апостол 16, 43, 194, 203

К

Кадм, царь Фив 17
 Казимир I, кн. Польши 205
 Каин 16
 Каинан 16
 Кар, римск. имп. 19
 Карл (Карломан), еп. Констанца 69, 80, 81, 83, 88, 204
 Карл (Мартелл), мажордом франков 21, 22
 Карл I Великий, кор. франков и имп. Запада 22–25, 34, 194
 Карл II Лысый, кор. западных франков и имп. Запада 26, 195
 Карл III Толстый, имп. Запада 27, 28, 195
 Карл, архиеп. Майнца 27, 195
 Карл Юный, сын Карла Великого 25
 Карломан, кор. Баварии, сын Людовика II Немецкого 195
 Карломан, сын Карла Мартелла, мажордом франков 22
 Карломан, сын кор. Пипина Короткого, кор. франков 23, 24
 Кармента, нимфа 17
 Каролинги, династия 195
 Катело, еп. Цейца 38, 199
 Квинций (Ченций), префект Рима 160, 161, 211
 Кекропс 17

Кеонред, кор. Мерсии 21, 194
 Киприан, св. 19
 Кирилл, патр. Александрии 20
 Клавдий I, римск. имп. 18, 19
 Клеопатра, царица Египта 18
 Климент II (Свитгер, еп. Бамберга), римск. папа 199
 Коммод, римск. имп. 19
 Конрад I, еп. Шпейера 43, 48, 201
 Конрад I, кор. Германии 29, 195, 196
 Конрад I фон Лютцельбург, гр. 176
 Конрад I фон Пфуллинген 203. См. Куно, архиеп. Трира
 Конрад II, кор. Германии и имп. Св. 36, 37, 108, 163, 198, 199, 201, 208, 211
 Конрад II, сын Генриха III, грц. Баварии 43, 48
 Конрад, еп. Утрехта 164, 212
 Конрад Рыжий, грц. Лотарингии 30, 196, 198
 Конрад, саксонский гр. 28, 92
 Конрад Старший, маркгр. Сорбской м. 195
 Конрадины 195
 Константин I, римск. имп. 19
 Константин II (в тексте неверно назван Константином), виз. имп. 194
 Константин, св. из Трира 84
 Константин I Великий, римск. имп. 19, 20
 Константин II, виз. имп. 20
 Константин III, сын Ираклия, виз. имп. 20
 Константин IV, сын Константа II (ошибочно названного Константином), виз. имп. 24
 Константин VI, виз. имп. 24
 Константин IX Мономах, виз. имп. 200
 Констанций, св. из Трира 84
 Корнелий, св. 19
 Крафт, еп. Мейсена 65
 Крез, царь Лидии 82
 Кресценций II, римск. патриций 34, 197
 Кресценций, св. из Трира 84
 Ксенократ, философ 18
 Ксеркс I, царь Персии 18
 Ксеркс II, сын Оха, царь Персии 18
 Кузнецова Т.И. 14
 Унигунда, жена имп. Генриха II 35, 36
 Унигунда, жена маркгр. Адцо II д'Эсте 204
 Куно (Конрад III), грц. Каринтии 45, 201
 Куно, архиеп. Трира 64, 203
 Куно фон Рейнфельден, гр. 201

Куррер К. 10, 12, 13

Л

Лавдон, иуд. судья 17

Лаврентий, св. 30

Лаг, отец Птолемея I, царя Египта 18

Ламберт, монах из Херсфельда, автор 6–11, 13, 14, 45, 46, 194, 195, 202, 203, 205–213

Ламберт, св. 77

Ламех 16

Леандр, св. из Трира 84

Лев I, виз. имп. 20

Лев I, римск. папа 20

Лев II, виз. имп. 20

Лев III, римск. папа 25, 194

Лев IX (Бруно, еп. Туля), римск. папа 39, 40, 41, 200

Лиemar, архиеп. Гамбурга и Бремена 85, 93, 148, 190, 206, 208, 210

Лин, греческий музыкант 17

Линтцель М. 10

Лиудольф, граф Брауншвейга 201

Лиудольф, сын Оттона I, грц. Швабии 30, 31, 196, 197

Лиупольд фон Меерсбург, любимец кор. Генриха IV 80, 81, 213

Лиутберт, архиеп. Майнца 27, 28, 195

Лиутгарда, дочь Оттона I, жена Конрада Рыжего 196, 198

Лиутгер, еп. Мюнстера 25, 194

Лиутпольд I, архиеп. Майнца 40, 41, 46, 47, 88, 200

Лиутпольд, грц. Баварии 29. См. Лиутпольд, маркгр. Баварии

Лиутпольд, архиеп. Майнца 6

Лиутпольд, маркгр. Баварии 195

Лия, 2-я жена Иакова 127

Лотарь I, кор. Италии, 2-й имп. Запада 26, 27, 195, 196

Лотарь II, сын Лотаря I, кор. Лотарингии 27, 195, 210

Лотарь III, сын Людовика IV Заморского 33, 197

Лука, св., евангелист 19, 205

Лукан, римск. поэт 18

Лулл, архиеп. Майнца, св. 7, 9, 23, 24, 27, 37, 194

Людовик I Благочестивый, кор. франков, имп. Запада 25, 26, 194, 195

Людовик II Немецкий, кор. Германии 26–28, 195

Людовик III Юный, кор. Германии 27, 28, 195

Людовик IV Дитя, сын Арнульфа, кор. Германии 28, 29, 195

Людовик IV Заморский, кор. Франции 197

Людольфинги 196

М

Маврикий, виз. имп. 20

Магнус Биллунг, грц. Саксонии 73, 92, 99, 133, 151, 165, 170, 204

Майол, абб. Клонии 34, 197

Макарий, патр. Антиохии 20

Маккавеи 18

Макрин, римск. имп. 19

Максенций, св. из Трира 84

Максимиан (или Максим), римск. имп. 19, 84

Максимин (Максенций), сын Максимиана, римск. имп. 19, 194

Максимин, архиеп. Трира 19

Максимин, св. 30, 155

Малелеил 16

Манассия, царь Иудеи 18

Манфред II Ульрих, маркгр. Турина 204

Марин, папский легат 30

Мария, св., мать Иисуса Христа 86, 90, 91, 99, 108, 112, 155, 159, 179, 183, 191

Марк, евангелист 18

Марквард фон Эппенштейн, грц. Каринтии 86, 94, 206

Маркиан, виз. имп. 20

Маркион, еретик 19

Марс 81

Мартин, еп. Турский 20

Мартин, св. 65, 152, 181

Мартина, жена имп. Ираклия 20

Матильда, дочь Германа Биллунга, жена Готфрида I Пленник, гр. Вердена, мать Гоцело I 198

Матильда, дочь Гоцело II 201

Матильда, дочь Оттона II 198

Матильда, маркгр. Тосканы 183, 184, 200, 213

Матильда, дочь Генриха III, сестра имп. Ген-

- риха IV, жена Рудольфа Швабского 45, 85, 202, 206
 Матфей, евангелист 16, 18, 203, 206
 Мафусал 16
 Мегинвард, абб. мон. св. Михаила и абб. Рейхенау 69, 78, 204
 Мегингауд, еп. Полы 203
 Мегингоц, абб. Херсфельда 29, 31, 196
 Мегингоц, архиеп. Трира 35, 198
 Мегинхер, абб. Херсфельда 6, 7, 36, 45–47, 86, 198
 Мейер фон Кнонау 9, 10
 Меланхтон Ф. 10, 12
 Мешко I, кн. Польши 32, 33, 197
 Михаил Керулларий, патр. Константинополя 200
 Михаил, св. 37, 39, 66, 83, 97, 124, 127, 205
 Михей, пророк 17
 Моисей 17
 Монтан, еретик 19
 Морман, кор. Бретани 25
 Морхардт, типограф 10
- Н**
 Набор, св. 23
 Навуходоносор II, царь Вавилона 18
 Назарий, св. 23
 Натан, пророк 17
 Нахор 17
 Неемия 18
 Нерва, римск. имп. 19
 Нерон, римск. имп. 18
 Несторий, патр. Константинополя, еретик 20
 Николай II (Герхард), римск. папа 46, 50, 128, 202, 209
 Николай фон Зиген 11
 Ной 16
 Ноткер, еп. Льежа 35, 197
 Нума (Помпилий), римск. царь 18
- О**
 Овидий 8
 Ода Штаденская, нем. принцесса, жена кн. Святослава Ярославича 209
 Одо I, маркгр. Саксонской Восточной марки 198
 Одо II, гр. Шампани 36, 37, 198
 Октавиан Август, римск. имп. 18
 Ордульф, герц. Саксонии 207
 Ориген, отец церкви 19
 Орфей, греческий музыкант 17
 Освальд, кор. Нортумбрии, св. 21
 Освин, кор. Нортумбрии 21
 Осия, пророк 18
 Осия, царь Иудеи 18
 Отгар, архиеп. Майнца 26, 27, 195
 Отон, римск. имп. 18
 Отто (Ордульф) Биллунг, грц. Саксонии 73, 91, 92, 99, 107, 110, 111, 139, 204
 Отто I, грц. Швабии и Баварии 32, 33, 48, 49, 50, 55, 56, 197
 Отто I, сын Вильгельма III, мркгр. Мейсена и гр. Веймара 49
 Отто II фон Нортхайм, грц. Баварии 70–75, 81, 84, 85, 91, 92, 133, 138, 144, 151, 159, 165, 171–174, 202, 204, 209
 Отто III фон Швейнфурт, грц. Швабии 45, 65, 201
 Отто фон Хальденслебен, граф 44, 45, 201
 Отто, еп. Констанца 81, 162, 205, 211
 Отто, еп. Регенсбурга 48, 57, 162, 202, 203
 Отто, маркгр. Мейсена 73, 202, 204
 Отто, маркгр. Савойи 64, 65, 204, 212
 Отто, маркгр. Тюрингии 65, 66
 Отто (правильно: Ордульф), грц. Саксонии, отец Магнуса 92
 Отто I Светлейший, грц. Саксонии, гр. Тюрингии 29, 195, 196
 Отто Фрайзингенский 11
 Оттон I Великий, кор. Германии, имп. СвРИ 29–32, 196, 198, 209
 Оттон II, кор. Германии, имп. СвРИ 31–33, 196–198
 Оттон III, кор. Германии, имп. СвРИ 33, 34, 197
 Ох (Артаксеркс III), царь Персии 18
 Охозия, царь Иудеи 17
- П**
 Павел, патр. Константинополя 20
 Павел, св., апостол 18, 44
 Павлин, св. 84
 Палмаций, св. из Трира 84

- Папирий, св. из Трира 84
 Петр I, кор. Венгрии 37, 38, 198, 199
 Петр, архиеп. Амальфи 200
 Петр Дамиани, кардинал-епископ Остии 68, 204
 Петр Кадал, еп. Пармы 202. *См. также* Гоно-
 рий II, антипапа
 Петр, св., апостол, первый еп. Рима 11, 18, 21,
 23, 44, 65, 117, 118, 120, 167, 206
 Пизон, римск. имп. 18, 194
 Пик, царь латинов 17
 Пильгрим, архиеп. Кельна 35, 36, 198
 Пипин I, кор. Аквитании, сын Людовика I
 Благочестивого 26, 195
 Пипин II Средний, мажордом франков 21,
 22
 Пипин III Короткий, кор. франков, отец Кар-
 ла Великого 22, 23
 Пипин Горбатый, старший сын Карла Вели-
 кого 24, 194
 Пирр, патр. Константинополя 20
 Платон, философ 18
 Помпей Великий, римский полководец 18
 Поппо I, гр. Веймара 202
 Поппо II, еп. Вюрцбурга 32, 197
 Поппо, абб. Фульды 198
 Поппо, архиеп. Трира 35, 158, 198
 Поппо, еп. Бриксена 39
 Поппо, еп. Падерборна 164, 212
 Приам, царь Трои 17
 Проб, римск. имп. 19
 Птолемей I, царь Египта 18
 Птолемей X, сын Клеопатры, царь Египта 18
- Р**
 Рабан Мавр, абб. Фульды, архиеп. Майнца
 26, 27, 195
 Равенгер, патр. Аквилеи 65, 204
 Рагав 17
 Райнальд, еп. Комо 121, 208
 Ранке 9
 Ратбод, кор. фризов 21
 Ратгар, абб. Фульды 25, 194
 Рахиль, жена Иакова 127
 Регенбольт II фон Диллинген, еп. Шпейера
 37, 198
 Регинар I, гр. Геннегау 196
 Регинбод, фульденский знаменосец 51
 Регингер, вассал имп. Генриха IV 103, 104,
 108
 Регино Прюмский 8, 213
 Регинхард, фульденский знаменосец 37
 Регинхер IV, гр. Геннегау 77
 Регинхер, еп. Мейсена 65
 Ремакл, св. 78, 205
 Ренье, гр. Геннегау 205
 Ретери, гр. 75
 Рехав, отец Ионадава 17
 Риктиовар, префект имп. 84
 Рихард, абб. Фульды 36, 37, 198
 Рихберт, еп. Вердена 48, 202
 Рихенца, жена Отто фон Нортхайма 72, 204
 Рихильда, жена Балдуина VI, гр. Фландрии
 75, 205
 Рихольф, архиеп. Майнца 24, 25, 194
 Роберт I Фризский, гр. Фландрии 75–78, 162,
 205
 Роберт, абб. Рейхенау, абб. Генгенбах 85, 164
 Роберт Меняла, абб. мон. св. Михаила в Бам-
 берге 79, 186, 205
 Роберт, настоятель из Гослара, а затем еп.
 Бамберга 162, 168, 210
 Ровоам, царь Иудеи 17
 Ромул, основатель Рима 18
 Ростислав, кор. Моравии 27, 195
 Ротруда, дочь Карла Великого 24
 Рохинг, абб. Фульды 38, 39, 199
 Рудольф II, кор. Бургундии 196
 Рудольф, абб. Херсфельда, еп. Падерборна
 40, 198
 Рудольф фон Рейнфельден, грц. Швабии,
 антикороль 6, 8–10, 36, 45, 55, 62, 73, 85, 86,
 89, 96, 101, 103, 104, 134, 136–138, 148, 163,
 174, 181, 190, 192, 201, 207, 208
 Румольд, еп. Констанца 40, 45, 69, 200, 202
 Руотберт, архиеп. Трира 31, 196
 Руоттанг, еп. Меца 23
 Руотгер, гр. Бильштейна 72, 151, 204
 Руоцелин, абб. Фульды 153
 Руперт, архиеп. Майнца 34
 Руперт, еп. Мюнстера 37, 199
 Рупрехт, архиеп. Майнца 32, 197
 Рутард, абб. Корвеи и Херсфельда 6, 38, 47,
 57, 86, 123, 199, 203

- С
 Савелий, еретик 19
 Саксон Анналист 11
 Сала 17
 Саллюстий, историк 18, 204
 Самсон, иуд. судья 17
 Самуил, иуд. судья 17
 Самуил, пророк, св. 20
 Сарахо, абб. Корвеи 56, 203
 Сарихо, абб. Корвеи 75, 205
 Саул, царь Иудеи 17
 Свен III (Эстридсен), кор. Дании 101, 206
 Свитберт (Кайзерсверт), св. 49, 202
 Свитгер, еп. Бамберга 37, 39, 199. См. также
 Климент II, римский папа
 Свитгер, саксонский дворянин 210
 Святослав Ярославич, кн. Черниговский 209
 Себастьян, св. 26
 Себольд, св. 86
 Север Пертинакс, римск. имп. 19
 Север, св. 8, 19, 26
 Седекия, царь Иудеи 18
 Семирамида, царица Ассирии 17
 Серух 17
 Сибихо, еп. Шпейера 37, 40, 41, 198
 Сивилла Самосская 18
 Сигеварт, абб. Фульды 37, 38, 198
 Сигехард, абб. Фульды 28, 195
 Сигехард, патр. Аквилеи, канцлер империи
 65, 176, 204
 Сильвестр II (Герберт д'Орильяк), римск.
 папа 34, 197, 199
 Сим 17
 Симеон, еп. Иерусалима 19
 Симеон, св. 84
 Симмах, переводчик Библии 19
 Симон Mag 129
 Симон Петр 129
 Симон, св. 43, 203
 Сиф 16
 Сиццо, гр. (Кефернбурга?) 151
 Сиццо, еп. Вердена 48
 Соломон, кор. Венгрии 48, 55, 81, 122, 124,
 146, 168, 202
 Соломон, царь Иудеи 17
 Сотер (Птолемей VIII), царь Египта 18
 Сотер, св. из Трира 84
 Софья, дочь кор. Белы I, жена Ульриха Ка-
 ринтийского 208
 Спей, св. 84
 Спитигнев II, кн. Чехии 48, 202
 Стасюлевич М. 14
 Стефан I Святой, кор. Венгрии 198
 Стефан II, римск. папа (умер до посвящения)
 22
 Стефан III, римск. папа 22, 23
 Стефан IX, римск. папа 201
 Стефан Лакапин, виз. кесарь 197
 Сундерольт, архиеп. Майнца 28, 195
 Сципион, римск. полководец 18
- Т
 Тантал 82
 Тацит, римск. имп. 19
 Теодор, римск. папа 20
 Теренций 8
 Тиберий Клавдий Нерон, римск. имп. 18, 20
 Тиодо, абб. Фульды 27–29, 195
 Тиодо, еп. Вюрцбурга 196
 Тирс, св. из Трира 84
 Тит Ливий, римск. историк 201
 Тит, римск. имп. 18, 19
 Титмар, еп. Хильдесхайма 37, 38, 198
 Титмар, саксонский гр. 39, 200
 Титмар, сын Титмара, гр. саксонского 200
 Траян, римск. имп. 19
 Тритемий 12
 Туллий (Сервий), римск. царь 18
- У
 Удальрик, абб. Лорша 153
 Удальрик, вассал имп. Генриха IV 134, 169
 Удальрик фон Годесхайм 104, 105, 108, 162,
 180, 186, 190, 211, 213
 Удо I, маркгр. Нордмарка 43, 44, 90, 174, 201
 Удо II, грц. Рейнфранкен 33, 197
 Удо II, маркгр. Нордмарка, сын Удо I 44, 92,
 142, 148, 174, 201, 206
 Удо, архиеп. Трира 64, 167, 204, 208
 Удо, гр. Лангау 27
 Удо, гр. Штаде 34, 210
 Удо, еп. Туля 69, 204
 Ульрих, абб. 56, 203
 Ульрих, еп. Аугсбурга, св. 32, 197

Ульрих, маркгр. Каринтии 49, 70, 202
Уто, архипресвитер Хальберштадта 47

Ф

Фабриан, еп. Рима 19
Фалес, философ 18
Фалех 17
Фардольф, абб. Сен-Дени 24
Фарра, отец Авраама 17
Фастрада, жена Карла Великого 24, 194
Феодосий I, римск. имп. 20
Феодосий II, виз. имп. 20
Феодотион, переводчик Библии 19
Феофано, жена имп. Оттона II 32, 34, 197
Филадельф (Птолемей II), царь Египта 18
Филипп I, кор. Франции 77, 205
Филипп, римск. имп. 19
Филометор (Птолемей VI), царь Египта 18
Филопатор (Птолемей IV), царь Египта 18
Флоренций I, гр. Голландии и Фризии 205
Фока, виз. имп. 20
Фола, иуд. судья 17
Фолькмар, архиеп. Кельна 31, 196
Фолькмар, саксонский дворянин 210
Фридрих I фон Гозек, пфальцгр. Саксонии 199, 201, 202
Фридрих II Люксембургский, герц. Н.Лотарингии 199
Фридрих II, пфальцгр. Саксонии 47, 92, 98, 170, 202, 207, 209
Фридрих, абб. Монтекассино 41. См. также Стефан IX, римский папа
Фридрих, архиеп. Майнца 30, 196
Фридрих, гр. Туля 210
Фридрих, еп. Мюнстера 92, 116, 207, 208
Фридрих Лотарингский (Стефан IX), римский папа 40, 44, 45, 200
Фритц В.Д. 14
Фрутольф-Эккехард 11
Фульгенций, еп. Руспе 20

Х

Хагано, абб. Херсфельда 31, 196
Хадамар, абб. Фульды 29, 31, 196
Хайстульф, архиеп. Майнца 25, 26, 194
Халлер 7, 10, 12, 13
Хампе 10

Харальд III Суровый, кор. Норвегии 204, 205
Харальд Синезубый, кор. Дании 32, 197
Хардерат, абб. Херсфельда 28, 195
Хатто I, абб. Фульды (у Ламберта ошибочно Вальдо) 31, 32, 195
Хатто I, архиеп. Майнца 28, 29, 32, 195
Хатто II, абб. Фульды, архиеп. Майнца 196
Хацеко, еп. Вормса 38, 199
Хеймерад, св. 86
Хериберт, архиеп. Кельна 35, 158
Хериберт, еп. Эйхштетта 37, 199
Хериберт, кор. лангобардов 21
Херигер, архиеп. Майнца 29, 196
Хецелин, гр. Цюльпихгау 201
Хецель, еп. Страсбурга 58, 203
Хецель, еп. Хильдесхайма 41, 47, 50, 51, 87, 92, 145, 148, 200, 202, 204, 210
Хецель, фогт Рейхенау 79, 205
Хильдеберт, абб. Фульды, архиеп. Майнца 29, 30, 196
Хильдегарда, жена Карла Великого 24
Хильдерик III, кор. франков 22
Хильдольф, архиеп. Кельна 159, 160, 162, 211
Хильдуин, абб. Сен-Дени 26, 195
Химильтруда, мать Пипина Горбатого 194
Хольдер-Эггер О. 7–10, 12, 13
Хольцман 7
Хунфрид, архиеп. Магдебурга 36, 40, 198

Ц

Целестин I, римск. папа 20
Цицерон, римск. философ, оратор 18

Ш

Шедель Г. 11
Шрадин Л. 10
Штенгель 7, 12, 13
Штурм, абб. Фульды 24, 194

Э

Эберхард III, гр. Нелленбурга 74, 89, 90, 99, 138, 162, 180, 190, 204–206, 210–213
Эберхард, архиеп. Трира 64, 158
Эберхард, вассал имп. Генриха IV 174–176
Эберхард, грц. Франконии 30, 196
Эберхард, еп. Наумбурга 212
Эберхард, канцлер, первый еп. Бамберга 35,

- 37, 198
 Эберхард, сын предыдущего 99
 Эберхард, франкский гр., дядя кор. Конрада I 28
 Эвергет (Птолемей III и VII), цари Египта 18
 Эберт, абб. из св. Михаила 127
 Эгил, абб. Фульды 25, 195
 Эгилольф, абб. Херсфельда 31, 32, 196
 Эгино 70, 84
 Эдденхард, еп. Фрайзингии 208
 Эдита, 1-я жена имп. Оттона I 30, 196
 Эдуард Старший, кор. Англии 196
 Эйльберт, еп. Миндена 92, 207
 Эйльберт, еп. Пассау 62
 Эйнхард, франкский историк 8
 Эйнхард, еп. Шпейера 48, 65, 202
 Экберт (Эппо), абб. Фульды 39, 46
 Экберт I, гр. Брауншвейга, маркгр. Мейсена 44, 45, 49, 50, 51, 65, 174, 201, 202
 Экберт II, сын Экберта I, маркгр. Мейсена 92, 204
 Экберт, абб. мон. св. Михаила в Бамберге 80
 Экберт, абб. Тегернзе 200
 Экберт, абб. Шварцаха 153
 Экберт, св. 21
 Эккехард I, маркгр. Мейсена 34, 38, 199
 Эккехард II, сын Эккехарда I, маркгр. Мейсена 199
 Эккехард из Ауры, историк 11
 Экхард I. См. Эккехард I, маркгр. Мейсена
 Элий Пертинакс, римск. имп. 19
 Эмбрико, еп. Аугсбурга 57, 149, 203, 208, 210
 Энгельхард, архиеп. Магдебурга 40, 47, 200, 202
 Энгильберт, баварский гр. 138
 Эней 17
 Эппо, еп. Аугсбурга 36, 198
 Эппо, еп. Цейца и Наумбурга 38, 39, 48, 87, 93, 94, 172, 188, 190, 199, 208, 212
 Эркенбальд, абб. Фульды, архиеп. Майнца 35, 198
 Эрминигильд, кор. готов 20
 Эрнст Бабенберг, маркгр. Австрии 138, 210
 Эрнст, гр. 27
 Эрфо, абб. Зигбурга 211
 Этелинда, жена Вельфа I, грц. Баварии 73, 205
 Эццо, еп. Ольденбурга 108
 Эццо, пфальцгр. Лотарингии 198, 201
- Ю**
 Югурта, историк 204
 Юдифь 18
 Юдифь (Софья), дочь имп. Генриха III, ж. Соломона 48, 55, 146, 168, 202, 203, 212
 Юдифь, 2-я жена имп. Людовика I Благочестивого 25, 195
 Юлиан Отступник, римск. имп. 19
 Юлий Цезарь, римск. диктатор 18
 Юстин I, виз. имп. 20
 Юстин II, виз. имп. 20
 Юстин из Трира, св. 84
 Юстиниан I, виз. имп. 20
- Я**
 Ярослав Мудрый, вел. кн. Киевский 199, 202

Указатель географических названий

А

Авары 24
Австрия, маркграфство 210
Азия 18
Айленбург, г., графство 204
Аквилия, г., патриаршество 43, 65, 176, 204
Аквитания, историч. область 23, 195, 199
Александрия, г. 18–20
Алемания, историч. область 21
Альба (Лонга), г. 17
Альпы (альпийский), горы 182
Альслебен (в земле Саксонии-Анхальт), г. 197
Альтайх (монастырь Нидеральтайх, диоцез Пассау) 22, 34–36, 194, 197
Альтенбург, г. 199
Амальфи(-йский) 200
Амблев, р. 205
Англия (английский) 122, 196, 204, 208
Англосаксы 20, 64
Англы 20
Андернах, г. 28, 123
Анжер, г. 21
Антверпен, г., маркграфство 162, 163, 211
Антиохия, г. 20
Апеннины, горы, область 196
Апулия, историч. область 40
Арабы 58, 59, 60, 61
Арденны, горы, историч. область 201
Армяне 20
Ассирийцы, царство ассирийцев 17
Аугсбург, г., епископство 33, 36, 39, 49, 57, 89, 149, 179, 183, 185, 197–199, 203, 208
Аура, г. 11
Афины, афиняне 17
Африка 18
Ахен, г. 25, 31, 33, 34, 36, 40, 41, 84, 122, 123
Ашаффенбург, г. 6, 46

Б

Бабенберг, см. Бамберг

Бавария 30, 32, 33, 36, 37, 43, 48–50, 54, 70, 73–75, 81, 84, 85, 91, 92, 97, 104, 107, 110, 114, 124, 133, 138, 144, 148, 151, 159, 163, 165, 169, 171, 174, 184, 195, 197, 199, 202, 204, 210, 213
Бавары, баварцы 28, 30, 37, 48, 138
Бад Сакса 207
Базель, г., епископство 83, 180, 190, 206, 211, 212
Байхлинген 67, 204
Балленштедт, г. 210
Бамберг (Бабенберг), г., епископство 6, 31, 35, 37, 39, 41, 57, 58, 60–62, 79, 80, 86, 96, 101, 115, 121, 122, 127–132, 139, 152–154, 162, 164, 168, 180, 184, 186, 198–201, 207, 210, 213
Бардовик 206
Безансон, г. 181
Беневент, беневентцы 24, 27, 32, 39, 40, 200
Беринген, г. 137, 209
Бильштейн, замок, графство 204
Битбург, г. (в земле Рейнланд-Пфальц) 203
Бланкенбург, г. 207
Боденское озеро 205
Бодфельд, г. 43
Болгария 6, 46
Болгары 32
Бонн, г. 30, 203
Борнхаген, г. 204
Брайтенбах, г. 208
Брайтунген, г. 97, 132, 135, 137
Бранденбург, г. 34
Брауншвейг, графство 202
Бремен, г., Бременское (и Гамбургское) архиепископство 38, 43, 55, 57, 63, 69, 83, 85, 93, 113, 145, 148, 190, 199, 201, 206, 208
Бретань, историч. область, герцогство 25, 26
Бриксен, г. 39
Британия, острова, историч. область 20, 21
Булон, г., графство 211
Бургундия 36, 181, 182, 196, 198, 212
Бургшайдунген 204. См. Скиденген

- В**
 Вавилон, г. 16, 61
 Валькенрид 207
 Варбург, г. (район Хёкстер) 204
 Вартбург, округ 209
 Ваха, г. 208
 Вейдахабург, г. 23
 Веймар, г., графство 32, 202
 Вейсенбург, г. 20
 Венгрия 6, 36, 37, 38, 46, 48, 49, 55, 61, 81, 122, 124, 146, 168, 198, 199, 202, 203
 Венгры 28, 29, 30, 32, 37, 38, 48, 54, 55, 138
 Верден, г., епископство 39, 48, 70, 142, 162, 179, 183, 195, 198, 202, 208
 Верль, г. 204
 Верра, р. 109, 204, 207, 209
 Верчелли, г., епископство 186, 206
 Верхняя Германия 11
 Вестфалия, историч. область 11, 155, 204, 209
 Вигантештейн, замок 98
 Византийский 197
 Вилих, г. 203
 Вильцы 24
 Виппер, р. 198
 Виттенберг, г. 12
 Вифлеем, г. 20
 Влаардинген 39, 211
 Вокенроде (Фолькенроде или Фокенроде), замок 98, 108, 114
 Вормс, г., епископство 11–13, 38, 40, 48, 57, 62, 65, 73, 83, 85, 104, 107–109, 112, 114, 116, 117, 122, 124, 132, 135, 142, 152, 158, 160–162, 166, 174, 179, 180, 199, 200, 203, 204, 207, 212
 Восток (восточные страны) 205
 Вюртемберг, г., земля 10, 195, 213
 Вюрцбург, г., епископство 11–13, 22, 38, 96, 102, 103, 105, 149, 161, 163, 174, 190, 195–197, 199
- Г**
 Гавель, р. 201
 Галисия 75, 86
 Галле, г. 199
 Галлии 81, 82, 121, 122, 155
 Галлия, галльские 26, 39, 48, 55–57, 85, 86, 89, 125, 131, 151, 158, 176, 180, 183
 Гарц, округ 207, 212
 Гарцбург, г. 81, 84, 92, 94, 98, 105, 106, 113–115, 133, 165
 Гасконь, историч. область 22
 Гебезее 207
 Генгенбах, монастырь 164
 Геннегау, графство 196, 205
 Геристаль, замок 25, 194
 Германское королевство 41, 43, 90, 195, 196
 Германия 26, 190, 192, 198, 200
 Герштунген, г. 100, 101, 114, 126, 133, 141, 142, 147–149, 209
 Гессен, маркграфство 7, 11, 74, 100, 109, 194, 198, 203–205, 207
 Геллинген, монастырь 36, 198
 Геттенген, г. 11–13
 Геты. См. *готы*
 Гибихенштейн, замок 38
 Гнезно, г., архиепископство 197
 Гогенлинден, замок 107
 Гогенталебра 210
 Голландия, графство 199, 205
 Гольштейн, историч. область, графство 208
 Горзе, монастырь 45, 155, 205
 Гослар, г. 37, 38, 40, 42, 43, 47, 50, 52, 53, 57, 62, 63, 65, 69–71, 73, 74, 81, 83, 85, 93, 94, 106, 110, 112–114, 132, 142, 152, 159, 162, 165, 200, 203, 210
 Готия (Септимания) 22
 Готы (геты) 12, 13, 19, 20, 81
 Графшафт, монастырь 155, 156, 210
 Гребенау, г. 207. См. *Капелла*
 Греция, греки 17, 18, 23, 30, 32, 76
 Гроссбодунген 207
 Гуденсберг, г., графство 207
 Гунны 80
- Д**
 Дания, датчане 25, 32, 90, 101, 135, 197, 206
 Дезенбург, замок 72, 204
 Димель, р. 194
 Дорнбург 32
 Дрезден, г. 11, 12, 13
 Дунай, р. 169, 199
- Е**
 Евреи 17, 18
 Египет, египтяне 17, 18, 20, 203

- Ж**
Жекс 181, 212
Женева, г. 212
- З**
Заале, р. 198, 199
Заальпийский 56, 82, 85
Заальфельд, г. 83, 155, 172
Заальфельд, монастырь 6, 7, 82, 156
Заксенштейн, замок 98
Зальцбург, г. 149
Зангерхаузен, г. 210
Зелигенштадт, г. 55
Зиг, р. 210
Зигберг (Зигбург), монастырь 6, 7, 82, 83, 155, 156, 159, 210
Зондерсхаузен, г. 207, 210
Зюнтель 24
- И**
Иврея, маркграфство 196
Иерусалим, г. 6, 17, 18, 19, 46, 57, 58, 61, 62, 76, 203, 212
Измаильтjане 17
Израиль 17, 18
Иллирик 19
Ильзенбург, монастырь 208
Ингельхайм, г. 30, 38, 63, 207
Индия, инды 17
Ипс 203
Ирминсул 23
Испания 18, 20
Истрия, маркграфство 202, 206
Италия 8, 17, 23, 24, 30–33, 41–44, 56, 73, 124, 125, 155, 160, 163, 180–185, 189, 191, 196, 198, 200, 208
Италия Верхняя 213
Итальянцы¹ 32, 41, 64, 182, 188, 190, 191
Иудея, иудеи 17, 18, 20
- Й**
Йена, г. 203
- К**
Каир, г. 203
Калабрия 33
Кальв, замок 183, 195, 213
Каносса, замок 9, 183, 184, 191, 213
Капелла (Гребенау), деревня в Гессене 97
Капернаум (Кефр Саба в Палестине) 58
Каринтия 37, 45, 49, 70, 86, 94, 101, 109, 115, 148, 163, 174, 195, 197, 200, 201, 206
Кариньяно, г. 201
Карфаген 17
Кассель, г. 7, 205–207
Кведлинбург, г., монастырь 32, 65, 70, 100, 194, 201
Кверфурт, г. 204
Кемптен, г. 55
Кефернбург, г. 210
Кефр Сабба, г. 203
Кёлледа, г. 204
Кёльн, г. 40, 49, 64, 65, 75, 83, 102, 115, 116, 121–123, 154, 155, 157–159, 163, 205
Кёльнское архиепископство 6, 35, 36, 40, 41, 43, 49, 50, 54–56, 58, 63, 64, 69, 78, 82, 83, 85, 86, 98, 100, 101, 107, 109, 110, 122, 135, 153, 154, 157, 158, 162, 167, 180, 196, 198, 201–203, 207, 211
Кёльнцы 116, 119, 120, 123, 154, 158–160
Киев(-ский) 199, 201, 202, 209
Кирхберг, г. 57, 63, 203
Клюни, монастырь 7, 85, 86, 155, 184, 186, 197
Комо, г. 121
Константинополь, константинопольцы 19, 20, 40, 41, 76
Констанц, г., епископство 40, 45, 69, 80, 81, 83, 162, 200, 204, 205, 211
Корвея (Новая), монастырь 26, 38, 47, 55, 56, 75, 100, 107, 199, 203, 205
Корнелимюнстер (Эндан), монастырь 55
Котрон, г. 197
Крайна, маркграфство 202, 205
Кьерси, г. 23
- Л**
Ладенбург, г. 104, 207
Лакедемоняне 17
Лангау, округ 24
Лангензальца, г. 207
Лангобарды 21, 40, 211
Латины 17
Лаузиц Нижний, маркграфство 204, 210
Лейден, г. 199

- Лех, р. 209
Лехфельд 30
Ликия (ошибочно; надо – Киликия) 58, 61
Лозанна, г., епископство 162, 180, 190
Ломбардия, ломбардский 202
Лорш, монастырь 11, 55, 56, 66, 142, 153, 206
Лотарингия 8, 11, 38, 45, 48, 70, 77, 101, 109, 124, 139, 148, 162, 163, 174, 183, 195, 196, 198, 201, 202
Лотарингия Верхняя 199, 200, 208
Лотарингия Нижняя 198, 199, 204, 208, 211
Луара, р. 22
Лукка, г., епископство 56, 57, 202
Льеж, г., епископство 35, 75, 77, 78, 86, 135, 142, 194, 197, 205, 209, 210
Люнебург, г. 99, 206
Люпниц, г. 135, 209
Лютичи 43, 93, 99, 101, 135, 147
Лютцеленбург, замок 176
- М**
Маас, р. 194, 199
Магдебург, г. 69, 85, 203
Магдебургское архиепископство 33, 36, 83, 92, 133, 135, 151, 157, 170, 196–198, 200, 202, 203, 207, 209
Майнц, г. 24, 25, 27, 30, 31, 35, 39, 57, 62, 66, 68, 70, 80, 81, 86, 97, 104, 105, 121, 122, 127, 129, 143, 167, 175, 203, 204, 207, 212
Майнцское архиепископство 6, 7, 25–30, 32, 34–36, 40, 42, 47, 49, 50, 55, 57, 58, 60, 63, 66–69, 80, 83, 85–88, 98, 100, 101, 104, 105, 107, 109, 110, 115, 122, 125, 130, 140, 141, 143, 149, 158, 162, 164, 167, 174, 176, 179, 190, 194–198, 200, 202, 206, 211
Мальмеди, монастырь 55, 78, 205
Мантуя, г. 39, 203
Марова, остров на Рейне 105
Мароува, г. на границе Венгрии и Болгарии (?) 46
Мартинфельд 80
Массилия (Марсель), г., монастырь 22, 191, 194
Меерсбург, замок 80
Мейсен (Майсен), г., Мейсенская марка 65, 82, 92, 146, 170, 171, 173, 174, 197, 199, 202, 204, 209
Мемлебен, г. 32
Мемфис, г. 17
Мервигисбург, гора 21
Мерзебург, г., епископство 33, 44, 45, 70, 92, 142, 170, 197, 207
Мерзебург, маркграфство 197
Мерсия, королевство 194
Месхеде, округ 211
Мец, г., епископство 69, 86, 101, 161, 163, 166, 190, 195, 206, 208, 212
Мидийцы 18
Минден, г., епископство 92, 207
Мозельский край (Мозельгау; Верхняя Лотарингия) 109, 148
Монс (Берген в Геннегау), замок 77, 205
(Мон-Сени), перевал 213
Монтекасино, монастырь 41, 44, 201
Моравия, моравы 27, 195
Мосбург, замок 98
Мульде, р. 174
Мюльхаузен, г. 204, 207
Мюнстер, г., епископство 37, 92, 116–118, 194, 199, 207
- Н**
Нарбонна, г. 194
Наумбург, г. См. Цейц
Нейвид, г. 205
Нейс, г. 118
Нейхальденслебен, округ 207
Неккар, р. 207
Нелленбург, замок 205
Немцы 40, 46, 77, 172, 173, 180, 181, 183, 185, 186, 189, 190, 197, 199, 203
Нидершпир 210
Ниенбург, г. 11, 36, 198
Никея, г. 19
Никополь, г. 19
Нимвеген, г. 39
Новая Корвея. См. Корвея (Новая), монастырь
Нонантула, монастырь 197
Норвегия 204, 205
Нордгау, маркграфство 201
Нордмарк, маркграфство 201, 206
Нордхаузен, г. 148
Нормандия, герцогство 208

Норманны 40, 42, 200, 211
 Нортумбрия 21, 204
 Нюрнберг, г. 86, 102, 103, 121, 196

О

Обершпир, г. 210
 Оберэлла, г. 209
 Ободриты 27, 29
 Оденвальд, гора 203
 Ольденбург (Альтенбург), город в Гольштейне 108, 208
 Оппенгейм (Оппенхайм), г. 105, 177, 183, 190, 207
 Ордруп 23, 33
 Орламюнде, графство 202
 Оснабрюкк, г., епископство 65, 87, 93, 94, 113, 180, 190, 204
 Остия, г., епископство 121, 204
 Остмарк, маркграфство 204
 Остфалия 197
 Оттобойрен, г., монастырь 194

П

Павия, г. 23, 35
 Падерборн, г., епископство 11, 36, 40, 43, 92, 163, 164, 198, 199, 200, 212
 Паннония 24, 27
 Парма, г. 50, 56, 202
 Пассау, г., епископство 32, 62, 176, 203, 212
 Патмос, остров 19
 Персия, персы 18, 19, 25
 Пельде, г. 34, 39, 40, 200
 Пола, г. 56
 Польша, поляки 35, 82, 91, 93, 97, 135, 181, 197, 205
 Поммерсфельден, г. 11, 12, 13
 Прага, г., епископство 34, 197, 199
 Прекрасная гора 47
 Пренесте (Палестрина), г. 121
 Преслав, замок 201
 Прессбург (Братислава), г. 199
 Прованс 22
 Прусы 197
 Прюм, монастырь 27
 Пуату, графство 38, 199
 Пфюрцхайм, г. 213
 Пьяченца, г., епископство 34, 197

Р

Рааб, р. 37
 Равенна, г. 33
 Рамла, г. 58, 61, 203
 Регенсбург, г., архиепископство 34, 37, 43, 44, 48, 57, 89, 102, 104, 122, 124, 147, 162, 197, 198, 199, 202, 203, 206
 Регниц, р. 213
 Реджонель-Эмилия, г. 213
 Реймс, г.
 Рейн, р. 7, 34, 38, 39, 49, 75, 96, 97, 98, 102, 104, 105, 122, 177, 179, 181, 205, 207
 Рейхенау, остров и монастырь 69, 78, 79, 85, 86, 164, 195, 204
 Рён 207
 Рийнсбург, г. 39
 Рим 18, 19, 21–25, 27, 28, 31–34, 39–41, 46, 50, 56, 69, 115, 126, 128–131, 153, 155, 160–162, 167, 180, 183, 189, 191, 192, 196, 201–203, 209, 211
 Римляне 32, 39, 41, 42, 44, 46, 56, 89, 90, 161, 183, 197
 Римская империя 42
 Римская церковь, римский понтифик 20, 39–41, 43, 44, 46, 56, 68, 69, 85, 88, 89, 121, 122, 125, 128–132, 140, 143, 152, 153, 160, 161, 163, 164, 167, 176, 178, 180, 181, 183, 186, 189–191
 Россталь, замок 30, 196
 Роттердам, г. 211
 Русь, русские 31, 32, 37, 127, 142

С

Савойя 204, 212, 213
 Саксония (саксонский) 8–10, 21–24, 28, 29, 44, 46, 47, 66, 68, 69, 71, 73, 74, 87, 90–93, 96, 97, 99–102, 107, 110, 113–115, 122, 124, 126, 127, 132–136, 139–142, 144, 146, 147, 149–151, 156, 157, 159, 162–166, 168, 170–174, 176, 190, 195–197, 200–202, 204, 207, 209, 212
 Саксы 21–24, 43, 45, 90, 91, 94–102, 104–115, 132–139, 141, 142, 144–151, 157, 162–166, 170–172, 174, 179, 180, 206–210
 Самаритяне 17
 Сан-Лео-ди-Монтефельтро, замок 196
 Сан-Марино, г. 196
 Санкт-Галленский монастырь 62
 Санта Мария Маджоре, церковь в Риме 211

- Сарацины 22, 24, 33, 58, 61
Св. Альбана, монастырь (Майнц) 24, 31
Св. Бенедикта, монастырь (Беневент) 24
Св. Бонифация, церковь (Херсфельд) 30
Св. Вигберта, церковь 26
Св. Иакова, монастырь (Майнц) 47
Св. Льва, гора 31
Св. Максимины, церковь (Трир) 30
Св. Михаила, монастырь (Бамберг) 205
Св. Павлина, монастырь (Трир) 84
Св. Панталеона, монастырь (Кельн) 82, 119
Св. Петра, гора 21, 65. *См. также Мервигисбург, гора*
Св. Петра, монастырь 11
Св. Свитберта, остров 49
Северные земли 64
Сен-Дени, аббатство 23, 24, 33, 195
Сильва Кандида 200
Сикионцы 17
Сирия 18
Скидинген (Бургшайдунген), г. 67
Скифы, царство скифов 17
Славяне 23, 26, 28, 32, 44, 155, 196, 197
Сорбская марка 195
Ставро, монастырь 78, 205
Стамфордбридж, г. 204
Страсбург, г., епископство 36, 58, 109, 126, 180, 195, 198, 203, 212
Суассон, г. 21
Суза, г. 204
- Т**
Талебра 210
Тевтонское королевство 73, 127, 131, 135, 137, 142, 148, 155, 162, 168, 177, 181, 187, 191
Тегернзее, монастырь 200
Теер, графство 195
Тессин, г. 196
Тоди, г. 197
Токсандрия, графство 198
Толей, монастырь 64
Тоскана, маркграфство 200, 213
Трайсбах, р. 208
Трансальбианы (живущие за р. Эльбой) 25
Траун 203
Третенбург, г. 98, 207
Трибур, г. 7, 9, 63, 64, 97, 174, 176
- Трир, г., архиепископство 19, 30, 31, 35, 38, 64, 84, 127, 142, 158, 167, 196, 198, 203, 204, 208, 211
Троя, троянцы 17
Туль, г., епископство 39, 69, 204, 210
Турин, г., маркграфство 204, 211–213
Тускуланское графство 196
Тюбинген, г. 10, 12
Тюринги 27, 65–67, 72, 73, 87–90, 98, 99, 107, 108, 113, 114, 126, 144, 147, 148
Тюрингия 7–9, 29, 35, 39, 48, 49, 65, 67, 72, 74, 87, 90, 96, 98, 100, 107, 109, 110, 113, 126, 134, 140–142, 147, 148, 150, 151, 162, 170, 171, 173, 194, 195, 197, 204, 209
Тюрингский лес 207
- У**
Уденхаузен 80
Укермарк 29
Ульм, г. 174, 213
Унштрут, р. 138, 139, 204, 207
Утрехт, г., епископство 35, 37, 57, 58, 64, 83, 161–163, 164, 198, 203, 212
- Ф**
Фиванцы 17, 84
Фландрия, графство 75–78, 162, 200, 205
Флоренция, г. 45, 46
Фокенроде, г. 207
Фолькенроде, г. 207
Форххайм, г. 6, 190, 191, 213
Фрайзинг, г., епископство 39, 69, 197, 202, 208
Фракия, фракийцы 18, 20
Франкенберг, г. 11
Франки 20–23, 26
Франкония 29, 32, 174, 195, 196, 210
Франкская империя 195
Франкское королевство 21, 22, 26, 43, 192
Франкфурт, г. 24, 26, 68
Франция 23, 25, 32, 43, 77, 78, 197, 199, 205
Фрауэнбрайтунген, г. 207
Фризия, фризы 22, 39, 76, 77
Фрисландия, маркграфство 199
Фрицлар, г. 23, 64, 108
Фруттуария, монастырь 155
Фульда, монастырь, фульденцы 7, 22, 24, 25, 27–29, 31–33, 36–39, 46–48, 50–54, 79, 87, 89,

98, 109, 110, 136, 152, 194–200, 202, 206–208
Фульда, р. 7

Х

Хазенбург, замок 98, 99, 106, 108, 151
Хайлигенштадт, г. 126
Хаймбург, замок 98
Хайнбург, г. в Венгрии 199
Халдеи 17
Халкедон, г. 20
Хальберштадт, г., епископство 36, 46, 47, 50,
78, 91, 92, 94, 133, 135, 142–144, 151, 157, 168,
170, 198, 202, 209
Хаммерштейн, замок 75, 205
Ханаанская земля 17
Ханштейн, гора, замок 72, 74, 204
Хасунген, монастырь 7, 86
Херсфельд, монастырь 6–8, 10, 22, 24, 26, 28–
32, 35–37, 46, 47, 63, 64, 80, 86–89, 96–99,
108–110, 123, 132, 153, 194, 195–200, 206
Хёкстер, округ 204
Хётенслебен, г. 207
Хильдесхайм, г., епископство 25, 34–38, 41,
47, 50, 51, 69, 70, 87, 92, 145, 148, 194, 196–200
Хиршау, монастырь 7, 11, 26, 195
Хомбург, г. 100, 101, 138, 207
Хоэнбург, замок 25
Хур, г. 121, 143

Ц

Цейц (Наумбург), г., епископство 38, 48, 87,
93, 94, 113, 172, 180, 186, 188, 190, 199, 208,
212
Цюльпахгау, графство 201

Ч

Чернигов(-ский) 209
Чехия, чехи 25, 27, 32, 33, 37, 44, 48, 82, 91, 135,
139, 146, 147, 159, 171–174, 181, 197, 199, 205

Чивитата, г. 200
Чивуа (Кариньян), г. 43

Ш

Шампань, графство 198
Шауэнбург, г., графство 208
Швабия, швабы 45, 55, 73, 85, 86, 89, 91, 96, 97,
101, 109, 124, 136–138, 148, 151, 163, 174, 176,
179, 180, 196, 197, 201
Шварцах, монастырь 153, 195, 210
Швейнфурт, маркграфство 201
Швертд 207
Шлезвиг 32
Шотландский 36
Шпатенберг, замок 98, 108, 114
Шпейер, г., епископство 37, 38, 40, 41, 43, 48,
65, 143, 179, 180, 198, 200–202, 204, 211, 212
Шпир 151
Штейнберг, гора 165
Штутгарт, г. 195, 213

Э

Эдом 17
Эйзенах (Айзенах), г. 209
Эйхсфельд, округ 204, 205
Эйхштетт, г., епископство 37, 41, 44, 199–201,
206, 208
Эллен, г. 137
Эльба, р. 25, 147, 164, 201
Эльзас, историч. область 164
Энс 203
Эппенхайм (Оппенхайм), г. 203
Эресбург, г. 23
Эрланген, г. 213
Эрфурт, г. 11–13, 21, 26, 27, 29, 36, 87, 98, 125,
126, 140, 204, 207
Эфес, г. 19, 20
Эхтернах, монастырь 48
Эшwege, г. 72, 73, 96, 142, 204, 207

В 2005–2012 гг. в серии были изданы:

Титмар Мерзебургский. ХРОНИКА. В 8-кн. / Перевод с лат. и комм. И.В.Дьяконова. – М., 2005. – 256 с., табл. (2-е изд. исправл. и дополн. – М., 2009).

Лиутпранд Кремонский. АНТАПОДОСИС. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / Перевод с лат. и комм. И.В.Дьяконова, ред. и подг. приложение И.А.Настенко. – М., 2006. – 192 с., ил. (2-е изд. исправл. и дополн. – М., 2012).

Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. СЛАВЯНСКИЕ ХРОНИКИ / Перевод с лат. И.В.Дьяконова, Л.В.Разумовской; редактор-составитель И.А.Настенко. – М., 2011. – 584 с., ил.

Саксон Анналист. ХРОНИКА. 741–1139 / Перевод с лат. и комм. И.В.Дьяконова; ред. и предисловие И.А.Настенко. – М., 2012. – 712 с., ил.

Готовятся к изданию в 2013–2015 гг.

Саксон Грамматик. ДЕЯНИЯ ДАНОВ

Эккехард из Ауры. ВСЕОБЩАЯ ХРОНИКА

Лев Марсиканский, Петр Дьякон. ХРОНИКА МОНТЕКАССИНО

ТРИ ХРОНИКИ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Гийом Тирский. ДЕЯНИЯ ФРАНКОВ

Научное издание

Ламберт Херсфельдский

АННАЛЫ

Утверждено к печати:
президент НП ИД «Русская панорама»
Ю. В. Яшнев

ISBN 978-5-93165-301-3

Отв. редактор
И. А. Настенко

Корректор *О. Е. Пугачева*
Макет, верстка ооо «СПСЛ»

Подписано к печати 1.11.2012.
Формат 70 x 90 1/16. Печать офсетная.
Гарнитура Миньон-S. 15 п/л (17,5 усл. п/л)
Тираж 2000 экз. Зак. М-1454.

НП ИД «Русская панорама», ООО «СПСЛ»:
109028, г. Москва, Серебрянская наб., 27, оф. 103.
Тел.: (495) 917 5983; (495) 917 7094.
E-mail: in@rus-pan.ru; web: www.rus-pan.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс». 420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

